

ДРУГИЕ
МИРЫ

Дарья Кузнецова

ЖЕЛЕЗНЫЙ РЕГЕНТ

Голос Немого

Annotation

Выбирая себе мужа, Тия Дочь Неба молила богов о милости. Она не ждала счастья, ведь брак по любви — невиданная роскошь для кесаря. Тия просила лишь о спокойствии. И о мужчине, с которым она могла бы найти общий язык... Но богиня указала юной правительнице на немного чужака, и сложно было не счесть это насмешкой.

Иногда голос сердца звучит громче и отчетливее любых слов, но Тии только предстоит это узнать. А еще — понять, что боги никогда и ничего не делают просто так.

- [Дарья Кузнецова](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Эпилог](#)
 - [ГЛОССАРИЙ](#)
-

Дарья Кузнецова
ЖЕЛЕЗНЫЙ РЕГЕНТ. ГОЛОС НЕМОГО

Глава 1

О брачных обрядах

Тия Дочь Неба

Вокруг расстилался сад — глухой, запущенный и оттого жутковатый, угнетающий. Все храмы Вечного Дитя выглядят одинаково: островок полудикой природы, в глубине которого спрятаны небольшие павильоны или беседки. Сейчас, вечером, сад этот больше напоминал глухой лес, в недрах которого притаилось что-то страшное, опасное, недобро глядящее на людей, вторгшихся на его территорию.

Умом я понимала, что никакой опасности нет, что совсем рядом находятся люди, которым можно доверять, что меня защищает сильнейший из когда-либо живших фиров — Ив Ярость Богов. Я чувствовала и даже видела едва заметный защитный купол, укрывавший меня и идущего со мной рука об руку мужчину. Но все это совсем не успокаивало. Мне было страшно.

Пугал не только храм Вечного Дитя и не только сейчас — все последние дни я провела в каком-то непрекращающемся кошмаре. Прежняя тихая жизнь в Верхнем дворце сейчас казалась невообразимо далекой, хотя с ее окончания прошло всего три дня. Крошечный камешек Шипов-и-Пряжи стронул громадный сель больших и маленьких трудностей и проблем, который грозился полностью погрести меня под собой.

Сама церемония помнилась как в тумане: молчащие разочарованные люди, тяжелый бесстрастный взгляд Идущей-с-Облаками, какой-то мужчина под копытами лошади. Я держалась на единственной мысли: нельзя останавливаться, ни в коем случае нельзя сдаваться, нужно лишь продержаться до вечера, вечером все закончится и станет как раньше.

Глупая мысль, самообман. Вечером я осознала, что как раньше уже не будет. Не будет уютных и веселых вечеров в Верхнем дворце, останется только... одиночество. Чужие и равнодушные люди вокруг, каждому из которых я что-то должна, каждому из которых нужна не я, а госпожа кесарь.

Глупое название. Кесарь — это мужчина, воин, правитель, командующий армией. Мудрец или самодур, транжира или скупец, неважно. Но — мужчина. Я могла вылезать из шкуры, покрываться ржой от

усердия, но кесарем для людей останется мужчина на троне, а не девчонка, по недосмотру богов занявшая чужое место. Все победы и достижения неизменно будут приписывать советникам и помощникам, все проблемы — ставить мне в вину. Знала ли я, что так будет? Знала. Была ли к этому готова? Думала, что да, но на деле смирять гордыню и молчать оказалось гораздо труднее, чем я могла рассчитывать.

Поэтому мне как можно скорее нужно было выйти замуж. Не просто так и Даор, и Ив торопили меня с выбором, но до последнего момента я отчаянно сомневалась и трусила. Это ведь муж. Один и на всю оставшуюся жизнь.

Я не надеялась, что выйду замуж по любви — это недопустимая роскошь в моем положении. Больше, о чем я могла просить богов и на что могла надеяться, — это человек рядом, который не будет мне противен, с которым я смогу найти общий язык. И Идущая-с-Облаками ответила на мою просьбу — не в день представления и венчания, а до этого, явившись мне во сне.

Мой выбор, так шокировавший окружающих, был ее выбором. Нет, она не говорила прямо: выходи вот за этого, а то будет хуже. Но велела выбирать не глазами и не умом, а назвать того, у кого есть сердце. И, судя по словам Халы, по моей просьбе наблюдавшего за кандидатами на эту роль, последним качеством обладали немногие. А из них, увы, больше всего подходил немой альмирец.

Насмешка богов. Я просила того, с кем смогу найти общий язык, а получила немого.

Конечно, я могла выбрать другого, но пришлось поверить Пустой Клетке и положиться на дана, который едва не надорвался ради меня, слушая эмоции и чувства полусотни мужчин. Со слов Халы, Стъель, искренне пожалевший девочку, на чью голову возложили Шипы-и-Пряжу, оказался самым искренним из всех.

И вот сейчас я шла с этим чужим, незнакомым человеком, чтобы через несколько минут назвать его мужем. И рядом — никого, способного поддержать, ободрить, сказать теплое слово.

Сказать.

Все подобные мысли чем дальше, тем больше казались мне издевательством. Не скажет, даже если захочет. Потому что немой.

По-хорошему, его высочество принца Стъёля не в чем было винить, он вел себя безукоризненно. Был вежлив, предупредителен, сдержан и ничем меня не обижал. Это даже удобно: на словах он не сможет сделать подобного и при большом желании. А для того чтобы обидеть действием и

при этом не нарушить закон и правила приличия, надо еще постараться. И ведь даже толкового семейного скандала не получится. Я кричу, а он руками машет и строчит что-то на бумажке — комедия!

Правда, если потом он утомится и перейдет к рукоприкладству, будет уже трагедия. Стъель — высокий и сильный мужчина, которому я дышу в подмышку, он меня с одного удара убьет.

Нет, умом я понимала, что сам Стъель ни в чем не виноват, что он куда больше меня страдает от собственного недостатка и с радостью все изменил бы. Поэтому, конечно, я старалась держать себя в руках, следить за словами, чтобы ненароком не обидеть будущего мужа каким-то замечанием о его увечье. Даже потихоньку начала учить язык жестов, благо в библиотеке нашлась толстая книга с многочисленными гравюрами. Потому что не дело это — общаться посредством таблички, хотелось бы понимать будущего мужа и так.

Я, конечно, сознавала, что остальные были хуже, что Идущая-с-Облаками не стала бы меня обманывать и что Хала сделал все возможное, а дальнейшее в наших руках. Но...

Мне было страшно. И будущий муж пугал едва ли не сильнее всего прочего.

Да дело было не в самом Стъэле, не в его немоте и внешности: к обезображенному лицу можно привыкнуть, хотя в первые мгновения я и вздрагивала от вида этих шрамов. Меня пугало, что скоро совершенно чужой, незнакомый черно-белый мужчина с вечно хмурым выражением лица и тяжелым взглядом станет моим мужем. То есть самым близким человеком. Мне придется делить с ним постель, учиться мириться с его недостатками, привыкать к его внешнему виду. Было страшно представить, что через несколько минут я окажусь в его полной власти.

На задворках сознания порой вспыхивала здравая мысль, что все это глупости, что принц никакое не чудовище, а даже если муж вдруг попытается сделать что-то плохое, найдется кому за меня вступить. Тот же Даор или Ив никогда не дадут меня в обиду. Но страха эти мысли не умалили. Страх — и зависти к Железному регенту.

Мне было ужасно стыдно за последнее чувство, но глупо было врать самой себе. Да, я завидовала тому, как Ив смотрел на Рину, как она сияла при взгляде на него. Искра даны сверкала так ярко, что не заметить это мог лишь слепой...

И я отчаянно жалела, что меня к жрецу ведет чужой, холодный незнакомец, по непонятной причине просивший моей руки.

Впрочем, нет, по вполне понятной. В то, что мой будущий муж —

Знающий, меня посвятили на следующий день после сговора. Он же сам и посвятил. Честно сообщил, что должен был просить меня о браке, поскольку того хотели боги и это было правильно. Наверное, в тот момент и родилась моя непонятная обида на Стёля.

Глупо. Ну не могла же я всерьез надеяться, что он влюбился с первого взгляда и потому пришел? Не могла. Но так хотелось чего-то кроме долга и обязательств, что бороться с этой обидой не было никаких сил.

С обидой и чувством одиночества. Тоже неправильным, нечестным, надуманным, но оттого не менее острым.

Меня никто не оставлял один на один с проблемами. Больше того, основную их часть взяли на себя те же люди, которые заботились обо мне и остальных детях кесаря всю мою сознательную жизнь. Ив обеспечивал безопасность, именно он и Даор буквально заставили народ принять нежеланного правителя. Если бы не они, представление наследника вполне могло закончиться бунтом, и для всей страны это был бы крах.

Железный регент и его новоявленная супруга искренне беспокоились обо мне, и Ина Пастушья Свирель тоже старалась поддержать, любую свободную минуту проводила со мной и всячески развлекала.

Но Ив и Рина смотрели друг на друга с такой нежностью, о какой я не могла и мечтать, у Ины был Хала, и я отчаянно злилась на них всех. Презирала себя за это, ругала, корила, но чувства мои были мне неподвластны.

Поэтому я даже рада была отвлечься от личных переживаний на государственные дела. И кажется, показала себя с лучшей стороны, потому что мной был очень доволен Даор, а это высокая оценка.

Большой совет занял весь первый день моего кесарства с перерывом на обед в компании будущего мужа, вымотал меня донельзя, но окончился, кажется, нашей безоговорочной победой. Разумеется, недовольные остались, и Альый Хлыст не собирался расслабляться, да я всерьез и не надеялась на спокойное начало правления. Но мое право на Шипы-и-Пряжу никто не посмел оспорить, ключевые посты сохранили люди, на которых можно было положиться, и теперь недовольным было гораздо труднее что-то испортить. Впрочем, никто не сомневался, что они попробуют.

Я с настороженностью прислушивалась ко всем докладам и сообщениям, со страхом брала в руки каждую новую бумагу, чувствуя, что вот сейчас, именно сейчас произойдет то, чего мы боялись, и беды посыплются на Вирату градом. Но, видимо, двух дней было недостаточно для того, чтобы предпринять решительные шаги.

Соседи тоже не спешили доставлять неприятности. Второй день моего кесарства был потрачен — с перерывами на разговоры с Даором и Виго — на прием иностранных гостей. И результаты обнадеживали.

Ламилимал по-претски с неодобрением отнесся к женщине-кесарю, но известие о скорой моей свадьбе примирило его с действительностью, и потому при встрече шах был настроен благодушно. Он пространно и многословно рассуждал о месте женщины, ее роли, долге, достоинствах настоящей жены... Даже не знаю, как я сдержалась. Но зато разговор с претцем заставил меня понять, что не так уж плохо мне живется на моем месте. Потому что мои собственные придворные хоть мысленно и разделяли его точку зрения, но, по крайней мере, держали ее при себе, не пытались поставить меня на место и принудить молчать.

Гроттерия ван Хам с восхищением отнеслась ко мне самой, и общий язык мы нашли быстро. Девушка как раз не одобрила мое поспешное замужество, но мы с ней поплакали друг другу на то, как тяжело жить женщине в мужском мире, и расстались вполне довольные друг другом. Да и посол Ладики оказался очень приятным умным мужчиной, настоящим профессионалом, который и взглядом не намекнул, что недоволен таким собеседником. Поздравил с обоими событиями сразу, выказал удовольствие Владыки от того, что в Вирате наконец-то появился законный правитель, и выразил надежду на дальнейшее мирное сосуществование.

Капитану Дриму мой пол и вовсе был безразличен, к Стъёлю он относился с уважением, как к настоящему воину, так что с обоими событиями поздравил вполне искренне. Конечно, сделал он это в свойственной островитянам грубой манере, отпустив пару пошлых шуточек, но разговор с ним был самым простым.

А сегодня настал третий день моего правления, и сегодня я выходила замуж.

Точнее, не день, а поздний вечер. Браки совершаются после заката, в часы Вечного Дитя. В древности, в начале времен, пара соединяла судьбы на алтаре Вечного Дитя самым примитивным способом — соитием. С тех пор люди стали с большим пиететом относиться к происходящему между мужчиной и женщиной, и брачная традиция изменилась: теперь в храме ограничивались только обменом кровью и поцелуем. Но по-прежнему — лишь двое и жрец. В отличие от претцев, мы не делали из свадьбы большого праздника: обряд в храме, иногда — тихий ужин для самых близких, а потом супругам полагалось уединиться на всю ночь. Жрец свяжет наши судьбы только символически, попросит благословения бога, а сама суть обряда оставалась прежней, хотя и перенеслась за двери

супружеской спальни.

Вечное Дитя — простой бог. Ему плевать на чувства, для него важны только желания тела.

Мы остановились у подножия миниатюрной беседки, приподнятой на три ступени над узкой дорожкой, вымощенной мрамором. Здесь, посреди небольшой площадки, стояла низкая каменная тумба, на поверхности которой были разложены все необходимые для обряда предметы. Здесь же нас дожидался жрец, в своем травянисто-зеленом одеянии почти сливавшийся с садом.

Мы все с ним сливались. Зеленый — цвет Вечного Дитя, поэтому все обряды, связанные с этим божеством, окрашены и украшены именно им. Даже Стъэль был вынужден изменить привычному черному, чтобы уважить бога. Интересно, где он умудрился найти за эти два дня зеленый наряд, сшитый в традициях своей родины?

Жрец, конечно же, знал о том, чьи судьбы ему предстоит объединять. Поэтому нас не просили повторить брачные клятвы, их прочитал сам служитель бога, а от нас потребовалось лишь согласие, которое хмурый Стъэль выразил кивком.

Ритуальный кинжал рассек ладони. Ритуальная зеленая лента связала их, порез к порезу. Ритуальная чаша холодной родниковой воды, разделенная на двоих, стала символом жизни, которая у нас теперь тоже общая.

— Подтвердите поцелуем свою готовность вступить в брак, — велел жрец, забирая у Стъёля чашу.

Я подняла на своего почти мужа взгляд и вдруг как-то особенно остро ощутила, насколько я в сравнении с ним маленькая.

Мужчина как обычно хмурился, в уголках губ залегла горькая складка. Но взгляд — странно — не был холодным. Я не могла прочесть тех чувств, с которыми смотрел на меня альмирец, но почему-то сейчас стало спокойнее. Он осторожно провел кончиками пальцев свободной руки вдоль моего лица, подцепил за подбородок — аккуратно, но крепко, как будто опасался, что я сбегу. Склонился, на мгновение замер, но потом все же поцеловал. Губы у него оказались сухими, неожиданно теплыми и мягкими.

Светлокожий альмирец выглядел похожим на кусок льда или кварца, и почему-то мне казалось, что он весь должен быть если не холодным, то таким же твердым, как его ладони. Глупо. Откуда столь странные мысли? Он ведь касался губами моей руки, и было это прикосновение таким же мягким и аккуратным...

Нет, не таким же. Сейчас Стъэль не стал ограничиваться просто прикосновением, обозначением поцелуя. Осторожно ласкал мои губы своими, пробовал на вкус языком. Дразнил? Звал?

Прикрыв глаза, я сосредоточилась на ощущениях, которые будил первый в моей жизни поцелуй. Приятных ощущениях. Мне нравились эти легкие прикосновения, нравилось тепло, которое растекалось по телу. Нравился уютный, горьковато-хвойный запах его кожи. И я потянулась мужчине навстречу — мне тоже хотелось узнать, какой он на вкус и на ощупь.

Ощущения изменились. Странно, но — в лучшую сторону. Поцелуй стал глубже, увереннее, он уже был не просто прикосновением, а чем-то большим.

Стъэль отпустил мой подбородок, его пальцы огладили шею, нежно сжали плечо, по руке скользнули вниз. Ладонь мужчины оказалась на моей талии — уверенная, теплая, тяжелая. Слегка надавила, вынуждая прогнуться, и я для устойчивости ухватила за его плечо.

Эти ощущения тоже были приятными. И когда Стъэль через несколько мгновений прервал поцелуй и огляделся, при этом продолжая меня приобнимать, я не поспешила отстраниться. Впервые за последние дни в моих мыслях о будущем появилась оптимистичная нота. Может быть, этот человек мне пока чужой, но его прикосновения и поцелуи не вызывают отторжения, они приятны и... осторожны.

Я с самого начала надеялась, что альмирец тоже будет настроен договориться, чтобы этот странный скоропалительный брак стал если не счастливым, то как минимум необременительным. И, похоже, надежда эта имела все шансы оправдаться. Хотя бы в том, что касалось плотской части союза, а это огромный плюс, учитывая, что мне как можно скорее нужно зачать ребенка, а в одиночестве это вряд ли получится...

Из глубокой задумчивости меня вывел Стъэль. Он разомкнул объятия, развязал ленту, сплетавшую наши руки, потом прикоснулся к моему плечу и жестом показал на то место, где недавно стоял жрец. Вопрос легко читался в его взгляде.

Все-таки выразительная у альмирца мимика. Если смотреть только на целую половину лица...

— Имеешь в виду, куда он делся? — уточнила я и пояснила после кивка, едва сдерживая улыбку: — Ушел, чтобы не мешать. Похоже, серьезность наших намерений не вызвала у жреца сомнений, и он решил не стеснять нас своим присутствием, если вдруг мы соберемся продолжить и подтвердить брак по древней традиции, — я выразительно кивнула в

сторону алтаря, расположенного внутри беседки у подножия статуи бога.

Выражение лица Стёля стало изумленно-растерянным, и я все же не удержалась и хихикнула.

— Иногда находятся желающие, и служители бога только поощряют подобное. Говорят, под алтарем для этого специально кладут свежую простыню...

Мужчина уставился на меня вовсе уж недоверчиво, растерянно покосился на алтарь.

— Пойдем, посмотрим, мне тоже любопытно, — решила я и потянула его в беседку.

В нише под алтарем обнаружилась не только простыня, но и толстый ковер, который, вероятно, предполагалось стелить на холодный мрамор, чтобы подтверждение брака совершалось ко всеобщему удовольствию и без вреда для здоровья.

— Вообще, считается, если сделать все здесь и сразу после церемонии, то брак будет более счастливым и плодотворным, — рассеянно заметила я, с сомнением разглядывая простыню. — Суеверия, конечно. Но может, в этом и правда что-то есть? И стоит потерпеть для дела? — пробормотала совсем уж нехотя. Божественное благословение, конечно, очень нужная вещь, но...

К счастью, за меня все решил мужчина. Сунул ковер на место, отобрал у меня простыню и с явным раздражением затолкал ее в ту же нишу, после чего с хмурым решительным видом потянул меня прочь от беседки, к выходу из храма. И у меня против воли вырвался вздох облегчения. Конечно, можно было потерпеть, но не очень-то хотелось: и без того было боязно, а здешнее окружение тем более не располагало к близости. Хорошо, что не только меня.

Немногочисленные сопровождающие ожидали нас в специальном проходном павильоне — единственном входе в обнесенный высоким забором сад-храм. Обошлось без неуместных сейчас поздравлений, но улыбки были вполне искренними. Хала, впервые с представления вылезший из своей берлоги, внимательно осмотрел нас обоих и удовлетворенно кивнул: кажется, то, что он увидел, Пустой Клетке понравилось.

Храм Вечного Дитя, в котором проходило таинство, был ближайшим ко дворцу из всех храмов Вира, так что путь и к нему, и обратно мы предпочли проделать пешком, тем более вечерняя прохлада располагала, а множество фирских огоньков, освещающих дорогу, позволяли мне не бояться.

Со страхом темноты я познакомилась давно, еще в детстве, когда по нелепой случайности оказалась заперта в крошечной каморке, где хранились щетки и прочие хозяйственные принадлежности, и просидела там несколько часов, пока меня наконец не нашли. Когда выяснилось, что эта мелкая неприятность имела последствия, меня, конечно, быстро вылечили, казалось — насовсем.

А вот три дня назад, после представления, страх неожиданно вернулся. Я понимала, что держать подобное в себе глупо, нужно рассказать тому же Хале и избавиться от этой досадной неприятности. Но Пустая Клетка приходил в себя после представления, и беспокоить его не хотелось, так что я решила перетерпеть несколько дней. Можно было, конечно, поговорить с кем-то еще, с тем же Ивом или Риной, которая как раз осваивала свой дар лекаря душ, но... Глупо, но я стеснялась. Признаваться в слабостях и страхах Хале было просто: он старый, мудрый и при желании безо всяких признаний видел всех насквозь. Откровенничать же с кем-то еще — значило жаловаться и проявлять слабость, то есть было недостойно кесаря. А во мне и так недостает тех достоинств, которые полагается иметь на этой должности.

Сохранить обряд в тайне никто не пытался, поэтому обитатели Нижнего дворца спешили засвидетельствовать почтение. Не мне — своему новому правителю. Неизменно хмурый Стъэль резкими отрывистыми кивками и равнодушием встречал расшаркивания тех, кто четыре дня назад демонстративно не замечал существования принца-затворника. Лицо его было спокойным, и я пожалела, что не являюсь человеком Искры и не могу понять, о чем он думает и как относится к происходящему.

Нас проводили до покоев и тактично, без лишних слов и глупых напутствий, оставили наедине.

Спиной ощущая, что мужчина бесшумной тенью следует за мной, я решительно прошла прямо в спальню — и в растерянности замерла посреди комнаты. Решимости моей хватило ровно до этого места, а вот что делать дальше, я не имела ни малейшего понятия. Раздеться? Просто сесть на кровать? Или сначала нужно все-таки сходить в ванную?

В смятении я медленно обернулась к мужчине и с надеждой уставилась на него, не понимая, что говорить и стоит ли вообще это делать. Подробностей личной жизни Стъэля я не знала, только всевозможные слухи, но и поведение альмирца, и эти самые сплетни давали понять, что опыта у него заметно больше моего. Сказать-то он мне ничего не способен, но, может, хоть жестами объяснит, что нужно делать?

Командовать мужчина не спешил. Стоял в паре метров от меня, у

входа, и глядел задумчиво, испытующе.

— Что теперь? — наконец нарушила я повисшую тишину. Голос прозвучал глухо и нетвердо, я торопливо облизала пересохшие губы.

Стъэль приблизился. Костяшками пальцев медленно очертил мою скулу, спустился к шее. Обеими руками огладил плечи, положил ладони мне на талию. Несколько мгновений стоял неподвижно, потом аккуратно расстегнул пряжку моего пояса.

Я вздрогнула. Он нахмурился. Опять, как в храме, бережно подцепил меня кончиками пальцев за подбородок, коснулся губами губ. Это прикосновение уже было знакомо, тут я знала, чего ожидать, поэтому на поцелуй ответила сразу. Но, почувствовав, как ладони мужчины скользят уже по моей коже под туникой, против воли напряглась и замерла, хотя ощущение не было неприятным, даже наоборот.

Замер и мужчина, прервал поцелуй, опять окинул меня задумчивым взглядом. Глубоко вздохнул, кажется, стиснув зубы.

— Извини, я... — начала я смущенно, но альмирец накрыл мои губы ладонью, призывая к молчанию, и качнул головой, даже пальцем погрозил.

Отстранился, развязал шейный платок, расстегнул темно-зеленый камзол и бросил его на сундук, оставшись в черной рубашке с широкими рукавами на манжетах. Тонкая ткань обрисовывала широкие плечи. Внимательно наблюдая за мной, Стъэль расстегнул манжеты, развязал ворот рубашки, рывком стянул ее через голову, оставшись в одних штанах.

Шрамы у него, как оказалось, имелись не только на лице. Пересекали ребра, грудь, а на плече и вовсе, похоже, был вырван кусок плоти. Все-таки красивый мужчина... был, до встречи с медведем. Кажется, прежде он был брюнетом — судя по черным бровям и ресницам. Наверное, грива его побелела тогда же, когда кожу расчертили шрамы.

Альмирец на мгновение замер, а потом вдруг решительно направился к стене и протянул руку к управляющей панели, явно намереваясь погасить фирские огни, освещавшие комнату.

— Нет! Стой! — воскликнула я, даже сделала шаг в его сторону. Стоило представить, что сейчас комната погрузится во мрак, и признание в собственной слабости показалось совсем не таким страшным. — Пожалуйста, не гаси свет, — попросила я в ответ на вопросительный взгляд мужчины. — Я... боюсь темноты. То есть в детстве боялась, потом меня вылечили, но пару дней назад это опять началось. Я просто не успела обратиться к данам, но завтра обязательно! — затараторила я и облегченно вздохнула, когда Стъэль отвел руку от панели.

Еще несколько мгновений мужчина хмуро разглядывал меня, а потом

вдруг лицо его посветлело, губы изогнулись в улыбке, и альмирец широким шагом пересек комнату, направляясь в ванную.

— Ты чего? — растерянно окликнула его, но тот лишь отмахнулся и исчез за дверцей.

Несколько мгновений я стояла посреди комнаты в полной растерянности, не понимая, что случилось и куда мужчина так радостно убежал. Почему-то варианты в голову лезли только смешные, нелепые или обидные.

Правда, долго мучиться неизвестностью мне не пришлось, Стъэль вернулся буквально через несколько секунд со стеклянным фиалом в руке, в каких хранились ароматические масла.

— Это зачем? — проговорила я потрясенно.

Мужчина поставил свою добычу на ближайший сундук, после чего решительно подошел ко мне, быстро и деловито снял с меня одежду, не расстегивая фибулы, потом с тем же спокойным проворством — нижнее белье. Я настолько растерялась от его поведения, что даже забыла смутиться, а мужчина, бросив тунику на другой сундук, взял фиал и легонько подтолкнул меня в сторону кровати, жестами веля лечь. Я послушалась, настороженно глядя на альмирца.

Он тяжело вздохнул, состроил какую-то непонятную гримасу и бесцеремонно принялся укладывать меня так, как ему требовалось. От первого рывка я сдавленно охнула — это было не больно, но уж очень неожиданно. В конце концов меня уложили поперек кровати на живот, потом альмирец снял с меня сандалии и некоторое время чем-то шуршал. Обернувшись через плечо, я обнаружила, что он разувается сам.

Кровать негромко скрипнула, принимая на себя дополнительный немалый вес, и мужчина устроился сбоку от меня на коленях, отсев на пятки. По комнате поплыл нежный запах розового масла, когда его капли упали мне на спину, а потом ладони мужчины скользнули по моей коже, распределяя драгоценную жидкость, и я наконец сообразила, что Стъэль собирается делать.

— А зачем это? — приподнявшись, любопытствовала я. Муж состроил недовольную гримасу и молча прижал мою голову к постели — аккуратно, но настойчиво.

Намек был понятен, и я решила полностью довериться альмирцу. В самом деле, ему виднее, что нужно делать, а что — нет.

Прикосновения мужчины были уверенными, ладони — теплыми и сильными, и вскоре я уже полностью расслабилась, прикрыв глаза и наслаждаясь ощущениями. Стъэль аккуратно, уверенно разминал мне

плечи и руки, спину, поясницу. Когда ладони его спустились к моим бедрам, я на мгновение напряглась, но быстро успокоилась — это был всего лишь массаж. Легкий, расслабляющий, осторожный. Не знаю, где мой муж этому научился, но получалось у него ничуть не хуже, чем у специально приглашенных для этого профессионалов.

Или даже лучше, потому что все прошлые разы с искусством массажа меня знакомили женщины, прикосновения же мужчины оказались... совсем другими. Кожа его ладоней была грубой, шершавой, я ощущала твердые оружейные мозоли, они немного царапали, но все равно это было приятно. Приятней, чем гладкие ладони опытных массажисток.

Разомлев, я даже не заметила, в какой момент Стъэль, не прерываясь, распустил мою прическу. Сильные пальцы осторожно массировали кожу головы, и я почувствовала, что готова замурлыкать.

Не протестовала я и тогда, когда мои глаза закрыла темная повязка — кажется, шейный платок мужчины. Если он считает, что так правильно, то зачем спорить? Эта, искусственная, темнота совсем не пугала.

Больше того, я вдруг поняла, что она обостряет все ощущения. Казалось бы, те же самые прикосновения, но тело на них реагировало уже иначе. Если до сих пор я просто наслаждалась чувством расслабленности, то теперь оно уступило место чему-то другому. Теперь по коже пробежали мурашки, сердце вдруг начало стучать быстрее, а внизу живота собиралось тянущее приятное тепло.

А впрочем, в повязке ли дело?

Осознание пришло с опозданием, когда осторожные прикосновения пальцев сменились нежными касаниями губ. Стъэль уже не только и не столько массировал, он ласкал. Точно так же неторопливо и обстоятельно, бережно. Он будто знакомился, изучал, наблюдая за моей реакцией — и приучая к своим прикосновениям.

Последняя мысль напугала, захотелось отстраниться и стащить повязку, но я этого не сделала. Приподняться, двинуть рукой — все эти усилия казались сейчас запредельными. Разнежившееся, расслабленное тело не желало повиноваться, и мне не хватило воли заставить его. Слишком хорошо было вот так лежать, млея от ласк. Страхи и тревоги буквально вязли в наполнявшем меня блаженстве и не могли всерьез на что-то повлиять.

А вскоре они и вовсе растаяли, как растаял и испарился куда-то весь большой мир с его проблемами, долгами и обязательствами. Не осталось образов, не осталось звуков, только дурманящий запах розового масла, теплые ладони, нежные губы и дразнящие прикосновения языка. Смущение

тоже осталось где-то там, за пределами моего тела, послушно отзывающегося на каждое касание.

Я не вспомнила о том, что рядом почти незнакомый мне человек, даже тогда, когда Стъэль осторожно перевернул меня на спину.

Я не вспомнила о повязке на глазах, когда мои пальцы цеплялись за плечи мужчины, а он покрывал поцелуями мою шею и грудь.

Я не вспомнила о стеснении даже тогда, когда ладонь альмирца двинулась вверх по внутренней стороне моего бедра, и лишь развела колени шире, полностью отдаваясь ощущениям, которые будили во мне уверенные прикосновения его пальцев. Охнула от неожиданности и выгнулась всем телом, когда один из них оказался во мне. Инстинктивно подалась бедрами вперед, стремясь вобрать глубже, и закусила губу, растворяясь в тянущем, сладком предвкушении.

Вскоре желание уже стало не столько сладким, сколько мучительным. Я металась на постели и стонала, ощущая, как внутри сжимается тугая пружина, и в голос умоляла, не зная толком о чем. Освобождение пришло вскоре — яркая вспышка удовольствия, растекшаяся по телу от того места, где меня касались пальцы мужчины. Я выгнулась всем телом, вновь цепляясь за его плечи.

Стъэль накрыл мои губы своими в глубоком, жадном поцелуе, и я ответила со всем жаром, на какой была способна, не зная, как еще поблагодарить его за эти удивительные, сладкие ощущения.

Несколько мгновений передышки, и я вдруг поняла, что это совсем не конец. Мужчина продолжил ласкать меня, и ощущение оказалось настолько острым, что я дернулась, ухватилась за его запястье, пытаюсь оттолкнуть ладонь. Альмирец послушался, но, как оказалось, ненадолго — только для того, чтобы перехватить обе мои руки своей и прижать к кровати над моей головой.

— Стъэль, но... — жалобно пробормотала я, даже толком не зная, что хочу сказать. Да мужчина и не позволил мне продолжить; поцеловал, заставляя замолчать, и возобновил прерванную ласку.

Я совершенно потеряла счет времени и забыла, где нахожусь. Задыхалась от наслаждения, изгибаясь в руках мужчины, звала его по имени, стонала, срывая голос.

Потом мужчина лег сверху, вжимая меня в простыни, и я с готовностью обхватила его ногами за талию. В первый момент даже не поняла, что руки мои свободны, а когда сообразила — не подумала, что могу снять повязку. Вместо этого, пока Стъэль вновь покрывал поцелуями мою грудь, я на ощупь распутала ленту, удерживающую его гриву, и с

удовольствием запустила пальцы в густые жесткие пряди, концы которых щекотали мою кожу.

Если боль и была, то она быстро потерялась в других, приятных ощущениях. В горячей и влажной от пота коже мужчины, которую я исступленно гладила, не обращая внимания на шрамы. В его упоительном горьковато-хвойном запахе, который мешался с висящим в воздухе нежным ароматом розового масла и совершенно сводил с ума. В хриплом рваном дыхании, которое щекотало мою шею. В мерном ритме движений, от которых внутри нарастало напряжение, каждое из которых как будто вздымало меня все выше и выше, чтобы, на миг удержав на вершине, опрокинуть в бездну чувственного удовольствия. На какое-то мгновение не стало ничего — мира вокруг, запахов, звуков, меня самой, осталось только пронзительно-острое наслаждение, затопившее разум.

Очнулась я, лежа на груди мужчины, ощущая, как он медленно, ласково гладит меня по голове и плечам, и несколько мгновений не могла понять, на каком вообще нахожусь свете. По телу разливалась свинцовая тяжесть, сил шевелиться не было совершенно. Какое-то время я неподвижно лежала, наслаждаясь прикосновениями своего — теперь уже совсем — мужа. Потом все-таки собралась с силами и завозилась, приподнялась на локте, стащила повязку с глаз и, щурясь от света фирских огоньков, настороженно уставилась на альмирца.

— Я что, потеряла сознание? — спросила смущенно. И неизвестно, что вызывало во мне большее смятение: то ли то, о чем я спрашивала, то ли сам голос — сиплый, сорванный. Когда мужчина в ответ кивнул и как-то неопределенно пожал плечами, пробормотала: — Извини, я как-то не ожидала, что... Что я смешного сказала?

Он мотнул головой, приподнялся, чтобы дотянуться до моих губ. Поцеловав же, увлек за собой, вновь укладывая меня на место и глядя по голове. Но на этот раз я не поддалась, вывернулась и опять выразительно уставилась на него.

— Хочешь сказать, так обычно и бывает? — проговорила недоверчиво. Стъэль опять неопределенно пожал плечами и покрутил ладонью в воздухе, потом поморщился и опять попытался меня уложить, но я снова воспротивилась. — То есть такое случается не всегда, но иногда? А почему? — полюбопытствовала я, когда в ответ на первый вопрос он кивнул. Мужчина скривился, шумно вздохнул и, зажмурившись, несколько раз выразительно стукнулся затылком о постель. — Прости, я понимаю, что ты не можешь объяснить, — пробормотала я, опомнившись. — Просто мне кажется, было бы странно задавать такие вопросы кому-то еще. То есть Ив

или Хала, думаю, ответят, но мне как-то не хочется их пугать. Вдруг... ну что опять?! — вздохнула я, потому что Стъэль опять затрясся от смеха. Вместо ответа мужчина рывком повернулся набок, опрокидывая меня на постель, жестом показал, что что-то пишет, а потом замахал рукой, показывая куда-то вдаль. — Имеешь в виду, что ты объяснишь мне завтра? Спасибо, — обрадовалась я, когда он торопливо закивал. — А вообще надо поскорее учить этот ваш язык жестов. Я начала, но много ли успеешь за два дня?

Он несколько мгновений недоверчиво, изумленно смотрел на меня, после чего очень осторожно, нежно поцеловал — сначала в губы, а потом почему-то в лоб. И я почему-то очень смутилась, и тихо, нехотя пробормотала:

— Наверное, перед сном нужно в ванну, да? То есть я чувствую, что надо, но не вполне уверена, что хочу...

Стъэль засмеялся, насмешливо качнул головой, потом сел, легко подхватил меня на руки и двинулся в нужном направлении.

Пристроив голову на его плече, я задумчиво разглядывала резкие белые полосы шрамов, спускавшиеся из-под повязки на щеку. Кажется, даны действительно постарались на славу, потому что... если подумать, они выглядели совсем не так жутко, как могли бы. Наверняка края порезов стянули, и потому остались лишь четкие, в полсантиметра шириной полосы. Достаточно аккуратные, к слову.

Стъэль поставил меня в ванну, а я, задумавшись, не спешила выпускать его плечо и рассеянно провела кончиком пальца по одному из шрамов. Кожа на ощупь оказалась плотной, твердой, резко отличавшейся от здоровой. Мужчина вздрогнул от прикосновения и отстранился, смерив меня тяжелым взглядом.

— Больно? — виновато предположила я. Он в ответ выразительно скривился, тряхнув головой, и явно вознамерился уйти, оставив меня одну. Я успела перехватить его за локоть и торопливо проговорила: — Не уходи! Прости, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть... Я не думала, что их нельзя трогать. Если не хочешь, больше не буду.

Он уставился на меня с каким-то непонятным выражением лица — не то растерянным, не то недоверчивым, не то раздраженным, — сделал несколько быстрых жестов, но потом вспомнил, что я не понимаю, соорил то ли недовольную, то ли отчаянную гримасу, стиснул кулаки и сжал зубы. Было видно, что собственное бессилие и невозможность сказать то, что нужно, выводят его из себя. А я молчала, потому что понимала: любые слова утешения будут неуместны и сделают только хуже.

Несколько мгновений мы так и простояли — я в ванне, Стъэль рядом. Я продолжала обеими руками крепко сжимать его локоть, чувствуя, что, если отпущу, он непременно уйдет, и это будет... плохо, неправильно.

Наконец, сбросив оцепенение, я потянула мужчину к себе.

— Иди сюда. А то вдруг я одна опять потеряю сознание и утону? Как ты Иву в глаза потом смотреть будешь? — пробормотала со смешком.

Стъэль в ответ нервно усмехнулся, соорудил какую-то вымученную гримасу, но вырваться не стал и все-таки забрался ко мне. Перехватив его за запястье одной рукой, чтобы вдруг не передумал, я открыла воду и потянула мужчину за собой вниз. Он сел рядом, справа от меня. Я проявила упорство и в итоге уселась боком между его широко расставленных ног — так, чтобы видеть лицо целиком. Сама потянулась к его губам, целуя, отвлекая от мрачных мыслей.

Через пару мгновений мужчина все же сдался и ответил на поцелуй.

Когда вода, наполняя ванну, добралась до ребер, я немного отстранилась, опять упрямо провела кончиками пальцев по шрамам. А потом, набравшись решимости, рывком содрала с него повязку и отшвырнула в сторону. Мужчина тут же прикрыл глаз ладонью и уставился на меня каким-то совершенно больным, затравленным взглядом. Но, по крайней мере, не сделал попытки уйти.

Глубоко вздохнув, я осторожно коснулась его руки губами и, немного отстранившись, заговорила, тщательно подбирая слова.

— Стъэль, мне... мне всего семнадцать. Всю жизнь я провела в Верхнем дворце, под крылом у заботливых нянек, рядом с людьми, которые всегда готовы поддержать и помочь. Наверное, я очень многого не знаю и не понимаю в этой жизни. Или понимаю неправильно. Может быть, я не права и сейчас, но ты теперь мой муж перед богами и людьми. Надолго или нет, я не знаю, но, по крайней мере, до смерти одного из нас. Я знаю, что в Альмире, бывает, супруги живут в разных комнатах. В Прете они живут еще и разными жизнями и встречаются очень редко. Может быть, это нелепо и слишком самонадеянно, и я совсем тебя не знаю, мы знакомы всего три дня, и вообще я глупый избалованный ребенок и не знаю жизни. Но я не хочу, чтобы у нас с тобой было вот так. И я не хочу, чтобы мы друг от друга прятались. Это... глупо, — выдохнула я и на мгновение замолчала, переводя дух и наблюдая за мужчиной. Он по-прежнему хмурился, но уже не выглядел таким обреченным, и я продолжила: — Неужели ты настолько плохого обо мне мнения, что думаешь, будто из-за этих шрамов я буду хуже к тебе относиться? Нет, конечно, глупо говорить, что они меня совсем не беспокоят. Ты сам прекрасно знаешь, что это некрасиво, что оно неприятно

выглядит. Но, в конце концов, я уже приняла тебя таким. Если бы ты не пришел тогда просить моей руки, я бы сама пошла договариваться о браке именно с тобой. Не потому, что ты молодой и сильный, а Вирате как можно скорее нужен здоровый наследник. Нет, то есть, конечно, и поэтому тоже, но главное... Ты первый отнесся ко мне по-человечески. Искренне и глубоко пожалел девчонку, которая по долгу крови должна была принять Шипы-и-Пряжу и не могла отказаться. Я специально попросила Халу смотреть, кто и как отреагирует в первый момент, он едва не надорвался из-за этого, — призналась негромко. — Мне очень, очень страшно от того, что происходит вокруг и свалилось на меня. И меньше всего мне хочется, чтобы к этим большим общим проблемам добавлялись еще и личные. Может, я слишком оптимистична, но мне все-таки хотелось бы, чтобы наш брак был... если не счастливым, то хотя бы спокойным.

Я не заметила, в какой момент настроение мужчины переменялось, но к концу моей прочувствованной речи он уже насмешливо ухмылялся, потом неопределенно качнул головой, все-таки убрал руку и легонько щелкнул меня по носу.

В общем-то, я поняла, почему он сопротивлялся. Если сами шрамы казались достаточно ровными и аккуратными и привыкнуть к ним казалось несложно, то часть лица, обычно закрытая повязкой, выглядела откровенно... гадко. Но я все-таки заставила себя коснуться губами обезображенной щеки и тихо выдохнула:

— Спасибо.

Стъэль в ответ резко тряхнул головой и вдруг крепко, до боли стиснул меня в объятьях, прижавшись щекой к моей макушке. И в этот момент я отчетливо поняла, что Идущая-с-Облаками не подшутила, а дала мне правильную подсказку. У нас с немым альмирцем действительно есть очень хороший шанс договориться, главное только — правильно им воспользоваться.

И после этого силы оставили меня окончательно. Нет, я не теряла сознания, просто уснула, развежившись в теплой воде в руках мужчины, и на все его попытки меня разбудить реагировала недовольным ворчанием и попытками свернуться калачиком — то у него на груди, то на полу ванны. Впрочем, Стъэль не слишком-то усердствовал.

Единственный раз я совершенно проснулась: когда мужчина уложил меня в постель и вдруг исчез, а через пару мгновений комната погрузилась в темноту. Я встревоженно приподнялась на кровати, окликнула его по имени, вслушиваясь в тишину спальни и чувствуя, как отчаянно-торопливо колотится в груди сердце. Когда кровать скрипнула и Стъэль обхватил меня

одной рукой, привлекая к себе, я сначала от неожиданности дернулась и даже вскрикнула, но потом пришло узнавание. Смешно, но опознала я мужа по запаху, от которого одного вдруг стало спокойнее.

Зажмурившись, я крепко прижалась к мужчине, уткнулась лицом в грудь, прячась в этом запахе, в тепле его тела, в его крепких объятьях, и, к собственному удивлению, быстро успокоилась под ласковыми прикосновениями мужа, гладившего меня по спине. Не хватало только тихого шепота, уверяющего, что бояться нечего и все в порядке, но и без этой детали стало хорошо. И страх отступил безо всяких данов.

Конечно, я не целитель, но, кажется, я поняла почему. Если вернулся он с ощущением одиночества и отрезанности от мира, то теперь, когда эти чувства отступили, было самое время сгнать и страху. Наверное, завтра все будет уже не так радостно, но это будет завтра. А пока мне хорошо и спокойно и совсем не хочется задумываться о будущем.

Глава 2

О новых ролях

Стъель Немой

Первое время собственная «избранность» не доставляла мне серьезных проблем. Ехать в Вирату совсем не хотелось, я слишком привык к той тихой норе, в которой провел последние годы. Но эта поездка была по факту довольно необременительной и шла на пользу всем, удачно совпав с представлением наследника и болезнью отца. Не могу сказать, что последняя меня радовала, но...

Впрочем, нет, как ни стыдно в этом признаваться, но я был мелочно рад, что Его Величество Фергр, король Альмиры, находится при смерти. И злорадствовал, издавек наблюдая за тем, как младшие братья делят трон еще при его жизни. Молча, разумеется; что мне еще оставалось? В этой связи оказаться подальше от родной страны было большой удачей. Вираны, конечно, — достаточно дикие нравом существа, но чужая страна все-таки предпочтительней навязчивых мыслей о том, кто из младших решится первым и отправит меня на Железные облака.

Поначалу меня беспокоила даже не предстоящая встреча с дикими южными нравами, но просто звуки голосов вокруг. Несколько лет, проведенных в уединенном храме Немого-с-Лирой, где услышать человеческую речь было в диковинку, сделали свое дело, и поначалу я вздрагивал каждый раз, когда кто-то окликал меня по полузабытому уже имени. Но дорога помогла вновь привыкнуть к обилию звуков, и в Вир я прибыл вполне подготовленным.

Нравы Нижнего дворца, где разместили всех гостей, тоже не стали откровением. С десятков лет назад я уже бывал здесь, тогда еще наследником престола, и тогда нашел подобное даже забавным. За это время не изменилось ничего, кроме меня самого, и здешняя распушенность вызывала теперь лишь гадливость, которую я вежливо держал при себе. Для того чтобы не сталкиваться с неприятными сторонами местной жизни, достаточно было лишний раз не покидать покои, что я и делал.

Разговор с безумным регентом также не потребовал особенного напряжения душевных сил. Читать в душах я умел весьма посредственно, поэтому хоть и ощущал себя рядом с этим человеком неуютно, но иные

вполне здоровые люди вызывали у меня гораздо большую неприязнь.

Даже представление наследника... то есть, конечно, наследницы, и ее венчание на трон прошли спокойно и незаметно. Единственно, девчонку, на голову которой возложили странную местную корону, стало по-человечески жалко: она выглядела насмерть перепуганной и настолько потерянной, что только слепой мог этого не заметить, а я, к счастью, зрение потерял не до конца. Я мысленно пожелал ей душевных сил и спокойного правления, после чего с чистой совестью выкинул из головы.

Торжество, праздничная суeta — все это осталось позади, и я преспокойно вернулся в отведенные мне хозяевами покои сразу после ухода с праздника новоявленной правительницы, с намерением в этих стенах провести оставшиеся до отбытия дни.

Наивно.

Новое озарение пришло, когда я коротал вечер с книгой, взятой в местной библиотеке. Несколько мгновений я сидел неподвижно, полностью дезориентированный, и пытался осознать видение. А потом еще несколько минут боролся с желанием не то побиться головой об стену, не то... не знаю, хотя бы швырнуть в эту самую стену книгой! Появилось устойчивое ощущение, что боги издеваются.

Мне. Свататься. К этой девчонке, которая в два раза моложе меня. У которой, несмотря на все ее страхи, впереди вся жизнь и, надо думать, огромный выбор совершенно нормальных женихов. Причем я должен не просто прийти и попросить ее руки, но еще как-то убедить в том, что для блага всего мира она обязана согласиться.

Большим идиотом я не чувствовал себя, пожалуй, никогда. Зачем ей я? Зачем она мне? Я надеялся вернуться обратно в привычную тихую нору, к ставшему привычным затворническому образу жизни среди людей, с которыми мог нормально общаться, без этой идиотской дощечки и куска мела. И совершенно точно не собирался связывать свою жизнь с этой дикой южной страной.

Я был так уверен в отказе, что бесцеремонно заявился к женщине прямо сразу после божественного откровения и только потом сообразил, что это было, мягко говоря, невежливо.

И каково же было мое изумление, когда она вдруг без раздумий согласилась! Больше того, настояла на как можно более скором обряде.

Два года я учился жить заново, искал новый смысл и новое место, мирился с собственной ролью изгоя, отшельника. Привык, освоился, научился видеть хорошее и еще три года жил... если не счастливо, то по меньшей мере спокойно.

А теперь мне дали два дня, чтобы все вернуть. Два ржавых дня, за которые нужно было принять необходимость снова жить среди людей, снова слушать шепотки и ловить косые взгляды, запрещать себе злиться на себя самого и окружающих за то, что я не могу с ними нормально объясниться.

Два проклятых ржавых дня на то, чтобы вспомнить все, чему я учился пять лет назад. Потому что я точно знал, что требуется от меня не просто пройти обряд и забыть все это как страшный сон. Немой-с-Лирой считал, что я должен встать рядом с этой девчонкой и помочь ей с ее ношей.

Шутка богов? О нет, по-моему, это уже в полной мере издевательство!

Но больше всего меня интересовал ответ на вопрос, почему Тия Дочь Неба согласилась на мое нелепое предложение. Спросить напрямую было бы грубостью. То есть, конечно, можно облечь этот вопрос в такие слова, чтобы результат получился приемлемой тактичности, но проблема оставалась все та же: облечь я мог, а вот сказать... Требовалось сочинить обстоятельное, приличной длины письмо, и это уже казалось форменным идиотизмом. Да и возможности для спокойной личной беседы у нас не было, с того вечера мы виделись всего пару раз по часу.

И мне оставалось только гадать. Стоит ли уточнять, что предположения эти были сплошь нелестными?

Впрочем, я отдавал себе отчет, что ищу изъясн в госпоже кесаре просто для собственного успокоения. Разумный вариант виделся всего один — ее к этому шагу подтолкнули все те же боги. И в этой связи девочку оставалось вновь пожалеть, потому что мне-то в жены доставалась хотя бы молодая красивая женщина, которую я и пять лет назад почел бы за удовольствие назвать своей, а вот ей в мужья — обозленный на весь мир калека-затворник.

Признаться, поглощенный мрачными мыслями, я совершенно забыл о том, что брак — это в первую очередь не деловое партнерство, а союз мужчины и женщины. То есть, ржа меня побери, постель, которую нам предстояло делить. И если поначалу я еще мог сомневаться в добродетельности собственной невесты, то все сомнения отпали, стоило нам оказаться наедине в спальне.

И это был второй раз за последние три дня, когда я почувствовал себя круглым, законченным идиотом.

Ржа меня побери. Пять лет. Пять ржавых лет я не был с женщиной. Я сам себе был противен, и какое уж тут удовольствие, когда каждую секунду ждешь увидеть в глазах партнерши не ответное желание, а затаенное отвращение!

А эта девочка смотрела на меня не то что без брезгливости, но с такой надеждой и безоглядным доверием, что делалось не по себе. Она, ржа меня побери, с такой покорностью и достоинством принимала возложенную на нее богами ношу, что я чувствовал себя не только дураком, но еще и трусливым ничтожеством. Пришлось срочно брать себя в руки и вспоминать, что я вроде как пока еще мужчина, чтобы не обидеть ее еще и в этом.

Вспомнил. Да так, что сам на время забыл, кто я и где нахожусь.

Только на этом сюрпризы вечера не закончились, и новоявленная жена раз за разом ставила меня в тупик своим поведением, заставляя смотреть на нее с недоумением и раз за разом недоверчиво спрашивать себя, за какие заслуги — прежние или будущие — меня наградили таким необычным созданием. Парадоксальным, пугающим сочетанием в себе несочетаемого.

Как в одном существе может ужиться такая наивная, совершенно детская непосредственность и искренность, мудрость и хитрость прирожденного стратега? Она безо всякой задней мысли и стеснения расспрашивала меня о постельных удовольствиях. В то время, пока я жалел себя, начала учить язык жестов, чтобы не испытывать трудностей в разговоре со мной. Легко и изящно добивалась желаемого; одна только прочувствованная речь по поводу моей проклятой повязки чего стоила! Я сразу не понял и только под конец сообразил, что меня смущает в ее словах: это были слова не семнадцатилетней девочки, а очень умного и взрослого человека, прекрасно разбирающегося в людях и знающего, как добиваться от этих людей желаемого.

Я плохо помнил себя в ее возрасте, но я точно был значительно глупее.

А еще она боялась темноты. Искренне, по-настоящему, я это видел. И боялась она ее заметно сильнее, чем моей искореженной физиономии. Не то чтобы было сложно в это поверить, но... Я вообще не ожидал от близкого знакомства с ней ничего хорошего, поэтому не удивительно, что меня ставила в тупик каждая мелочь.

Я был готов, если она не успокоится, встать и зажечь фирские огни обратно, но женщина вновь удивила: она доверчиво прижалась ко мне, видимо, спрятавшись таким образом от темноты, и очень быстро опять затихла. И видеть такое слепое доверие буквально с первого взгляда было странно. И я, конечно, вновь искал подвоха.

Лежал на боку, ощущая на груди теплое щекочущее дыхание, поглаживал кончиками пальцев спину женщины и, пялясь в темноту, пытался понять: откуда ждать неприятностей? Ну, кроме необходимости вновь учиться жить среди людей.

Она ведь не врала и не играла. Я видел это, ощущал Искрой, понимал, что в семнадцать лет невозможно научиться так профессионально, уверенно лгать, не выдавая себя ни взглядом, ни жестом. Да и характер, который я видел, был слишком сложным, слишком многогранным и пестрым, чтобы оказаться маской. Чтобы ввести в заблуждение, можно было придумать что-то проще и убедительней, и я бы принял любой образ.

Да и смысла вот так изгаляться ради меня одного я не видел. Ну в самом деле, пять лет не был никому нужен, а тут вдруг понадобился, да еще вот так! И богам я зачем-то понадобился именно здесь, именно в этой роли. Что, их теперь тоже подозревать в заговоре против себя любимого? Ну чушь же!

Но поверить в искренность Тии все равно было труднее, чем продолжать упрямо противоречить здравому смыслу.

Впрочем, немного покопавшись в себе — а в этом искусстве я за годы отшельничества достиг высокого мастерства, — я пришел к выводу, что дело не в данной конкретной женщине: на ее месте могла оказаться любая другая, и я все равно искал бы, за что уцепиться.

Просто меня бесила бесцеремонность, с которой за пару дней решила моя судьба. И жгла обида, что единожды меня уже выдергивали из привычного и понятного мира, но стоило мне научиться жить с предыдущей «милостью» богов, как все вновь поменялось. Меньше всего в этом была виновата Тия, но под рукой больше никого не было. Оставалось надеяться, что я на нее не сорвусь.

А с другой стороны... Наговорить гадостей в моем положении очень трудно, для этого надо сильно постараться. Обидеть же ее как-то еще у меня не поднимется рука. И речь даже не о применении силы в прямом смысле — до такого я и в худшие дни не опускался и надеялся, что никогда не опущусь, — а о более безобидных вещах. Например, о том, чтобы сохранить дистанцию, отгородиться от нее и оттолкнуть. Я злился, но отчетливо понимал, что у меня не хватит на это духу. И злости тоже не хватит. Вот как посмотрит с пронзительной надеждой своими серыми глазницами — и сразу кончится весь мой бессмысленный протест.

Просто... что там того протеста, если подумать? Хочется выразить негодование — да выругаться или хоть заорать в голос. Но этого я сделать не могу, в бессильной злобе бить посуду или морды случайным прохожим не позволяет воспитание. А гробить ради этой обиды саму возможность наладить отношения с внезапно обретенной женой, вполне настроенной подружиться, — совсем уж глупость.

Сцедить бы эту ярость в какое-нибудь безвредное русло и взглянуть на

мир здраво, но придумать выход я пока не сумел. Так и уснул в безвыходной ситуации.

А утром проснулся по заведенной привычке еще до рассвета, когда в открытое окно сочился слабый свет, наполнявший комнату серым сумраком. Женщина, конечно, спала, и будить я ее не стал. Осторожно выскользнул из постели, накрыл жену тонким одеялом и принялся искать ленту, которой можно было собрать волосы, чтобы не мешались.

При храме имелся прекрасный внутренний двор, в котором можно было в свое удовольствие заниматься физическими упражнениями в любое время суток и года. Я не сомневался, что и здесь можно найти подходящее место на свежем воздухе, но очень не хотелось привлекать внимание случайных свидетелей и служить для них бесплатным развлечением. А чем искать в такое время подходящее закрытое помещение вроде тренировочного зала — проще вообще не покидать спальню. Для разминки мне требовалось не так уж много места.

Содержать тело в хорошей форме я привык еще с детства. Всех принцев Фергр воспитывал в военной строгости, все трое проходили воинскую службу, и снисхождения к нам там не проявляли, муштруя наравне с простыми солдатами. А потом, после травмы, у меня образовалась масса свободного времени, которое требовалось на что-то потратить, да еще нужно было разрабатывать чудом сохраненную целителями руку... В общем, встав на ноги после лечения, я упорно тратил на упражнения часов по пять в день, падая под конец от усталости. Но, несмотря на подобные усилия, не сдох, а втянулся и пристрастился. Ощущение полного контроля над собственным телом, силы в руках и уверенности в каждом движении было приятным, оно отвлекало от мрачных мыслей и мирило с действительностью. И уж конечно, было всяко полезнее сидения в углу в тоске и унынии.

Вот и сейчас привычные движения вытряхнули из головы остатки вчерашних угрюмых мыслей. Тщательная, обстоятельная разминка, силовые упражнения, боевые комплексы — для баланса и координации, растяжка... И часа три пролетели незаметно, оставив в теле приятную усталость, а в голове — не менее приятную пустоту.

Я уже заканчивал, когда в тишине спальни прозвучал совсем не сонный голос Тици, от которого я вздрогнул.

— Ты очень красиво двигаешься. Никогда не видела ничего подобного, — проговорила она, медленно приближаясь.

Я не стал прерывать движение, тем более фраза явно не требовала ответа, а закончив, не успел обернуться. Женщина вдруг прильнула ко мне

сзади, обхватила ладонями за талию.

Я замер, растерявшись и не зная, как на это реагировать. А когда почувствовал, что Тия провела языком по коже между лопатками, вновь вздрогнул от неожиданности и осторожно обернулся в ее руках, приобнял за плечи. Глядя на жену в некоторой растерянности, жестами изобразил, что от меня после тренировки наверняка неприятно пахнет. Она широко улыбнулась в ответ на эту пантомиму.

— А мне нравится, как от тебя сейчас пахнет. Я извращенка, да? — спросила со смесью веселья и легкого смущения и вновь прижалась, уткнулась носом в мое плечо, с шумом втянула воздух носом. А потом медленно провела языком по моей груди и пробормотала глубокомысленно: — Солёный...

На это прикосновение, на близость обнаженной женщины, на ее странное поведение мое тело отреагировало совершенно однозначно. Я рефлекторно на мгновение сжал узкие плечи, потом скользнул ладонями вниз по спине на поясницу, прижимая к себе крепче. Пару секунд колебался, раздумывая, а понимает ли она вообще, что делает? Нет, вряд ли она могла не заметить естественной реакции, мы ведь оба полностью обнажены, но вдруг? Поведение Тии опять ставило меня в тупик. Откуда в ней вдруг взялась такая решимость?

Будто в ответ на эти мысли тонкие прохладные ладони женщины скользнули вниз, накрыв мои ягодицы, а язык вновь скользнул по коже.

Все она понимает!

Я рывком подхватил ее под попку, поднимая, и ноги жены с готовностью обвили мою талию, руки обхватили плечи, а губы потянулись к губам для поцелуя. Он получился жадным, исступленным; ее пальцы запутались в моих волосах. Прижимаясь крепче, она выразительно потерлась о меня бедрами, недвусмысленно давая понять, чего хочет. Поддерживая женщину одной рукой, пальцами второй я начал ласкать ее, чтобы подготовить, но, коснувшись, на мгновение замер.

Она уже была горячая и влажная, уже хотела меня и именно поэтому сейчас подошла.

От осознания этого меня окатило такой волной желания, что мысль даже о мгновенном промедлении показалась кощунственной. Весь мир сузился до женщины в моих руках и стремления обладать ей, в котором растворились все возможные вопросы и сомнения. Я даже не сообразил сделать пару шагов, чтобы опуститься на кровать. Да Тии самой, похоже, хотелось не этого...

Я держал ее под бедра, приподнимая и опуская, раз за разом насаживая

на себя. Тия цеплялась за мои плечи, впиваясь ногтями. Запрокинув голову, кусала губы, пытаясь удержать рвущиеся с них стоны. И я откровенно любовался женщиной, не отвлекаясь и не отвлекая поцелуями. А когда она со стоном выгнулась в моих руках, содрогаясь от прокатившейся по телу волны удовольствия, и сам в несколько движений достиг острой, мучительно-сладкой разрядки.

И только через несколько мгновений после этого, чувствуя предательскую, но приятную слабость в коленях, вспомнил, что можно сесть на кровать, от которой меня отделяло всего два шага.

Какое-то время мы сидели, выравнивая дыхание. Шевелиться не хотелось совершенно. Я уткнулся лбом в плечо женщины, осторожно обнимал ее и ощущал себя... странно. Все это походило на сумбурный сон, было нереальным и неправдоподобным. Не может наивная неопытная девочка, которая вчера вздрагивала от каждого прикосновения, так уверенно вести себя наутро. Не могут у меня от близости женщины мгновенно покрываться ржой мозги до такой степени, что, кроме вожделения, не остается ни одной мысли. Не может навязанный брак доставлять столько удовольствия, даже если брак этот от всей души благословили боги.

Накатило смутное тревожное ощущение близких неприятностей. Это было не озарение, скорее жизненный опыт. Слишком все хорошо, чтобы быть правдой, а такое долго не длится.

— Доброе утро, — тихо проговорила Тия мне в волосы и захихикала. — Извини, я не хотела тебя прерывать, но не утерпела. Это было очень, очень красиво... — повторила она, и тонкие пальцы скользнули по моей спине, с мягким нажимом очерчивая мышцы. Я не удержал блаженного вздоха; прикосновение было приятным. И само по себе, и потому, что я уже давно не ощущал подобного. А еще потому, что ей самой хотелось касаться, ей действительно это нравилось.

Так не бывает. Не может быть.

Но было хорошо...

Нежные губы коснулись плеча, прокладывая дорожку из поцелуев по шее вверх, язык шаловливо очертил контур уха.

— Стъэль, ты не сердисься? — тихо спросила женщина.

Я вздрогнул — не то от ее голоса, не то от щекочущего дыхания, не то просто сбрасывая оцепенение, — поднял голову и озадаченно уставился на Тию.

Интересно, из чего она вообще сделала такой вывод? Я что, похож сейчас на очень сердитого или недовольного? Или несколько минут назад

был?

Спросить я не мог, осталось только со смешком качнуть головой, потому что женщина явно ждала ответа, и снова поцеловать — уверенно, долго, убедительно. Гладил нежную шелковистую кожу, наслаждался изгибами стройного тела, совершенно шалел от запаха. И вскоре отчетливо ощутил приятное напряжение там, где мы все еще были едины, и понял, что уже настроен и готов продолжить утренние развлечения. Вот прямо сейчас повалить женщину на кровать и начать медленно, неторопливо двигаться, так и не прерывая контакта...

Воплотить эту мысль в жизнь я не успел, Тия прервала поцелуй и отчего-то шепотом предложила:

— Может, теперь в ванную?

Была она в этот момент буквально пунцовая от стыда — не заметить и не понять моего состояния она в таком положении просто не могла. Но ни малейшего недовольства или протеста в ее взгляде я не уловил. Наоборот, глаза лихорадочно блестели, а дыхание уже было торопливым, сбивчивым.

Спорить не стал. Ванная так ванная, желание женщины — закон.

Не выпуская жену из рук, я шагнул в глубокую мраморную чашу, пустил воду и только потом поставил Тию на ноги. Она негромко охнула от неожиданности, когда я рывком развернул ее спиной к себе, но не противилась, наклонила голову, чтобы мне удобнее было целовать плечо и шею, порой осторожно прихватывая загорелую кожу зубами. В этот раз я не стал спешить, ласкал неторопливо, наслаждаясь каждым прикосновением и шумным, прерывающимся дыханием.

Упругие полушария полной, красивой груди так естественно и правильно ложились в ладони, что я залюбовался, большими пальцами дразня затвердевшие, призывно торчащие вершинки, к которым так хотелось прижаться губами. Тия негромко всхлипнула, цепляясь обеими руками за мои запястья, и от этого наблюдаемая мной картина стала еще более завершенной, завораживающей.

Одна моя ладонь медленно двинулась вниз, чтобы прижать женщину теснее, двумя пальцами осторожно проникнуть между судорожно сжатых ног, даря чувственную ласку.

— Стъяль... — со стоном жалобно выдохнула она, полностью откинувшись мне на грудь и продолжая цепляться за мои руки.

От этого призыва меня накрыло новой волной желаний, и я вынужден был на несколько мгновений сосредоточиться на дыхании, отвлекаясь от завораживающего вида красивого женского тела, которое ласкали мои руки. Иначе долгой прелюдии не получилось бы и повторилось бы то, что

произошло в спальне. Подобное тоже очень приятно, но сейчас хотелось никуда не спешить — только с удовольствием пить каждое мгновение близости, дурманящей лучше любого вина.

Осыпая кожу поцелуями, одной рукой продолжая распалать в женщине желание, а второй — лаская ее грудь, я опустил на колени. Тия вновь сдавленно охнула, а через пару мгновений застонала и выгнулась, когда под моими пальцами родился спазм наслаждения, прокатившийся по телу волной дрожи.

Я дал ей несколько мгновений передышки, позволяя испить удовольствие до капли, а потом настойчиво повернул женщину к себе лицом. Она сделала попытку опуститься в ванну рядом со мной, но я не пустил, удержав за бедра: сейчас у меня были совсем другие планы. Запах ее желаний сводил с ума, и мне очень хотелось попробовать ее наслаждение на вкус. Почему бы не прямо сейчас?

Сначала я все-таки приласкал ее грудь губами, с удовольствием ощущая, как тонкие пальцы цепляются за мои плечи, а потом неторопливо начал спускаться ниже, обвел языком пупок, отчего женщина вздрогнула и напряглась, и двинулся дальше.

— Стъэль, ты же не... — жалобно пробормотала Тия.

Поскольку я именно что «да», тратить время на пояснения посчитал излишним — даже если бы я в принципе мог что-то пояснить. Просто положил ее ногу себе на плечо, крепко удерживая за бедра.

От первого прикосновения моего языка она сдавленно охнула и попыталась отшатнуться, пальцы ее до боли вцепились мне в волосы, но останавливаться я не собирался. Удержать непроизвольно бьющуюся женщину мог без труда, а боль была не настолько сильна, чтобы ее не получалось терпеть. Тем более ради удовольствия слышать, как Тия в голос стонет, о чем-то умоляя, и наблюдать, как она задыхается от наслаждения, достигнув пика...

Но давать ей долгую передышку я не собирался и теперь. Потянул все еще дрожащую от полученного удовольствия женщину вниз, в ванну, вновь повернул к себе спиной. Тия не сопротивилась и молчала, она послушно опустилась на колени, широко расставив ноги так, что я оказался между них, расслабленно откинулась мне на грудь.

Некоторое время она, вялая и расслабленная, не отзывалась на прикосновения, но я был настойчив. И когда дыхание ее вновь участилось, подался вперед. Стоя на коленях, женщина обеими руками оперлась о бортик ванны. Я вошел в нее медленно, намеренно растягивая это мгновение. Тия ответила на это негромким стоном-всхлипом, прогнулась,

подалась навстречу, стремясь вобрать глубже. Одной рукой удерживая ее бедра, второй я тоже ухватился за бортик ванны и начал двигаться — медленно, размеренно. Каждый толчок женщина встречала новым всхлипом, пыталась двигаться сама, чтобы изменить ритм движений, которые сейчас не несли освобождения, а только усиливали нарастающее внутри мучительное напряжение.

— Стъэль, пожалуйста! — прошептала она умоляюще, дрожа в моих руках. — Я хочу тебя! Это... невыносимо...

Я с шумом втянул ноздрями воздух, пахнувший нашим общим желанием. После таких слов выдержки моей тоже хватило ненадолго.

Несколько быстрых, сильных движений, и громкий стон наслаждения женщины почти совпал с моим резким выдохом — разрядки я достиг лишь на мгновение позже нее.

После мы, не шевелясь, долго лежали в теплой воде. Тия порой ежилась, сжавшись у меня на груди, шумно дышала мне в шею и в ответ на малейшее движение крепко вцеплялась в меня, как будто боялась, что я уйду и оставлю ее тут одну.

— Это невероятно, — тихо пробормотала она наконец, не поднимая головы. Пару мгновений помолчала, но потом все-таки продолжила. — Я, конечно, знала, что люди получают удовольствие от секса, но... Никогда не думала, что наслаждение может быть настолько сильным, почти невыносимым. Так всегда бывает? — спросила она, слегка отстранившись, чтобы взглянуть мне в лицо.

Рассеянно поглаживая ее по спине, я медленно качнул головой.

— А с тобой — часто бывало? — продолжила допытываться она.

Я вновь качнул головой и на мгновение прижался губами к ее виску. Такой ответ Тию, кажется, не вполне удовлетворил.

— Первый раз? — не унималась она.

Я неопределенно пожал плечами, а потом все-таки кивнул. На этом женщина успокоилась, опять устроилась у меня в объятьях и, удовлетворенная, затихла.

Я честно силился и не мог вспомнить, когда меня в последний раз так накрывало желанием, до умопомрачения и полной потери связи с реальностью. Прежде я контролировал собственный разум в любой ситуации, в том числе в постели, потому что любовница — это всегда уязвимое место, и при излишней собственной болтливости можно вляпаться в большие неприятности. А сейчас, с Тией, я настолько расслаблялся и погружался в ощущения, что, окажись она шпионкой и не потеряй я дар речи, давно бы уже разболтал все, что ее интересовало.

Было ли дело просто в долгом воздержании, в том, что я отвык от плотских удовольствий? Или все-таки на меня так действовала сама Тия своей поразительной чувственностью, ярким откликом на малейшее прикосновение и искренностью? Не знаю, но мне сейчас вообще думалось с большим трудом: тело наполняла ленивая нега, она же туманила разум. Я, например, ощущал, что в вопросах жены есть какой-то несложный, очевидный подтекст, но даже его уловить не мог. Такое ощущение, что мысли как покинули мою голову утром, с разминкой, так с тех пор и не могли вернуться, их место сейчас занимали желания и удовольствия плоти.

Это предположение наконец подстегнуло волю. Как бы хорошо мне ни было, надо брать себя в руки и возвращать потерянный где-то на пороге супружеской спальни здравый смысл. Тия, конечно, высказывалась про наследника, и можно сказать, что развлекаемся мы с ней сейчас на благо страны, вдруг ставшей моей, но все равно слабо верится, будто на это место боги привели меня только ради того, чтобы обеспечить род кесарей Вираты потомством.

А если совсем честно, то просто не хочется в это верить. При всей моей симпатии к молодой жене, как-то неприятно думать, что я гожусь исключительно на роль племенного жеребца. И раз уж меня выдернули из привычного тихого угла, то было бы лучше занять голову чем-нибудь полезным. Пока она сама не заполнилась чем-нибудь вредным. Ну, или не разучилась думать вовсе.

Не знаю, какие мысли бродили в хорошенькой кудрявой головке Ти, но мое твердое намерение все же выбраться сегодня из ванны она разделила.

Меньше чем через час мы сидели с ней в приемной части покоев, ожидая, пока слуги накроют на стол. И заодно — ждали появления визитеров, поскольку аудиенции «госпожи кесаря и ее благородного супруга» искал Даор Алый Хлыст, и Тия попросила его позвать.

Местная манера есть чуть ли не лежа всегда ставила меня в тупик, и я предпринял попытку занять более привычное кресло, но жена мягко и настойчиво утянула меня в сторону длинного ложа, на котором устроилась вместе со мной. Не могу сказать, что мне вдруг стало удобно, но близость женщины была приятна, и ради этого можно было немного потерпеть.

Здравый смысл возвращался неохотно, мысли шевелились в голове вяло и норовили опять соскользнуть на низменные удовольствия. Чему очень способствовала и Тия, которая по-кошачьи ластилась, норовя оказаться поближе и прижаться покрепче. Это льстило, грело самолюбие, внушало оптимизм и было слишком приятно, чтобы я сумел прямо сейчас

по доброй воле отказаться от проявлений нежности. И я уговаривал собственную совесть тем, что вечно сидеть в покоях мы не сможем и рано или поздно все равно придется приступить к делу.

Единственным беспокойством, которое сумело немного нарушить эту эйфорию, было недовольство наличием у происходящего свидетелей, даром что здесь присутствовали только слуги. Я прекрасно знал, что местные вольные нравы вполне допускают подобное: вираны не видели ничего зазорного в публичной демонстрации чувств и желаний, особенно если речь шла о супружеской паре. Но я-то по рождению и воспитанию вираном не был! Поэтому при слугах я еще позволял себе лишнее, но, когда в дверь постучали и сообщили о гостях, сел на ложе и немного отстранился от Тии.

Встречать гостей лежа, да еще фривольно обнимая при этом женщину, — все мое существо протестовало против подобного нарушения приличий. Причем это казалось пренебрежением по отношению к Тии. Как будто это был не деловой разговор, а посиделки развязной компании в борделе. Низводить же своим поведением собственную жену до работницы подобного заведения казалось мне дикостью, несмотря на то что умом я понимал: оскорбительным это казалось только мне.

Тия разочарованно вздохнула, но настаивать не стала и села рядом. Правда, боком, подобрав ноги и прижав лодыжку к моему бедру. Я хотел было обратить на это ее внимание и попросить сесть нормально, но одернул себя. Это я здесь чужак вместе со своими обычаями, и это именно мои привычки и предпочтения местным кажутся странными и ненормальными. Я мог позволить себе воротить нос, когда приезжал ненадолго и по делу. А теперь мне жить среди этих людей, значит, надо потихоньку привыкать к местным традициям. Чем не первый маленький шаг?

Неожиданно для себя самого я вдруг поддался хулиганскому порыву и пощекотал по-детски миниатюрную стопу, которая легко уместилась бы целиком на моей ладони. Тия дрыгнула ногой, возмущенно ахнула и уставилась на меня с таким потешно-обиженным выражением, что я едва удержал на лице невозмутимую мину. Вот как. Кто-то, оказывается, боится щекотки?

Женщина набрала воздуха в грудь, очевидно для гневной отповеди, но в этот момент в комнату вошли посетители, и Тия шумно сдулась. Я все же не удержался от смешка, но ответной гримасы жены не видел: она сидела справа, в слепой зоне, а я уже внимательно разглядывал посетителей. И с удовольствием чувствовал, что муть в голове рассеивается, уступая место

привычной спокойной рассудительности. Отрадно видеть, что помрачение мое обратимо. Если оно будет возникать только наедине с женой, то можно считать, что ничего плохого не случилось. В конце концов, это даже естественно, когда в обществе молодой, красивой и желанной женщины думается совсем не о судьбах родины.

О Даоре Алом Хлысте, местном безопаснике, я был наслышан, а сопровождавшего его Виго Гнудое Колесо знал и раньше, в своей первой жизни, будучи наследником альмирского престола. Прежде оба этих немолодых мужчины рассматривались мной как противники, потом они вместе с политическими дрязгами стали мне неинтересны, а теперь предстояло взглянуть на них по-новому — как на соратников. Знать бы еще, в чем и до какой степени! Надеюсь, Вирата не решит вдруг пойти войной на мою родину? Не хотелось бы становиться перед подобным выбором.

Очередной неожиданный кульбит моей судьбы. Надеюсь, последний.

Стоило разогнать туман в голове и взять себя в руки, как я понял, что, на удивление, чувствую себя гораздо спокойней и уверенней, чем в последние дни или даже вчера вечером. Пропали безадресная злость, чувство бессилия и потерянности в водовороте событий, я как будто вновь твердо встал на ноги и был готов жить дальше. Больше того — хотел жить дальше и видел в этом определенный смысл. А благодарить за это, пожалуй, стоило лишь Тию. И дело не в жаркой ночи и полученном удовольствии, или, вернее, не только в них, но...

Эта женщина заставила меня вновь почувствовать себя человеком. Мужчиной. Смешно и трудно поверить, что получилось у нее это за несколько проведенных вместе часов, но глупо отрицать очевидное. Тем более я прекрасно понимал, как это произошло: Тия просто смотрела на меня, относилась ко мне так, как будто увечья, изменившего мою жизнь, просто не существовало. И с ней я сам временами забывал об этом. Да, немота никуда не делась, но даже это неудобство казалось вполне терпимым.

— Доброе утро, — едва ли не хором поздоровались оба визитера.

— Рад видеть вас обоих в добром здравии и бодром расположении духа, — с непонятной иронией в голосе добавил Даор, склонив голову.

— Доброе, — за нас обоих ответила Тия. — Да вы садитесь, — кивнула она.

И посетители не стали спорить. Алый Хлыст так вообще удобнейшим образом возлег на ближайшее ложе с настолько величественным видом, что куда больше напоминал сейчас кесаря, нежели небрежно завернутая в

тунику Тия или я в штанах на босу ногу и вчерашней слегка мятой рубашке навывпуск.

Только теперь я запоздало сообразил, что принимать посетителей в таком виде не менее неприлично, чем публично обнимать женщину, но суетиться было поздно.

М-да, отвык я за последние годы от подобных мелочей. В глуши этикет был без надобности, больше того — он здорово осложнял жизнь, и с привычкой к идеальному порядку в одежде и наружности я расстался достаточно быстро. Даже, наверное, поспешно, потому что все эти мелочи напоминали мне о прошлом, помнить которое совсем не хотелось. Придется приучать себя заново, что поделать!

Или не придется? Потому что Тия смущенной не выглядела — и, значит, ей подобное не казалось предосудительным. Наверное, тоже какие-то особенности местного уклада...

— А все-таки железяка мне проспорил! — удовлетворенно сощурился Виго, разглядывая нас обоих с каким-то мечтательным выражением лица.

— О чем это вы спорили? — подозрительно сощурилась Тия.

Даор с выразительным укором поглядел на своего соратника и ответил вместо него:

— Дело в том, сиятельная, что наш дорогой друг Ив чрезвычайно обеспокоен вашим здоровьем и скоропалительностью вашего брака, в значительной мере озадачен вашим окончательным выбором и потому выражал исключительное беспокойство о вашем состоянии сегодняшним утром. С другой стороны, мой уважаемый друг Виго проявил большее доверие к сиятельному господину Стъёлю и выказал исключительную убежденность в вашем благополучии. Лично я чрезвычайно рад видеть вас обоих столь умиротворенными. Это позволяет надеяться не только на скорое появление наследника, но и на мир и покой в сиятельном семействе, что, в свою очередь, непременно благотворно скажется на благополучии всей Вираты.

— Эх ты мягко, «умиротворенные»! — хохотнул Виго. — По-моему, они оба выглядят настолько довольными, что лично мне завидно и отчаянно хочется вспомнить молодость, скинув лет сорок. Даже как-то неприлично, в договорном-то браке. Нет, ну ты посмотри! А он еще о чем-то беспокоится... — он фамильярно ткнул Алого Хлыста в плечо и ладонью указал на нас. — Мне кажется, гармония налицо!

Даор скользнул взглядом по ложу, на котором мы сидели, тонко улыбнулся и проговорил мягко, с укором:

— Друг мой, не смущай молодых людей.

Я поначалу всерьез озадачился такой их реакцией, глянул на себя, предполагая, что что-то не в порядке с одеждой — еще больше, чем я думал. И только потом заметил, что, оказывается, в какой-то момент накрыл лодыжку жены ладонью и сейчас машинально ее поглаживал. Теперь отдергивать руку было совсем уж глупо, поэтому я только поморщился и, забывшись, жестами спросил у посетителей, все ли это, за чем они пришли.

Каково же было мое изумление, когда Гнутое Колесо не только заметил это, но и понял.

— Это был главный вопрос, но, коль скоро все в порядке, хотелось бы обсудить ряд других.

«Вы понимаете этот язык?» — с удивлением спросил я.

— Я знаю все языки, существующие в этом мире, — с легкой покровительственностью улыбнулся Виго. — Это нечто вроде любимой коллекции. Конечно, я не мог пропустить такой необычный «экземпляр»! А возвращаясь к теме визита, вопросов у нас несколько. Во-первых, вам двоим следует показаться народу. Учитывая, что вы выглядите вполне жизнерадостными, показывать вас не стыдно, и это пойдет всем на пользу. А во-вторых, вы, сиятельный, насколько я помню, всегда неплохо ладили с цифрами?

«Это было давно, но при необходимости смогу вспомнить, — поколебавшись, ответил я ему. — А что?»

— Насколько я представляю себе ваш характер и ваше отношение к происходящему, вы не планируете целыми днями сидеть в дальнем углу без дела, верно? — полуутвердительно проговорил Виго и, когда я в ответ кивнул, продолжил: — Поэтому мы рискнули предположить, что вы согласитесь оказать посильную помощь Тии. Видится логичным, если вы примете на себя те обязанности, которые не требуют постоянного общения с людьми. Разумеется, лучше, если вы оба станете вникать во все, но на первых порах разумнее не хвататься за все сразу. В конце концов, последние семнадцать лет Вирата как-то существовала, и большинство постов занимают надежные люди. Но люди эти не вечны, и сейчас перед нами стоит важная проблема. Голос Золота, увы, уже слишком стар, — проговорил Виго. — Он ошибается, становится невнимательным. А деньги — это такая вещь, которую абы кому не доверишь. Ничего не хочется доверять абы кому, но подобрать человека, которому можно доверить финансовые вопросы, особенно сложно.

В этот момент я вздрогнул и шарахнулся от неожиданности, потому что перед лицом внезапно возник какой-то предмет, причем со слепой

стороны, а на такие явления я реагировал исключительно нервно. Но хорошо, что просто отшатнулся, а не ударил: ничего страшного не произошло, потенциально опасным объектом оказался небольшой, на один укус, пирожок. Кстати, очень вкусно пахнущий.

— Ешь, — с сосредоточенным строгим видом велела Тия. — Надо позавтракать, а у тебя руки заняты.

Я бросил растерянный взгляд сначала на нее, потом на гостей, которые с неожиданной тактичностью сделали вид, что их вообще здесь нет, с преувеличенно деловым видом негромко обсуждая что-то свое. Потом попытался забрать пирожок из рук жены, но та неожиданно воспротивилась, отдернула руку. Глаза ее хитро блестели, и, в общем-то, было понятно, чего именно женщина хотела.

М-да. Вот с рук меня точно еще не кормили. Во всяком случае, в сознательном возрасте...

И главное — непонятно было, что ей самой с того. Зачем?

Почему-то сейчас я ясно понял, что дело совсем не в местных диких традициях, они вот к такому завтраку не имели никакого отношения. Дело именно в самой женщине. Это было проявление все той же детской непосредственности, которая поразила меня еще вчера. Тия вообще не задумалась, что совершает нечто неприличное или неправильное; она просто делала то, что хотела и что не было явно запрещено.

Ссылаться на посторонних уже было нелепо и глупо, мы и так привлекли ненужное внимание, которое Тию, похоже, совершенно не беспокоило. А поскольку особенного смысла бороться я не видел, то решил подыграть жене. Поэтому медленно опустил руку, выжидательно глядя на женщину. Чувственные полные губы ее сложились в озорную улыбку, и меня опять принялись кормить.

На этот раз я был уже настороже и перехватил ее ладонь. Лицо жены приобрело жалобное, обиженное выражение, но я не собирался спорить из-за такой ерунды, поэтому сначала взял зубами угощение из ее руки и прожевал, не выпуская женского запястья, потом аккуратно прихватил губами ее пальцы, лаская, после пощекотал языком ладонь. От последнего прикосновения Тия залилась краской, шумно вздохнула, не отводя взгляда от моих губ. Напоследок я со смешком поцеловал открытую ладонь и выпустил ее руку.

В этот момент я почувствовал, что разум вновь предпринял попытку переместиться в штаны, но своевременно себя одернул, помня о разговоре и гостях, на которых и сосредоточился. Привлек внимание собеседников сухим звонким щелчком пальцами и с преувеличенно спокойным видом

вернулся к беседе.

«По-вашему, чужак в качестве казначея больше достоин доверия, чем все местные?»

— Чем большинство из них, — усмехнулся Гнудое Колесо, так же быстро настраиваясь на рабочий лад. — Мне, сиятельный, просто сложновато вообразить, что вы вдруг начнете воровать по мелочи.

«А по-крупному, значит, можно?» — ехидно уточнил я.

— А по-крупному слишком заметно, не дурак же вы, — продолжил веселиться Виго. — Признаться, я вообще не верю, что вы вдруг начнете воровать. Ну не вяжется подобное с вашим портретом — что до встречи с медведем, что после. Мне кажется, вы слишком благородны и ответственны для того, чтобы мелко пакостить — и вообще пакостить — сейчас. Если уж вы достойно приняли свою участь и не стали ввязываться в интриги, продолжая борьбу за престол, чтобы не усугублять смуту в стране, то и здесь, думаю, можно на вас положиться.

«Я принял участь не из благородства», — хмурясь, возразил я ему.

К этому моменту справилась со своим смущением Тия, но настырно возобновила свое занятие. На этот раз я, правда, дурачиться не стал, съел что давали и благодарно кивнул. Занимать руки действительно не хотелось, а после первого несчастного пирожка я понял, что зверски голоден. Вдохновленная моей покладистостью, женщина подседа ближе и принялась за кормление уже ответственно. И я благоразумно вместе с остальными сделал вид, что ничего особенного не происходит.

— А это неважно, — качнул головой Гнудое Колесо. — Человек, для которого собственная гордость и честь значат больше власти, вполне подходит для того, чтобы эту власть ему доверить. Больше того, лично я вполне уверен, что ниже вашего достоинства вредить стране, в которой вам предстоит жить, даже если это пойдет на пользу Альмире. Вот чего я не могу предсказать, так это вашего поведения в случае серьезного военного конфликта с вашей родиной, но я искренне надеюсь, что до этого не дойдет. А в остальном... вы же понимаете, что за вами будут приглядывать. И мне кажется, что этого вполне достаточно. Собственно, у меня пока все, нужные книги я предоставлю, подберу знающего человека на роль переводчика, познакомлю с Голосом Золота. Думаю, начать разговоры сегодня с четырех, после дневной жары, будет самое время. И на этом у меня все. Вот разве только Даор что-нибудь по делу скажет.

— Даор непременно скажет, — с улыбкой степенно кивнул тот. — Самый важный вопрос мой драгоценный друг уже задал, а мне в голову приходит только один глупый, но довольно срочный. Дело в том, что

вариантов торжественной демонстрации некой персоны народу не так много, и самый подходящий из них — тот, что был использован на церемонии венчания. Собственно, для того кесарю и положена парадная колесница, чтобы торжественно въезжать в покоренный город, ну или красиво прошеествовать по городу родному. И поэтому я хотел полюбопытствовать: а как вы управляетесь с лошадьми?

«Молча, — резко ответил я, но потом поспешил уточнить: — Умею управлять упряжкой, но только в том случае, если лошади реагируют не только на голос».

Виго перевел, и Даор вновь медленно кивнул.

— Прекрасно. В таком случае я сообщу Иву, а он уже определит, как все лучше устроить. Признаться, в лошадях я не силен и тонкостей не знаю. Что касается вас, сиятельная, Райд с бумагами и многие другие вопросы ждут.

— Я помню. — Тия обреченно вздохнула. — Дайте мне час, чтобы привести себя в порядок...

— Я не вижу необходимости в такой спешке, с учетом вчерашнего радостного события, — картинно отмахнулся Алый Хлыст. — До конца дневной жары вы вполне можете позволить себе отдохнуть.

Они уже собрались откланяться, но Тия все-таки окликнула гостей почти на пороге.

— Даор, а Ива вы с собой не взяли на случай, если он вдруг окажется прав? Чтобы я не овдовела скоропостижно? — уточнила она.

— Вы слишком плохого мнения о нашем железном друге, он уже вполне исцелился от подобных порывов, да и не настолько всерьез он опасался за вас, чтобы в самом деле подозревать нечто ужасное, — пряча улыбку в уголках губ, витиевато ответил Алый Хлыст. Невысказанное «но я учитываю все варианты» читалось в насмешливых глазах мужчины. — Нам показалось неуместным стеснять вас присутствием обширной делегации. Но, впрочем, Ива действительно стоило бы прихватить. Думаю, у него разом отпали бы все вопросы и опасения. Доброго дня, сиятельные, — он склонил голову, и гости вышли.

Несколько мгновений мы сидели неподвижно, а потом Тия нарушила тишину.

— И все-таки тебе надо поесть, — проворчала она, примериваясь ко мне с вилкой, на которую был наколот кусочек мяса. Под моим насмешливым взглядом смутилась, опустила руки и проговорила: — Извини, я, конечно, понимаю, что ты и сам с этим справишься, но мне хотелось сделать тебе что-нибудь хорошее. Я как-то не подумала, что это

доставляет удовольствие скорее мне, чем тебе. Держи!

Я со смешком качнул головой, поймал ее руку, поцеловал сжатые пальцы и только после этого забрал вилку. Забота, пусть и такая своеобразная, была приятна, и я, в общем-то, ничего не имел против подобного порыва. Ну, захотелось ей немного поиграть в куклы, даром что живые. В конце концов, она сама еще вчерашний ребенок, а у детей, приговоренных к большой власти, обычно не бывает детства — это я прекрасно знал на собственном опыте. Так почему не подыграть?

Проблема была в другом: я действительно не на шутку проголодался, и такое вот дурачество казалось сейчас издевательством. Тия несколько секунд понаблюдала за тем, с каким энтузиазмом я набросился на еду, а потом вдруг захихикала, прикрыв ладонью рот.

— Я как-то не подумала, что все так запущено и ты настолько голоден, — качнула она головой, глядя на меня с отчетливым умилением.

Я в ответ только усмехнулся. Действительно, с чего бы?

Глава 3

О первых ласточках

Тия Дочь Неба

Интересно, будет очень странно и нелепо влюбиться в собственного мужа, которого я вчера искренне опасалась, на второй день совместной жизни?

То есть ничего странного в этом, наверное, не было. Влюблялась я нередко и относилась к подобному легко: разума я никогда не теряла, чувства мои проходили скоротечно, как простуда. Наверное, потому что никогда не имели пици. Например, лет эдак в тринадцать я была серьезно влюблена на протяжении луны в Ива, о чем он не подозревал до сих пор. Впрочем, через этот недуг в свое время прошли многие дочери кесаря.

Сейчас я чувствовала, что если не влюблена, то уже очень близка к тому, и еще пара поцелуев решит дело. Или даже не поцелуев — достаточно будет просто немного посмотреть на то, как Стъэль двигается или что-нибудь делает. Шрамы его, конечно, обезобразили, но я бы не сказала, что безвозвратно. В конце концов, красота — это не только черты лица, тот же Хала в этом отношении, может, и похуже альмирца будет. У Стъэля же очень красивые серебристо-белые волосы, и хотя я понимала, что они попросту седые, все равно не могла не любоваться. А еще — совершенного очерка губы, твердый упрямый подбородок... Да что там, я даже повязку его уже находила интересной, она придавала ему какой-то книжной загадочности и романтизма. Ну а великолепное тело мужчины не портили даже шрамы. В самом деле, какая разница, что с лицом, если у него такие плечи, такие руки и потрясающий торс, а главное, я имею полное право трогать всю эту красоту в свое удовольствие!

И это если смотреть на него со стороны, отвлеченно. А если вспомнить прикосновения и поцелуи, то по спине пробегают мурашки, внизу живота начинает ощущаться тугий теплый комок возбуждения, в лицо сразу бросается краска и губы сами собой норовят раздвинуться в улыбке.

Кроме того, у него масса иных достоинств. Например, я на собственном примере убедилась, что Стъэль еще и очень терпеливый, не обижается на мелкое хулиганство и вообще исключительно положительный мужчина.

Ко мне муж отнесся с покровительственной снисходительностью, но подобное было не худшим вариантом и не задевало. Я отдавала себе отчет, что мужчина без малого годится мне в отцы, что он вряд ли мог вот так с ходу восхититься моим умом, ответственностью, решительностью и самоотверженностью. Тем более я явно сделала все, чтобы он даже не помыслил о подобном. Показала себя, кажется, еще более легкомысленной, чем прежде позволяла себе в минуты слабости.

Впрочем, это объяснялось очень просто. Во-первых, чувством облегчения оттого, что мой муж действительно оказался хорошим человеком. Во-вторых, он значительно превосходил меня не только возрастом, но и жизненным опытом и багажом всевозможных знаний, поэтому строить из себя значительную особу рядом с этим человеком казалось глупым. Ну а в-третьих, для меня он почти сразу оказался на одной ступеньке с Даором и Ивом — взрослыми и всепонимающими серьезными мужчинами, рядом с которыми можно на некоторое время забыть все то, что годами вдалбливали в мою голову учителя. Последний пункт очень смущал, потому что умом я понимала: Стъэль совсем меня не знает и вряд ли сумеет вот так с первого взгляда понять, что не столь уж я бестолкова. Но от этой мысли я пока легкомысленно отмахивалась, планируя решать проблемы по мере появления.

Пока меня куда сильнее занимала собственная неминуемая влюбленность, из-за которой внутри росло безотчетное опасение, чувство тревоги. Казалось, что в этот раз все будет совсем не так, как прежде, и эта неизвестность немного пугала.

— Сиятельная, ты меня вообще слышишь? — ворвался в мои думы раздраженный голос Райда. Я вздрогнула, сфокусировала взгляд на помощнике и глубокомысленно изрекла:

— А?

— Тьфу! — высказался он. Смерил меня мрачным взглядом, потом вздохнул и присел на край стола. Вертикальная складка между бровями разгладилась, а губы изогнулись в улыбке. — Ты где витаешь с таким довольным видом?

— Да не важно, — отмахнулась я, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — Давай сюда свои законопроекты, торжественно обещаю во всем этом разобраться.

— Ага, то есть отчасти ты все-таки здесь, — хмыкнул он, все-таки отдавая бумаги. — Это утешает. Слушай, уж не о своем ли молчаливом супруге ты с таким видом гредишь? Ха! Угадал!

— Райд, при всей моей к тебе симпатии, это не твое дело, —

нахмурилась я, борясь со смущением.

— Извини, я не хотел тебя обидеть, — проговорил он примирительно. — Просто очень любопытно. Еще вчера ты выглядела бледной тенью и ходила вся такая взвинченно-напряженная, что боязно было лишний раз тронуть — лопнешь, как струна на лире. И вдруг такой резкий переход к рассеянному благодущию с улыбкой до ушей, что волея-неволей закрадываются нехорошие подозрения. Он же дан? Какой у него дар, ты не уточняла? А то мало ли что он мог с тобой сделать!

Что со мной делал муж, я помнила прекрасно, и к его Искре это никакого отношения не имело. На беду, в этот момент вспомнились некоторые особенно яркие моменты пока краткого, но очень увлекательного общения со Стъёлем, внизу живота сладко заныло, а к щекам прилила настолько густая, яркая краска, что я, кажется, и сама видела, как они светятся.

— Погоди, то есть он просто... — начал Райд, вопросительно выгнув брови, в его глазах заплясали искорки веселья. Но, по счастью, договаривать мужчина не стал, только ухмыльнулся широко и как-то очень проказливо, и закрыл тему: — Ладно, могу в связи с этим за вас обоих лишь порадоваться.

— Спасибо. Райд, ты, конечно, симпатичный, но в качестве украшения стола не годишься. Посетители не поймут, — заметила я, с намеком глядя на помощника. Тот пару мгновений недоумевал, но потом встрепенулся и спустился на пол.

— Да, извини. Собственно, на сегодня у тебя по плану только бумаги, бумаги и бумаги. Но где-то через час обещался заглянуть Ив, он хотел у тебя что-то спросить или, наоборот, рассказать.

Знаю я, что Ив хотел: убедиться, что со мной все в порядке. Кажется, Железный регент считал, что тоска и уныние последних дней были вызваны во мне по большей части предстоящим замужеством, пару раз даже осторожно заговаривал на тему «точно ли я уверена». Я была уверена совершенно точно, и понимающий Ив разговор прекращал.

Он вообще в последние дни стал... слишком понимающим. Отношение к окружающим, которое он демонстрировал, не изменилось, поэтому к вести о его исцелении большинство относилось как к сплетне. Но тем, кто хорошо его знал и к кому Ив был близок, перемены виделись разительными.

Нет, разумеется, все мы очень радовались, что он излечился и даже счастлив, но к нему новому еще предстояло привыкнуть. Даор ворчал, что прежний Ярость Богов был понятен и предсказуем, а непредсказуемые

союзники — почти враги. Правда, делал он это себе под нос, без особенного недовольства, скорее для порядка. Когда Алый Хлыст чем-то по-настоящему недоволен, он не брюзжит, а исправляет досадное несовершенство мироздания.

В общем-то, ничего столь уж необычного Ив не творил, просто некоторые качества, которые он умудрялся сохранять в себе, даже будучи безумным, получили пугающий размах. Например, Железный регент всегда по мере сил заботился о детях кесаря, а теперь своей предусмотрительностью по части опеки оставшихся во дворце близких порой пугал. Сильнее всего доставалось совсем не расстроенной таким отношением Рине, но и остальным перепало.

Я в душе надеялась, что жена родит ему двойню, а лучше сразу тройню, и тогда избыток заботы пойдет на благое дело. Но это в любом случае дело небыстрое, а пока оставалось ждать и верить, что вновь обретенные эмоции в ближайшем будущем перестанут так бить Иву в голову и он уймется.

Не то чтобы он действительно доставлял кому-то серьезные неудобства — Ив был полностью вменяем, понимал слово «нет» и не пытался удушить своей заботой. Но мне было сложно поверить, что для взрослого мужчины с подобной биографией такое поведение нормально, что это именно свойство его характера. Я опасалась, что его вместо исцеления просто перекинуло в другую сторону.

Одно утешало и позволяло надеяться на лучшее: Хала на эту тему помалкивал, а вид имел благодушно-насмешливый. Значит, все не так страшно, и либо Железяка придет в норму, либо мы привыкнем.

— Если на сегодня только бумаги и Ив, тогда ты, наверное, можешь не скучать тут, — решила я.

— Уверена? — нахмурился Райд, но тут же опять широко ухмыльнулся. — А то мало ли что наша железяка учудит!

— Не думаю, что он теперь способен учудить нечто более грандиозное, чем творил прежде, — отмахнулась я и добавила со вздохом: — Главное, чтобы они со Стъёлем не сцепились.

Если изначально Железный регент относился к альмирцу ровно, даже с уважением, то решение о свадьбе заставило Ива передумать и искренне невзлюбить принца. Волей-неволей появлялась аналогия с заботливым папашей, чья взрослая дочь выбрала себе «неподходящую партию». И смешно, и страшно...

— Да ладно тебе, железяка стал мирным и безобидным в ласковых женских руках, — захихикал Райд. — Страшно видеть, что делают с

лучшими из нас хитрые красавицы! Неужели я стану таким же, когда влюблюсь?

— Нет, ты будешь точно так же язвить и доводить объект чувств до истерик своими подначками, — со смешком ответила я.

— А вдруг любовь отобьет у меня всякое острословие?

— У тебя? Это как же она тебя накрыть должна? — пробормотала я, окидывая мужчину выразительным сомневающимся взглядом.

— Не знаю, и потому трепещу! — хохотнул он. — Да ладно, а если серьезно... Ну боишься ты, что они сцепятся, так и пусть. Они вроде большие мальчики, оба достаточно тренированные и опытные бойцы, поубивать друг друга не поубивают, только пар выпустят и проникнутся взаимным уважением. Особенно если выпьют после драки.

— Только этого мне не хватало! — проворчала я и тяжело вздохнула. — Даже не знаю, что меня напрягает больше, пьяный Ив или пьяный Стъэль. Хотя нет, знаю: они вместе, — резюмировала вполголоса и, представив эту картину, поежилась. — А впрочем, ты все-таки подкинул мне хорошую идею.

— Что, рискнешь?

— Нет, драки не будет! — я выразительно всплеснула руками. — Пусть лучше делают одно общее дело и в процессе знакомятся. Даор загорелся идеей показать моего супруга народу, так пусть Стъэль осваивает управление этими тварями в лошадиной шкуре под руководством Ива, который так их любит. Надо вечером ему предложить.

— Какими тварями? — изумился Райд.

— Да кесаревой парадной четверкой. Мне интересно, неужели в мире так мало белых лошадей, что нельзя заменить этих зловредных поганцев кем-то приличным?

— Несолидно будет! — наставительно изрек собеседник.

— Ой, а убится вместе с ними — так солидно! — недовольно фыркнула я. — Ладно, иди, а то ты меня отвлекаешь.

Райд спорить не стал, а я, лишь выпроводив его, сообразила, что куда сильнее общительного приятеля меня могут отвлечь мысли о муже, которым одиночество как раз очень способствует. Но, к счастью, я уже успела вынырнуть из сладкого дурмана нашей с ним первой ночи, нырнуть обратно пока не норовила и даже сумела сосредоточиться на бумагах.

Государственный совет, на время отсутствия правителя ставший Регентским, был основан в незапамятные времена. Кесарь не может заниматься сразу всем, а так он снимает с себя множество не самых важных вопросов, и это очень удобно. Перед советом ставились проблемы, тот

решал их, отчитывался перед правителем и предоставлял варианты решения в виде проектов законов или просто ответов, письменных или устных. В совет входило полсотни человек, включая глав всевозможных ведомств, но зачастую он собирался не полностью.

Реальной власти Государственный совет не имел, он не мог ничего сделать в обход кесаря, и многих его членов это не устраивало. Собственно, главной сложностью и ответственностью кесаря в общении с этими людьми было не допустить перекося и не упустить момента, когда его задвинут. В истории Вираты такое случалось, и результат всякий раз оказывался не самым лучшим. В особенности для потомков такого кесаря-разгильдяя...

Лично мне в этом смысле чрезвычайно, просто неприлично повезло с Даором, который все прошлые годы держал совет в узде, на ключевые посты протаскивал надежных, преданных делу людей и сейчас с готовностью передавал методику этих манипуляций мне.

Порой я пыталась представить, что могло стать со страной, не будь у нее Алого Хлыста, и всякий раз со страхом прогоняла эти мысли.

Я просматривала документы, написанные уверенной рукой одного из секретарей совета, вникая в сухой казенный текст и уделяя внимание припискам Даора. Где-то это были короткие заметки, где-то он ссылался на пункты существующих законов, которые стоило посмотреть, где-то вовсе прилагал подробные пояснения на отдельных листах.

Местами встречались записи, сделанные другим, резким и убористым почерком, и я сообразила, что это приложил руку Виго, советник по внешним вопросам и глава дипломатического ведомства.

К числу изначально посвященных в тайну моего рождения Гнutoе Колесо по каким-то причинам не принадлежал, поэтому до недавнего времени я с ним почти не пересекалась и теперь относилась к нему с куда большей настороженностью, чем к Иву или Даору. Хотя и понимала, что доверия он заслуживает никак не меньше: именно его стоило благодарить за ровные отношения с соседями, которые за все прошедшие годы так и не сумели воспользоваться отсутствием в Вирате верховной власти.

В стопке попалась и совсем уж странного вида исчерканная бумага, пестрящая высказываниями в духе «ржа полная» — во всяком случае, именно так я разобрала эти каракули. Поскольку документ касался реорганизации военного учебного заведения, я предположила, что здесь отмечился уже Кмер Палица, и не удержалась от улыбки. Этого здоровяка я толком видела всего один раз, после венчания, но он понравился мне с первого взгляда. Было в первом милоре что-то такое... монументально-

отеческое. Взыскательного, властного офицера сложно назвать добрым или мягким, но это была тщательно выверенная строгость отца, который не желает баловать детей не из жестокости, а из любви и понимания, что слишком мягкое воспитание до добра не доводит.

Я всерьез увлеклась процессом, порой потешаясь над замечаниями советников. Недавние страдания и переживания о собственном одиночестве и том, что моя жизнь обращается в кошмар, казались сейчас далекими и очень странными. Даже не верилось, что это было вчера и со мной.

А еще было забавно сознавать, что причиной перемены настроения стала единственная ночь с мужем. Казалось бы, я отдавала себе отчет в том, что со вчерашнего дня ничего принципиально не изменилось. Да, одной проблемой действительно стало меньше, я убедилась, что Стъэль совсем не страшный, и, можно сказать, с супругом мне повезло. Но и только. Мы по-прежнему чужие люди, по-прежнему впереди пугающая неизвестность и какие-то неведомые неприятности, меня все так же не воспринимают всерьез... но сегодня меня это уже совсем не беспокоило. И лишь потому, что мой мужчина оказался превосходным любовником.

Смешная все-таки штука — человек.

К счастью, отвлекшись на эти размышления, вновь погрузиться в грезы я не успела: в дверь постучали. Дворец услужливо сообщил, что пришел Ив, на удивление — не один. Я пригласила посетителей и с любопытством уставилась на гостью. Та цеплялась за локоть Железного регента, опираясь на мужчину, по вполне объективным причинам: самой ей было очень трудно идти.

С большим трудом и удивлением я узнала в этой высохшей, сгорбленной, едва живой старухе главную жрицу Идущей-с-Облаками, чьими руками богиня вручила мне Шипы-и-Пряжу. Прежде женщина выглядела лет на сорок, теперь — на сотню с лишком.

— Не надо смотреть на меня так, сиятельная, — слабо улыбнулась она, тяжело опускаясь в кресло. — За то, чтобы стать сосудом божественной силы, человек платит дорого, и я знала, на что иду. А на Железных облаках каждый получит то, чего ему не хватило в жизни. — Она замолчала, переводя дух. Прделанный путь дался жрице тяжело, она устало откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

— Я сходил в храм Идущей, чтобы расспросить подробно о ее благословении, — пояснил за женщину Ив, внимательно меня разглядывавший. — И заодно найти ответы на некоторые теологические вопросы. Однако Авла заявила, что желает говорить это кесарю. —

Мужчина развел руками и с легким недовольством обратился к спутнице:
— Мне оставить вас наедине?

— Сиди, Железо, — тонкие бескровные губы едва заметно покривились в улыбке. — От тебя мне точно нечего скрывать. Это было бы... глупо. Идущая-с-Облаками — богиня жизни, и благословение ее — дар жизни.

— То есть уже можно поздравлять Ива с грядущим прибавлением в семействе? — нервно хихикнула я.

Жрица едва заметно улыбнулась.

— Потомство — это вопрос Вечного Дитя, с дарами моей госпожи сложнее. Она дает силы жить и преодолевать трудности. Зачем ее благословение здесь... Не знаю. Не исключено, что вы этого тоже никогда не поймете, потому что подобное прикосновение богов сложно ощутить смертным. Может быть, эта капля поможет там, где без нее не хватило бы сил.

— А почему говорить об этом вы хотели именно при мне? — спросила я, заставив себя успокоиться и настроиться на серьезный лад. Хорошее настроение много лучше уныния, но сейчас моя радость явно неуместна.

— Ты дочь своего отца, в тебе — сила первого кесаря Вираты. Мир создан из огня и камня, суть — Искры и Железа человека. На человеческой крови держится небесный купол, вылепленный в незапамятные времена Обжигающим Глину. Порождения Хаоса, от которого мы укрыты небосводом, никогда не оставляли надежды разорвать наш мир в клочья. Они не выносят упорядоченности, целостности чего-либо, их приводит в ярость само наше существование. Хаос вечен. Он долго выжидал и наблюдал — и нашел решение: то, что держит человеческая воля, человеческая воля способна и уничтожить. Боги ведут битву с сотворения мира, но им не под силу менять волю людей, а среди людей... нашлись те, в чьем сердце Хаос свил... свое гнездо. — Длинный монолог забрал последние силы старухи. Начала она достаточно уверенно, а под конец стала запинаться и задыхаться. Женщина прикрыла глаза, тонкие пальцы судорожно вцепились в подлокотники, а на лбу выступила испарина.

Мы с Ивом тревожно переглянулись, но перебить не решились.

— Сейчас мир особенно уязвим. Небо... закалялось в крови мужчин, а сила мужчин и женщин слишком различна... по природе. Пока ты жива, небо не рухнет, и твой сын... сумел бы все исправить... Но отсрочкой, которую боги дали людям, воспользовался Хаос. Семена его... созрели... Огонь поможет... — голос сошел на бормотание, а потом женщина вздрогнула всем телом — и замерла, уронив голову на грудь.

Ярость Богов протянул руку, коснулся запястья жрицы и хмуро качнул головой. Я сжалась в кресле, стиснув подлокотники, и затравленно уставилась на лежащее в кресле тело.

Было сложно связать воедино образ крепкой моложавой женщины, возлагавшей мне на голову Шипы-и-Пряжу, все еще звучащий в голове надтреснутый голос и вот эту бледную неподвижную оболочку.

Фир бросил на меня взгляд, резко поднялся с кресла и вызвал слугу. Вскоре в кабинете поднялась деловитая суета, и покойницу унесли вместе с креслом. Эту пару минут я сидела, глядя куда-то в пространство перед собой, сквозь предметы, а потом подошел Ив, опустился рядом на корточки, осторожно сжал мое запястье и негромко спросил:

— Ты как?

Вздвогнув, я с трудом сфокусировала на нем взгляд и пробормотала:

— Не знаю, я просто... Два дня назад это была крепкая здоровая женщина, а сейчас... вот это. — Я судорожно втянула носом воздух, свободной рукой вцепилась в ладонь мужчины и выдавила улыбку. — А еще я впервые вижу смерть.

— Может, тебе стоит пойти отдохнуть? Или хотя бы выйдем на воздух? — нахмурился он.

Я сделала еще один глубокий вдох, прикрыла глаза, медленно выдохнула и тряхнула головой, пытаюсь взять себя в руки.

— Не надо. Сколько можно отдыхать, пока другие работают? Это только минутная слабость, все случилось слишком неожиданно. Был человек — и вдруг нет человека... Вечером поплачусь мужу, пусть утешает, — вымученно улыбнулась я.

— Ты сейчас это скептически сказала или всерьез? — Ив еще больше нахмурился, а в голосе звякнули знакомые железные нотки, так что я поспешила взять себя в руки и успокоить мужчину.

— Я не уверена, что вечером еще буду об этом переживать, — ответила, чуть поморщившись. — Ив, Стъель... хороший. Правда. Все замечательно, насколько это вообще возможно в нашей ситуации. Конечно, договариваться мы будем долго, потому что для этого мне сначала нужно выучить его язык. Но договоримся. Если выживем, — я мрачно вздохнула, спешно сворачивая к важной теме. Было гадко думать о собственных удовольствиях — сейчас и здесь, где три минуты назад умер человек. А если мы продолжим обсуждать Стъеля, я непременно начну об этом вспоминать.

— Куда мы денемся! — хмыкнул он. — Знаешь, пойдем все-таки отсюда, ты бледная. Поговорить можно и по дороге.

Подумав, я не стала возражать. Мне казалось, что в самом воздухе комнаты до сих пор висела какая-то смутная тень. Держащий-за-Руку, конечно, всегда рядом, поэтому его так и зовут, но сейчас я почти его видела, и это было неприятно.

— Интересно, почему она пришла поговорить только сегодня? И зачем вообще пришла? Я вполне могла почтить ее своим присутствием, — негромко проговорила я. — Может, тогда бы...

— Она очнулась только сегодня, — пояснил Ив. — Я в прошедшие дни несколько раз посылал в храм справиться о ее самочувствии, и до сих пор она не приходила в сознание. Сегодня я приехал сам, чтобы не откладывать разговор дольше и обратиться к кому-то еще, но Авла вдруг очнулась и пожелала говорить с тобой. Почему-то ей принципиально было сделать это именно во дворце.

— Может, дело в его сущности? — предположила я. — Может, она хотела, чтобы он ее слышал? Или не хотела, чтобы слышал кто-то, от кого способен защитить только он?

— Имеешь в виду семена Хаоса? — задумчиво, с недоверием уточнил Ив.

— Что-то вроде них. Но я вообще довольно смутно поняла, что она хотела сказать. То есть говорила она понятно, но какие-то странные вещи. Это ведь... легенды. Старые замшелые сказки. Боги никогда не подтверждали и не опровергали мифов, которые придумывали про них люди, а здесь... погоди, а куда мы идем? Не наружу?

— Ты права, — отозвался Ив. — Она наверняка не просто так хотела разговаривать именно во дворце. Мне тоже сложно спокойно воспринимать то, что Авла наговорила, но она была в своем уме и явно уверена в своих поступках. А осознанные поступки верховной жрицы Идущей-с-Облаками — хороший повод задуматься. Поэтому предлагаю не тратить время понапрасну и сделать то, что я обычно делаю в таких случаях, — чуть улыбнулся он.

— То есть? — я нахмурилась, не понимая, куда именно мы идем.

— Поговорить с Даором, — пожал плечами мужчина, и я тоже не удержалась от улыбки.

Мы шли по непривычно тихим и пустынным переходам Нижнего дворца, не похожего на самого себя. Многие обитатели покинули его после появления нового кесаря. Даор хоть и жаловался, как ему теперь будет неудобно, но полностью разделял мнение, что для репутации правительницы подобное вредно. Эта мера уже добавила мне симпатии в народе и, к счастью, не принесла прозвища. А то очень не хотелось

остаться в истории Тией Разогнавшей Бордель.

Мысли об окружающей пустоте заставили меня вспомнить еще об одном важном деле: идее организации в Верхнем дворце учебного заведения.

Школа рядом с резиденцией кесаря, конечно, не самый удобный вариант. Это сейчас там остались мои друзья и другие люди, которых я хорошо знаю, а потом начнут появляться новые, чужие. Кроме того, близость Нижнего дворца не будет способствовать учебе, отвлекая студиязов дополнительными соблазнами, да и здешние обитатели могут не обрадоваться соседству с шумной разношерстной толпой молодых и деятельных учеников из разных сословий. Но все это решалось надежным красивым забором. Придется немного помучиться с перепланировкой, но я решительно возражала против такого количества пустующих помещений, а заполнять их придворными бездельниками... Определенно, студенты лучше.

Один из моих предков построил эту резиденцию для своей супруги, которая не любила Нижний и чувствовала себя в этих стенах неуютно, потом дворец какое-то время считался именно жилищем кесаря, его семьи и приближенных. Но лично мне не хотелось возвращаться к этой традиции, Нижний нравился мне куда больше — сам по себе, безотносительно того, что здесь происходило в последние годы.

А кроме того, здесь сейчас, с исчезновением чар Идущей-с-Облаками, было гораздо безопаснее: дворец сам мог вступить за меня при необходимости.

Ив жаловался, что дворец его не слушается, и предполагал, что причина — в его чуждости роду кесаря. Однако сущность эта, хоть и питала защитные чары со своей стороны, и даже могла перекраивать их по собственному усмотрению, шла на подобное очень неохотно, и плевать ей было на то, у кого какая кровь в жилах и кто какой пост занимает: мои приказы она исполняла не намного лучше, чем распоряжения Ярости Богов в бытность его первым регентом. То есть со стороны казалось, что это почти разумное и вездесущее создание легко могло решить все наши проблемы, но на деле пользы от него было не так уж много. Единственное, что Нижний выполнял без возражений и даже с удовольствием, — это открывал мне двери в нужные комнаты. Чем-то ему это очень нравилось.

А еще он почему-то считал своим долгом защищать меня и никого больше. На меня здесь не действовали никакие чары, кроме целительских. И мысль об этом казалась созвучна только что сказанным жрицей словам. Может, именно в этом смысл крови кесаря? Может, она не только к

Небесному куполу имеет отношение?

Даора мы застали за работой. Алый Хлыст удобно устроился на ложе в окружении каких-то бумаг, а неподалеку притулился за небольшим столиком писарь, которому седьмой милор и советник по внутренним вопросам надиктовывал письмо.

— Сиятельная, какая честь видеть вас в моей скромной обители.

При нашем появлении Алый Хлыст быстро, но без суеты поднялся со своего места для приветствия. Меня кольнуло чувство неловкости: этот человек был в несколько раз старше и на порядок умнее. Но правила есть правила, особенно при посторонних. Посторонний — писарь — тоже поспешил бросить все свои дела, выскочить из-за стола и согнуться в поклоне.

— Не стоило беспокойства, вам достаточно было просто отдать распоряжение, и я с удовольствием явился бы сам, — продолжил тем временем Даор, пока я устраивалась в кресле.

— Ничего страшного, дело не срочное, а мне захотелось пройтись, — отмахнулась я, поморщившись при воспоминании о том, что заставило меня покинуть комнату, в которой я в последнюю пару дней работала: старый кесарский кабинет Ив искорежил так, что его до сих пор не привели в порядок. — Заканчивайте спокойно свои дела, я подожду, — сообщила я, жестом разрешая окружающим сесть.

Алый Хлыст закончил быстро, выпроводил писаря и вопросительно уставился на нас, ожидая пояснений. Ив коротко рассказал о происшествии и почти дословно передал слова жрицы.

— На самом деле я не понимаю, что такого важного и серьезного она сказала, — со вздохом призналась я. — Ну Хаос. Звучит грозно и многозначительно, но уж очень расплывчато. Нам противостоят обычные люди, или все-таки есть некая могучая сила? И при чем тут огонь? Их предлагается сжигать заживо? — я содрогнулась от подобной перспективы.

— Какая недостойная кесаря и вообще юной девы кровожадность, — с иронией заметил Даор. — Я склонен предположить, что огонь употреблялся в аллегорическом смысле. Может быть, Искра, а может — вовсе чувства. И я нахожу, что в этих словах чрезвычайно много пищи для размышлений. Мотивы, цели, истоки...

— Не знаю, — с сомнением вздохнула я. — Даже если предположить, что они собираются уничтожить мир и это доказано, это ничего не дает. Мы ведь не знаем, как его можно уничтожить. Оборвать какую-то из королевских династий? Да, наверное, проще это сделать с моим родом: прямых потомков больше нет, а из-за того, что я женщина, мир в этом месте

особенно уязвим... Бр-р, как звучит-то! Но даже если это так, это ничего не меняет, вы и так прилагаете огромные усилия, чтобы венец на моей живой голове сидел крепко.

Даор тонко улыбнулся и слегка наклонил голову.

— Стараемся, сиятельная. И теперь будем стараться еще лучше! Да, эта информация не меняет наших планов на будущее, но зато она содержит подсказки к ответу на вопрос «Почему все происходит?». Многие мифы, друзья мои, вызывают куда больше сомнений, чем веры. Боги о прошлом молчат, мы же догадываемся и строим гипотезы в лучшем случае на основе пары непроверенных фактов. А рожденные из этих догадок легенды противоречивы, в разных странах разные люди рассказывают их по-своему. Сложно отделить те, в которых есть зерно истины.

— Почему? Я что-то не припомню особенных разночтений, — вставила я, но тут же смущенно признала: — Хотя, конечно, я тот еще знаток...

— Поверьте мне на слово, противоречий масса. Например, Немого-с-Лирой в одной из легенд звали Гласом Бездны, и был он совсем не созидающим божеством, а, наоборот, лютым врагом Обжигающего Глину, и мир боги создали только тогда, когда эти двое примирились. А от голоса он отказался добровольно и потому, что мог им разрушить небесный свод. И, кстати, крик Немого-с-Лирой — одна из вероятных причин конца света. Проблема в том, что мифы и легенды — это огромный пласт информации, с которым никогда не работал не только я сам, но, что гораздо хуже, никто из проверенных людей. В свете утверждения о том, что противостоит нам нечто невероятное и прежде невиданное, мы не знаем способа определить замешанных и в полной мере можем доверять лишь тем, кого отметили боги. Авла была лучшим вариантом, поскольку пользовалась доверием Идущей-с-Облаками, но увя.

— А Хала? — спросила я с надеждой. — Может, спросить у него? Он многое знает.

— Я уже спрашивал его о мифах, еще когда Стъэль явился со своими откровениями про конец света, но Пустая Клетка тоже не смог сказать ничего вразумительного, — вставил Ив. — Если дословно, он заржал в ответ и заявил, что хоть и старьёй, но не настолько. Вряд ли сейчас вспомнит что-то новое.

— Кстати, может, Стъэль что-нибудь знает? — пробормотала я, хмурясь.

Мужчины как-то странно переглянулись, после чего Даор мягко уточнил:

— Почему ты так решила?

— Чем-то же он занимался пять лет в храме Немого-с-Лирой, — пожал плечами, ответила я.

— А почему именно этим? — любопытствовал уже Ив.

— А чем еще? — я вновь пожалала плечами. — Он умный, образованный человек. Общаться там особо не с кем, и я не думаю, что он горел желанием это делать. Лично мне трудно поверить, что он копался в храмовом огороде, занимался уборкой или чем-то подобным. Развлечений никаких нет, поэтому остается только чтение. А что еще можно читать в храме, помимо легенд и исторических хроник? Ну и кроме того, почему-то ведь Немой-с-Лирой выбрал именно его, привел сюда! Не только же потому, что он честный, благородный и образованный. Не один ведь он такой во всем мире!

— Справедливо, — похвалил Даор, вежливо склонив голову, и тут же вернулся к главной теме разговора: — Складывается впечатление, что основные события будут разворачиваться где-то здесь, в непосредственной близости от дворца, и боги целенаправленно собирают здесь тех, кто может помочь. Ив, Хала, Рина, теперь вот Стъэль, если предположения верны... Вырисовывается любопытная цепочка, в которой каждый тянет за собой следующего.

— И что это нам дает? — слегка подобрался Ив.

— Ничего. Говорю же, любопытная цепочка, — Альый Хлыст улыбнулся. — Нам остается только следовать за ней и ждать.

— Значит, пойдем говорить с альмирцем? — предложила я. Старательно уговаривая себя, что хочу поскорее увидеть мужа исключительно по делу, а не потому, что губы ноют в желании поцелуя, стоит мне о нем вспомнить.

— Прошу простить, но — без меня. — Даор красиво развел руками. — Боюсь, на весь сегодняшний день до вечера у меня несколько иные планы. Но я уверен, что вы справитесь и сами.

— Что-то случилось? — хмуро спросили мы, переглянувшись, едва ли не хором. Чтобы Альый Хлыст, да отказался поболтать о высоком и покопаться в интересной загадке?

Даор едва заметно улыбнулся, окинув нас обоих выразительным взглядом, потом все же ответил.

— Неизвестно. Просто тревожные слухи. Пока, — со значением добавил он. — Их нужно осмыслить, уточнить детали, а это я предпочитаю делать в покое и одиночестве.

Намек был более чем понятным. Конечно, как кесарь я могла

приказать ему что угодно, тем более в свете весьма расплывчатой присяги, юридически дающей сюзерену практически неограниченные права. Но не хотелось начинать творить глупости вот так с ходу, поэтому я предпочла откланяться.

— А ты-то никуда не спешишь по срочным делам? — спросила железяку, когда мы вышли.

— Мое самое главное и срочное дело — охранять тебя, — усмехнулся Ив. — Можно сказать, сейчас я только этим и занимаюсь. Конечно, Даор пытается потихоньку привлекать меня к делам своей милии, но я слишком бестолков для этого.

— Не прибедняйся, — проворчала я, а потом сквозь прищур пристально уставилась на него, озаренная внезапной идеей. — Погоди, получается, у тебя сейчас много свободного времени?

— Наверное, можно сказать и так. А что? — Ив удивленно вскинул брови.

— Как ты смотришь на то, чтобы заняться организацией в Верхнем дворце учебного заведения для одаренных?

— Какого? — растерянно уточнил он.

— А какого захочешь, — великодушно разрешила я. — Смотри, ты ведь идеально подходишь! Ты проверенный и надежный человек, у тебя есть опыт создания подобного, подбора учителей и отбора учеников, ты прекрасно разбираешься в людях...

— В людях разобрался Хала, — возразил Ярость Богов.

— Хала в любом случае откажется с этим связываться, это ведь не государственная необходимость, а просто толпа буйной молодежи, — ответила я с сожалением. — А больше мне не к кому обратиться, всем не хватает либо здоровья, как Пустой Клетке, либо авторитета, как той же Пастушьей Свирели. Случайного человека брать не хочется, все-таки соседями будем, а у тебя, мне кажется, должно получиться. Организуем университет. Был ты Железным регентом, будешь — Железным ректором! Да не смотри на меня так затравленно, это просто предложение, я же не заставляю, — резюмировала я.

— Я подумаю, — кривовато усмехнулся Ив и предпочел перевести тему. — Куда мы теперь?

— Говорить со Стъёлем, — со вздохом ответила ему. — Я понимаю, что все это может подождать до вечера и лучше бы мне вернуться к бумагам, которые остались на столе. Но очень хочется узнать, угадала я или нет.

— Тогда почему не откроешь дверь сразу в нужную комнату?

Помнится, ты с удовольствием пользовалась этой возможностью.

— Он сейчас на конюшне, а дотуда я дотягиваюсь, только чтобы осмотреться, влияние дворца ослаблено. Стъэль готовится к тому знакомству со столицей, о котором говорил Даор. Глупость все-таки. Неужели обязательно тратить на это столько времени?

— Люди любят красивые зрелища, — сказал Ив, пожав плечами. — Я понимаю, почему Алый Хлыст хочет сделать все именно так. Кесарь в колеснице — это очень яркий, понятный каждому жителю символ. Понятно, что править страной — совсем не то же самое, что четверкой лошадей, но твердо стоящий на ногах правитель, уверенно держащий вожжи, вселяет оптимизм. То есть он как минимум силен, достаточно здоров и ловок. Это мы с тобой понимаем, что подобное — не главные качества для правителя, но кесарь для людей — это еще и главный защитник. Слухи о Стъэле ходят один другого страшнее, и, если его скоро увидят вот таким, это позволит заметно успокоить народ. Да, в шрамах, кривой на один глаз, но красота в списке достоинств хорошего кесаря точно не значит. Разве что в глазах потенциальных невест, но это не наш случай. Кроме того, подальше в тень отступит фигура Железного регента, что только облегчит всей стране жизнь. Меня в народе не слишком-то любили, — ухмыльнулся он.

— Да. А еще большие мальчики любят большие игрушки, а куда уж больше колесницы, правда? — с напускной грустью вздохнула я.

— Не ворчи, — отмахнулся Ярость Богов со смешком. — Даже если и так, тебе жалко, что ли?

— Ну... нет, — от такой постановки вопроса я даже растерялась. И кстати вспомнила идею, подкинутую Райдом и забытую за последними треволнениями. — Ив, а у меня еще вот какая мысль появилась. Может, ты Стъэля и поучишь? Ты вроде бы ловко управляешься с этими зверюгами.

— Мне-то нетрудно, если он согласится. А что, так хочется нас подружить? — иронично спросил мужчина, легко меня раскусив.

— Ну... да, — честно ответила я. — Мне кажется, у вас много общего и вы легко друг друга поймете. Со скидкой на его трудности с общением.

— Посмотрим, — хмыкнул Ив. — А тебе не кажется, что ты уж слишком быстро и полностью доверилась альмирцу? То, что он повел себя с тобой... достойно и проявил заботу, характеризует его хорошо, я согласен. Хорошо как человека, мужчину, но не политика.

— Определить его лояльность как политика и государственного деятеля прекрасно сумеет Голос Золота, в помощь которому его предложил Виго, — отмахнулась я. — Он, конечно, сказал, что Унат стар и теряет

хватку, но этот лис на деле переживет всех нас, и ум у него яснее, чем у нас всех, вместе взятых. Но я прекрасно понимаю, что Стъёлю пока этого знать не обязательно. Я не доверяюсь ему... быстро и полностью. Хочу этого, но меня слишком хорошо учили для подобного. Просто я желаю, чтобы хотя бы в моем ближнем окружении все было тихо, спокойно и мирно настолько, насколько это возможно. И да, в том числе чтобы ты не косился на него как на врага и злодея. Можешь сделать мне такое одолжение? — попросила я, искоса глянув на спутника.

— Тебя действительно очень хорошо учили, — чуть улыбнулся Ив. — Даже странно. Я помню тебя младенцем, а разговариваю с тобой и чувствую, что ты если не старше, то заметно умнее меня. Я вот, например, поверил Даору, что Унат действительно сдает, а это, оказывается, военная хитрость...

— Да ладно, — от такого ответа я даже смутилась. Второй раз подряд меня сегодня хвалят, причем всерьез. Приятно... — Это просто ты в последнее время как не в себе. С момента исцеления.

— Есть такое дело, — широко ухмыльнулся он. — Просто я никак не могу понять, где тот я, в которого следует вернуться. Влезать в шкуру Железного регента сейчас очень тяжело и совсем не хочется. Да, она полезна для дела и во многом удобна, да, я действительно выскочил из нее слишком резко. Может, со стороны это выглядит странно и даже пугающе, но... честно говоря, мне совсем не хочется иметь что-то общее с большей частью собственного прошлого. Одно дело — изобразить прежнюю железяку для посторонних, и совсем другое — действительно вернуться к этому поведению. Обещаю, я возьму себя в руки, начну радовать старину Даора сдержанностью и предсказуемостью, но не сейчас. Слишком много эмоций, ощущений, новых мыслей и перспектив, нужно время, чтобы освоиться и отдышаться.

— М-да, я об этом не подумала, — протянула я задумчиво и тут же опомнилась. — Кстати, о перспективах! Когда вы с Риной успели пожениться?

— В вечер перед твоим представлением, — мужчина чуть пожал плечами. — Можно подумать, на это нужно много времени и ума!

— Я, конечно, понимаю, что это не мое дело, но... а куда вы-то так торопились? Или все же вас можно поздравить с грядущим пополнением?

— Даор, — поморщившись, коротко ответил он.

— Что — Даор? Его-то с чем поздравлять? — опешила я.

— Он высказался в том духе, что женатым я доставлю ему меньше проблем, чем непредсказуемым еще и в личной жизни. И это справедливо.

— И как? — осторожно уточнила я. — Ты не сердишься на него? То есть ты счастлив?

— Я сейчас счастлив независимо от внешних обстоятельств, — хмыкнул Ив. — Меня даже грядущий конец света не особенно расстраивает и пугает. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Рина... с ней хорошо. Скажем так, я считаю, что с ней мне лучше, чем могло быть с кем-то еще, — на его губах появилась очень непривычная, теплая, какая-то даже мечтательная улыбка.

По-моему, такое выражение лица само по себе служило хорошим ответом на все вопросы, но заострять на этом внимание я не стала, даже удержалась от насмешек. Просто чтобы не спугнуть его. Если он действительно влюблен и это мне не кажется, то лучше не трогать и не подталкивать его к осознанию. Вряд ли он, конечно, со страху сбежит от своей женщины, если уже на ней женился, но мало ли как отреагирует? Мужчины в этом отношении смешные. Да, впрочем, многие женщины тоже.

— В общем, у нас с тобой похожая ситуация. Только тебе тяжелее, мы с Риной гораздо дольше знакомы, чем ты со своим мужем, — резюмировал он.

Конюшня и некоторые другие хозяйственные постройки располагались за правым крылом дворца, за парком, чтобы не бросались в глаза высокородным обитателям. Помимо конюшни здесь имелся даже небольшой стадион, на котором регулярно устраивали состязания, включая и бега. Правда, четверки тут не соревновались, места было маловато. Да и нехорошо отнимать такое всенародно любимое развлечение у жителей Вира: на дворцовый стадион могли попасть далеко не все желающие.

Спускаясь по пологой мраморной лестнице, мы разглядывали группу людей у левого края стадиона и знакомую упряжку. В колеснице стояли двое, с такого расстояния я не видела лиц и фигур, но предположить было нетрудно: Стъэль и кто-то из конюхов. Пока мы спустились и приблизились — молча, потому что я с жадностью и напряжением наблюдала за происходящим: четверка успела сделать несколько кругов по стадиону, то шагом, неторопливой рысцой, то широкой, размашистой рысью, едва не срываясь в галоп. Когда колесница в очередной раз прокатилась мимо группы зрителей, лошади перешли на шаг и на землю спрыгнул один из ездоков.

Почему-то в этот момент мне стало совсем беспокойно. Казалось бы, повода сомневаться в умениях мужа нет, и, если более опытный человек отдал ему вожжи, значит, вполне в нем уверен. Тогда почему сердце так

замирает, откуда этот ком в горле и непонятный страх, что сейчас непременно произойдет что-то плохое?

Может быть, все потому, что я терпеть не могу этих ржавых тварей с их сволочным нравом, и у нас это взаимно? У них никакого уважения к титулу и роду, у меня — к родословной, выучке и статям...

Я убеждала себя, что проблема именно в этом, но все равно нервно оглядывалась по сторонам.

— Тия, с тобой все в порядке? — наконец тревожно спросил Ив, когда мы уже шли вдоль низкой оградки стадиона к зрителям.

— Не знаю, мне почему-то очень беспокойно. Как будто...

Меня прервал резкий, пронзительный, пробирающий до костей крик, хлестнувший по нервам. Я дернулась и охнула от боли, зажав уши обеими руками.

Они камнем пали из-под окрашенных алым облаков — две птицы, две густых непроглядно-черных тени. Огромные, каждая с лошадь размером, с широкими крыльями, края которых, кажется, металлом поблескивали на солнце. Одна с новым воинственным кличем кинулась на нас, другая — на несущуюся во весь опор четверку.

Удар первой отбил Ив, который, в отличие от меня, успел среагировать и поднять защитный купол. Черная крылатая тень взвилась в небо, поднимая крыльями ветер, и явно собралась зайти на новый круг.

Вторая птица попыталась схватить возницу, но мужчина каким-то чудом увернулся. Промчавшись мимо, тварь полоснула когтями по боку правого коня. Тот закричал от боли — почти по-человечьи, я никогда не слышала, чтобы лошадь издавала такие звуки, — и шарахнулся на остальных скакунов, едва не сбивая их с ног.

Дернулась колесница, и я видела — во всех подробностях, будто время замедлилось, — как возница вылетел вбок, прокатился по земле.

То ли обезумевшие от страха, то ли разъяренные лошади неслись прямо на застывших в ужасе людей. Что-то заорал Ив, но его как будто не слышали, и мужчина бросился наперерез упряжке.

Я тоже его не слышала, я видела только лежащее в песке неподвижное тело, на которое нацелилась вторая тень. Сорвалась с места я одновременно с Железным регентом.

В голове вдруг стало ясно и пусто, никаких сторонних мыслей. Только отчетливо отпечатавшиеся в сознании слова старого фира, учившего меня обращаться с даром, бешеный стук крови в висках, боль в груди и боку от быстрого бега и обратный отсчет мгновений до того, как когти сомкнутся на незащитной плоти.

У любого, даже самого могучего фира есть одно ограничение: мы не можем изменять мир на большом расстоянии от своего тела. Можем прийти, изменить и уйти. Некоторые чары можно передать по земле или по воздуху — так отправляют послания на дальние расстояния. Но защитный купол, увы, к подобным исключениям не относится...

Я даже не поверила в первое мгновение своим глазам, когда когти — огромные, каждый с мою руку, — высекли сноп блестящих искр из воздуха почти над самым телом лежащего мужчины.

Успела!

Разочарованный, полный злости крик опять ввинтился в уши, птица пролетела мимо. В следующее мгновение я наступила на подол собственной туники, полетела кубарем. Тут же вскочила, со злостью подпернула его и, преодолев последнюю пару метров, рухнула на колени рядом с мужем.

Легкие горели огнем, и казалось, что воздуха вокруг не осталось вовсе, а они вот-вот разорвутся. Нельзя, нельзя было так пренебрегать физическими упражнениями!

Перед глазами плавали цветные круги, будто еще мгновение — и я просто упаду в обморок рядом со Стъёлем. От этой мысли мороз прошел по коже: это означало смерть.

Стараясь не выпускать из вида птицу, я первым делом нащупала пульс на шее мужа. Живой.

Когти клацнули по воздуху над самой моей головой. Я инстинктивно сжалась, но тут же заставила себя распрямиться, чтобы не упускать врага из виду.

Птица не сдавалась, пикировала снова и снова, но я уже не дергалась так от каждого ее крика, больше занятая осмотром мужа. Шея была цела, дыхание, насколько я могла видеть, ровное.

А через мгновение Стъэль вздрогнул, кажется, разбуженный моими прикосновениями, с трудом открыл глаз, болезненно щурясь. Потянулся рукой к собственной голове, зашевелился, пытаясь встать. Я с облегчением отметила, что ноги и руки вроде бы двигаются, значит, и спина цела. Но все равно прохрипела, прижимая его за плечо к земле:

— Не двигайся! Мало ли что там у тебя за раны!

Птица вновь крикнула, Стъэль вздрогнул от пронзительного звука и все-таки рывком сел, не сводя взгляда с твари.

— Не вставай. Чем меньше купол, тем проще его держать, а у меня не столько сил, как у Ива, — попросила я, обхватила его сзади за плечи, почти укладывая на себя, прижимая его голову к своей груди. — Как же ты меня

напугал... — прошептала ему, почти уткнувшись губами в его макушку. — Я не для того замуж выходила, чтобы на второй день овдоветь!

Стъэль покорно расслабился и смежил веки, осторожно сжал предплечье моей руки, обнимавшей его за шею. Но очередной крик опять заставил его напрячься и уставиться на упрямую тварь.

А мне больше всего хотелось сейчас зажмуриться, заткнуть уши и забиться куда-нибудь под кровать. Но приходилось настороженно следить за движениями нападающего, гадать, на сколько еще хватит защиты, и судорожно перебирать в памяти все, что я могла слышать о подобных существах и способах борьбы с ними. Увы, там было совершенно пусто. А между тем от каждого удара купол прогибался, как будто противостояло мне не животное, пусть и огромное, а другой фир. И я все никак не могла оценить, насколько хватит моих сил. Казалось, что надолго, но вопрос — как скоро надоеет птице?

Единственной светлой мыслью стало позвать на помощь, но я не представляла, кто вообще способен с этим справиться.

В этот момент я наконец вспомнила, что на стадионе мы не одни, но оглядеться в поисках Железного регента не успела — землю сотряс тяжелый удар. В ответ на это птица издала какой-то совсем новый, непонятный звук, похожий на болезненный стон, и вновь бросилась вниз, уже не на нас, а куда-то за наши спины. Новый удар оборвался тишиной, звенящей в ушах.

Оглянулись мы вместе со Стъэлем, который мягко высвободился из моих рук и сейчас сидел сам, опираясь на одну руку, а второй держась за голову, пострадавшую при падении.

Ив, слегка припадая на правую ногу, спешил к нам, озираясь и порой поглядывая в небо, а чуть в стороне виднелась груда камней, из-под которой торчало изломанное черное крыло.

— Убил бы! — мрачно сообщил Ярость Богов, останавливаясь рядом с нами и окидывая цепким, пристальным взглядом.

— За что?! — возмутилась я. — Что я, по-твоему, должна была...

— Это было междометие, не требующее ответа, — усмехнулся он, перебив мои возмущения: явно успокоился, увидев, что мы оба почти не пострадали. — По-хорошему, вы-то точно не виноваты, но напугала ты меня здорово. Живой? — уточнил фир, окинув Стъэля вопросительным взглядом.

Тот только поморщился в ответ, но поднялся на ноги. Я дернулась было поддержать его под локоть, но своевременно одумалась: если он начнет падать, я его точно не удержу. К счастью, покачнувшегося альмираца

ухватил за плечо Ив и выпустил только тогда, когда убедился, что тот стоит на ногах.

Мужчины одновременно протянули мне руки, чтобы помочь подняться, я недолго думая ухватилась за обе ладони и буквально взлетела с земли.

— Что это были за существа? — проворчала я, отряхивая подол.

Толку от этого не было никакого, разве что я обнаружила свежую ссадину на тыльной стороне ладони — очевидно, получила ее, пока кувыркалась по плотно укатанному песку. И не только на руке — были содраны локти, плечо, колени тоже саднили. Да еще я вдруг обнаружила, что руки дрожат и ноги тоже, а в груди потихоньку собирается неприятный холодный комок запоздалого страха.

— Честно? Я даже в легендах про такое не читал. Хотя умом они не отличаются; когда я прибил первую, вторая буквально сама подставилась под удар. Нормальные животные вообще-то в таких случаях отступают. Ладно, придут умные люди, посмотрят, может, что и скажут. Взглянем поближе? — предложил он.

Мы синхронно кивнули, шагнули в сторону груды камней, ставшей могилой странных птиц, — и я, охнув, опять едва не растянулась на земле. Хорошо, успела уцепиться за мужа.

— Что за... ржа меня побери, ну вот как?! — простионала я, вновь аккуратно перенося вес на левую ногу. Лодыжка отозвалась тупой ноющей болью. И как я не заметила этого сразу?

— Что такое? — за обоих мужчин спросил Ив.

— Ногу повредила. Да слегка, я как-нибудь... доковыляю. Стъэль, куда! Ну ты же сам раненый! — с тяжелым вздохом проворчала я мужу, легко подхватившему меня на руки. Тот в ответ только недовольно поморщился.

— Может, правда я донесу? — предложил Ив, вопросительно вскинув брови.

Каким взглядом на это ответил альмирец, я не видела, потому что снова смотрела на него справа, со стороны повязки. Но Ив вскинул руки в жесте капитуляции и искренне, от души расхохотался.

— Спокойно, я не в том смысле! Мне Тия как дочь, я на нее не претендую.

Мой муж в ответ на это выразительно скривился, качнул головой и, на том завершив разговор, зашагал в нужном направлении. Ив, насмешливо фыркнув, двинулся следом.

«Неужели ревнует?» — шевельнулась радостная мысль, но я одернула

себя. Конечно, хотелось бы, чтобы действия мужа оказались продиктованы чувствами, но, скорее всего, двигало им что-то другое.

— Стъэль, может, все-таки не стоит меня таскать? — мягко, увещательно предложила я. — Ты же сам ударился, был без сознания, а это может быть опасно... — я ласково коснулась его виска кончиками пальцев, внимательно разглядывая рану на голове. Выглядела та, впрочем, не так страшно, как мне показалось на первый взгляд. Просто ссадина. Но на белых волосах запекшаяся уже кровь смотрелась жутковато, в очередной раз неприятно напоминая родовые цвета кесарей Вираты.

Муж в ответ недовольно скривил губы и промолчал. Как обычно.

Я вздохнула, дотянулась и поцеловала его в висок.

Как, должно быть, тяжело, когда не можешь сказать даже простейших слов, не можешь дать понять, что тебе нравится, а что нет...

Надо все-таки основательней взяться за изучение этого языка. Да, дел много, но это с каждым часом, по-моему, становится важнее.

Глава 4

О мире и хаосе

Стъель Немой

Невысказанные слова жгли горло.

Это было мучительно, почти физически больно, как будто мне в шею воткнули раскаленный стальной прут и крутили его туда-сюда.

Именно это ощущение я ненавидел всей душой, именно из-за него подался к жрецам Немого-с-Лирой. Шепотки можно было перетерпеть, презрительные гримасы тем более, жалость меня не беспокоила, даже интриги и попытки использовать калеку по своему усмотрению — как будто я головой повредился, а не потерял голос — не играли решающей роли.

А вот эта собственная беспомощность, когда ты не можешь объяснить с окружающими, когда достаточно нескольких слов — но сказать их невозможно... Вот это бесило до кровавой пелены перед глазами. Приходилось стискивать кулаки и сжимать зубы, не имея возможности ответить. Потому что для удара нужен веский повод, а его, как правило, не давали.

Я пытался говорить. Шептать, сипеть — хоть как-то. Через боль, потому что малейшая попытка напрячь горло отзывалась именно ей — режущей, острой. Только через пару дней это закончилось осложнениями, воспалением и чем-то еще, на что дан-целитель грязно ругался и посоветовал мне повеситься сразу, а не растягивать удовольствие подобными методами. Жестко и в очень грубых выражениях сообщил, что горло не заживет никогда, что нечему там заживать, и такими темпами я смогу добиться только того, что сделаю хуже и даже есть самостоятельно не смогу. Если бы дана кто-то услышал, он легко мог загреметь под суд за оскорбление принца крови, но слова были верными. Возможно, единственно верными. Я многого не понял из объяснений, все же не целитель, но главное слово — «нельзя» — запомнил накрепко. Несмотря ни на что, жить я по-прежнему хотел. Даже так.

За годы в храме я успел отвыкнуть от этого ощущения, в густой и плотной тишине старого поместья — или, вернее, почти замка — у меня не было никаких проблем по части взаимопонимания с окружающими. А

сейчас они опять вернулись, только еще острее и болезненней — то ли с непривычки, то ли от важности слов, которых я не мог произнести.

Ни выразить недовольство, ни поправить ошибку, ни пошутить, ни выругаться. Но главное, что жгло сейчас, — я даже не мог сказать спасибо.

Эта юная хрупкая девочка не раздумывая бросилась мне на помощь.

Меня не смущала личность спасительницы. Я прекрасно понимал, что, как бы она ни выглядела, она — обученная сильная фира. Признавал, что не смог бы противопоставить что-то тем летучим тварям, даже находясь в сознании, и не испытывал по этому поводу ничего, кроме благодарности к Тии. Благодарности, которую никак не мог выразить, и это очень больно жгло душу. Почему-то казалось нелепым доверять такое письму, как будто, записанные, слова потеряли бы все свое значение и смысл.

Странно, но такая ее решимость, такая храбрость совсем не удивили. Восхитили — да, потому что непривычно было встретить подобную самоотверженность в столь юной девушке, почти ребенке. Но я уже понял, что у этой девочки были отличные учителя, постаравшиеся к ее семнадцати годам вложить в хорошенькую головку как можно больше.

А еще эта ситуация меня... напугала? Нет, скорее шокировала. Потому что времени на раздумья у Тии не было, и она бросилась мне на выручку, явно не успев прикинуть выгоду и возможные проблемы от моей смерти. Даже Ярость Богов, обученный воин с боевым опытом, кинулся спасать то, что было ему дорого, — лошадей. И сознавать, что я на второй день знакомства вдруг стал настолько важен для своей жены, что она готова была из-за меня буквально рискнуть жизнью, было странно и — да, жутковато. Потому что все это требовало какой-то реакции, ответных действий, а я... даже поблагодарить толком не мог.

Единственное, что я мог сейчас, — это осторожно обнимать льнущую ко мне жену. На Тию навалился запоздалый эмоциональный откат после происшествия, женщину потряхивало, но все равно она держалась молодцом, даже не плакала. Только сидела рядом, подобрала ноги, и жалась к моему плечу, как будто ей было холодно.

А через пару секунд я решился, плюнул на все собственные представления о приличиях и потянул женщину к себе на колени. Тия тут же свернулась калачиком, вцепилась в мою рубашку, уткнулась лбом в шею и затихла. Все присутствующие сделали вид, что ничего не произошло. Да, впрочем, присутствовали здесь хорошо знакомые лица, которых сама сиятельная гспожа кесарь не стеснялась ни в каких ситуациях.

— Ив, друг мой, прости, но... ты идиот. — Даор со вздохом резюмировал подробный рассказ Железного регента о последних событиях

— не только нападения на стадионе, но и смерти жрицы.

— По сути замечания принципиальных возражений нет, тебе виднее, но хотелось бы уточнений, — со смешком отозвался тот.

— Я понимаю, что тебе очень дороги эти животные, и слуг жалко, они тоже люди. Но ты не мог бы в следующий раз верно расставлять приоритеты? Ты вообще хотя бы примерно представляешь себе, чем могла обернуться гибель Стъёля? Муж кесаря, Знающий, да еще альмирский принц... А ты лошадей спасать побежал!

— Идиот, — легко согласился Ив. — Слабый аргумент, но... этих лошадей я все-таки знаю дольше, чем принца.

Я не удержался от смешка, но шутку, похоже, кроме меня, никто не оценил. Даор недовольно поджал губы, окинул Железного регента укоризненным взглядом и заметил:

— С Риной ты тоже знаком меньше, чем с этими лошадьми. Почему-то мне кажется, что в случае с ней выбор был бы иным.

— С Риной другое дело, тут личная заинтересованность, — нехотя возразил Ив.

— Вот будь добр, приобрести личную заинтересованность и в нашем правителе! — припечатал Алый Хлыст.

— Даор, хватит, — подала голос Тия. Чуть повернула голову, наверное, чтобы видеть окружающих, но распрямиться и отстраниться даже не подумала. — Не брюзжи. Все обошлось и повернулось лучшим образом, никто не пострадал. Скажем, если бы Ив кинулся спасать Стъёля, я бы точно не подумала про лошадей, и кончилось бы все хуже. Гораздо важнее сейчас понять, что это за твари и что им было нужно. Мне показалось, они напали слишком целенаправленно для обыкновенных неразумных животных, да и мой муж явно проигрывает в питательности лошадям. Не говоря о том, что я даже легенд о подобных существах не слышала!

— Никто из тех, кто смотрел на этих тварей, не припомнил ничего существенного, — поморщился Ив. — Сейчас трупы изучают все более-менее проверенные и даже совсем не проверенные люди, но я сомневаюсь, что они додумаются до чего-нибудь путного. Тия права, основной целью был именно Стъель. Даор, молчи, я уже осознал, проникся и раскаялся!

— Очень этому рад, — заверил тот вроде бы без издевки. — Но подобное заключение меня тревожит. Конечно, у нас есть люди, желающие новой войны с Альмирой, такие же есть по ту сторону границы. Но вряд ли ради одного этого они прибегли бы к такому сложному и удивительному способу, нашли бы что попроще. А твари неизвестного происхождения и природы... — проговорил он и с сомнением качнул головой.

В этот момент я привычным способом, звонким щелчком пальцев, привлек внимание присутствующих, радуясь, что в компании находится и Гнутое Колесо.

«У меня есть некоторые предположения по этому поводу», — сообщил я. Виго удивленно вскинул брови в ответ, но перевел.

— Мы с нетерпением слушаем вас, сиятельный, — проговорил Даор, уважительно склонив голову.

Алый Хлыст при моих словах ощутимо подобрался. Если до этого он выглядел лениво-расслабленным, почти равнодушным, немного оплывшим и походил на престарелого придворного бездельника, и лишь брюзгливо поджимал губы, отчитывая Ива, то теперь от этого впечатления не осталось ни следа. Седьмой милор как он есть, не зря занимающий свое место.

Я аккуратно пересадил жену на ложе рядом с собой, и она не стала возражать. Кажется, Тии тоже было очень любопытно, и это чувство окончательно вытеснило тревогу. Женщина прижалась сзади к моему плечу — неудобно, но слишком приятно, чтобы я сумел возразить.

Рассказ занял довольно много времени. Виго хоть и знал язык жестов, но владел им отнюдь не в совершенстве, поэтому приходилось тщательно выстраивать фразы и давать советнику паузы для перевода. Закрепленного за мной помощника, лучше владеющего этим языком, звать не стали, предпочитая обходиться без лишних ушей.

Одной из причин, по которой меня не желали отпускать из храма, являлись мои знания, которых было слишком много для постороннего. Не то чтобы мне доверили какие-то подлинные секреты, если они вообще существовали, но многие вещи «для внутреннего пользования» не стоило выносить за пределы библиотеки. Во всяком случае, жрецы были в этом уверены. Но отказать королю и нарушить его приказ, разумеется, не посмели, как не посмели бы удерживать меня силой.

Во всем была виновата скука. Несмотря на настойчивое и твердое желание отгородиться от внешнего мира, на уверенность, что в храме мне будет гораздо лучше и удобнее, я не мог переделать свою природу. А сидеть на одном месте я никогда не любил, как и бездельничать. Так что единственным спасением от скуки для меня в храме стали книги, которых в местной библиотеке имелось великое множество.

Поскольку я и так просиживал над томами и свитками часами, жрецы решили использовать это стремление на благо храму и предложили мне расшифровывать и переписывать самые старые и ветхие образцы. Благо в аккуратности мне отказать было нельзя, а на старом языке я писал, читал и разговаривал бегло — результат отличного образования. Работа писаря мне

показалась забавной, к тому же стоило разрабатывать руку не только тренировками, и письмо для этого подходило как нельзя лучше.

Так вот среди прочего мне попался старый дневник, записки «скромного безымянного жреца», который вел их от лица некоего Айна Благословенного. Тот был слеп, нем и, по заверениям писаря, отмечен Немым-с-Лирой. Не удивлюсь, если Драйдр Затворивший Уста, который основал современный альмирский культ этого бога (да и не только альмирский, заложенные им традиции уверенно расползались по остальным странам), вдохновлялся в своих теориях в том числе и личностью Айна.

Тогда, когда я занимался переписыванием тусклых символов, начертанных на ветхом пергаменте, я еще понятия не имел, кто такие Знающие, поэтому просто решил, что у пророка были проблемы с головой. Уж очень специфичный текст, уж больно странные и слишком смелые вещи он описывал. Сейчас я по-прежнему не исключал варианта с умопомрачением Благословенного, но все-таки допускал, что свои слова давно покойный мученик твердил под диктовку того же бога, который привел меня сюда.

Но в любом случае меня совсем не удивляло, что эти записки постарались забыть и засунуть в дальний угол библиотеки. Сжигать труд одного из жрецов посчитали кощунственным, да и Айн Благословенный — вроде как избранный Немым-с-Лирой, но обнародовать все это значило навлечь на себя большие неприятности.

Главная и самая пугающая, неожиданная мысль заключалась в том, что Хаос за пределами небесного свода не мертв. Он населен массой опасных, жутких на человеческий взгляд существ, которые живут жизнью, принципиально не отличающейся от нашей. То есть они тоже едят, пьют, борются за существование. Но боги, устав от этого жестокого мира, решили создать свой — наш — и населить его существами более... возвышенными, чем основная масса обитателей Хаоса.

Не все люди подходят под это определение, но среди нас сравнительно немного тех, кто получает удовольствие от разрушения как процесса, и гораздо больше тех, кто стремится удовлетворить не только низменные потребности. Да, люди тоже воевали между собой, но это было неизбежно: для того чтобы любить мир и стремиться к нему, человеку нужно знать его цену. Природа человека такова, что, живя спокойной жизнью без потрясений, он либо устраивает их себе самостоятельно, либо начинает лениться и глупеть. Во всяком случае, большинство.

Почему боги сразу не создали всех людей идеальными? Ответа на этот

вопрос не давал не только Айн Благословенный, но и прочие книги, которые мне довелось читать. К нему вообще все авторы подходили осторожно или вовсе тщательно избегали, давая понять, что и сами не знают ответа. Боги об этом молчали.

Лично мне казалось, что действительный ответ лежит где-то на границе двух версий. Первая, простая и святотатственная, о том, что боги не так всемогущи, как жрецы пытаются убедить паству. И вторая, куда более оригинальная, что именно несовершенство делает людей людьми, а не богами. Небожителям же нужны не тысячи подобных им существ, а смертные, которые будут им поклоняться и чья вера даст им пищу.

— Это отчасти объясняет слова Идущей-с-Облаками, сказанные перед представлением наследницы, — заметил Ив. — О том, что воля людей сильнее воли богов.

— Вероятно, — медленно склонил голову Даор. — Если допустить, что тот Благословенный действительно был Знающим, а не каким-то сумасшедшим с оригинальным бредом... Думается мне, что не усталость от Хаоса привела богов к созданию нашего мира в его нынешнем виде или не одна она. Да и в мелочное тщеславие их, первым приходящее на ум, совсем не верится. У всего этого есть какая-то цель. Зачем-то нас создали, и создали именно такими. При этом боги связаны массой условий и запретов, из-за которых они не могут, среди прочего, рассказать нам подробности происходящего. И я даже рискну предположить, что сейчас мы находимся на пороге событий, ради которых все затевалось. Но, впрочем, предлагаю для начала дослушать Стъёля.

После его поощрительного кивка я продолжил рассказ.

Еще одно неприятное открытие состояло в том, что мир наш был не первой попыткой богов упорядочить Хаос, но, похоже, самой удачной. Подробностей в трактате не представлялось и сведения в целом были поданы в крайне мутной форме, но я сделал именно такой вывод.

Почему так происходило и чем наш мир отличался от прежних, Айн Благословенный не говорил, но возможный ответ давали другие источники. Как-то все это было связано с личностью Немого-с-Лирой, самого загадочного из богов. Почти все «неофициальные» теологи и философы сходились на том, что прежде Немой был ярким и сознательным противником богов-созидателей во главе с Обжигающим Глину и вредил им совсем не случайно. Некоторые смело называли его сыном или даже хозяином Хаоса, более осторожные — просто самым грозным из его обитателей. Но решительно все признавали, что именно помощь Немого-с-Лирой позволила богам справиться с задачей. Откуда взялась официальная

версия, на которой настаивали жрецы, и почему было столько ее противников, я так и не понял. Но все они существовали уже очень давно, параллельно друг другу.

Касательно нападавших на нас птиц — как раз Айн Благословенный и писал о чем-то подобном. Он, правда, утверждал, что у этих тварей человеческие головы, голос их убивает, дыхание зловонно и ядовито, вызывает болезни, а еще при желании ухры — так назывались эти существа — могли изрыгать огонь. Но это было вообще единственное упоминание настолько огромных летучих существ. Автор приводил их как один из примеров тварей Хаоса, но тварей бессловесных и в сравнении с богами слабых, которых последние использовали в качестве ездовых животных еще до создания нашего мира. Больше того, я встречал старинные гравюры, где верхом на подобных тварях были изображены Обжигающий Глину и Немой-с-Лирой.

— Кхм, — подытожил сказанное Даор. — Любопытно, очень любопытно! Стало быть, некто сумел протащить в мир тварей Хаоса. Некто опытный, сильный, имеющий неплохую библиотеку... или советчика из числа потусторонних сущностей?

— Думаю, второе можно отбросить, — впервые подал голос Хала Пустая Клетка, сидевший, нахохлившись, в кресле в углу комнаты. Выглядел дан угрюмым и сосредоточенным. — Если боги не имеют реальной власти и с большим трудом находят лазейки, чтобы по крупицам дать нам информацию, вряд ли их противники — кем бы они ни были — не испытывают сходных трудностей. Иначе небожители давно бы проиграли.

— Зато можно предположить, что он находится здесь, во дворце, — поддержал его Даор. — Никаких распоряжений о подготовке торжественного шествия я не отдавал, и о том, что Стъель отправится к конюшням, заранее не знал никто. Только сегодня утром я предложил этот вариант вам, в курсе были мы четверо. Потом вы отправились каждый по своим делам. Кто и когда отдал распоряжение конюхам?

«Я, примерно за час до того, как закончил дела с Голосом Золота и отправился к конюшням», — ответил я ему.

— Получается, Унат, Дрива и слуги. Я распоряжусь, чтобы со всеми ними поговорили. Впрочем, Унат вряд ли в чем-то таком замешан...

— А кто такая Дрива? — поинтересовался Ив.

— Переводчица, — коротко пояснил Виго. — В этой стране есть люди, знающие альмирский язык жестов, но их немного. Этот их своеобразный культ добрался и до нас. Но таких знатоков, которые не связаны со жрецами, можно по пальцам пересчитать, и это был лучший вариант. Она

достойная особа, и я бы не стал ее подозревать в чем-то вроде работы на соседскую разведку. Но когда речь идет о столь своеобразном враге, думаю, под подозрением оказываются все, кроме людей, отмеченных богами.

— В таком случае под подозрением оказываешься и ты, — заметил Железный регент. — Тебя боги не отмечали.

— Разумеется, — ухмыльнулся тот в ответ. — Где уж мне, если...

— Хватит, — устало оборвал их Даор и продолжил уже мягче: — Друзья мои, сейчас не самое подходящее время для развлечений и словесных пикировок. Виго, Ив прав, твоего имени богиня не называла точно так же, как не называла она Уната. Я одинаково доверяю вам обоим, но...

— Одинаково обоих проверю, — хмыкнул Гнудое Колесо. — Мне любопытно, как ты собираешься это делать, но — проверь, не жалко.

— Еще Райд был в курсе, — нехотя призналась Тия. — Мы разговорились, и я... как-то не подумала, что эти сведения надо держать в тайне.

— Никто об этом не думал, — успокоил ее Даор. — Значит, добавим к этому списку еще и Райда. Хала, ты ведь не откажешься на них всех посмотреть? А я поговорю по-своему, расспрошу.

— Вы меня такими темпами совсем загоняете, — с укором протянул Пустая Клетка. — Проверю, только ведь нет гарантии, что я смогу почувствовать то, о чем говорила жрица. Я не знаю, где и как это искать, как это вообще выглядит. Но, конечно, попробую. Вот на Виго и потренируюсь прямо сейчас.

— Мне непонятно, почему именно птицы, — задумчиво проговорил Ив. — Как-то это ненадежно.

— Это легко объяснить, мой железный друг, — пожал плечами Даор. — Посторонним людям сложно проникнуть на территорию дворца, даже в окрестности конюшен. К тому же с людьми проще найти концы: кто нанимал, как нанимал — следы всегда остаются. А здесь... птицы. Прилетели, напали. Может, они это по собственному почину сделали, никто их не насылал, поди докажи! Почему именно они, а не какие-нибудь другие, более опасные твари? Вряд ли кто-нибудь рискнул бы прятать нечто подобное поблизости, значит, они должны были успеть добраться сюда из-за небесного купола. Птицам это сделать удобнее всего. Кроме того, мне думается, не так уж легко протащить нечто сквозь возведенную богами защиту. Может статься, что с достаточно мелкими тварями проделать это гораздо проще, чем с кем-то более страшным. Кто-нибудь еще имеет что сказать?

— Ну... я не уверена, — робко подала голос Рина — совсем молоденькая дана, сидевшая подле Ива. Я смутно помнил ее по празднику перед представлением наследницы народу и уже знал, что именно она вылечила Железного регента.

— Мы тебя слушаем, драгоценная, — подбодрил ее Альый Хлыст.

— Господин Стъель приводил описание подобных существ как гадких тварей, действительно похожих на противоестественные порождения Хаоса, и все такое. Но ведь на деле это просто птицы. Да, очень большие и опасные, но в остальном они почти не отличаются от тех же орлов. И огнем они не дышали, и не травили никого, даже пострадавшая лошадь, кажется, осталась жива. И наши боги — тоже, конечно, необычные существа, очень могущественные, и выглядеть они могут на самом деле как угодно, но... почему-то ведь они, родившись из Хаоса, пожелали создать наш мир, чем-то от него отличающийся. Значит, возникла откуда-то мысль, что имеющийся мир плох. И если Хаос — это нечто очень опасное, враждебное всему живому и вообще жуткое, то как все это могло получиться? Я имею в виду, есть противоречие. С одной стороны, ухры — это нечто жестокое, опасное, чудовищное. А с другой — просто крупные необычные животные, при этом достаточно умные, чтобы дрессировать их и использовать как ездовых... Если, конечно, это действительно были они.

— Интересная мысль, — задумчиво протянул Даор. — Так ли страшен Хаос безмирья, как о нем говорят философы? Что он совсем не похож на определение, даваемое жрецами, уже можно считать очевидным.

— Стъель, ты говорил, что видел купол небосвода вблизи. Какой он? — проговорил Ив.

Я неопределенно пожал плечами.

«Сложно сказать. Похож на мутное голубоватое толстое стекло, а на ощупь гладкий и упругий, как бурдюк с водой. Казалось, что он светится — то ли изнутри, то ли источник света находится за ним. И с нескольких шагов его уже не видно, как будто и нет ничего, легкая дымка, за которой продолжается равнина».

— А та равнина, за ним... она была неотличима от той, что позади? Как зеркальное отражение? Или все-таки казалась чуть другой, как естественное продолжение? — Даор задумчиво склонил голову к плечу. Вид у него был такой, как будто советник находится где-то очень далеко от нас.

«Не помню, мы не разглядывали, — ответил я, пожав плечами. — Просто шли мимо, и старожилы решили попугать молодняк. Но скорее как естественное продолжение. Во всяком случае, собственного отражения мы

там не видели и второй Волчьей горы — тоже. Это такой пик характерной формы, похожий на задранную морду воющего волка, потухший вулкан, его в тех краях отовсюду видно».

— Занятно, — пробормотал Алый Хлыст, после чего стряхнул оцепенение и обвел всех своим обычным насмешливо-снисходительным, чуть усталым взглядом. — Если ни у кого больше нет вопросов, то я предлагаю на этом пока закончить. До уточнения всех обстоятельств. Мы пойдем выяснять подробности, а вам обоим, Тия, стоит отдохнуть, как велел целитель.

— Это точно, на сегодня впечатлений более чем достаточно, — скривилась женщина. — Надеюсь, к утру все хоть немного прояснится. Или хотя бы не омрачится еще больше...

— Все мы на это надеемся, — развел руками Даор, и гости, распрощавшись, вышли.

Разговор проходил все в той же приемной части покоев кесаря, и это радовало. Среди данов попадаются очень сильные целители, но даже они не всемогущи и не способны по своему желанию сделать так, чтобы и рана зажила, и человек был бодр и свеж, как будто ничего не случилось. Так что нас обоих хоть и подлечили, но чувствовали мы себя все равно довольно паршиво.

Да и не все раны и шрамы по силам целителям, уж мне ли не знать.

Когда дверь тихонько закрылась за ушедшими гостями, мы даже не шевельнулись. Тия так и сидела, прижимаясь к моему плечу, а я вернулся к больному вопросу: как поблагодарить и сказать ей все то, что хотелось и следовало сказать.

Взгляд мой запнулся о знакомую табличку, лежащую на краю стола, как раз неподалеку. Кажется, ее принесли слуги вместе с остальными вещами и не придумали, куда еще положить. Мгновение я колебался, а потом все же взял дощечку, для чего пришлось ссадить Тию на ложе.

Буду считать это знаком. Да, пусть это совсем не то, чего хочется, но все же лучше, чем ничего.

Я пристроил дощечку на колене, жена обеими руками оперлась о мое плечо, с любопытством следя за моими действиями. Но написать многое я не успел. «Тия, спасибо тебе за...» — а дальше мою руку накрыла ее ладошка.

— Не надо, — тихо попросила женщина. Я в недоумении уставился на нее, а Тия в ответ вымученно, нервно усмехнулась. — Меня и так начинает трясти, стоит только об этом вспомнить. Кажется, я всю оставшуюся жизнь буду видеть в кошмарах этот момент и не успеваю на ту долю мгновения,

которую... — она запнулась и закусил губу.

В ее глазах стояли слезы. Те самые, не пролитые при посторонних, потому что должно держать лицо. Час назад это была решительная, уверенная в себе и своих силах фира, четверть часа назад — сосредоточенная на важных вопросах правительница, а сейчас — напуганная девочка. И самое удивительное, она ни мгновения не лгала в чувствах — ни тогда, ни теперь. Просто до сих пор нужно было решать другие задачи, а сейчас она позволила себе вспомнить, что под оковами воспитания и долга ей по-прежнему семнадцать лет.

Семнадцать лет, ржа меня побери! Где бы это записать, чтобы постоянно помнить?!

— Давай лучше... — вновь пауза, быстрый судорожный вздох — чтобы сдержать слезы. — Давай лучше забудем обо всем этом, хотя бы до утра, ладно? Про Хаос, про этих существ, про то, что было на поле, про эту мертвую жрицу... — Она затрясла головой, закрыла ладонями лицо, потерла глаза и сдавленно пробормотала: — Не хочу... Стъэль, помоги мне забыть обо всем этом, хорошо? — Вновь подняла на меня взгляд, полный надежды. — Пожалуйста!

Только ждать, пока я как-то отреагирую на эту просьбу, Тия не стала. Поднялась, стоя коленями на ложе, поцеловала меня, но тут же вновь отстранилась, чтобы устроиться поудобнее. Перешагнула мои бедра, уселась верхом, обхватила обеими ладонями мою голову и возобновила поцелуй — жадный, отчаянный, лихорадочный. Я обнял ее, мягко гладя по спине и шее — не столько лаская, сколько успокаивая. Тия вся дрожала, и совсем не от возбуждения.

Я обхватил ладонью ее лицо, прервал поцелуй, чтобы губами собрать соленую влагу со щек. Женщина опять судорожно всхлипнула — и наконец разрыдалась, уткнувшись лбом в мое плечо. Глухо, тихо, безнадежно.

Как большинство мужчин, я обычно терялся при виде женских слез, испытывал глухое бессильное раздражение. Чаще всего причины их казались нелепыми, непонятными, и было совершенно неясно, что с ними нужно делать.

Да, пожалуй, в моей жизни до сих пор и не попадалось женщин, чьи слезы действительно имели какое-то значение. Любовницы, чьей самой большой трагедией являлся сломанный ноготь или наигранная ревность? Проще всего в таких случаях было молча отвернуться и уйти, и проблема решалась сама собой. Не только в этот момент, но и на будущее: прекрасно видя мое недовольство, в следующий раз они себе подобного уже не позволяли.

Конечно, была еще мать, которую я, в отличие от братьев, помнил хорошо: мне исполнилось шестнадцать, когда она умерла. Но королева никогда не позволяла себе плакать, тем более при детях, и это только дополнительно утвердило меня в мысли, что женские слезы не дороже воды.

А сейчас у меня на руках рыдала молодая женщина, и ощущения в связи с этим были... странные. Мысль уйти, оставив ее наедине со всем этим, показалась гадкой и низкой. Наверное, потому, что я понимал: у этих слез есть серьезная, весомая причина.

Желание помочь, как-то поддержать, успокоить было новым и непривычным, но оно разбивалось о все то же бессилие. Я понятия не имел, что могу сейчас сделать для своей жены. Оставалось только гладить ее по волосам и спине, прижимаясь щекой к макушке, и пытаться через прикосновение, через близость передать хотя бы толику своего спокойствия. Как жалко, что боги совершенно обделили меня талантом настройщика душ...

Слезы утихли быстро. Кажется, в этой короткой вспышке выплеснулось скопившееся напряжение — страх первого серьезного боя, близкое знакомство с Держащим-за-Руку. О том, что жрица умерла на глазах кесаря, я тоже уже знал от сегодняшних гостей. С одной стороны, казалось бы, ничего страшного, потому что смерть — это часть жизни. А с другой — это не страшно для человека, встречавшегося с гораздо более грязными ее сторонами, но никак не для девочки, росшей всю жизнь фактически в теплице.

— Спасибо, — хрипловато прошептала Тия, потерлась щекой о мое плечо. — Наверное, просто надо было выплакаться. Ты меня очень, очень напугал сегодня... То есть, конечно, не ты сам, а эти, черные.

Я нервно хмыкнул в ответ, женщина подняла голову и вопросительно посмотрела на меня.

— Что?

Я неопределенно пожал плечами, но все-таки подвинул дощечку ближе и честно написал: «Да я и сам испугался». Тия, прочитав, отчего-то негромко засмеялась и коротко поцеловала меня в губы. Кажется, не поверила. Потом посерьезнела, погладила меня ладонью по щеке, кончиками пальцев очертила контур губ, провела по спинке носа ко лбу, по краю пересекавшей его повязки. Странное прикосновение.

— Стъель, пообещай мне быть аккуратнее, ладно? — хмурясь, попросила она. — Я понимаю, что сейчас от тебя совсем ничего не зависело, и вообще ни от кого не зависело, но... просто пообещай. Мне так

будет спокойнее. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, и совсем не по тем причинам, о которых говорил Даор, — женщина чуть поморщилась. — То есть и по ним, конечно, тоже, но... Понимаю, это звучит не очень-то убедительно буквально на второй день знакомства, но ты мне нравишься, по-настоящему. И я не хочу учиться жить с кем-то другим, не хочу выбирать кого-то другого. Я уже к тебе почти привыкла. Хотя... знаешь, ты странно на меня действуешь, — пробормотала Тия, опять устроив голову у меня на плече. Пальцы ее принялись теребить ворот моей рубашки, как будто это помогало женщине собраться с мыслями. — Я даже со своими братьями и сестрами — ну, остальными детьми кесаря — никогда настолько не забывалась и не теряла самообладания. Даже страшно. Когда ты рядом, мне совсем не хочется думать, участвовать в важных разговорах, строить из себя настоящую правительницу. Хочется вот так сесть, закрыть глаза и поверить, что все проблемы рассосутся сами собой. Не просто хочется. Кажется, что это действительно случится. Может, я правда влюбилась? Как ты считаешь, можно влюбиться на второй день знакомства? — любопытствовала она и даже отстранилась, чтобы взглянуть мне в лицо, всерьез ожидая ответа.

А я только и сумел неопределенно пожать плечами: эта девочка опять ставила меня в тупик потрясающей смесью детской непосредственности и рассудительности взрослой, умудренной опытом женщины.

Тия на такой ответ не обиделась, очень понимающе усмехнулась — как будто это я пришел к ней, взрослой и мудрой, со странными вопросами — и легко коснулась губами моих губ, ставя в разговоре точку.

— Я придумала, как нам отвлечься, раз уж мы остались вдвоем, а до ночи еще довольно далеко. Давай ты поучишь меня своему языку? Мне кажется, так будет быстрее и лучше, чем по книге. Я вот уже выучила, как правильно строить предложения в смысле порядка слов, но над словарным запасом точно надо поработать. Как, например, будет слово «хочу»? А «поцелуй»? А «целовать» — так же?

На первые два вопроса я честно ответил, а на третий усмехнулся и поднялся на ноги, держа жену на руках. Маленькая, легкая — одно удовольствие таскать.

— Что, так и будет? — захихикала кесарь. Правда, когда поняла, куда я направляюсь, заметно оживилась. — Согласна, это очень хорошая идея. А у нас говорят, что вы почти не моетесь... То есть моетесь, конечно, но гораздо меньше, чем мы. Это мне достался такой аккуратный муж или слухи сильно преувеличены? И не кривись так, я понимаю, что ответить на вопрос «или» тебе трудно. Я вот что взяла! — и она продемонстрировала

мою дощечку. Когда только успела прихватить так, что я не заметил?

Путь до ванной был недлинным. Добравшись до места, я все-таки аккуратно поставил жену на пол и принялся раздеваться, усевшись на край ванны и взявшись для начала за сапоги.

— Стъэль, а тебе не жарко в таком виде? Почему ты не носишь местную одежду? Нет, и не надо на меня так смотреть, вот сейчас я совершенно серьезна и не понимаю, что не так. Ладно бы тебе было что прятать под одеждой, но у тебя ведь очень красивое тело, — проговорила она.

Тонкие руки обвили мои плечи; пока я разулся и стащил рубаху, Тия успела полностью раздеться, забраться в ванну и теперь прижималась ко мне со спины.

Я замер от неожиданности и опустил взгляд. Наблюдать, как ладошки с растопыренными пальцами скользят по груди к животу, ощущать тепло тела женщины было не просто приятно — все это возбуждало так, что места каким-то рассуждениям и здравому смыслу в голове не оставалось вовсе. Одна только нелепая и странная мысль билась в голове: о том, что прежде, с остальными, все было иначе, не так остро, не так ярко.

Сушая глупость, конечно, навеянная сиюминутными желаниями и ощущениями; я это понимал. Тия замечательная, да. Не только по характеру — она еще хороша собой и очень чувственная, отзывчивая на ласки, и я совершенно уверен, что, даже если бы искал жену сам, лучшей бы найти не сумел. Но дело все-таки не в ней, а в пяти годах воздержания. Так? Так.

Впрочем, осознание этого ничего не меняло: проверять на практике, оскорбляя жену изменой, я в любом случае не собирался. А если так, то стоит поблагодарить богов за подобный щедрый дар, расслабиться и получать удовольствие от жизни.

Мягкие губы чуть щекотно касались края уха, зубы осторожно прихватывали мочку, а пальцы тем временем ловко управились с пряжкой. Потом Тия распустила ремень, на мгновение замерла в нерешительности, но все же продолжила воевать с пуговицами.

— Встань, — едва слышно проговорила мне на ухо женщина, и я послушался. С шумом резко втянул воздух ноздрями, когда ладошка ее нырнула за край штанов. Неуверенные осторожные прикосновения отозвались во мне таким желанием, что пришлось спешно сосредотачиваться на чем-то отвлеченном, иначе все могло закончиться, толком не начавшись.

Например, на местной налоговой системе, о которой Голос Золота

прочитал мне сегодня продолжительную и очень обстоятельную лекцию. На редкость толковый мужик, не знаю уж, что он, по мнению Виго, забывает...

Последняя мысль в нынешних обстоятельствах вызвала нервный смешок: прекрасная тема для размышлений в тот момент, когда меня самозабвенно и увлеченно соблазняет собственная жена!

Перехватив руку женщины, я осторожно отстранился, чтобы раздеться до конца. Тия не стала упрячиться, наблюдала за моими движениями с непонятной жадностью. А когда я отбросил оставшуюся одежду в кучу к сапогам и забрался в ванну, прильнула всем телом и настороженно, с вопросом в глазах уставилась на меня.

— Тебе ведь нравится, когда я тебя трогаю? — тихо спросила она. Я медленно кивнул. — Тогда что не так?

Когда я неопределенно поморщился и дернул головой, имея в виду, что ответить не могу, Тия не растерялась и протянула мне пресловутую дощечку, лежавшую до сих пор чуть в стороне на краю ванной.

Меня начинает пугать ее предусмотрительность.

Но спорить я не стал, уходить от темы — тоже. Насколько глупым бы ни казалось мне происходящее, отвечать на вопросы жены я пока могу только так. Можно, конечно, вовсе отказаться отвечать, но... учитывая активность и непосредственность этой женщины, боюсь, она и вправду найдет, кому еще задать эти вопросы. Так что осталось сесть на дно чаши и ответить в письменной форме.

Тия тут же устроилась рядом, уютно прильнула к моему плечу. Уже гораздо более уверенные, но все такие же осторожные прикосновения женской ладони, скользящей по коже, заставили задуматься, а не отложить ли разговор на неопределенно отдаленное будущее. Но я пересилил этот порыв и ответил честно: «Слишком нравится». Задумался, подыскивая слова, чтобы сказать все как есть, но обойтись без пошлостей, однако Тия догадалась и так. Щеки ее вспыхнули от смущения, но на губах появилась улыбка — как мне показалось, довольная, — и женщина забрала у меня дощечку и палочку мела с тем, чтобы отложить ее в сторону, на пол за пределами ванны. И только после этого в ответ на мой взгляд, полный недоумения, пояснила:

— Ну и пусть. Я хочу, чтобы тебе было приятно.

Я тихо хмыкнул и потянулся, чтобы вновь взять свое средство общения, но Тия не позволила. Уперлась обеими руками в мои плечи, уселась верхом на бедра. Сосредоточенно нахмурилась и сообщила жестами:

«Я хочу тебя. Я хочу целовать тебя».

— Так же, как ты целуешь меня. Везде, — добавила словами и коснулась губами моих губ. Я в ответ со смешком качнул головой, огладил ее грудь и бока, одной ладонью скользнул между наших тел... — Не сейчас? — с понимающей хулиганской улыбкой уточнила женщина и закусила губу, шумным рваным вздохом отвечая на мое прикосновение и подаваясь бедрами навстречу.

Я медленно кивнул. Определенно, сейчас нам обоим хотелось иного. Что бы ни говорила об этом Тия, а тело ее просило о другом.

Странно происходит мое общение с этой женщиной. Почему-то, стоит нам оказаться наедине, весь разговор быстро сходит на нет, уступая желаниям тела. Может быть, это временно и через несколько дней мы станем реагировать друг на друга спокойней?

А впрочем, возможно, именно так правильно? Если другие способы общения нам почти не доступны, стоит довериться ощущениям, прикосновениям, запахам — самому честному и понятному языку?

Глава 5

О болезнях земли и тела

Из Ярость Богов

— Непривычно видеть тебя таким задумчивым и сосредоточенным, — отвлек меня от бумаг негромкий голос жены.

— Это ты так изящно намекаешь, что в последнее время меня заносит? — со смешком спросил я, бросив на нее косой взгляд. Рина стояла в дверном проходе — теплая, сонная. Несмотря на то что она была уже одета и умыта, женщина зевала и терла глаза и выглядела при этом исключительно умирительно.

— Ну, не то чтобы... — с легким смущением проговорила дана в ответ. — А вообще, лучше так. Пугающе счастливый ты нравишься мне больше, чем пугающе жестокий.

— Ну да, если вопрос ставить подобным образом, то сейчас действительно гораздо лучше, — согласился я. — Но все равно, видишь, пытаюсь работать над собой и заниматься делом. Иди сюда, будем вместе думать.

— Я не отвлекаю? — запоздало спросила женщина, но с готовностью устроилась рядом на ложе.

— Отвлекаешь, но в хорошем смысле. А то я ощущаю, что зашел в тупик. Конечно, мериться с Даором, у которого в голове явно уже сложилась четкая картинка, сложно, но хочется додуматься самостоятельно до чего-нибудь полезного. Реабилитироваться, что ли, — поморщившись, резюмировал я.

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает, — проворчала Рина в ответ.

— Мне приятно, что ты за меня горой, но правоты Алого Хлыста это не отменяет, — тихо засмеялся я. — Но на самом деле меня сейчас не это беспокоит. Сглупил и сглупил, главное, все обошлось, а в следующий раз я уже не должен повторить эту ошибку. Я о другом. Даже если отбросить пророчество Стёля и всяческие разговоры с богами, картина вырисовывается... нехорошая.

— Расскажешь? — попросила она.

— С удовольствием, если только сумею сформулировать. Например,

вон лежит донесение из Альмиры. Вроде бы ничего конкретного, но на западе страны стало напряженней, твари активизировались. Не настолько, чтобы само по себе это беспокоило, но достаточно, чтобы вкупе со всем остальным привлечь внимание. Или вот сообщение с островов. Рыба подходит к берегу так близко, что ее начинает выносить на сушу прибоем. Корабли почти не выходят в открытое море — нет нужды, мальчишки ловят бреднями. Казалось бы, милость богов, благодари и радуйся. Островитяне и благодарят, да только не просто так это все. А еще чернокровие... За последние несколько дней — почти полсотни случаев. И вроде не поветрие, да и болезнь не такая, чтобы вызвать эпидемию. Но несколько заболевших в год — уже много! А судя по всему, это не только у нас, у соседей такая же ситуация.

— А что говорят об этом целители? — хмуро спросила Рина.

— Ничего нового, — покривился я. — Если они за несколько лун болезни кесаря не сумели продвинуться в изучении этого недуга, то здесь на них рассчитывать не приходится. Они даже точно не знают, из-за чего чернокровие вообще возникает, только старые сказки. И как бы слухи не связали это с венчанием Ти! Да, Даор позаботился о том, чтобы новость о благословении нового кесаря Идущей-с-Облаками дошла до самых дальних углов. Даже, кажется, начал распространять слова некоего пророка, пообещавшего скорое пришествие Хаоса, остановить которое способна только дочь кесарева рода. Но валить проблемы на конкретного человека проще, чем на непонятную абстракцию, и наверняка найдутся горячие головы. Или не горячие, а напротив, очень расчетливые, которые попытаются использовать это в своих целях. А конкретного врага у нас пока так и не появилось.

Последний вопрос был наиболее болезненным. Худшая ситуация — когда не знаешь, откуда ждать удара. Даоровы «котики» сбивались с ног, вся седьмая миля стояла на ушах, да что там — этот змей даже Траз в конечном итоге уговорил поступить на службу! Не знаю уж, как Альй Хлыст переубедил парня и что ему посулил. Или мальчишка сам вошел во вкус? Да это и не важно, важно то, что под плотным наблюдением находилось полсотни наиболее опасных фигур, но нащупать что-то конкретное не удавалось. И оставалось только ломать голову, вздрагивать от каждого шороха, а пока ничего не случилось — делать вид, что все идет нормально, и выполнять свои прямые обязанности. И исправлять уже совершенную на этом посту ошибку.

— С птицами тоже никакой ясности? — участливо спросила Рина.

— Кое-что есть, но как с этими новостями быть, пока неясно.

Я задумчиво потрянул листом бумаги, который до сих пор держал в руке. Собственно, записка содержала последние новости от группы данов и фириков, занятых осмотром туш: кажется, эти ребята не спали всю ночь. Во всяком случае, вскоре после рассвета, когда я заставил себя покинуть постель с уютно сопящей женой и выбрался сюда, в приемную часть покоев, доклад уже был готов.

— И что там? — подбодрила женщина.

— Небольшие крохи Железа и отголоски Искры есть во всех живых существах, не только в людях. А в этих птицах слишком много Железа для обыкновенных животных, но при этом совсем не ощущается Искра. Они и летают не так, как обычные птицы. Больше всего это похоже на способ, которым мы с тобой добивались до Вира.

— Мне, кстати, до сих пор не ясно, как вы это делаете, — хмуро заметила она. — Железо ведь тяжелое, а Железные облака не имеют никакого отношения к облакам обычным. Тогда почему фиры способны парить над землей?

— Не просто парить над землей, это возможно только в грозу, — возразил я. — Железо имеет сродство к той силе, что рождает молнии, все это — стихия Идущей-с-Облаками. Именно она позволяет держаться в воздухе, но для этого надо особым образом перестроить тело, свое или лошади. Это только кажется трудным, а на деле в грозу подобное дается очень легко, мир буквально сам подталкивает в нужную сторону. Собственно, подобная перестройка — первая естественная защита фириков. Помнишь, как у меня зрительно проявлялся излишек силы? Руки казались металлическими, глаза. Так вот, все это имеет одну природу. Просто у меня сила бралась изнутри, а в грозу она буквально разлита в воздухе. А что до птиц, наличие в них Железа — не единственная проблема. Там есть что-то еще. Не Искра и не сила Идущей-с-Облаками, в этом исследователи уверены, но нечто, подобное последней и родственное Железу. А еще между ними есть какая-то связь, но природу ее установить пока не удалось. Может, именно поэтому после гибели одной другая предпочла умереть?

— Может быть, это какая-то особенная сила Хаоса? — предположила Рина. — Боги ведь пришли оттуда, и птицы эти — тоже.

— Скорее всего. В следующий раз надо попробовать ее не убивать, а взять живой, чтобы нормально изучить. Ты чего дерешься? — удивился я, когда женщина возмущенно ткнула меня кулаком под ребра.

— А что ты гадости говоришь? В какой следующий раз?!

— А ты полагаешь, что это было первое и последнее нападение? — со смешком поинтересовался я, отложил бумаги, сгреб жену в охапку и заявил

убежденно: — Мы со всем справимся, не бойся. Но не стоит заниматься самообманом, это только повредит.

— Я понимаю, — вздохнула она, тут же затихая в моих объятьях. — Но так не хочется, чтобы случилось что-то плохое. Только-только все наладилось!

Ответить на это было нечего, поэтому я ответил долгим, чувственным поцелуем. Тот так и норовил перейти во что-то большее, но здесь возмутилось чувство долга, напомнившее, что на сегодня запланирована масса дел, которая и заставила меня подняться в такую рань. Да и бумаги, которые лежали вокруг, тоже нельзя было просто взять и отодвинуть, поэтому я волевым усилием заставил себя отстраниться от женщины.

Странно, но это получилось достаточно легко.

— Хм. Надо же, похоже, я действительно потихоньку беру себя в руки, — хмыкнул я насмешливо, легко чмокнув жену в кончик носа, и пояснил в ответ на ее вопросительный взгляд: — Пару дней назад я бы точно не заставил себя вернуться к документам.

— Но это ведь хорошо? — улыбнулась Рина, ответно поцеловала меня в висок и чуть отодвинулась. Видимо, чтобы не подвергать нас обоим искушению. — А то мне тоже скоро на занятия.

— Хорошо, да, — я вздохнул.

— И что, у вас нет совсем никаких предположений по поводу главного злодея? — любопытствовала дана, возвращаясь к прерванному разговору.

— Честно говоря, нет. Даже необоснованных подозрений — и тех нет! Ясно, что это достаточно высокопоставленный и обеспеченный человек, который сейчас находится во дворце, но и только. Даже о его мотивах нельзя с уверенностью судить: он может просто не сознавать всех последствий своих действий. То есть не сознательно подталкивать мир к катастрофе, а, скажем, добиваться власти, не замечая, к чему все это ведет. А что, есть идея?

— Не знаю, — нахмурилась она. — Вот, скажем, отец Лиа, который Тень Камня. Это не может быть он?

— К этому нападению он явно непричастен, — убежденно отмахнулся я. — Мне кажется, Митий слишком практичный и приземленный человек для того, чтобы связываться со столь ненадежными материями, он бы придумал нечто более... человеческое. Но даже если я ошибаюсь, он и все его окружение, включая слуг, находятся под очень плотным наблюдением, никто из них во время нападения не связывался с внешним миром, да и организовать такое нападение из удаленной резиденции за пару часов

невозможно. Нет, есть кто-то еще, и он рядом.

Тень Камня был как раз одним из моих дел на сегодня. После открывшихся подробностей «воспитания» дочери малейшие его претензии на Шипы-и-Пряжу оказались несостоятельны: это не тот поступок, который могут простить правителю. Одежды кесаря должны оставаться белыми, даже если по подолу они обгарены кровью. Но то — кровь, а Митий буквально вымазался в гнили и навозе. У правителя для таких дел есть другие люди, и, если он не нашел человека, достойного доверия, для решения грязных вопросов, а замарал в этом еще и собственную дочь, Тень Камня это тоже совсем не красит.

И хотя под стражу Мития не брали, ограничившись отлучением от двора, — не тот род и не тот проступок, который еще доказать надо, — разрабатывали его пристально. Даор считал, что ради одного меня так напрягаться было бы глупо, значит, есть какие-то еще слои в его интригах. Повода не верить чутью и опыту Алого Хлыста не было, поэтому оставалось копать. От меня же требовалось сегодня нанести ему визит вежливости, позвенеть Железом и посмотреть на реакцию — невесть какой сложности задание.

Разговор наш на этом прервался стуком в дверь и появлением на пороге недавно помянутого Даора. Алый Хлыст окинул нас задумчивым взглядом, кивнул в ответ на приветствия и плавно, как всегда изящно, опустился в кресло.

— Я рад, что ты уже не спишь, мой железный друг, — медленно проговорил он. — Я посчитал это знаком и решил больше не откладывать разговор.

— Мне выйти? — встревоженно уточнила Рина, переводя взгляд с меня на гостя и обратно.

— Не стоит, алмаз неграненый, — чуть качнул головой Даор и мягко улыбнулся. — Я не думаю, что подобное получится долго скрывать. Некоторое время мы, конечно, еще сохраним тайну, но это не та весть, которую следует таить от своих. А сообщать подобное лучше утром, на свежую голову.

— Не нагнетай. — Я нахмурился и сел. Что-то такое... тревожное было во взгляде седьмого милора. Да и подобное введение не оставляло сомнений: вести Даор принес исключительно дурные. — Что случилось?

— Дело в том, что я умираю, — ровно проговорил Алый Хлыст. — Не так, как все живые существа, чей путь неизбежно закончится встречей лицом к лицу с Держащим-за-Руку, — мужчина чуть улыбнулся собственной шутке. — Я повторяю судьбу своего воспитанника, и, кажется,

это довольно символично. Даже забавно.

— Воспитанника? — переспросил я.

— Алия. Чернокровие, — коротко ответил он. Мы с Риной напряженно, недоверчиво переглянулись, а Даор тем временем продолжил: — В этой связи сложно не порадоваться собственному высокому положению. Целители говорят, у меня есть по меньшей мере еще луна, и хочется надеяться, что за это время наша главная проблема решится. А с дальнейшим... Тия — хорошая девочка, умная, справится. Мне кажется, она гораздо лучше подходит для своей роли, чем покойный Алий. И этот ее немой избранник... Чем дольше за ним наблюдаю, тем больше удивляюсь, какие идиоты альмирцы со своими обычаями, заставившими страну отказаться от столь талантливой и отлично подготовленного к исполнению собственного долга наследника. Впрочем, нам-то теперь это на руку. Помогут боги, за луну этот мальчик совершенно освоится и уж тогда точно не даст нашу малышку в обиду.

Даор говорил и говорил, размеренно и спокойно, и было видно: он уже все обдумал, взвесил, тщательно распланировал всю грядущую луну и даже собственные похороны. А я неотрывно смотрел на него и не мог поверить, что все это происходит на самом деле.

На этом человеке держалась Вирата, он был добрым духом-хранителем, который всегда направит, подскажет, поможет, снисходительно пожурит за ошибку. Он всегда предусматривал все, умел думать о сотне вещей разом и делать одновременно несколько дел, и все это — спокойно, уверенно, с неизменной снисходительно-скучающей гримасой и красивыми, отрепетированными, выверенными жестами.

Сколько Алому Хлысту лет? Шестьдесят? Семьдесят? Я, честно говоря, никогда даже не задумывался о том, что он — слишком слабый дан, не чета Хале, и вряд ли проживет настолько же долгую жизнь. Да я вообще не задумывался о Даоре как о человеке! Он был слишком мудрым и вездесущим для простого смертного, он казался вечным!

Что я о нем вообще знал? Что Алий Хлыст происходил из побочной ветви очень старого уважаемого рода, никогда не был женат и всю свою жизнь посвятил Вирате, пройдя службу в седьмой милии с самых низов, с простого сыщика. И все. У него никогда не было никаких личных проблем, он никогда не терял самообладания, и все дела под его контролем решались сами собой, а все затруднения, в которые Даор упирался, обычно являлись собой загадки философского, отвлеченного толка, лежащие далеко за пределами его обязанностей.

И как вообще можно поверить в то, что через луну его не станет?

А... мы? Как мы сумеем обойтись без него?!

— Не может быть, — тихо пробормотала Рина. — Это неправильно!

— Что именно, драгоценная? — Даор вопросительно изогнул брови.

— Чернокровие, — хмуро пояснила она. — Как такое может быть? Такая редкая, случайная болезнь, а тут вдруг — целая эпидемия! Да и как могло получиться, что сначала — кесарь, потом вот вы? Это больше похоже на чью-то злую волю, чем на случайность!

— Я тронут вашим столь искренним беспокойством, — он слегка склонил голову, — однако воспринять всерьез это утверждение, увы, не могу. Совпадения случаются, причем очень неожиданные совпадения, уж поверьте моему опыту. Это еще не самое удивительное и забавное! Что касается злой воли, поглядите внимательно на заболевших: между нами нет никакой связи. Они не занимают какие-то ключевые посты, в основном это обычные люди, живущие тихой, незаметной жизнью. Просто боги решили вот так, и не стоит на этом заикливаться. По крайней мере, у меня есть возможность прожить еще какое-то время и достаточно точная дата, к которой стоит подготовиться и передать все свои дела. Это лучшее, на что можно рассчитывать. Много лучше внезапной гибели от, скажем, болезни сердца или нелепой случайности вроде виноградины, вставшей поперек горла. К тому же чернокровие — очень милосердная болезнь, которая убивает тихо и не больно, во сне. Я бы сказал, что боги подарили мне самую легкую смерть из возможных, за что их стоит поблагодарить. Поэтому, драгоценная, прошу вас об одолжении: не поднимайте впредь эту тему. Есть вещи, на которые не стоит тратить время, и это одна из них.

Рина ничего не ответила на такую отповедь, только недовольно нахохлилась, поглядывая на Алого Хлыста. Кажется, она осталась при своем мнении, но предпочла не спорить со старшими.

— Тия знает? — коротко спросил я.

— Пока нет, — он качнул головой. — Я решил донести эту новость до заинтересованных лиц сегодня и начал с тебя, поскольку наша сиятельная еще спит, а ты — уже нет. Кроме того, перед разговором с ней мне бы хотелось встретиться еще с несколькими полезными людьми. Я взял на себя ответственность присмотреть хороших кандидатов на мое место — и советника, и седьмого милора. Сегодня снова поговорю со всеми ними и представлю лучших Тиин. Для тебя же у меня есть ряд рекомендаций и распоряжений, которые я на всякий случай записал. Сейчас мы с тобой пройдемся по всем, — и он с обычной изящной неторопливостью выпростал из-под складок накидки небольшой тубус для бумаг.

— Я пойду на занятия? — тихо спросила Рина, воспользовавшись

паузой.

— Конечно, драгоценная, это будет лучший вариант, — улыбнулся Даор.

Жена коротко поцеловала меня в губы и, оправив одежду, двинулась к выходу.

— Стой! — опомнился я, поднялся следом за ней, положил женщине руки на плечи и сосредоточился на силе, горящей кровью. Приятное ощущение, к которому я так до сих пор и не привык: что Железо послушно моей воле и делает ровно то, что ему велят.

— Что это было? — вопросительно уставилась на меня дана.

— Осваиваю приобретенные таланты, — улыбнулся ей. — Это просто защита.

— Ты думаешь, во дворце... — Рина нахмурилась.

— Я считаю, что лучше перестраховаться. На Стъёля тоже напали на территории дворца. Не волнуйся, тебе это не повредит, ты ее даже не заметишь. Если, конечно, ничего не случится.

— А если случится? — уцепилась она. — Как она работает?

— Сюрприз будет, — усмехнулся я в ответ и распахнул дверь, давая понять, что дальше обсуждать эту тему не намерен.

— Хорошая мысль. Начинаешь учиться предусмотрительности, — похвалил Даор, когда женщина вышла. — Глядишь, действительно толк выйдет.

— Толк выйдет, бестолочь останется, — проворчал я в ответ и вернулся на свое место. — А ты не думаешь, что в словах Рины есть зерно истины? Болезнь действительно поразила вас обоих как-то слишком избирательно. Может быть, стоит...

— Нет. И довольно об этом, мой железный друг, у нас слишком много дел, чтобы тратить время на пустые разговоры.

Впрочем, долго обсуждать важные вопросы нам не дали. В комнату, коротко резко постучав и не став дожидаться ответа, шагнул незнакомый мне тип, явно встревоженный. В цветах седьмой милии и с характерной! кошачьей мордой на груди.

— Что случилось? — переглянувшись, одновременно спросили мы с Даором. Хорошие новости с таким видом не приносят...

Тия Дочь Неба

— Как — украл?! — потрясенно переспросила я, переводя полный недоумения взгляд со слишком веселого для таких известий Ива на

насмешливо ухмыляющегося Стъёля и обратно.

— Ну как обычно крадут? На плечо закинул и утащил, — жизнерадостно пояснил Ив и даже жестами изобразил процесс.

— А чему вы оба, собственно, так радуетесь?! Проворонили, теперь нам дипломатический скандал светит! — нахмурилась я.

— Не светит, — отмахнулся Ив, как-то подозрительно заговорщицки переглянувшись с моим мужем.

— Ржа меня побери, вы можете внятно объяснить?! У нас из-под носа сперли дочь правящего рода сопредельного государства, а вы скалитесь, как шакалы! — возмутилась я, даже попыталась вскочить с места, но Стъэль не пустил, преградив мне путь рукой и слегка надавив на бедро. То есть выглядело это легко, а на деле было ощущение, что к сиденью меня приковали железной скобой.

— Не полыхай, — с легким укором проговорил железяка. — Я как раз собирался разъяснить, но кто виноват, что ты не дослушала? Владыка — мудрый человек, он сам связался с нами и велел не предпринимать никаких действий.

— Ничего не понимаю, — призналась я. — Почему?

— Кхм. — Мужчины опять очень весело переглянулись, и Ив продолжил, осторожно подбирая слова: — Ну ведь ты знаешь, что у островитян это нормальный способ женитьбы — воровать себе женщин.

— И что, это повод ее не спасать? — окончательно запуталась я.

— Именно! В общем, если коротко, Владыка уже отчаялся сплавить эту вздорную девицу замуж. Пороть поздно, да и несолидно уже, силком вроде тоже нехорошо — родная дочь. А тут так удачно подвернулся этот дикарь. Номинально он ровня ей по положению, все-таки брат правителя. Плюс сам изъявил желание, а возвращать украденную невесту у них — большой позор для самого похитителя, то есть Гроттерию Владыка сплавил раз и навсегда. Больше того, он за нее еще получит хорошую виру.

— Хорош отец, — скривилась я. — Продал девчонку в рабство и счастлив. А чего вы в этом смешного нашли, я вообще не понимаю! Как весело: силком уволокли девушку, изнасилуют, небось, еще на корабле... Можно подумать, сложно человека сломать, чтобы он послушным стал! Что она вам... — На этом месте сидевший рядом муж приобнял меня за талию одной рукой, чтобы не удрала, а ладонью второй накрыл губы, призывая молчать. Мягко улыбнулся и качнул головой.

— Стъэль имеет в виду, что ничего подобного Гроттерии не грозит, — перевел ухмыляющийся Ярость Богов. — Ты просто не знаешь Драма.

— И что помешает ему так поступить? — озадачилась я, отнимая от

лица ладонь мужа и продолжая испытующе глядеть на Ива.

— Скука. Понимаешь, он такой чурбан только на вид, манера общения такая. А на самом деле Драм — очень умный и хитрый мужик и не любит простейших грубых решений. Ржа меня побери, если через несколько лун Гроттерия не окажется совершенно счастлива в браке. Если Драм не просто решил жениться, а украл себе невесту, значит, она его здорово зацепила, то есть действительно понравилась именно вот этим своим ершистым характером. А раз так, то он совершенно точно не станет ее ломать. В общем, не переживай, ничего ужасного этой девчонке не грозит, и Владыка это прекрасно понимает.

— Откуда ты все это знаешь? Вы же с Драмом вроде бы даже не встречались раньше? А если это слухи и общеизвестные факты, то почему этого не знаю я?

Вместо ответа Ив пожал плечами и кивнул на моего мужа, после чего все-таки пояснил:

— Я-то не знаю, а вот Стъэль, оказывается, неплохо с ним знаком.

— Откуда? — я перевела удивленный взгляд с железяки на альмирца и обратно.

— Твой муж осваивал под руководством молодого капитана Драма мореходную науку, несколько лун ходил юнгой на его корабле, — пояснил Ив, явно успевший за прошедшее время задать все эти вопросы самому Стъёлю.

— Зачем ему мореходная наука, если в Альмире нет моря?! — пробормотала я, но тут же сама сообразила: — Ах да, Фергр же совершенно рехнулся на этой своей идее пробиться к морю. Но теперь хотя бы понятно, почему Драм отзывался о тебе с уважением! И когда только успел? Ладно, будем считать, что вы меня убедили, и Гроттерию не нужно срочно спасать, и беспокоиться за нее не стоит. Но я все равно не понимаю, что вы такое смешное нашли в этой ситуации. Жалко же девушку...

Мужчины опять весело переглянулись, но упорствовать не стали, и Ив сменил тему, позволив мне вернуться к завтраку, а Стъёлю — к книге, в которой я узнала свежий свод законов Вираты, отпечатанный в начале этого года.

Дело в том, что раннее утро я благополучно проспала, а вот муж — нет, причем он еще и меня будить не стал, и слугам велел не соваться. И пока я нежилась в постели, он занимался делами, а потом переключился на разговор с Ивом, за которым я их и застала.

Впрочем, стоило только порадоваться предоставившейся мужчинам возможности спокойно поговорить с глазу на глаз. Кажется, я была права и

эти двое прекрасно сумели найти общий язык. Посредством все той же дощечки для письма, но обоих это не смущало.

Пока я ела, Ярость Богов рассказал мне о результатах осмотра птиц, развлек меня последними сплетнями, напугал подтверждением неприятных новостей с периферии, а потом явился возмущенный Райд и поинтересовался, где меня носит и почему я до сих пор не в кабинете. Пришлось честно сознаться, что заспалась, торопливо поцеловать мужа и отправиться на встречу с бумагами и советниками.

Вчера я самонадеянно решила, что морально готова поближе познакомиться с людьми, на которых в настоящий момент держалась Вирата, но это было до разговора со жрицей и уж тем более до нападения летучих тварей. Но не отменять же теперь встречи!

Почти три часа до полудня промчались стремительно и плодотворно, со всеми собеседниками мы расстались вполне довольные друг другом, независимо от начала беседы. Кто-то отнесся ко мне спокойно, кто-то — откровенно недоволено, кто-то — снисходительно и недоверчиво, но, кажется, мне удалось убедить всех, что и от меня может быть польза.

На время дневного отдыха никаких встреч не планировалось, и я собиралась с пользой потратить эти часы на изучение бумаг, которыми должна была заниматься утром. Благо, Верхний дворец, равно как и Нижний, защищал своих обитателей от палящего зноя: жаркое лето уже вступило в свои права, и среди дня выходить на улицу было немного желающих. Так, чего доброго, в день перемены года мы будем совершенно задыхаться от зноя. Не помню, это хорошая примета или, напротив, дурная?

По легенде, наш мир начался летом, в самый длинный день года — почему-то именно так захотели боги. Новый год для виранов — время семьи, время дома, время самого важного в жизни, поэтому широких гуляний обычно не устраивают. Но существует ряд традиций, заведенных много веков назад, которые соблюдались. Например, кесарь традиционно привечал целителей и главным образом повитух, выходил к людям, выражал почтение матерям и старался выслушать тех, кто желал ему что-то сказать.

Я вдруг сообразила, что совершенно забыла о подготовке к празднику. Да, до него еще добрая луна, но такие вещи занимают не один день. Надо бы спросить у своих советников, как с ней обстоят дела, и покаяться в собственной рассеянности...

Однако всерьез взяться за ожидавшие высочайшего внимания документы я не успела. В дверь постучали, и заглянувший Райд сообщил,

что меня желает видеть Даор с компанией по очень важному делу. Я растерянно согласилась на разговор, и в кабинет втянулась небольшая процессия: бывший малый регентский совет в почти полном составе (Кмер Палица покинул столицу по делам своей милии) и мой муж, а с ними еще двое совершенно незнакомых мне мужчин.

— Доброго дня, сиятельная, — почти хором поздоровались нежданные посетители.

— Доброго, господа, — неуверенно поздоровалась я, одними глазами улыбнувшись мужу. — Присаживайтесь. Что-то случилось?

— В некотором роде, — тонко улыбнулся Даор. — Знакомьтесь, сиятельная. Авус Красный Кот, в прошлом — один из лучших сыскарей седьмой милии, в настоящем — танатор первой танаты. Ладий Ветер-в-Голове, глава отделения общественных наук Университета-на-Горе.

Сделавшим хорошую карьеру сыскарем оказался высокий жилистый мужчина лет пятидесяти на вид, с сутулой спиной, быстрыми порывистыми движениями и умными серыми глазами; преподавателем со смешной фамилией — коренастый и удивительно лохматый шатен неопределенного возраста, с неожиданно глубокими складками морщин у рта и на лбу, глядевший, в пику своему имени, тяжело и очень пристально. Первый напоминал цаплю, второй — опытную сторожевую собаку. В Ладии, кроме того, явно были сильны островные корни: только у уроженцев тех мест порой растут волосы на теле, а у мужчин еще и бороды встречаются, вот как у этого гостя, то есть волосы на подбородке и щеках. Дикари, что с них взять...

— Приятно познакомиться, господа, — медленно кивнула им я, с недоумением поглядывая на Алого Хлыста, который был как всегда невозмутим.

— Начну сразу с главного, сиятельная, — спокойно заговорил Даор, когда все разместились и в кабинете повисла тишина. — Эти господа, к моему удовольствию, согласились взять на себя обязанности седьмого милора и советника по внутренним вопросам соответственно. Конечно, они не единственные кандидаты на эту должность, но за них я, пожалуй, готов поручиться и искренне надеюсь, что вы примете в расчет мое мнение.

— То есть как — взять обязанности? — опешила я, вытаращившись на Даора. Остальные его товарищи по малому совету выглядели не менее шокированными, а Ив... Вновь глянув на угрюмую физиономию даже чересчур жизнерадостного в последние дни фира, я отчетливо поняла, что ответ на этот вопрос мне не понравится.

Рина Ярость Богов

Который день у меня совершенно не получалось сосредоточиться на учебе. Было ужасно стыдно перед наставниками, я честно старалась пересилить себя и разогнать лишние мысли, однако получалось не слишком-то хорошо. Но если раньше предметом моих дум был Ив и собственные душевные переживания, то сегодня мысли крутились вокруг гораздо менее приятной темы.

Чернокровие. Странный и всегда внезапный недуг, лишивший меня отца. Еще тогда, в детстве, столкнувшись с этой бедой, я пересмотрела все книги в библиотеке Далена, в которых было хоть что-то об этой болезни. Книг, увы, оказалось немного. Одни авторы называли чернокровие божественной карой, другие — благословением, и, не понимая природы и причин болезни, решительно все пытались связать ее с высшими силами. А более новых, научных исследований этой заразы я не встречала. Да даже если бы встретила, все равно не поняла бы — в тринадцать-то лет, едва умея читать!

Но сейчас я сердцем — Искрой! — чуяла, что болезнь эта — не просто случайное совпадение. Не может такого быть, чтобы в прошлом она проявлялась всего несколько раз в столетие, а сейчас вдруг совершенно случайно так активизировалась — именно тогда, когда грядет нечто большое и страшное.

Может быть, я не великая интриганка и многого не понимаю, но даже я уже заметила, что Даор играет очень важную роль в жизни страны, поэтому устранить его было бы полезно для желающих навредить Вирате. Непонятно только: почему именно сейчас? Разумнее было убрать его гораздо раньше, когда наследница была совсем ребенком, а Алый Хлыст держал на себе всю страну. Умри он — и к настоящему моменту уже и Вираты не было бы. И если это поняла я, меньше луны проведшая рядом с облеченными властью лицами, не думаю, что умный и хитрый враг всего этого не понимал. Наверное, обычным методам Даор мог что-то противопоставить и мог защититься.

Если считать, что чернокровие поразило его все-таки не случайно, то вывод можно сделать один: насрать его раньше почему-то не могли. Знать бы еще почему! Может, Даора как-то зацепили те чары, которые защищали детей кесаря? И действовали оно не только на детей, но и, скажем, на весь дворец или даже на всю Вирату?

Или я в самом деле пытаюсь найти сговор там, где его нет? Надо думать, сам Алый Хлыст проверил уже все, что мог, и не мне с ним

тягаться...

Да, последний вариант казался самым правдоподобным, и наверняка все обстояло именно так, но я все равно не могла поверить в такое совпадение. И ладно бы заболел один Даор, но после кесаря, которого погубил тот же недуг? Конечно, в жизни случаются разные совпадения, но чтобы вот так...

Впрочем, дело не в самих совпадениях, я это уже понимала. Искра, вот что не давало мне успокоиться. Я ощущала странное томление, необъяснимую тоску и непреодолимое желание предпринять хоть что-то. Чувствовала, что все не просто так, но даже примерно не представляла, с чего стоит начинать свои поиски. Ясно только одно: наука тут бесполезна, да и к книжкам, и к данам-целителям обращаться бессмысленно, все это уже проверено и отсечено острым разумом Алого Хлыста.

Но что-то ведь должно помочь?..

— Рина! — с укором окликнула меня Ина. За последние дни подобное выражение в ее голосе слышалось часто: не заметить моей рассеянности наставница не могла. — Ну возьми уже себя в руки! Замужество влияет на тебя отвратительно.

— Прости, — смешалась я. — Я понимаю, что веду себя неправильно, но ничего не могу с этим поделать. Надеюсь, со временем успокоюсь. Но, кстати, сейчас я думаю не об Иве. Скажи, что ты знаешь о чернокровии?

— Ничего себе, какие мысли, — брови женщины удивленно приподнялись. — Болезнь такая. А почему ты о ней вообще задумалась?

— Сложно сказать, — пробормотала я, не зная точно, что можно пересказывать посторонним, а что — нет. Ина, конечно, не настолько уж чужая, но все равно... — Вспомнилось всякое. Отец ведь умер от этой же заразы.

Ина окинула меня непонятым пристальным взглядом, медленно качнула головой.

— Странно вам все это вспоминается. Хала вот тоже про эту заразу недавно заговаривал. Впрочем, я не настаиваю на подробностях, просто спросила. Единственное, что я про него слышала, так это утверждение, будто чернокровие — кара богов. То ли Идущей-с-Облаками, то ли Немого-с-Лирой. А теперь, может, вернемся к нашим занятиям?

— Да, конечно! Прости, пожалуйста, — смутилась я и постаралась сосредоточиться на том, что говорила наставница.

Вскоре это даже получилось, и мир начал легко и уверенно отвечать на мои действия и желания, но где-то на краю сознания все равно упрямо маячили прежние мысли. А потом, когда мы уже заканчивали, меня будто

легонько толкнуло в спину что-то большое и мягкое, а в голове появилась отчетливая мысль: если люди ничего не знают об этом недуге, а боги столь явно и искренне настроены нам помогать, почему бы не попытаться счастья и не спросить у них напрямую?

Идея эта показалась сомнительной, но поскольку других не было, я решила ей воспользоваться. Все-таки я ничего не теряю, а не доверять собственному чутью — глупо. Ну и кроме того, Немой-с-Лирой — мой божественный покровитель, я же последний раз посещала его храм чуть ли не год назад, еще в Далене, а в столице о нем ни разу не вспомнила. Я сроду не была набожной и не задумывалась о богах, но сейчас, когда они столь настырно маячат вокруг, готова была пересмотреть свою точку зрения. Чем не повод наладить отношения?

Отношения с богами у смертных в последние века стали... проще. Несколько сотен лет назад обязательным считался алтарь в каждом доме, каждую декаду следовало приносить хотя бы небольшие жертвы если не всему пантеону, то самым близким и главным богам, а сейчас люди стали самостоятельней. Мы не спрашиваем благословения на каждый шаг, не бежим к ним со всеми невзгодами, не боимся прогневить их неосторожным словом. Не потому, что мы в них не верим или ставим себя выше. Просто мы повзрослели, а взрослому и самостоятельному человеку зазорно просить помощи родителей при малейших затруднениях.

Однако, уже покинув Верхний дворец, пустующий после отбытия большинства детей кесаря, я вдруг обнаружила серьезное препятствие в воплощении своей идеи в жизнь: мне не хотелось ограничиваться небольшим дворцовым святилищем, а ближайший настоящий храм Немого-с-Лирой располагался в городе, Ив же строго запретил покидать дворец без сопровождения.

Несколько секунд я колебалась. Что со мной может случиться среди бела дня? Время отдыха, жара такая, что лишний раз шевелиться не хочется. Ну кому охота нападать в такую погоду? Обычно убивают и похищают ночью! Наверное.

Но заманчивую мысль потихоньку прогуляться туда-обратно я все же отогнала. Не стоит рисковать попусту. Если Ив уверен, что опасность есть, то кто я такая, чтобы с ним спорить! Вопрос только, кого можно считать достойным доверия сопровождением? Дергать самого мужа ради такой мелочи не хотелось, а других идей у меня не было.

А впрочем, если он запретил мне выходить одной, тогда кому, как не ему, подбирать сопровождение?

Рассудив таким образом и решив быть разумной, послушной женой, я

накинула на голову платок, без которого выходить под палящее солнце сейчас было бы самоубийством, и отправилась на поиски... железяки, как насмешливо называли его друзья.

Могла ли я луну назад помыслить о таком итоге? Могла ли предположить, что череда случайных совпадений и мелких деталей приведет меня не только в объятия Железного регента, но в компанию нового кесаря и других сильных мира сего? Да ни за что! А сейчас ловила себя на мысли, что я уже неплохо ориентируюсь не только в Верхнем дворце, но и в Нижнем, и в окружающем их саду. О Тици уверенно думала как о своей подруге в первую очередь, и только потом — как о правительнице. А Ив...

Я все никак не могла привыкнуть к тому, что Ив рядом. Что он не страшный загадочный чужак, а близкий и понятный, родной. Муж. Последнее звучало совсем уж неправдоподобно.

Да, меня по-прежнему грызли сомнения, зароненные словами мужчины. Он говорил, что не любит меня, да и решение о женитьбе принял под давлением обстоятельств, и это было немного не то, о чем я мечтала. Но всякий раз, когда от этого становилось грустно, я упрямо напоминала себе: о чувствах мужчин разумнее судить по их поступкам. Будь я ему безразлична, он не решил бы жениться и не оберегал бы меня так.

Правда, здесь крылась еще одна ловушка, и из этой мысли вытекала следующая, очень неприятная. Я помнила и слова Халы о том, что без меня Ив, скорее всего, опять вернется к прежнему состоянию, поэтому не могла не задумываться о том, что причиной его заботы обо мне могло быть чувство самосохранения.

Но, с другой стороны, муж явно с удовольствием проводил время со мной, причем не только в постели, а если бы я была ему неприятна или неинтересна, наверное, он бы этого не делал? В конце концов, возможность отговориться делами у него всегда была, но мужчина, наоборот, старался каждую свободную минуту проводить со мной. Во всяком случае, мне так казалось.

Примерно по такому кругу бегали мои мысли, но только в отсутствие Ива. Стоило ему оказаться поблизости, и все эти страхи казались глупыми и пустыми. Искра по-прежнему ему верила и тянулась к нему, а рядом с ним она сияла так ярко, что сомнения истаивали, словно медуза под палящим солнцем.

Каждый раз я заканчивала подобные рассуждения тем, что уговаривала себя потерпеть и подождать. Сама ведь удивлялась, как быстро все случилось, а ведь для мужчины это произошло еще внезапней! Я-то хотя

бы была в него некоторое время влюблена, а он всего несколько дней назад был в прямом смысле совсем другим человеком, и глупо — если не сказать бесчестно — требовать от него строгой определенности и глубоких чувств в такой ситуации. Поэтому — терпение! Нужно набраться терпения, которого мне всю жизнь недоставало...

Поговорить с Ивом не удалось. В кабинете кесаря проходило какое-то серьезное совещание, и в свете последних событий я посчитала неправильным отвлекать мужчину пустяками. У них всех и без моих прогулок достаточно головной боли. Но зато в приемной обнаружился скучающий Райд, который с огромной радостью вызвался сопроводить меня куда нужно. Рассудив, что сильный фир, которому Ив доверяет, — это лучшая защита из возможных, я с радостью согласилась.

— Спасибо тебе большое, — весело проговорил мужчина, когда мы покинули кабинет.

— За что? — растерялась я.

— За то, что не дала мне умереть от скуки, — улыбнулся он. — С бумагами я закончил, а больше заняться особо нечем.

— А ты не должен был предупредить Тию? Ничего, что мы вот так удрали?

— До второй половины дня я свободен, Тия не планировала выходить из кабинета и кого-то еще принимать, там у нее Даор с какими-то серьезными разговорами. А с чего это тебя в храм потянуло? — полюбопытствовал он.

— Даже не знаю, — я неопределенно пожала плечами. Высказывать свои предположения и надежды не хотелось, они и мне самой казались неубедительными, поэтому я предпочла ответить туманно: — Мне тревожно, вокруг происходит что-то большое и нехорошее, а боги... Нелишне попросить у них помощи и заступничества.

— То есть личных переговоров Ива с Идущей недостаточно в качестве помощи и заступничества? — рассмеялся мой провожатый.

— Мой покровитель — Немой-с-Лирой, — я неопределенно пожала плечами. — Почему бы не поговорить еще и с ним? Да и, в конце концов, я уже год не была в храме, а в моей жизни столько всего изменилось! Стоит хотя бы поблагодарить богов за Ива.

— Да ладно, я же не спорю, — примирительно улыбнулся Райд. — Надо так надо. Только предлагаю взять лошадей, а то пылить по дороге пешком в такую погоду — сомнительное удовольствие.

До нужного места мы добрались быстро и без приключений, коротая время за разговором. Райд весьма ловко правил гнедой парой, запряженной

в колесницу. Впрочем, по такой жаре лошади были ленивыми и сонными, а возница их не слишком понукал: повода для спешки не было.

Повозка, которой мы воспользовались, оказалась гораздо удобнее той, на которой разъезжал Ив. У Железного регента колесница скоростная, похожая на боевую, а эта очевидно предназначалась «для простых людей»: более тяжелая и широкая, сзади закрытая стенкой, которая держалась на петлях и для посадки откидывалась, превращаясь в сходни. Так что не было такой опасности выпасть, и чувствовала я себя по дороге гораздо спокойней.

Главный столичный храм Немого-с-Лирой встретил меня тишиной. В длинном, гулком, почти пустом помещении без окон было прохладно и темно, особенно по сравнению с полуденным зноем снаружи. Мрак здесь едва разгоняли несколько жаровен, стоящих вдоль стен, в которых вместо углей сейчас лежали фирские огни. Я несколько секунд постояла у входа, привыкая к освещению и с удовольствием вдыхая по-подвальному сыроватый прохладный воздух. Рассматривать тут оказалось нечего: статуя божества, небольшой круглый алтарь перед ней — вот и все убранство. Даже фресок на стенах не было.

В храме я оказалась не одна: у алтаря стоял какой-то немолодой мужчина, опираясь на палку, а у ног бога, привалившись к его креслу спиной, дремал жрец. Подобная фамильярность была недопустима с каким-то другим богом, но Немой-с-Лирой никогда не требовал особенных почестей, для него было важнее, что в сердце у пришедшего.

К тишине и сумраку я привыкла очень быстро, погрузилась в них, как в темную воду. Сделала несколько шагов вглубь помещения — и, разминувшись со стариком, оказалась наедине с пустой залой. Вдруг появилось ощущение, что храм не является частью большого мира, оставшегося снаружи, а находится с ним рядом, отделенный тонкой пеленой. Здесь время текло по-другому, царили совсем иные законы, а мне дозволили прикоснуться ко всему этому лишь из благосклонности хозяина.

Чувствуя робость и благоговение, стараясь не нарушать тишины, я приблизилась к статуе. Подобное впечатление можно было легко объяснить: сложно не ощущать себя маленькой и слабой рядом с четырехметровым изваянием. Но все равно казалось, что это не единственная причина: не будь этой каменной громадины, мои трепет и неуверенность никуда бы не делись. Это был... не дом бога, но место, где его сила ощущалась очень отчетливо. Или я просто принимала желаемое за действительное?

Подойдя ближе, я всмотрелась в нее.

Молодой мужчина, одетый в простую тунику, в расслабленной и явно удобной позе устроился в кресле, которое скульптор, в отличие от черт фигуры, наметил весьма условно. На коленях бог баюкал каменную лиру, на которой даже были натянуты струны: они угадывались в тусклом свете, но невозможно было определить, настоящие они, сделанные из жил, или просто куски проволоки.

Ремни сандалий, складки одежды, мышцы, даже пальцы вплоть до ногтей были выполнены с таким тщанием и мастерством, что чудилось, будто камень слегка шевелится в неверных отсветах фирских огней. Мерно вздымается грудь в такт дыханию, слегка подрагивают пальцы на струнах, чуть кривятся уголки губ, меняя оттенок легкой улыбки — с теплой и понимающей на глумливую и недобрую и обратно.

На мгновение стало нестерпимо жутко, будто что-то большое и страшное стоит за моей спиной и неотрывно сверлит мне взглядом затылок. Я даже обернулась, но, конечно, ничего пугающего не увидела, только светящийся прямоугольник дверного проема. Решительно преодолев последнюю пару метров, я замерла у алтаря, в замешательстве глядя на гладкую мраморную поверхность.

Попросить совета и помощи у небесного покровителя — хорошо звучит. Вопрос: как это сделать?

Насколько Вечное Дитя божество простое, настолько Немой-с-Лирой сложен. Жертвами первому служит пища, при желании — кровь жертвенных животных или просителя. А вот со вторым...

Алтарь пустовал почти всегда, его лишь украшали к большим праздникам. Он находился здесь скорее для того, чтобы подчеркнуть назначение этого помещения и суть изваяния. С алтарем — божество, а без — как будто обыкновенный мужчина.

С минуту я простояла на месте, разглядывая утопающее в сумраке лицо статуи и раздумывая. Никогда прежде я не обращалась к богам с какими-то личными просьбами или благодарностями. Обычно приходила на праздники, когда жрецы совершали общие большие обряды, и присоединялась к ним с остальными людьми. А вот так, чтобы один на один...

Покосившись на дремлющего жреца, я решила его не трогать. Показалось, что привлекать его будет неправильно и нечестно, ведь это мое дело и моя просьба, и сами же жрецы говорят, что боги одинаково хорошо слышат каждого.

Но что делать, если мне нужно не только высказать свою просьбу, но и услышать ответ? Вариант в голову пришел всего один: прибегнуть к

помощи Искры.

Я положила на алтарь ладони — скорее для устойчивости, чем с какой-то мистической целью. Лучше было бы сесть, но я постеснялась вести себя так в храме. Да, Немой-с-Лирой снисходителен к людям, но я и так собираюсь просить его о милости или хотя бы ответах, и не хотелось бы исчерпать предел его добродушия подобными мелочами.

Искра сияла ярко, ослепительно ярко, и к этому я тоже никак не могла привыкнуть. Когда первый раз после обретения Голоса я потянулась к ней в присутствии Ива — мне вообще показалось, что ослепну. Даже странно было, как это сияние не видят окружающие? Но и в отсутствие мужа пламени было столько, что это поначалу пугало. Страх, впрочем, прошел быстро, я сладила со своим даром за пару уроков. Да, я по-прежнему очень многого не умела, но это дело не одного дня и даже не одной луны. Но зато слушать мир теперь получалось легко, без малейших усилий и в любом настроении. Казалось, я внезапно прозрела и обрела слух, настолько разительно изменилось восприятие. Я стала слышать полнее, ярче, точнее и — дальше. Да, заглядывать в человеческие души пока не могла, не хватало способностей, но и без этого захватывало дух.

Сейчас окружающий мир, разморенный и разомлевший на жаре, ответил на мой призыв стрекотом цикад и мыслями о море, тягучими прохладными валами накатывающем на берег. Впрочем, я быстро сообразила, что последняя мысль принадлежала промчавшейся мимо стайке босоногих мальчишек, загорелых до черноты. Остальной же мир дремал вместе с большинством жителей, не имевшим возможности нанять фириков для защиты дома от зноя.

А вот храм, в котором я находилась сейчас, безмолвствовал. Это было очень странное и не самое приятное ощущение. В таком сосредоточенно-погруженном состоянии я воспринимала живыми и чувствующими не только людей, но растения, дома, сам мир — как одно огромное существо. А храм оказался бездушным и пустым. Здесь чувствовались только отзвуки чужого присутствия, следы просителей и жрецов, особенно вот этого, спящего сейчас у ног статуи, но следы эти неуклонно таяли, не задерживаясь на камнях. День, два — и останется только пустота.

На мгновение почудилось, что каменные плиты стен и пола впитывают не только отголоски чувств, но потихоньку тянут силу из вполне живых посетителей. Стало жутковато, но я шикнула на себя и призвала расшалившееся воображение к порядку.

Интересно, это нормально и все остальные храмы прочих богов — не считая, конечно, Вечного Дитя — выглядят и звучат так же? Сравнить

мне, увы, было не с чем, я до сих пор прибегала к способностям даны только в «Большой крыше» да на территории дворца, если не считать дороги от Далена.

Отгнав посторонние мысли, которые мешали сосредоточиться, я постаралась полностью отрешиться от ощущений тела. Не просто взглянуть на мир сквозь сияние Искры, но стать этим светом и только им. Ина говорила, что для самых сложных чар необходимо именно такое состояние, транс. Учительница утверждала, что интуитивно у меня это уже получалось: именно так я излечила Ива, просто сделала все во сне и потому воспринимала совсем иначе.

Почему я поступала именно так? Да просто других идей сейчас не было, и я делала то, что первым приходило в голову. Немой-с-Лирой — покровитель данов, Искра — его дар, так почему бы ему не услышать такой призыв?

Кажется, достичь нужной степени сосредоточенности так и не получилось, но я честно старалась. Не знаю, сколько прошло времени — я была настроена стоять здесь до тех пор, пока меня не услышат или я не упаду от усталости.

Изменения в окружающем мире я заметила не сразу. Не случилось ничего грандиозного, не ожила и не стронулась с места статуя, не явился мне молчаливый бог. Просто в какой-то момент я поняла, что слышу негромкую, смутно знакомую мелодию — зазвенели сами стены храма, пустые и мертвые. Или только кажущиеся таковыми?

Вскоре я поняла, что знаю эту музыку, и даже вспомнила песню, которая звучала сейчас в храме. И стоило мне это сделать, как своды умолкли, а еще через несколько секунд меня и вовсе окликнули, заставив потерять концентрацию.

— ...могу вам помочь? — уловила я конец фразы, сказанной жрецом.

Я медленно и рассеянно качнула головой в ответ, с трудом приходя в себя. Я не устала, но голова была тяжелой и пустой, в ней до сих пор звучала простая мелодия, и мне даже чудилось, что где-то в отдалении негромкий голос выводит слова старой песни-притчи.

Либо мне напекло голову и все это привиделось от жары, либо песню можно считать подсказкой. Знать бы еще, как ее толковать! И стоит ли вообще принимать всерьез, делиться хоть с кем-то? Впрочем, что за глупости, конечно, стоит. Уж Иву точно расскажу, а там вместе решим.

Райд, как мы и договаривались, ждал на другой стороне улицы, в тени какого-то высокого здания. Он сидел на борту колесницы, на сходнях, и скучающим взглядом обводил пространство. Я махнула рукой, привлекая

его внимание. На всякий случай огляделась, чтобы не попасть под излишне торопливый экипаж, но в это время дня улицы Вира были пустынно.

Я не успела даже толком понять, что случилось. Вот я вроде бы ступаю по нагретой солнцем брусчатке, город вокруг молчит, погруженный в полуденную дрему. А вот уже стою в центре плотного серого вихря, гудящего рассерженным роем, по которому пробегают сполохи молний. За пределами кокона мечутся неясные силуэты и слышатся какие-то крики — удивленные, гневные, испуганные, — но слов не разобрать. Среди них звучал и голос Райда.

При виде этой серой пелены отчетливо вспомнилось «лезвие ветра», которое я видела по дороге в Вир, и ледяные пальцы страха легли мне на горло. Дыхание перехватило, перед глазами замелькали черные мушки, и я зажмурилась, ожидая мучительной смерти.

Далеко не сразу я поняла, что на те чары этот вихрь походил разве что формой, — только тогда, когда гудение стихло, а вместе с ним умолкли и крики. Распахнув глаза, я обнаружила, что стою посреди все той же улицы, в двух шагах от храма Немого-с-Лирой, а на брусчатке поодаль лежит несколько тел и колесницы нет.

Бездумно скользящий взгляд зацепился за знакомое светло-зеленое пятно туники, и я наконец-то опомнилась, скинула оцепенение.

— Райд! — встревоженно воскликнула я и бросилась к лежащему на дороге мужчине, мимоходом отмечая, что остальных людей не знаю и даже предположить не могу, как они здесь оказались.

Нужды звать на помощь уже не было. От храма ко мне спешил все тот же жрец, начали собираться люди, поблизости замаячило синее с алым одеяние стражника. Я довольно быстро сообразила, что Райд просто оглушен и почти не пострадал, если не считать нескольких ссадин, огляделась по сторонам — и с удивительно отстраненной ясностью запоздало сообразила, что это было то самое нападение, которого, видимо, опасался Ив.

Глава 6

О намеках и предчувствиях

Тия Дочь Неба

Печально сознавать, но самым большим моим достижением за несколько часов беседы оказалось то, что я сумела удержать лицо. Не разрыдалась, не начала требовать невозможного, не стала возмущаться, а сумела принять новость об уходе Даора спокойно. Внешне. Даже слушала, кто что говорил, даже участвовала в этом разговоре и пыталась знакомиться с людьми, которыми Алый Хлыст собирался заменить себя. Того, кто казался незаменимым.

Люди, которых привел Даор, производили хорошее впечатление. Наверное, они были отличными специалистами, иначе Алый Хлыст не выбрал бы их, и действительно могли оправдать доверие. Умом я это понимала, поэтому старалась присмотреться к ним повнимательней, добросовестно выслушать и отнестись непредвзято. Последнее давалось особенно трудно: я просто не могла представить кого-то на месте Даора и испытывала сейчас иррациональное чувство обиды на этих незнакомых людей, как будто именно они повинны в том, что я вновь должна буду осиротеть?

Это оказалось больно. Боль причиняла будущая потеря не гениального управленца и лучшего из возможных помощника, а человека, который за последние годы незаметно занял очень много места в моем сердце. Алый Хлыст и Ярость Богов стали мне по-настоящему родными, и вот через луну одного из них не станет. Больше всего мне хотелось разреветься, закричать, глупо протестуя против несправедливости этого мира, а я не могла себе позволить даже выругаться от души. Кажется, в этот момент я очень ясно понимала всю мучительность положения своего мужа...

Нет, если бы я позволила себе что-то подобное, никто и слова бы не сказал против и взглядом не выразил бы неудовольствия. Но я слишком привыкла к тому, что Даор все делает со смыслом, и порой слишком хорошо понимала мотивы его поступков: Алый Хлыст сообщил мне о своей скорой смерти в таких обстоятельствах и в такой компании именно для того, чтобы проверить мою выдержку. Это был экзамен для меня, один из многих. А позволить себе разочаровать этого человека я не могла,

особенно теперь.

Думать о том, что будет после, я себе запрещала, иначе мне не хватило бы никакой выдержки. Время на это будет потом, ночью. Можно будет ругаться, плакать, бить посуду — но так, чтобы никто этого не увидел. Раз имела неосторожность родиться девочкой, то обязана сделать так, чтобы у окружающих было меньше поводов укорить меня за это.

Кажется, я уже вполне приобрела привычку давать волю чувствам только в собственной спальне, за закрытыми дверями, и стоило вновь поблагодарить богов за моего супруга. Не знаю, как бы я справлялась, окажись он не таким понимающим. Наверное, если бы я не могла себе позволить выплеснуть эмоции даже наедине с мужем, вскоре я бы просто сошла с ума — или нашла другую отдушину. И что-то подсказывало мне, что эта «другая» вряд ли оказалась бы милой и безобидной причудой. Почему-то настойчиво вспоминались визиты Ива в «Мертвую голову».

Сейчас я отчаянно жалела, что не догадалась усадить мужа рядом с собой. Наверное, имей я возможность украдкой сжать сильную широкую ладонь и почувствовать рядом тепло, уверенность, спокойствие мужчины, было бы легче. Я даже дала себе обещание завести еще одно кресло специально для супруга, чтобы оно стояло рядом с моим и никто не смел бы его занимать, но сейчас приходилось справляться самостоятельно.

И экзамен этот оказался трудным, гораздо труднее не только учебы, но даже венчания вместе с замужеством. Потому что к тем потрясениям я была хоть немного готова, а в остальном могла позволить себе плыть по течению и закрывать на происходящее глаза, впав в какое-то оцепенение и ничего толком не решая. Этот же удар оказался слишком внезапным и болезненным, а времени на осознание и принятие мне сознательно не оставили.

Да, конечно, у меня будет целая луна, чтобы привыкнуть к этой мысли. Если взглянуть с этой стороны, то нам всем еще очень повезло: никто не вечен, и боги дали нам возможность подготовиться и научиться жить без Алого Хлыста. Но для того, чтобы дойти до этой мысли, нужно было преодолеть первую реакцию, первые боль и страх. И доказать, для начала самому Даору, что я справлюсь, что меня хорошо воспитали, что все эти годы были потрачены с пользой и он со спокойным сердцем сможет оставить мне Вирату, которой отдал всю свою жизнь. Я сама с трудом в это верила, но выбора у меня не было никогда.

Мы говорили о многом. Даор, с нашего молчаливого согласия, вводил чужаков в курс происходящего, почти ничего не скрывая, и все потихоньку приглядывались друг к другу. Чужаки — к сильным мира сего в достаточно

неформальной обстановке, мы — к незнакомцам, которые очень скоро начнут играть важную роль в жизни страны и всего мира.

Окончание «перерыва» неуклонно близилось, и вскоре пришла бы пора заканчивать знакомство, но разговор все равно оборвался неожиданно. После торопливого громкого стука в кабинет быстрым шагом вошел крепкий мужчина средних лет в цветах седьмой милии со знаками различия декатора и тут же преклонил колени, низко опустив голову.

— Прошу простить, сиятельная госпожа...

Следом вошла — даже почти вбежала — Рина, окинула нас всех немного шальным взглядом и, сбив мужчину с мысли и прервав его речь, коротко вскрикнула: «Ив!» — и бросилась к подскочившему при ее появлении мужу.

— Рина, что случилось? — растерянно спросил Ярость Богов, приобнимая женщину, а потом вдруг переменялся в лице и коротко, сквозь зубы процедил: — Кто?

Ив на мгновение крепко стиснул плечи жены. Взгляд его заледенел, и в глазах отчетливо блеснуло Железо — как тогда, когда безумный регент впадал в ярость. По спине пробежал холодок; на мгновение почудилось, что фир сорвется.

— Не знаю, я ничего не успела понять, — невнятно проговорила Рина куда-то в грудь мужчины. — Все очень быстро произошло, я даже испугалась уже потом, когда все закончилось. Этот странный вихрь, а потом вдруг — мертвые тела...

— Декатор, поднимитесь и доложите толком, что произошло, — оборвал это неуверенное бормотание спокойный твердый голос.

Только через пару мгновений я сообразила, что голос был мой, — когда поймала одобрительный взгляд Даора и заметила мягкую улыбку в уголках его губ.

Ну да, все верно, в присутствии кесаря никто не смеет отдавать приказы без его разрешения. А я... наверное, после новости о скорой смерти Алого Хлыста осталось очень мало проблем и событий, которые могли бы пронять меня и всерьез вывести из равновесия. Во всяком случае, прямо сейчас.

Декатор хоть и робел в такой компании, но говорил внятно и по существу. Напали предположительно четверо. Трех убили защита, Райд и соглядатай-фир, отряженный присматривать за Риной. Четвертый сбежал, оглушив обоих охранников и угнав колесницу, но бросил ту неподалеку: слишком приметная.

Зачем он это сделал, если у самих злодеев поблизости осталась своя

крытая повозка, декатор объяснить не мог. Вероятно, нападающий запаниковал, а потом опомнился. Единственное, что удалось пока доподлинно установить, — этот четвертый являлся даном, и сильным даном, потому что профессионал-охранник не сумел оказать ему достойного сопротивления даже при наличии защитного амулета. Увы, дальше обеих экипажей собаки след не взяли, и сразу найти какие-то зацепки не удалось — ни с помощью обыкновенного осмотра, ни с помощью чар.

Во дворец докладчик явился по двум причинам. Во-первых, решил, во избежание проблем, лично сопроводить сюда госпожу Ярость Богов — не отправлять же женщину после такого одну, а Райда забрали целители. А во-вторых, обо всех событиях, связанных с ближним кругом кесаря, офицеры седьмой милии были обязаны докладывать лично Даору, письменно или, в подобных чрезвычайных случаях, устно.

Пока Алый Хлыст и его будущий сменщик вдвоем расспрашивали явно смущенного таким напором декатора, я больше наблюдала за поведением Ива. Общую суть я ухватила, вмешиваться же в расследование не собиралась: нет ни смысла, ни сил, ни времени вникать в тонкости следственной работы.

А вот железяка меня беспокоил. Я не думала, что он на самом деле потеряет над собой контроль, тем более беда миновала и все закончилось хорошо, но состояние мужчины тревожило. Бледный, замерший, с крепко стиснутыми зубами и пустым холодным взглядом, добавлявшим декатору беспокойства, он больше напоминал мраморную статую, чем живого человека. И от окончательного окаменения фира, кажется, удерживала только прильнувшая к нему женщина, прячущая лицо на его груди. Ярость Богов обнимал жену бережно, осторожно, медленно поглаживая растрепавшиеся черные волосы, и было в этом жесте что-то неправильное, странное. Вскоре я поняла: неуверенность. Перед каждым прикосновением ладонь замирала, а дотронувшись — вздрагивала.

Окончившего доклад декатора отпустили с миром где-то через четверть часа, и отступал мужчина еще поспешней, чем влетел в кабинет.

— Господа, полагаю, на сегодня довольно. Рада была с вами познакомиться и очень надеюсь, что мы сработаемся, — обратилась я к чужакам.

Те совершенно не возражали, высказали ответные любезности и откланялись. С ними вместе отбыл и Голос Золота, негромко ворча, что беспорядочность в питании ведет к беспорядочности в голове, и остались самые стойкие.

Все это время Ив стоял почти неподвижно, продолжая смотреть в ту же точку. И, рассудив, что с мужчиной пока разговаривать бесполезно, я обратилась к его жене.

— Рина, как ты себя чувствуешь?

От звука собственного имени дана вздрогнула, после чего чуть отстранилась и обернулась. Выглядела она напуганной и растерянной, но в целом куда лучше своего мужа.

— Да я даже толком испугаться не успела, все очень быстро случилось. Хорошо, что Ив защиту поставил...

В этот момент наконец-то отмер и фир, опустил взгляд на Рину и рывком крепко прижал ее к себе, отчего женщина придушенно пискнула.

— Больше ни на шаг от меня не отойдешь! — шумно выдохнул мужчина.

— Да ладно тебе, — смущенно пробормотала дана, вновь немного отстраняясь. — Ну все же обошлось. Ты для того и поставил эту защиту, чтобы...

— Да не в защите дело! — раздраженно оборвал ее Ив. — Любая защита конечна. Будь у них время, подготовься они лучше, и она бы тебя не спасла! А меня не было рядом. Ржа меня побери, я ничего не почувствовал, понимаешь? Я даже не знал, что с тобой что-то... — он осекся на полуслове и опять крепче притиснул к себе жену.

— Сиятельная, может, мы пройдем в другое помещение? — с отчетливой насмешкой в голосе предложил Виго, с непонятым выражением лица разглядывая обнимающуюся пару. — Мне кажется, мы здорово им мешаем. Молодоженам стоит побыть наедине, а вот этот стол вполне подходит для выяснения отношений.

Стъель усмехнулся и что-то сказал, а Виго в ответ развел руками и с достоинством проговорил:

— Когда-то и я был юн и горяч, не с рождения же я такой зануда.

— Мой дорогой друг, вы не зануда, вы циник и язва, — назидательно проговорил Даор, пряча в уголках губ улыбку. — Пока вы не подали голос, все было хорошо, а теперь вы смутили бедную девочку, которой и так сегодня досталось.

— Полагаешь, если бы они увлеклись и успели самостоятельно оценить удобство стола, девочка смутилась бы меньше? — ехидно спросил Гнутое Колесо.

— Я не думаю, что даже в помраченном сознании Ив посягнул бы на стол кесаря, особенно в присутствии этого самого кесаря. В конце концов, наш железный друг уже вполне излечился от своего недуга, а любовь хоть и

толкает на безумства, но все ж таки в меньшей степени, — уверенно сообщил Альый Хлыст. А после, тщательно выдержав паузу, добавил насмешливо: — Ну и, кроме того, кресло ближе.

— Хватит зубоскалить! Старые шакалы, — проворчал Ив, но беззлобно, уже вполне успокоенно, после чего действительно шагнул к креслу, увлекая за собой пунцовую от смущения Рину. То есть своей цели — разрядить обстановку — Гнудое Колесо добился в полной мере.

— Действительно, — поддержала я железяку, а после добавила вполголоса, с сомнением оглядев упомянутый предмет мебели: — К тому же этот стол, по-моему, слишком низкий для удобного выяснения отношений. При росте-то Ива!..

Старшее поколение переглянулось, Виго пакостно захихикал, а Даор лишь тонко улыбнулся и слегка склонил голову.

— Испортили девчонку, — тяжело вздохнул Ив, бросив на меня насмешливый взгляд.

— Возражаю! — откликнулся Виго, подняв руку. — Даже не пытались, у нее для этого имеется законный супруг. Засим предлагаю закрыть тему и оставить выяснение достоинств и недостатков стола его хозяйке.

— Разумно, — похвалил Даор. — Тем более я, с вашего позволения, хотел бы задать прекрасной жертве нападения еще один вопрос. А зачем, собственно, алмаз неграненый вдруг отправилась в храм Немого-с-Лирой и чем занималась в этом бесспорно достойном, но довольно скучном месте добрый час?

— Храм! — тут же оживилась Рина и даже о смущении своем как будто забыла, даром что продолжала (к моей искренней зависти) сидеть на коленях у мужа. — Мне подумалось, что большой беды не будет, если попросить совета у богов. Или подсказки. Ну, по поводу чернокровия. Из-за отца я пыталась выяснить побольше про этот недуг, но книги тогда не помогли, хотя у меня сложилось впечатление, что это не болезнь. То есть не совсем болезнь или по меньшей мере совсем не такая, как прочие... — Под пристальным вниманием всех присутствующих дана опять смутилась и замямлила, но потом нахмурилась, одернула себя и все-таки продолжила: — Так вот, я понимаю, что мысль не нова и не оригинальна, но я решила, что большой беды от обращения к богу не случится. В конце концов, никто же не заставлял его мне отвечать!

— А он ответил? — вопросительно вскинул брови Виго.

— Мне кажется, да. Я услышала в храме музыку, а как только узнала песню, все прекратилось и появилось ощущение, что больше мне там делать нечего. Очень старая баллада, ее наверняка все слышали.

Называется «Искры раздора».

— Припоминаю, — медленно кивнул Даор. — Действительно, вещь скорее древняя, чем старая, и очень назидательная, больше похожая на притчу. Стихи, как и всегда в подобных случаях, довольно посредственны, но ценна мысль и тот изумительный факт, что песне этой не намного меньше лет, чем самому миру.

— А можно краткое содержание для тех, кто не в курсе? — вставила я. — О чем она?

— О, изумительно жизненная история. Некие дан и фир имели неосторожность поспорить, чей дар важнее и кто из них сильнее. Она не очень длинная.

— Дайте угадаю: в конце все умерли? — со смешком уточнила я.

— Разумеется. — Альй Хлыст улыбнулся уголками губ. — Это ведь старая баллада. Закончилось все тем, что дан убил фира и сам умер, лишившись Искры. Если будет время и желание, можно попросить Халу, он знает балладу целиком и исполняет ее, на мой вкус, очень достойно и исключительно проникновенно.

— И какую подсказку может нести в себе подобная история? — озадачилась я.

— Пока не знаю, — развел руками Альй Хлыст. — Нужно освежить в памяти строки.

— То есть это на самом деле может быть подсказка? — уточнила Рина, явно не ожидавшая, что ей так легко поверят.

— Почему нет? — неопределенно пожал плечами Даор. — Немой-с-Лирой — своеобразный бог. Не исключено, что это оказалась именно та лазейка, о которой предупреждала Идущая-с-Облаками.

— Стъель? — я вопросительно посмотрела на мужа. — Уж если кто у нас и понимает этого бога, так это ты.

Альмирец в ответ криво усмехнулся, пожал плечами, но потом все же ответил — через переводчика в лице Виго.

«Поручиться не могу, но это в его духе. Он же не может говорить с паствой, поэтому обычно не является лично. Знаки, символы, намеки... Мне кажется, только Знающему он показывает нечто вполне конкретное и ясное, буквально вкладывая в голову, а остальным остается толковать образы. Рина — бард, поэтому для нее облечь знак в звуки было, наверное, проще всего».

— А почему остальные боги почти не участвуют в жизни смертных? — негромко проговорила дана, нарушая повисшую после слов Стъеля задумчивую тишину. — Особенно Обжигающий Глину. Жрецы ведь

учат, что именно он — главный создатель мира, но ему как будто наплевать. Да и Смотрящий-за-Дорогами — покровитель судеб, а он, по-моему, вообще никогда не общается с людьми и не отвечает на молитвы...

— Вот тут я склонен возразить, дитя, — Даор качнул головой. — Рука Смотрящего-за-Дорогами ощущается очень явно. Причин, по которым бог не является пастве, нам не постичь, однако тот факт, что мы собрались здесь именно таким составом, наверняка можно считать его заслугой. Слишком много счастливых совпадений, уж вам ли с Ивом не знать. А Обжигающий Глину... непонятный бог. Старый бог. Оставим его роль и суждение о ней жрецам и не будем уповать в своих делах на тех, в ком нет уверенности.

— Предлагаю вернуться к подсказке, — напомнила я присутствующим. — У меня осталось не так много времени для разговоров, — добавила я чуть виновато. Честно говоря, продолжать болтать о чем угодно в этой компании было, на мой взгляд, гораздо приятнее бесконечной череды новых лиц, но значение слова «надо» я понимала прекрасно.

— Предлагаю вернуться к этому вопросу чуть позже, — возразил Алый Хлыст. — Нужно все обдумать и поговорить со специалистами. А оставшееся время вам, сиятельная, следовало бы потратить на отдых и обед.

— Пожалуй, — вздохнула я, признавая правоту советника. — Составишь мне компанию? — неуверенно обратилась к мужу. Тот в ответ коротко кивнул, и это послужило сигналом для остальных.

Через четверть часа мы остались вдвоем, а на небольшом столике за ширмой в углу источал приятные запахи наш обед, принесенный расторопными слугами. Есть мне действительно хотелось, но совсем не хотелось шевелиться.

Когда дверь за последним посетителем закрылась, на меня навалилась тяжелая, мучительная усталость. За шуточками советников, за вестью о новой неприятности и бодрым обсуждением божественных откровений главная новость сегодняшнего дня подзабылась, а теперь вот вновь вылезла на поверхность. Даор держался так же легко и уверенно, как всегда, и было очень легко забыть о том, что он обречен.

Невидящим взглядом сверля стол, я даже не заметила, в какой момент Стъель поднялся с места и подошел ко мне. Почувствовав тяжелые ладони на плечах, я вздрогнула от неожиданности — и прикрыла глаза, наслаждаясь ощущениями. Уверенные сильные пальцы чуть сжали мои плечи — скорее лаская, чем действительно разминая, — огладили шею, с

мягким нажимом провели за ушами, и от этого прикосновения по коже пробежали мурашки. Осторожно, чтобы не растрепать причёску, Стъэль слегка помассировал кожу головы кончиками пальцев, и его руки двинулись в обратный путь.

Когда ладони мужчины вновь оказались на моих плечах, я перехватила одну его руку, прижалась к ней щекой, зажмурилась, слегка потерлась. Прикосновения были приятны, но гораздо более важным и нужным было сейчас само присутствие мужчины рядом.

— Спасибо, — шепнула тихо. Боялась, что, если заговорю громче, голос непременно дрогнет, а следом все-таки прольются слезы, на которые я сейчас не имела никакого права. Да и времени, пожалуй, тоже не имела.

Люди умирают. Даже лучшие из лучших. Нужно учиться это принимать...

Стъэль осторожно пожал мою руку и в следующее мгновение потянул за собой в сторону накрытого стола. Разумеется, возражать я не стала. В отдельное кресло муж меня, правда, не пустил, устроил у себя на коленях, и за это я была еще более благодарна.

Первое время мы даже не целовались, а действительно увлеклись обедом. Сидеть вот так, есть с одной тарелки и молча ощущать рядом чужое тепло было не просто уютно, а удивительно легко и правильно. Альмирец ощущался в это время очень родным и близким, как будто связывали нас не несколько дней знакомства, а по меньшей мере десяток лет брака.

Насущные потребности на некоторое время вытеснили прочие мысли, но постепенно я все больше внимания стала уделять не содержимому тарелки, а мужу.

Вот еще странность: прошло всего несколько дней, а мне уже кажется, что я знаю Стъэля до каждой черточки, помню наперечет все мимические морщинки и с закрытыми глазами с одного взмаха сумею повторить строгую линию скул, горькую складку в уголках губ, хмурый росчерк бровей.

— Можно, я тебя нарисую? — спросила, повторяя пальцем линию самого длинного шрама.

Стъэль, до сих пор находившийся мыслями где-то не здесь, уставился на меня с недоумением, вопросительно вскинув брови.

— Во время учебы у меня порой оставалось свободное время, и большую его часть я тратила именно на рисунки, — пояснила я, улыбаясь уголками губ. — Учителя говорили, у меня талант. Ну так что, можно? Правда, не сейчас, попозже. Может быть, вечером, если будет время...

Мужчина коротко кивнул, продолжая меня разглядывать. Потом ищущим взглядом окинул письменный стол, прекрасно видимый с нашего места, запнулся обо что-то, но потом поморщился и, вздохнув, легко поцеловал меня в уголок губ.

— Ты хотел что-то спросить? — сообразила я. Стъэль кивнул, усмехнулся, а потом все же попытался задать вопрос жестами. Не теми, правильными, из которых состоял язык немых, а более наглядными. — Ты хочешь посмотреть рисунки? — перевела я, искренне надеясь, что радость в голосе оказалась не чрезмерной. — Конечно, с удовольствием!

Не могу сказать, что своего увлечения я стеснялась: прекрасно знала, что для непрофессионала рисую очень неплохо и показывать работы было не зазорно. Просто я вдруг поняла, что очень хотела бы поделиться с мужем этой важной лично для меня частью собственной жизни, но боялась, что он отнесется к ней скептически, и потому стеснялась навязываться.

Стъэль улыбнулся, тепло и чуть насмешливо, слегка качнул головой в такт каким-то собственным мыслям и отставил пустую тарелку на стол, а потом аккуратно обхватил мое лицо ладонью и поцеловал в губы — нежно, осторожно. Я с готовностью прильнула к нему, ответила с жаром и искренним удовольствием.

За считанные мгновения огонек нежности разгорелся в лесной пожар желания. Стъэль какое-то время еще пытался держать себя в руках и обнимал меня почти целомудренно, за талию. Но когда я, распустив ворот на его рубашке, недвусмысленно потянула ее вверх, встретил это понимающим смешком и отреагировал совершенно правильно.

А дела... А что дела? От меня вообще-то все ждут законного наследника, и это тоже очень важное дело! И, в конце концов, что я могу поделаться, если в объятьях мужа все посторонние мысли из моей головы улетучиваются? Кроме того, такой способ сбросить напряжение всяко лучше истерики.

А по поводу стола я угадала, он действительно оказался слишком низким.

Ив Ярость Богов

С самого начала, еще когда забирал юную дану из Да лена, я ожидал чего-то подобного. Запрещал Рине одной покидать дворец, неизменно навешивал на нее защиту, не возражал против охраны и интриг Даора. Но сейчас, когда ожидаемое случилось, выяснилось, что я был совсем к этому не готов.

Мысль, что Рину могли убить, а я был бы бессилён помешать просто потому, что находился далеко, терзала меня. От нее в груди образовалась мучительная сосущая пустота, которая болезненно ворочалась и заставляла сердце сбиваться с ритма. Непривычное, неприятное ощущение, которому я не мог подобрать названия и с которым не мог бороться.

— За мной что, в самом деле следили? — нарушила тишину Рина.

— Ты против? — спросил я излишне резко. Я понимал, что женщина уж точно ни в чем не виновата, но эмоции настойчиво искали выход.

— Нет, что ты. Это ведь для моей же безопасности, — с обезоруживающим спокойствием ответила она. — Просто любопытно, как он делал это настолько незаметно. Или он следил только за пределами дворца?

— Честно говоря, я не в курсе, — признался я со вздохом, стараясь все же взять себя в руки. — Этим занимались Даоровы «котики». Как, впрочем, и всеми подобными вещами.

— Я вот еще что хотела спросить, — почти без паузы продолжила Рина. — А даны вообще часто нарушают закон и применяют свои способности во зло? Просто всем нам с самого детства внушают, что за это платят Искрой, и я даже видела такой случай, и мне кажется, человек должен иметь очень весомый мотив для такого риска. То есть просто ради денег довольно странно идти на подобное.

— Люди порой рискуют ради денег гораздо сильнее и охотнее, чем ради жизни близких или каких-то высоких целей, — возразил я, поморщившись. — Но, насколько я знаю, среди данов действительно редко попадаются преступники, особенно такие, которые совершают нечто по-настоящему серьезное и страшное. А к чему ты это спросила?

— Просто вспомнилось, как на нас напал дан. Помнишь, по дороге в Вир? Это может быть тот же самый человек, или я говорю глупости? Ты его тогда поймал?

Я едва не запнулся на ровном месте и медленно качнул головой, задумчиво покосившись на Рину.

— Нет, не поймал. Мне любопытно, как ты до этого додумалась, но мысль действительно интересная, надо подкинуть ее Даору.

— Все просто, — смущенно улыбнулась она. — Я привыкла, что вокруг — только хорошо знакомые люди, и сложно думать, что злодеев может быть одновременно несколько и все они могут действовать независимо друг от друга. Поэтому мне кажется, что вообще все вокруг связано между собой.

— Самое интересное, что оно действительно чаще всего связано, в

этом смысле маленький придорожный гостевой дом отличается от государства только масштабами проблем, — хмыкнул я в ответ и толкнул дверь покоев, до которых мы наконец-то дошли.

— Ты все-таки решил меня запереть? — с грустной иронией полюбопытствовала Рина, вперед меня проходя в комнату.

— Если только с собой вместе, — ответил я с нервным смешком, прикрыл дверь и наконец-то сгреб жену в охапку, уткнулся носом в ее макушку и, шумно вздохнув, проговорил: — И эта идея чем дальше, тем больше мне нравится.

— Да ладно, все ведь обошлось, — неуверенно пробормотала дана. — И вообще, откуда такое неверие в собственные чары?

— Чары! — передразнил я нервно. — При чем тут это? Они где-то там, за ними нет возможности проследить и нельзя прийти на помощь дорогому существу в любой момент, когда только появится опасность. Я привык чувствовать себя почти всемогущим в тех пределах, в которых обычно живу. Тию и остальных детей кесаря защищал дворец и чары богини, Даора и Халу не так-то просто достать... А тут вдруг выясняется, что стоит отвернуться — и близкий человек может просто перестать быть. Ускользнет, как вода сквозь пальцы, и все. Когда не хватает сил спасти и защитить — это понятно, это проще принять. Я уже научился это принимать. А здесь... Начинает казаться, что все это иллюзия, бред воспаленного сознания, что всего этого не существует. Стоит закрыть глаза, и мир перестает существовать. Да ржа его побери, плевать я хотел на мир! — раздраженно оборвал я сумбурный поток ненужных слов и вдруг наконец, озарением, нашел именно те, которые стоило сказать с самого начала, которые не давали спокойно дышать и сжимали грудь болью: — Я до смерти боюсь тебя потерять. Обещал защитить, а теперь вот оказывается, что не могу этого сделать...

— Не говори глупостей! — Рина с силой уперлась ладонями мне в грудь, чтобы отстраниться и заглянуть в лицо. — Что значит — не можешь? Именно ты и защитил! И-ив, ну что ты, в самом деле, — с мягким укором протянула она, хмурясь, ласково провела ладошкой по моей щеке. — Все обошлось, никто не пострадал. Если уж на то пошло, рядом с Железным регентом я рисковала значительно сильнее, — женщина улыбнулась, явно пытаясь свести все к шутке.

— Только Железному регенту было на это плевать, — поморщился я. — К тому же он не умел любить и вообще с чувствами у него были проблемы.

— А... ты? — едва слышно выдохнула Рина, глядя на меня с

пронзительной надеждой. Трудно не понять, надеждой на что.

— Я давно не задумывался о том, что такое любовь, — не удержавшись от нервного смешка, проговорил я медленно, с расстановкой. — Если я сейчас готов бросить все и увезти тебя на край света, чтобы спрятать понадежнее, это она? Если при мысли о том, что ты могла умереть, у меня останавливается сердце? А если я понимаю, что в случае твоей смерти готов своими руками уничтожить полмира, чтобы добраться до тех, кто будет в ней повинен, и отомстить, и после умру сам — что это?

— Надеюсь, до этого все-таки не дойдет, — сияя улыбкой, качнула головой дана и потянулась ко мне для поцелуя.

Оставалось только порадоваться, что для этого разговора я догадался пройти в покои, а не устроил его на всеобщем обозрении. Сказать я изначально хотел совсем другое, может быть, отругать жену за беспечность, но так получилось куда лучше для нас обоих. По крайней мере, я сам окончательно понял, сколь многое значит для меня эта женщина, и успокоил на этот счет ее. А еще, похоже, эта встряска окончательно выбила из меня остатки эйфории и вернула меня к действительности, что тоже было очень кстати.

Один недостаток: о дефиците времени я забыл после пары поцелуев, а вспомнил, только лежа в собственной постели, ощущая во всем теле сладкую истому и обнимая жену, стремящуюся прижаться ко мне всем телом. Появилось острое, отчетливое желание сделать вид, что на сегодня у меня не было никаких планов.

— Ржа меня побери, — пробормотал я негромко.

— Что случилось? — спросила Рина.

— Нужно идти, но нет никакого желания это делать, — ответил честно.

— Ну, у нас же целая ночь впереди, — мурлыкнула жена, приподнимаясь на локте, чтобы дотянуться до моих губ. Прижалась грудью к груди, скользнула тонкой ладошкой по плечу вниз, потом на бок, ниже на бедро...

Идти куда-то расхотелось окончательно.

Я перекатился по кровати, подминая женщину под себя, поцеловал коротко и жадно, отчетливо ощущая, как тело вновь отзывается на ее близость, но после все-таки заставил себя остановиться.

— Ночь впереди, — напомнил я и отстранился, чтобы подняться с кровати и одеться. Рина не стала упорствовать, прекрасно понимая, что весь день провести в комнате я не могу. Да она и сама наверняка не

собиралась сидеть в четырех стенах — к обучению дана подходила ответственно.

— Куда ты сейчас? — поинтересовалась женщина.

Я обернулся к ней, натягивая свежую тунику, и решимость моя вновь пошатнулась. Рина лежала на боку, подпирая голову ладонью, и взгляд мой против воли обласкал соблазнительный изгиб тела, запнулся о растрепавшиеся локоны — и я тряхнул головой, отгоняя наваждение, даже отвернулся на всякий случай. До зуда в пальцах захотелось коснуться этих прядей, собрать их в горсть, и до боли в паху — развернуть женщину к себе спиной, намотать их на руку, вынуждая прогнуться, и...

Вот это «и» я и отгонял, потому что представлялось оно настолько заманчивым, что серьезный разговор проигрывал по всем пунктам.

Определенно, так на меня прежде не действовала ни одна женщина. В самом деле, нечто сродни помешательству, только... обоюдно приятному?

К счастью, мысли мои Рина читать не могла, смотрела с искренним интересом и желанием услышать ответ, поэтому я уцепился за возможность успокоиться и сосредоточиться на деле.

— Надо поговорить с Тенью Камня. Старшим. — Скрывать что-то от жены я не видел смысла. Рина допущена уже до многих гораздо более серьезных тайн, она не болтлива и разумна. А если дело дойдет до того, что из нее попытаются выбить какие-то сведения... боюсь, тогда эти тайны потеряют уже всякое значение.

— Зачем? — нахмурилась дана и села на постели, вновь отвлекая меня от посторонних мыслей, на этот раз мрачных.

— Это... хм. Знак. Демонстрация отношения. С того момента, как выяснилось все по поводу его дочери, с самим Митием никто толком не общался. Тия его, конечно, не принимает, Даор не снисходит, остальные масштабные фигуры тоже демонстративно не замечают. Его не приглашают в дома и отказали в праве жить во дворце. Была выдержана пауза в несколько дней, чтобы наглядно продемонстрировать, что ни кесарь, ни остальные не считают его дело первостепенно важным, и заодно дать возможность понервничать и погадать о собственной участи. Теперь пора следующего шага, то есть моего визита. Как ты понимаешь, личность посланца в таком деле имеет куда больше значения, чем суть разговора.

— Какой-то детский бойкот получается, — задумчиво проговорила дана. — И что, Тень Камня действительно от этого нервничает? Он же наверняка все понимает!

— И он понимает, и окружающие понимают, что он понимает, — со смешком ответил я ей. — Это просто правила игры, соревнование в

выдержке и терпеливости. Он должен рискнуть и постараться нас переиграть.

— А почему ты думаешь, что он рискнет? Что ему мешает просто сидеть на своем месте и ждать результата? Он же знает, что при наличии веских доказательств с ним обращались бы иначе, разве нет?

— Не тот характер, да и ситуация не та. Время играет на руку нам, но не ему. Даор полагает, и остальные склонны с ним согласиться, что это не единственный его грешок, очень мелко — столько работы проделать просто ради того, чтобы разнообразить мне досуг. Поскольку я сам не имею большого значения для Вираты, скорее всего, целью являлся кесарь. Увы, как именно Митий планировал использовать эту карту, мы не знаем. Да и неспроста он не пожалел собственной дочери! Вряд ли у него не нашлось возможности подобрать кого-то еще; тут другое, а что — нам тоже неясно. Но чем больше времени проходит, тем ближе мы к истинному ответу и сути всех интриг Тени Камня, а незаметно замести следы ему в его нынешнем положении трудно. Собственно, мы надеемся подтолкнуть его к этому и выяснить правду. Это называется провокация.

— А если вы ошибаетесь и за ним нет больше никаких грехов?

— Ничего не изменится, — я пожал плечами. — Если это единственный слой, если Митий будет тихо сидеть в своем доме и ждать вердикта, то это никак не повлияет на наши планы. Но я не верю, это было бы слишком просто.

— Будь осторожен, — вздохнула Рина, поднялась и шагнула ко мне, чтобы обнять. Но я удержал ее за плечи и со смешком пояснил свое действие в ответ на ее озадаченный взгляд:

— Извини, но если я сейчас начну тебя обнимать, такую нежную и все еще пахнущую желанием, и целовать, то я точно опоздаю к назначенному времени, потому что ограничиться поцелуями не смогу.

Женщина улыбнулась — хитро, по-кошачьи, — жарко сверкнула на меня глазами, отчего мои мысли опять свернули в нерабочее русло. На щеках ее появился не то смущенный, не то довольный румянец, но дальше провоцировать меня жена не стала, даже отступила на полшага назад. Каких усилий мне стоило не воспротивиться этому движению — отдельный разговор.

Но супружескую спальню я в итоге все же покинул и направился к выходу из дворца, на ходу пытаюсь сосредоточиться на Митии. Пока дошел до конюшен, даже сумел это сделать, и в седло сажусь уже почти бесстрашный Железный регент, а не до крайности распаленный влюбленный юнец.

Хоть я и жаловался совсем недавно Тии, что мне тяжело влезать в прежнюю шкуру, это не было правдой. Я настолько сроднился с этой маской и привык к ней, что давалась она мне по-прежнему легко, гораздо легче, чем мне бы хотелось, и проблема была не столько в невозможности, сколько в огромном нежелании это делать. Меня терзал иррациональный страх, что в какой-то момент маска вновь прилипнет намертво и из удобной роли опять превратится в подлинное лицо. Мысли эти я, конечно, держал при себе: прекрасно понимал, откуда они берутся, и потому не видел смысла с кем-то обсуждать. Не стоило гневить Следящего-за-Дорогами лишними жалобами на жизнь, особенно сейчас, когда эта жизнь стала гораздо осмысленней и приятней, чем луну назад.

Тень Камня находился в вынужденном затворничестве на вилле в окрестностях Вира, до которой было полчаса быстрого лошадиного шага. Можно было добраться быстрее, но не хотелось по такой жаре мучить лошадь и себя, тем более к назначенному времени я успевал.

Дорога пылила под копытами, вдоль обочины выгорали на солнце еще недавно совершенно зеленые травы, а кипарисы, которым жара была нипочем, наполняли воздух кисло-сладким хвойным запахом. Лето заметно опережало календарь, обычно в это время на побережье прохладнее, и в этом тоже чудился нехороший знак. Но нехорошие знаки лично мне мерещились сейчас везде и во всем.

Вилла «Черные Камни» встретила меня тишиной и полным отсутствием поблизости чего-либо черного. Приподнявшись в стременах, я огляделся, заодно прислушиваясь: мягкие волны горячего слабого ветра как будто доносили приглушенные расстоянием голоса. Окликать я никого не стал и тронул бока коня, направляя того вокруг сравнительно небольшого дома, почти скромного с учетом древности рода и размеров состояния Тени Камня.

Когда я завернул за угол, голоса стали отчетливей, я уже мог разобрать интонации и понял, что слышу не просто голоса, но чьи-то вскрики. Исполненный смутных недобрых предчувствий, послал коня широкой рысью и на заднем дворе виллы, у конюшни, обнаружил источник встревоживших меня звуков. Все оказалось не так страшно, как могло, но и не слишком приятно: на конюшенном дворе происходила показательная порка.

Шесть человек — очевидно, слуги — стояли рядком, перед ними к столбу была привязана женщина, кажется довольно молодая. Дюжий полуголый детина охаживал ее по спине длинной плеткой. Выглядел он хмурым и, кажется, не особенно довольным своей ролью. Подъехал

поближе, я разглядел в тени у конюшни и хозяина дома, бесстрастно наблюдавшего за исполнением наказания. За то время, пока я добирался, положенное число плетей несчастная уже получила, и палач аккуратно сматывал свое орудие.

— За что ее? — спросил я, не сходя с седла.

— Господин Ярость Богов, — Митий чуть склонил голову. — Ничего стоящего вашего внимания. Это просто воровка. Как гласит закон, пойманного на своей земле на месте преступления вора я вполне могу судить сам. Восемь плетей — вполне достаточная мера, чтобы в следующий раз она подумала, стоит ли кража того. Впрочем, если вы желаете ужесточить или проверить качество исполнения наказания, не смею мешать. Все же мой конюх не профессиональный палач, хотя я и посчитал излишним вызывать кого-то из этих занятых господ ради подобной мелочи.

Общение с Даором все же не проходит даром, умнею на глазах: я сразу сообразил, к чему клонит хозяин виллы. Грязно выругался про себя. И что прикажете на это отвечать?

Меня проверяли. Доподлинно о моем исцелении знали немногие, и изолированный от мира вместе со своими слугами Митий тем более не мог в этом удостовериться. И сейчас он пользовался случаем, чтобы оценить мою реакцию и на глаз прикинуть, насколько я изменился и изменился ли вообще. Пожелает ли Железный регент развлечься?

Впрочем, я быстро вспомнил, что даже в худшие дни не демонстрировал свои нездоровые наклонности публично и уж точно не стал бы развлекаться на заднем дворе у человека, подозревающегося в разнообразных преступлениях. Хотя желание определенного рода, конечно, испытал бы и даже сожаление от невозможности его реализовать: женщина, которую как раз отвязывали от столба, была не только молодой, но и, кажется, очень хорошенькой.

Осознание, что сейчас я ничего подобного не чувствую, а к воровке испытываю только отстраненное сочувствие, принесло мне громадное облегчение. Настроение мгновенно выправилось, а верный ответ нашелся сам собой.

— Это официальная просьба о подтверждении справедливости наказания? — спросил я скучающим тоном, вопросительно изогнув бровь.

— Мне кажется, я сейчас не в том положении, чтобы просить справедливости, — уголками губ улыбнулся Тень Камня.

— В Вирате на справедливый суд может рассчитывать каждый, — с удовольствием возразил я.

— Разумеется, — согласился Митий. Еще бы он спорил с подобным в моем присутствии! Это значило бы высказать неодобрение и претензии кесарю, а столь глупо ссориться с кесарем прямо сейчас совсем не в его интересах. — Но недостойный доверия подданный недостоин и того, чтобы кесарь тратил на него лишние часы, свои и своих первых людей. Да и предмет обсуждения, право, не стоит этого. Предлагаю пройти в дом. Думаю, вы бы с удовольствием освежились с дороги.

Я согласился, что повод ничтожен, и против того, чтобы освежиться, ничего не имел — пить хотелось изрядно.

Мне только интересно: эта девица действительно воровка? Подтвердило бы это дознание с помощью кого-то из читающих в душах и Митий действительно не видел смысла продолжать разговор, или служанка пострадала просто ради проверки моей персоны?

Нет, скорее Тень Камня просто воспользовался случаем. Не так уж нужна была ему эта проверка, чтобы ради нее рисковать остатками репутации, а я ведь мог и настоять на дознании, просто из упрямства.

Это была одна из несколько спорных, но довольно эффективных деталей системы правосудия Вираты. Любой участник судебного процесса или близкие одного из участников могли высказать недоверие к судье и потребовать у вышестоящего подтверждения приговора. Прелесть этой детали состояла в том, что в случае, если вышестоящий допускал ошибку, халатность или злой умысел в вынесении неверного приговора, к делу неизбежно привлекался читающий в душах дан и, если все подтверждалось, судье выносился приговор сообразно проступку и тяжести понесенного невинным наказания, вплоть до смертной казни. А если претензия оказывалась лживой, то наказание нес человек, отнявший время судей и читающего в душах. Механизм этот не являлся безупречным и безотказным, но некоторых держал в узде.

В общем, я не думаю, что ради сомнительного шанса удостовериться в моем здравии Митий рискнул бы схлопотать несколько плетей, весьма болезненных не столько для тела, сколько для самолюбия.

А вот время исполнения приговора Тень Камня явно выбрал очень тщательно. Не удивлюсь даже, что он загодя узнал о моем приближении: время визита-то было оговорено примерно. Как узнал? Учитывая, что это его земля, тут наверняка есть какие-то сигнальные чары, которые почти невозможно заметить, если не знать, где искать. Что-то серьезное, вроде эффективной защиты, подобным образом не спрячешь, а вот такую мелочь — вполне. Да и не исключено, что у него есть осведомители в Нижнем дворце.

— Так чем обязан чести принимать в своем доме самого Железного регента? Ах да, прошу прощения, уже не регента, — проговорил Тень Камня, когда мы устроились в одной из гостиных, а слуги принесли фрукты и напитки.

В отличие от Даора, этот человек никогда не пытался изображать безобидность, он играл в другие игры. Хотя особенно опасным Митий тоже не выглядел: совершенно обычный немолодой мужчина, с холодными светло-серыми глазами и правильными, но невыразительными чертами лица. Отвернешься — через минуту забудешь, как он выглядит.

— Традиции, — я чуть пожал плечами. — Сиятельная госпожа кесарь дает вам последний шанс добровольно во всем признаться и получить снисхождение. Если вы откажетесь, другой возможности не будет.

— Признаться в чем? — он вопросительно вскинул брови, безупречно изображая искреннее недоумение. — Мне казалось, что вопросов ко мне больше нет. Да, я виновен в том, что использовал свою дочь. Свою, господин Ярость Богов, законную дочь, по предварительному ее согласию, о чем даже предоставил документ.

— Да, разумеется, — кивнул я с каменным лицом.

Ну да, так он и признается! Нет, это действительно была пустая формальность, никто всерьез не рассчитывал, что Тень Камня проникнется. И бумага, упомянутая мужчиной, действительно существовала, я даже ее видел. А уж как он ее получил — понять сейчас было невозможно. Действительно ли Лиа поначалу не возражала, или просто не знала, что ее ждет, или не смела перечить отцу — ответов у нас не было. Да, честно говоря, судьба бывшей любовницы интересовала меня сейчас меньше всего: двадцать лет в шкуре Железного регента научили меня быть равнодушным ко многим вещам, которые прежде вызывали оторопь, и с уходом болезни некоторые из этих привычек остались. Повзрослел я, что ли?

— Ивар, между нами: вы действительно полагаете, что эта девочка может быть хорошим кесарем? — спросил собеседник, внимательно наблюдая за мной. — Алый Хлыст, конечно, человек умный, к роли влиятельной тени за тронем ему не привыкать, но... женщина! Да еще с альмирцем в паре! Это как-то несерьезно.

— Вы действительно думаете, что я буду обсуждать своего кесаря с вами? — спокойно полюбопытствовал я в ответ. — Вы казались мне умнее.

Даор может мной гордиться: явно намеренная оговорка собеседника не заставила меня и бровью повести. В первый момент я и сам удивился собственной выдержке, но потом сообразил: дело в том, что эту тайну я

уже успел разделить с близкими людьми, встретил понимание и избавился от груза на душе. Поэтому лишь напрягся, насторожился, но выбить меня из равновесия Тени Камня не удалось.

Удара с этой стороны я больше не опасался, Митий на несколько дней опоздал со своими провокациями. Теперь мне казалось, что при Тауре погибли оба наследника рода Первого Дождя, а возникший из их пепла Ив Ярость Богов был кем-то третьим. Благодаря одной очень искренней и очаровательной девушке я не только избавился от болезни, но и чудесным образом похоронил призраков прошлого, прекратив бояться их и цепляться за них, и окончательно принял «нового» себя.

А впрочем, такая ли уж это метафора — появление кого-то нового? Наша душа сделана из Железа и Искры, и, если меняются они, то и она наверняка не остается прежней...

— А есть что обсуждать, Ивар? — он вопросительно вскинул брови.

— Вы, похоже, думаете, что есть. Но один раз оговорка, а два — уже система. Почему вы называете меня чужим именем? — спросил я, со всем доступным тщанием подбирая слова.

— Чужим? — лениво улыбнулся он. — Оставьте, Ивар. Я собрал достаточно информации, чтобы прийти к однозначному выводу: при Тауре погиб старший из сыновей рода Первого Дождя. Но примите мое восхищение, для неоперившегося юнца вы сделали неплохую карьеру.

— Ах вот вы о чем, — хмыкнул я. — Действительно, от кого еще, как не от вас, Лиа могла узнать о том, что у меня был брат. Но ваши предположения смелее; она утверждала, будто я его убил. Одна только загвоздка: мой младший брат был даном. Или вы полагаете, это ложь?

— Нет, отчего же. Факт подтвержденный.

— То есть, по-вашему, я из дана стал фиром? И вы даже знаете, как это у меня получилось?

Равнодушная скучающая ухмылка, прямой тяжелый взгляд, ровный голос — шкура Железного регента по-прежнему была мне впору. Только сейчас я этому радовался, а не огорчался, потому что к привычному образу поведения прилагалась ввевшаяся привычка следить за эмоциями даже в мелочах.

Странно, еще вчера я был уверен, что у меня так уже не получится, — ан нет, не в безумии дело.

Мне почудилось, что сейчас Тень Камня медленно кивнет и ухмыльнется. В ответном взгляде читалось что-то такое... уверенное, спокойное. Но Митий предпочел просто соскользнуть с опасной темы, а вернее, отступить, оставляя поле боя за мной.

— Вы полагаете, общественности, вашим друзьям и врагам будет до этого дело? — спросил он ровно.

— Полагаю, все они дружно решат, что ваша дочь тронулась умом не просто так, а в силу наследственных причин, — насмешливо фыркнул я.

— Пожалуй, в этом вопросе вы понимаете больше моего, — едва заметно улыбнувшись, склонил голову собеседник.

— Вот тут я бы, кстати, поспорил, — возразил я со смешком. — Еще неизвестно, кто более ненормален: тот, кто причиняет зло посторонним, или тот, кто сознательно ломает жизнь собственному ребенку.

— Всем нам приходится чем-то жертвовать. — Митий был предсказуемо спокоен. Не с моим опытом выводить из себя людей подобного масштаба, но удержаться от попыток я не мог.

— Выходит, свою дочь вы искалечили ради того, чтобы немного развлечь меня? Интересные, однако, приоритеты. Тронут.

— Выходит, так, — не стал спорить Тень Камня.

— Вы же понимаете, что в это никто не поверит и рано или поздно — скорее рано — подлинные ваши мотивы будут найдены? — полюбопытствовал я.

— Не понимаю, о каких мотивах идет речь, — столь же холодно и ровно ответил собеседник.

Еще некоторое время мы подобным образом беседовали ни о чем, перебрасываясь намеками и риторическими вопросами, а после я отбыл во дворец.

Обратный путь я проделал в задумчивости, и не давала покоя мне не столько мысль о подлинных замыслах Мития, сколько его подозрительная осведомленность о моем прошлом. Предположим, серьезных проблем я от этой информации не ждал, Даор и Тия все равно уже были в курсе, и первый даже почти не удивился. Тень Камня — достаточно умный человек, и подобная идея могла прийти ему в голову, и проверить ее он мог, здесь-то все было предсказуемо. Не так уж трудно при его ресурсах собрать достаточно информации и выдвинуть это предположение, лежащее почти на поверхности.

Гораздо важнее было то, что его не смущала перемена моего дара. Я готов был отдать правую руку на отсечение, что Митий если не знает точно, как это получилось, то, по крайней мере, имеет весьма правдоподобное этому объяснение, которое, однако, не собирается афишировать.

И главный вопрос состоит даже не в том, что он знает, а в том, откуда он это знает. Я в свое время перерыл все доступные источники и даже

намека на подобное не углядел. И напрашивался единственный вариант: Митию подсказали боги. И вот тут происходящее окончательно переставало мне нравиться, потому что либо наши боги по какой-то причине помогают не только нам, и тогда истинные цели их игр становятся совсем уж непонятными, либо помогает Тени Камня кто-то другой. Хаос?

В любом случае, обо всем этом стоило рассказать Даору. Понятно, что у меня есть лишь домыслы и неясные предчувствия, но даже они могут сослужить хорошую службу.

Глава 7

О добрых соседях

Тия Дочь Неба

Во дворце было до странности тихо. Конечно, сейчас еще утро, многие пока спят, но все равно меня преследовало ощущение некоторой изоляции от окружающего мира. Наверное, потому что в последние несколько дней здесь не происходило ничего значительного, все события боги раскидали по краям обитаемых земель. А дворец... Его, кажется, обезопасили настолько, что без ведома стражи внутрь даже ветер не мог попасть.

Впрочем, за прошедшие с нападения на Рину и известия о болезни Даора двенадцать дней ничего грандиозного пока не случилось и в остальных местах. Во всяком случае, такого, чтобы оно выбивалось из ряда предыдущих проблем. Болезни, чудовища, волнение и беспокойство людей... Последнее пока удавалось удерживать в нужном русле, и Даор, а с ним вместе и все остальные, потихоньку приходили к выводу, что пресловутых семян хаоса в мире, похоже, не так много и что у людей, несущих их в себе, мало ресурсов. Это отлично объясняло, почему до сих пор мы удачно переигрывали таинственного врага, да и немногочисленность, какую-то точечность ударов. Похоже, он сделал ставку на устранение первых фигур лично — меня, Стъёля, Ива и Даора, — а к нам не так-то просто было подобраться.

Что касается нападений на окраинах, то происходили они в горах на севере, на море и на дальних границах соседних стран — то есть именно там, где подобное случалось и прежде. Да, они стали теперь чаще, но главное отличие было в другом. Нападавшие прежде диковинные создания были необычными, даже жуткими, но своим устройством — наличием Искры и Железа — ничем не отличались от обыкновенных животных. А вот теперь попадались все больше «родственники» тех птиц, что покушались на Стъёля. Хотя выглядели они при этом почти так же, как уже знакомые твари, разве что были крупнее, агрессивнее и многочисленней, но не настолько, чтобы это вызвало панику или обоснованные подозрения у людей.

Дурные новости касались и чернокровия: еще несколько десятков случаев за прошедшие дни, все в разных концах страны. Единственным

слабым утешением являлся тот факт, что подобное происходило и в соседних странах. Не потому, что мне было их не жалко, просто так было сложнее связать эпидемию с моим восшествием на престол. Попытки, конечно, были, но их пока удавалось без проблем пресекать.

С другой стороны, в этом направлении забрезжила и слабая, робкая надежда, и мы старались лишней раз не поднимать эту тему, чтобы не спугнуть и не накликать. Дело в том, что Хала после разговора с Риной пару дней ходил погруженный в себя и почти не высовывался из своих покоев, а два дня назад вдруг приобрел совершенно маниакальный вид, притащил из Университета-на-Горе двоих незнакомых мне данов и одного фира, и эта четверка накрепко обосновалась в дальнем крыле Верхнего дворца, очень агрессивно реагируя на попытки вторгнуться на занимаемую ими территорию. По-моему, даже Альый Хлыст не рисковал совать туда нос, поглядывая на Пустую Клетку с откровенным опасением.

Ина, впрочем, была спокойна на сей счет, даже довольна. Утверждала, что Хала полностью здоров и чем-то сильно увлечен, и считала это хорошим знаком. У дана явно появилась некая идея, но делиться ей до получения каких-то доказательств он не спешил. И нам оставалось только делать вид, что ничего не происходит, и молиться об удаче. Потому что всерьез надеяться было слишком смело.

В свою нору исследователи уволокли останки многострадальных птиц, туда же притащили несколько тел умерших от чернокровия бедолаг, перенесли внушительную часть библиотеки и почти отрезали себя от внешнего мира, наказав срочно доставить с ближайшей границы останки какой-нибудь твари, как минимум голову и некоторые внутренние органы, если туша окажется очень большой. Конечно, я отдала соответствующие распоряжения, и гонец был уже на пути сюда.

Увы, в поисках главного злодея мы тоже не очень-то продвинулись. Тень Камня сидел тихо, да и по всему выходило, он не организатор. Даже изначально предвзято относящиеся к нему Даор с Ивом уже признавали, что, может, не так сильно виноват Митий, как они подозревали. Да, он многое знал и, вероятно, знал нашего врага, но нам это не помогало. Сейчас он смиренно сидел в глуши, благоразумно налаживал общение с сыном, и хоть собирал последние новости, но ничего всерьез не предпринимал.

Было заманчиво отправить Мития в «Мертвую голову» и выбить из него всю нужную информацию, но всерьез подобного никто не предлагал. Для таких мер нужны более весомые доказательства, чем предчувствия и даже твердая убежденность нас всех, вместе взятых. Мое положение и так

было довольно шатким, не стоило рисковать попусту и еще больше настраивать против себя старые роды. А Хала, чье слово могло оказаться решающим, ничего подозрительного найти не сумел.

Парадокс. Вердикт Пустой Клетки должен был обелить Тень Камня в наших глазах, но у всех, включая самого читающего в душах, он вызвал только еще больше подозрений. Мы, начиная с самого Халы, скорее были готовы поверить в то, что Мития защищает некая сторонняя сила, засечь которую напрямую не способен даже Пустая Клетка, чем в его лояльность.

Не выяснилось ничего нового и о нападении на Рину. Трупы, которые попали нам в руки, раньше были средней руки наемниками, бравшимися в том числе и за грязные делишки, но прежде особенно не наглели и на крупные, по-настоящему серьезные и опасные дела не подписывались. Не знали, кого им предстоит убить или похитить? Или просто не смогли устоять перед щедрым предложением?

Кто и как их нанял, тоже оставалось неясным. Полагали, что за всем стоит тот дан, который оглушил Райда и удрал на колеснице, но личность его по-прежнему была неизвестна. Удалось только установить, что именно он напал на Ива и его спутников по дороге из Далена вместе с лжежрицей, а вот дальше расследование застопорилось, потому что дан оказался слишком предусмотрительным и, похоже, опытным, чтобы не оставлять следов, но при этом недостаточно сильным, чтобы привлекать внимание случайных свидетелей. Как он в таком случае сумел обойти действие защитного амулета фира-охранника — неизвестно.

Единственно тот факт, что он повторно попал в наше поле зрения, ходил на дело сам и вновь в качестве разменной монеты использовал мелкую шуштуру, подталкивал к выводу, что этот дан — одиночка. Работающий на себя или хозяина, неважно, но скорее всего с остальными силами не связанный или связанный постольку поскольку. Что нам это давало? Честно говоря, я не имела ни малейшего понятия и с чистой совестью оставила этот вопрос профессионалам.

В остальном же жизнь текла своим чередом.

Даор воплотил в жизнь свою задумку и устроил новое большое торжество для народа, и, хоть еще одной белой четверки во всем Вире не нашлось (это была привилегия исключительно кесаря, закрепленная законодательно), на мой вкус, все прошло отлично. Стъель безупречно справился с ролью возницы, а я в очередной раз убедилась, что рядом с мужем чувствую себя спокойно и уверенно — это ли не радость! И народ Вира принял Стъеля весьма благосклонно, пожалуй, даже лучше, чем меня. Ну правильно, он хоть и альмирец, а все-таки серьезный, солидный

мужчина. Где уж мне с ним сравниться!

Еще благосклонней народ встретил гонки все тех же колесниц, скачки и прочие увлекательные зрелища, приуроченные к торжеству. И вот как раз подобный праздник я всецело одобрила: казне никаких убытков, даже некоторая прибыль, люди довольны, а муж кесаря теперь прочно ассоциировался с настоящими мужскими развлечениями. Даже несмотря на то, что мы посетили всего один заезд четверок, и то только для порядка.

Такому теплоте отношению моего народа к моему мужу я, конечно, немного завидовала, но по-хорошему. Тем более я прекрасно понимала, что всем нам такая симпатия только на руку.

Наша со Стъёлем совместная жизнь складывалась очень хорошо. Мы все больше привыкали и притирались друг к другу, я старательно изучала язык немых и делала в нем успехи. У меня имелся отличный стимул: чем больше я знала и понимала, тем легче проходило общение с мужем.

К мужу я сейчас, собственно, и направлялась. Через пару часов нам предстояла встреча с шахом Преты, и на это событие нужно было настроиться. Во всяком случае, мне.

Обсуждать что-то важное с Ламилималом мы не планировали, просто исполняли долг хозяев: шах продолжал гостить в Вирате, и было бы оскорбительным полностью предоставить его самому себе. Нет, он не скучал, а даже наоборот, активно развлекался, но обязательств и правил хорошего тона это не отменяло. Мы уже достаточно долго пренебрегали обязанностями хозяев, так что теперь предстояло несколько часов развлекать гостя беседой. Ничего страшного, но занятие это было чрезвычайно утомительным лично для меня: взгляды претца отличались от моих кардинально, да и меня саму мужчина почти презирал. Сорваться на него и высказать все, что думаю, я не боялась, не так уж сильно он меня злил, но перед этим было нелишним получить порцию положительных эмоций, а для этого лучше всего подходило уединение с мужем.

Стъэль обнаружился там, где я и ожидала его встретить, — в кабинете, отведенном для моего супруга. Вот только стоило мне войти — и радужное предвкушение растаяло, потекло и куда-то испарилось за считанные секунды. Альмирец был с женщиной.

То есть нет, ничего предосудительного не происходило, нельзя было отыскать даже малейшего повода для настоящей обиды. Они просто сидели в креслах по разные стороны письменного стола и спокойно общались. Жестами! Причем руки незнакомки двигались настолько уверенно и легко, разговор казался таким бойким и даже как будто счастливым, что я остро почувствовала себя лишней. Да еще женщина, на беду, была изумительно

хороша: высокая, статная, хорошо сложенная, с красивыми светлыми волосами, лежащими аккуратными крупными локонами.

Накатила жгучая обида. Такими они оба выглядели довольными и умиротворенными, что мне отчаянно захотелось сделать что-то плохое, лишь бы разбавить всеобщую благодность. Казнить эту особу с особой жестокостью, что ли?

Искренне устыдившись и ужаснувшись последней мысли, я поспешила ее отогнать, а тут меня как раз заметил Стъэль и жестом поздоровался. Его собеседница тоже обернулась и красивым плавным движением поднялась, чтобы изящно поклониться. Настроение упало еще ниже.

— Здравствуйте, сиятельная госпожа, — негромко проговорила незнакомка красивым певучим голосом. — Позвольте представиться, Дрива Сорная Трава, я приглашена в качестве переводчика для сиятельного господина Стъэля.

О переводчице я знала, но как-то не думала, что она настолько красивая, да еще и достаточно молодая.

— Рада наконец познакомиться лично, — проговорила я, надеясь, что это звучит не очень фальшиво и лицо у меня при этом не слишком кислое. И добавила, прогоняя с языка так и рвущееся туда «и не только сегодня!»: — Думаю, на сегодня вы можете быть свободны.

— Благодарю, сиятельная госпожа. — Дрива вновь поклонилась с безупречно спокойным выражением лица, попрощалась с моим мужем и с достоинством удалилась, тихо прикрыв за собой дверь.

Стъэль тем временем поднялся из-за стола, подошел ко мне. Глядел он при этом хмуро, настороженно.

«Что случилось? — спросил он тревожно. — Ты взволнована и напряжена».

Я глубоко вздохнула, силясь взять себя в руки и побороть неуместные и слишком сильные эмоции, совсем не соответствующие случаю, и подалась к мужу, чтобы обнять, прижаться, уткнуться лбом в его плечо и привычно почувствовать себя в его объятиях защищенной от всего мира.

Альмирец меня, конечно, обнял, но через несколько секунд настойчиво отстранился, чтобы одной рукой приподнять мое лицо и с напряженным вопросом заглянуть в глаза.

— Прости, — шумно вздохнула я, решив, что лучше сразу покаяться, чем заставлять мужчину мучиться непонятными подозрениями. — Я сама понимаю, насколько это глупо и недостойно, но... Оказывается, я страшно тебя ревную. То есть ты не давал никакого повода, и я ни в коем случае не

думаю, что ты недостойн доверия. Просто вы так хорошо тут сидели, болтали, и она такая красивая, и... — я шмыгнула носом, с изумлением ощущая, что по щекам текут слезы.

Стъэль в ответ удивленно вскинул брови, разглядывая меня недоверчиво, как будто первый раз увидел. Потом усмехнулся, качнул головой и прижал меня к себе, глядя по спине и волосам. Несколько секунд мы так и стояли посреди кабинета, а потом мужчина легко подхватил меня на руки и устроился в кресле у стола, баюкая меня на коленях.

— Это было совсем некрасиво, да? — наконец заговорила я, быстро успокаиваясь в родных уютных объятьях.

Мужчина в ответ неопределенно пожал плечами, но все-таки слегка кивнул и коснулся губами моих губ. Потом дотянулся до стола, чтобы взять дощечку для письма: несмотря на мои успехи в изучении языка немых, объясниться с его помощью получалось не всегда.

«Она оставила путь жрицы, чтобы выйти замуж. У нее четверо детей», — сообщил Стъэль, глядя на меня с теплой, почему-то совсем не обидной насмешкой.

— То есть я не просто дура, а дура круглая, — сделала я вывод и усмехнулась. — Спасибо, что не обиделся за эту глупость. Сама не понимаю, что на меня нашло...

Получив от мужа утешительный поцелуй в висок, я окончательно успокоилась и решила отвлечь себя и мужчину от произошедшей нелепой сцены серьезным обстоятельным разговором.

Знать бы еще, с чего я вдруг так эмоционально отреагировала на обыкновенную беседу? Хорошо хоть, удержалась от истерики и сумела критически взглянуть на свое поведение!

— Стъэль, а ты знаком с Ламилималом? — полюбопытствовала я. — Ты же помнишь, что нам предстоит долгая занимательная беседа с ним, — напомнила я мужчине, явно озадаченному резким поворотом разговора. — Я, собственно, пришла к тебе, чтобы морально настроиться и подготовиться к этой встрече. А то он снова начнет рассуждать о месте женщины в доме мужчины, и я могу не сдержаться и высказать все, что я думаю о месте правителя в жизни страны, которое совсем даже не в гареме.

Стъэль в ответ искренне рассмеялся.

«И чем я тебе помогу? Отшлепаю его?»

— Кхм. Заманчиво, хотя и, подозреваю, бесполезно. Но вообще я просто хотела приятно провести с тобой пару часов до этого разговора, чтобы настроение сделалось хорошим-хорошим и мне стало уже наплевать на все его высказывания.

Муж смерил меня странным взглядом, вновь усмехнулся — задумчиво, как будто недоверчиво — и нежно поцеловал. От этого прикосновения вдруг стало легко и радостно до того, что на глаза опять навернулись слезы, теперь уже от счастья.

Нет, определенно что-то со мной сегодня не так! Может, я съела что-нибудь не то?

— Ты так и не ответил: ты знаком с Ламилималом? А то у меня складывается впечатление, что ты вообще всех знаешь, — проговорила я, чуть отстраняясь, чтобы стереть подолом туники влажные дорожки со щек.

Хмурясь, мужчина кончиком пальца провел по моей щеке сверху вниз. Во взгляде читался ясный вопрос.

— Это уже от радости, — призналась я смущенно. — Не знаю, что-то я сегодня сама не своя, хоть прямо к целителям иди с вопросами... Только не смотри на меня так укоризненно, в остальном я прекрасно себя чувствую. Но если не пройдет, непременно обращусь. Лучше на вопрос ответь!

Настаивать на немедленном визите данов Стъель не стал, хотя и просверлил меня полным укоризны взглядом. А потом мы действительно перешли к теме Преты и ее правителя, и вопросы моего здоровья отошли на второй план.

Шахи правили довольно долго и чаще всего умирали по естественным причинам: покушаться на власть уже сидящего на Золотом Ковре правителя было не принято. Но вот при смене власти почти каждый раз происходила натуральная резня. Претские правители, имея по несколько жен и без счету наложниц, оставляли интриганам огромный простор для маневра в виде пары десятков совершенно законных наследников и иногда до сотни наследников не совсем законных: право на Золотой Посох правителя дети наложниц получали только тогда, когда не оставалось детей от жен. В итоге, как правило, из множества наследников выживал только один, сам или руками тех, кто стремился усадить его на Золотой Ковер, избавляясь от всех конкурентов. Этот последний получал Посох и возможность спокойно править до самой старости.

Ламилимал относился ко второй категории. Шахом его сделала группа очень умных, хватких и безжалостных политиков, которые сейчас продолжали править страной за спиной молодого и ленивого государя, занимая посты визирей. Когда в его руках оказался посох, Ламилималу не было и пяти лет, и сейчас, в свои двадцать пять, он оставался все тем же избалованным ребенком, больше озабоченным развлечением и ублажением собственной персоны, чем судьбой страны. Наглядный пример: разве

хороший правитель так надолго оставит свое государство, чтобы присоединиться к празднествам у соседей?

Стъэль многого про этого человека сказать не мог, поскольку лично не знал. Уверенно утверждал он только одно: своим оружием этот несерьезный и на вид изнеженный юноша владел отлично. Видеть Ламилимала в деле альмирцу не доводилось, но вывод на основании наблюдений он мог сделать именно этот — по движениям, по взгляду, по другим заметным только профессионалу мелочам.

Но подобные сведения имелись и у меня, как и информация об истовой любви молодого шаха к всевозможным традициям. По донесениям, эта его привычка распространялась не только на отношение к женщинам, но и на многие другие сферы жизни, и порой Ламилимал выуживал из старых легенд и трактатов очень своеобразные обычаи. Большинство из них не приживалось, следовал им один только шах и ближайшее его окружение, и то лишь до тех пор, пока ему не надоедало. Наигравшись же, претец отправлял их обратно на свалку истории и добывал там новые развлечения.

— А что ты все-таки думаешь о месте женщины? — спросила я с подозрением.

В Альмире в целом не настолько дремучее отношение к слабому полу, как в Прете, нас скорее считают хрупкими цветочками, которые стоит оберегать от всех опасностей и переживаний. Спору нет, иногда очень приятно почувствовать себя таким цветочком, но ведь не всю жизнь! Пока муж, конечно, демонстрирует редкое терпение и понимание, замашек тирана не проявляет, но уточнить все-таки нелишне.

Стъэль глянул на меня со все той же необидной насмешкой, потом выразительно обвел взглядом и сообщил: «Вот так, как сейчас, меня вполне устраивает».

Я в ответ захихикала:

— Ишь ты, хитрый какой, ловко выкрутился. Дипломат!

Мужчина тепло улыбнулся, отчего я вдруг ощутила мощный, сокрушительный прилив нежности. Какой он все-таки замечательный, и как мне с ним повезло!

А целителям и в самом деле стоит показаться прямо сегодня. Вот с претцем поговорим — и сразу к ним. Можно было бы, наверное, и прямо сейчас, но мне слишком не хотелось двигаться и, хуже того, покидать объятия мужа. Поэтому, отвлекая себя от неестественно и даже почти пугающе сильных эмоций, я потянулась к мужчине за поцелуем.

Целовались мы долго, постепенно все больше увлекаясь и распаяясь.

Времени до встречи было полно, так почему не потратить его с удовольствием?

Когда я, прервав поцелуй, завозилась, чтобы оседлать бедра мужчины — так было удобнее, — Стъэль понимающе улыбнулся и возражать, конечно, не стал. Горячие шершавые ладони скользнули по моим ногам, уверенно находя между складок одежды путь к коже.

Новый поцелуй, глубокий и жадный, как будто прорвал плотину. От неторопливости не осталось и следа, на смену ей пришло жгучее, яростное желание. Мои пальцы нетерпеливо теребили шнуровку на вороте рубашки мужчины. Стъэль на ощупь расстегнул одну фибулу на моем плече, ладони его сжали мои ягодицы, а потом надавили, заставляя подняться на колени. Губами муж жадно припал к моей груди, лаская, и я негромко охнула от остроты накативших ощущений, на мгновение крепко вцепившись в плечи мужчины: голова пошла кругом, и почудилось, что я сейчас не то взлечу, не то упаду.

Со шнурком, удерживавшим его волосы, я справилась очень быстро, с наслаждением зарылась пальцами в густые тяжелые пряди, и от этого ощущения по телу прокатилась волна сладкой дрожи — от возможности ощущать мужчину рядом, трогать и растворяться в ответных прикосновениях. Целовать его, желать его, дышать им. Жить...

— Господин Стъэль, господин Голос Золота велел передать... ой! — протараторил и запнулся звонкий, почти мальчишеский голос.

Я далеко не сразу сумела вынырнуть из сладкого тумана желания, да и муж заметно увлекся, так что опомнились мы только к этому «ой!». Придерживая на груди платье, я обернулась через плечо. На пороге переминался с ноги на ногу смутно знакомый юноша — кажется, один из доброго десятка мальчиков на побегушках Голоса Золота. Старик предпочитал без нужды не выходить из покоев и использовал для этих целей молодые ноги.

— Что там у тебя? — спросила я, потому что юноша только стоял и таратился на нас совершенно круглыми глазами.

— Простите, сиятельная госпожа! — отмер он и согнулся в глубоком поклоне, поспешно опуская взгляд. — Бумаги для господина Стъэля.

— Положи вон там, на кресло, и можешь идти, — разрешила я ему.

В итоге парнишка удрал с такой скоростью, как будто мы гнались за ним с какими-то нехорошими целями. Когда дверь захлопнулась, я наконец дала волю смеху, уткнувшись лбом в плечо мужа.

— Ох и лицо у него было! — пробормотала, выпрямляясь, и качнула головой. Однако Стъэль моего веселья совершенно не разделял и вообще

выглядел хмурым, даже расстроенным. — Что случилось? — забеспокоилась я.

Альмирец неопределенно дернул головой, недовольно скривился, кивнув на дверь, и хмуро, с вопросом уставился на меня.

— Ты что, из-за этого расстроился? — сообразила наконец я и ласково провела ладонью по его щеке. — Нашел из-за чего переживать. Ну разболтает он даже, что застукал своего кесаря в таком виде, и что? Я же не с кем-то посторонним развлекаюсь! Мы законные супруги перед богами и людьми, имеем право, и за нас еще подданные порадуются. Но я почти уверена, что он никому не скажет. Он сам вломился в твой кабинет даже без стука, а это, мягко говоря, нехорошо. Не сердись, — попросила я, губами осторожно касаясь его лба между нахмуренных бровей и бережно разглаживая пальцами суровую складку в уголке рта.

Стъэль в ответ глубоко, шумно вздохнул, мотнул головой и на мгновение крепко прижал меня к себе. А потом вдруг завозился, явно намереваясь ссадить меня с колен.

— Вот еще! — возмущенно фыркнула я, перехватила его руки и вполне красноречиво уложила себе на бедра. Мужчина явно не ожидал, что я начну сопротивляться, и уставился на меня с недоверием и непониманием. — Дверь я заблокировала, больше сюда никто не сунется, — пояснила негромко, покрывая короткими нежными поцелуями его лицо. — А мне очень хочется продолжить с того момента, на котором нас прервали, — голос сошел на шепот, и я осторожно приласкала губами его губы, в это время запуская ладони под рубашку. — Хочу тебя. Прямо сейчас.

Муж еще несколько секунд изображал статую, но потом вдруг отмер, вновь шумно вздохнул — и резко изменил свое поведение. Одной рукой удерживая меня за талию, крепко обхватил ладонью затылок и смял мои губы горячечным, отчаянно-жадным, грубым поцелуем.

Я вдруг поняла, что Стъэль не расстроен, а злится и сейчас как будто пытается выместить эту злость на мне. Но я полностью доверяла ему и знала, что, как бы ни сердился альмирец, вреда он мне не причинит, поэтому не только не испугалась напора, но поддалась, беспрекословно подчиняясь, уступая.

Сейчас я особенно явственно ощутила свою слабость и хрупкость по сравнению с мужчиной, осознала себя полностью в его власти, которой ничего не могла противопоставить. Только эти мысли не встревожили, а отозвались во мне желанием настолько острым, что оно показалось почти болезненным. Я жалобно всхлипнула, стараясь плотнее прижаться к телу

мужа, ухватила за его плечи, кажется, впиваясь ногтями.

Стъэль рывком поднялся с кресла, не выпуская меня из рук. Через мгновение я оказалась стоящей на полу, спереди в бедра болезненно упирался край стола, а сзади прижимался мужчина, и сквозь плотную ткань его штанов я ощущала, насколько он возбужден. Одна его ладонь стискивала мое бедро, вторая держала за шею, крепко, но достаточно осторожно, не причиняя боли. Я выгнулась, стремясь прижаться крепче; со стоном с губ сорвалась мольба.

Муж даже не стал избавляться от одежды, только расстегнул штаны, продолжая одной рукой удерживать меня за шею, и почему-то от этого вождение стало еще более жгучим. Он вошел без прелюдии, одним резким движением подарив мне ощущение наполненности — сладкой, горячей, на грани боли. Прогнув спину, я застонала, подаваясь бедрами мужчине навстречу.

Это было неожиданно, странно, но непривычная грубость Стъэля находила во мне искренний отклик. Какая-то часть меня — древняя, инстинктивная, спрятанная за шелухой морали и условностей — задыхалась от восторга, и сейчас я шла у нее на поводу. Было до дрожи, до темноты в глазах приятно подчиняться, быть слабой, покорной и совершенно беззащитной в сильных, властных руках. Отдаваться ему, принадлежать полностью, без остатка, до кончиков пальцев и самой потаенной мысли. Только ему — и никому больше. Моему первому и единственному — ныне и впредь — мужчине.

Наслаждение в этот раз было острым, мучительно ярким, до разноцветных искр под крепко зажмуренными веками. Я задрожала, судорожно выгнувшись, и громкий хриплый стон сорвался жалким всхлипом.

Еще несколько быстрых движений, и Стъэль тоже кончил, на пару секунд стиснул меня в объятьях так, что я почти успела испугаться за свое здоровье, но тут же ослабил хватку. Уткнулся лбом мне в шею, щекоча кожу рваным, загнанным дыханием. Да я и сама шумно дышала ртом, прикрыв глаза. По телу разливалась густая, вязкая слабость, и, если бы мужчина не прижимал меня к столу, ноги непременно подкосились бы.

Через несколько мгновений Стъэль вдруг поспешно отстранился, мягко развернул меня к себе лицом, глядя пристально, тревожно и даже почти испуганно. Внимательно осмотрел шею, плечи, грудь, отвел складки одежды, рассматривая бедро, и по мере этого осмотра он делался все более потерянным и смятенным.

— Ты чего? — не выдержала я.

«Прости, я не знаю, что на меня нашло. Я причинил тебе боль, и...»

Сообразив, что так встревожило мужчину, я не удержалась от облегченного смеха, перехватила его ладони и качнула головой.

— Ты не сделал ничего такого, что бы мне не понравилось, и мне не было больно. То есть было, но совсем чуть-чуть и скорее приятно.

Я коснулась губами костяшек его пальцев, потом выпустила руки мужчины и прильнула к нему, ощущая непонятную зябкость без тепла его тела. Стъэль тут же обнял меня, а потом, быстро приведя в порядок свою и мою одежду, насколько это было возможно, опять потянул меня к креслу, прихватив с собой и дощечку для письма. Вновь устроившись на коленях у мужчины, я потерлась щекой о твердое плечо, ощущая непередаваемое блаженство и негу.

Вот только муж мой, кажется, расслабиться так просто не мог.

«Прости. Никогда не думал, что догадаюсь сорвать злость подобным образом», — торопливо написал он, бросив на меня новый потерянный и виноватый взгляд. Я не удержалась и рассмеялась в ответ, нежно коснулась губами его губ.

— Стъэль, я точно знаю, что ты никогда не обидишь меня всерьез, и сейчас ты лишний раз это подтвердил. Мне кажется, если бы ты не сдерживал силу и действительно вымещал злость, непременно мне что-нибудь сломал бы. А так... подумаешь, пара синяков! Если ты не заметил, то сообщаю: мне понравилось, — улыбнулась я, погладила его по щеке, а потом вовсе прижалась лбом к виску. — Это было очень неожиданно, но я, оказывается, совсем не возражаю, если мой муж иногда будет таким жестким, грубым и станет подобным образом срывать злость, — промурлыкала я, почти касаясь губами уголка его губ. — Это... возбуждает.

Мужчина вновь шумно вздохнул, с явным облегчением, обхватил ладонью мое лицо и поцеловал меня в губы — чувственно, осторожно, одновременно благодаря и заглаживая недавние грубые прикосновения. Но вскоре я аккуратно отстранилась и задала вопрос, на который так и не получила ответа:

— Стъэль, а все-таки что тебя так разозлило? Конечно, неприятно, что этот мальчишка так вломился, но я не вижу повода для таких бурных эмоций.

Муж недовольно поморщился, но потом все же махнул рукой и написал ответ.

«Никак не могу привыкнуть, насколько легко вы относитесь к этой грани личных отношений».

Я глубокомысленно кашлянула, разглядывая то надпись, то ее автора.

— То есть ты так рассердился на меня, потому что нас застучали в неприличном положении и я вместо того, чтобы испуганно шарахнуться и смутиться, сохранила спокойствие и даже решила продолжить? — весело ухмыльнулась я в ответ.

Мужчина тоже усмехнулся, неопределенно качнул головой, а потом все же пояснил: «Не на тебя, а скорее на себя, что допустил подобную сцену».

— Тогда это действительно проблема, — протянула я задумчиво и пояснила с притворным сочувствием: — Придется тебе как-то привыкать. А то я уже приобрела привычку каждый удобный момент трогать тебя, обнимать и целовать и совершенно не хочу от нее избавляться. По-моему, будет смотреться не очень хорошо, если я вдруг попытаюсь к тебе прижаться, а ты начнешь меня отпихивать.

Он хмыкнул, видимо, тоже представив эту картину, а потом все же ответил: «Привыкну, куда я денусь! Просто сейчас все получилось слишком неожиданно».

Мы еще несколько минут молча посидели, обмениваясь короткими нежными поцелуями и прикосновениями, а потом все же приняли волевое решение покинуть кресло. До встречи оставалось еще больше часа, но за это время надо было успеть привести себя в порядок, то есть помыться и переодеться, причем нам обоим.

Ради всеобщего спокойствия мы со Стъёлем заранее договорились, что для шаха я побуду «переводчиком» при муже, то есть он будет говорить жестами, а я — делать вид, что передаю его слова. Тактика оказалась верной, претец был благодушен и с удовольствием обсуждал со мной театр, книги, музыку, историю.

Разговор с Ламилималом протекал спокойно и буднично. Моего образования и умений вполне хватало, чтобы уверенно поддерживать беседу на любую заданную тему, уводя разговор от тех вопросов, которые были неудобны мне или далеки от меня. И вскоре я с некоторым удивлением пришла к выводу, что при всей своей избалованности и лени Ламилимал отнюдь не глуп и прекрасно образован. При этом, правда, чрезмерно, до крайности себялюбив и принадлежит к числу людей, для кого существует два мнения — собственное и неправильное, и это сводило все его достоинства на нет.

Не считая того, что на разговор я потратила драгоценное время, которому могла найти более полезное и приятное применение, можно было сказать, что эту пару часов я провела вполне неплохо. А вот финал беседы оказался... неожиданным.

— В соответствии со старой традицией моего народа, я бы хотел

преподнести вам дар, — проговорил шах, совершая повелительный жест рукой.

В комнате, помимо нас троих, присутствовало еще трое ближайших слуг гостя: мальчишка-дегустатор и пара юношей постарше на подхвате. Первый сидел на полу у ног шаха, остальные стояли у стены, таращась прямо перед собой и явно пытаюсь слиться со стеной. По взмаху ладони хозяина они торопливо покинули свои места и, постоянно кланяясь, выставили на столешницу керамическую вазу и приличных размеров ларец, которые до сих пор стояли на небольших изящных столиках в углу. Я заметила их в начале беседы, но не придавала значения; оказывается, напрасно.

Оба сосуда выглядели довольно странно для претского подарка: выполнены хоть и изящно, но совсем не с шахской роскошью, и это уже был большой повод насторожиться. Не говоря о том, что по всем известным мне традициям претцы предпочитали дарить подарки в начале беседы, а значит, Ламилимал опять откопал нечто старинное и забытое. А я и о наших старых традициях слышала немного, что уж говорить о соседских!

— Прах пса принадлежит его хозяину, и мой долг — вернуть его, — сообщил шах. Повинуясь новому его жесту, слуга нажал на какой-то элемент резьбы, ларец открылся подобно цветку — и я встретилась с остекленевшим взглядом черных претских глаз.

В ларце лежала отрубленная голова какого-то немолодого мужчины, на подбородке и щеках бурела запекающаяся кровь, веки были перекошены — одно полностью поднято, а второе полуопущено.

Не отдавая себе отчета в собственных действиях и не в силах оторвать взгляда от жуткой картины, я медленно поднялась на ноги. К горлу подкатила тошнота, в ушах гулко бухала кровь, перед глазами замелькали темные мушки. Ламилимал что-то говорил тем же скучающим тоном, но я не разбираю смысла слов, слыша лишь монотонный гул. По комнате поплыл удушливо-сладкий, пряный запах каких-то масел или благовоний, и это оказалось последней каплей: мой разум не выдержал подобного издевательства и предпочел спастись от действительности во мраке забытья.

Стъель Немой

Оказывается, иногда очень полезно не уметь говорить. Потому что если бы я сумел высказаться, закончилось все если не объявлением войны,

то грандиозным дипломатическим скандалом точно. И действием выразить собственные эмоции я в первый момент тоже не смог, потому что был больше сосредоточен на том, чтобы оценить состояние жены и аккуратно уложить ее. Хорошо еще, моей скорости реакции хватило, чтобы подхватить оседающую на пол женщину, а в просторной роскошной гостиной стояли не только кресла, но и традиционные низкие лежа.

Ну а бить шаху морду после было уже не с руки. Нет, эта идея по-прежнему казалась мне заманчивой и очень правильной с воспитательной точки зрения, но здравый смысл уже проснулся и строго напомнил о государственной важности, о личности сидящего в кресле павлина и неизбежных последствиях моих действий.

— Женщины, — презрительно проговорил шах, разглядывая Тию. — Низшие, глупые и слабые существа. Как женщина может чем-то управлять?

Желание забить все сказанные слова вместе с гнилыми традициями обратно в глотку претца стало почти непреодолимым. Ничего нового Ламилимал не сказал, он уже неоднократно высказывался в подобном ключе, но именно сейчас почти любые его слова злили до кровавой пелены перед глазами.

Очень хорошо, что в этот момент, отвлекая меня от неприятного гостя, в комнату заглянул вызванный слуга. Окинув взглядом представшую перед ним картину, мужчина быстро справился с удивлением и, поклонившись, спросил у меня:

— Сиятельный господин, мне позвать целителя и стражу? Или кого-то еще?

Я в ответ три раза кивнул, отыскивая взглядом свою табличку для письма, но малый оказался сообразительным.

— Господина Алого Хлыста? — предложил он.

Я с облегчением кивнул вновь, а когда слуга испарился, обернулся к шаху. На его счастье, за эти несколько секунд я сумел окончательно взять себя в руки, чему немало способствовали две вещи. Во-первых, моих способностей хватило, чтобы понять, что жизни жены ничего не угрожает, да и перспектива появления в ближайшем будущем целителя почти успокоила и заставила поверить, что все обойдется. А во-вторых, вместе с целителем должен был прийти человек, способный уверенно отдавать приказы и знающий, кому их следует отдавать в этой ситуации. Если отрубленная голова и не проходила по ведомству седьмого милора, то он как минимум мог посоветовать, что с ней делать и к кому обращаться, потому что моя собственная фантазия пока пасовала. Честно говоря, куда сильнее прочего меня сейчас занимал неожиданный обморок Ти, и думать

о чем-то кроме было очень трудно.

Отрубленную голову сложно назвать приятным зрелищем, особенно для женщины, которая недавно впервые близко ощутила присутствие Держащего-за-Руку, но все равно подобная реакция казалась для нее слишком сильной. Я уже уверился, что нервы у моей жены достаточно крепкие. Она могла отшатнуться, побледнеть, отвернуться и потребовать убрать «подарочек», но обморок? Сегодняшние странности в поведении жены и без того настораживали, а потеря сознания стала последней каплей.

Шаху я коротко кивнул, обозначив вежливый поклон, и широким жестом указал на дверь.

— Стоит ли так нервничать? Она всего лишь женщина. Существо, не знающее слов «честь» и «верность», — пожал плечами Ламилимал, окидывая пренебрежительным взглядом уже меня. — Или вы думаете, что подобный свежий цветок станет цвести только для немого калеки? Сомневаюсь. И стоит ли она в таком случае подобного беспокойства?

Я на мгновение замер, переживая приступ ослепительной, жгучей ярости. Не знаю, каким чудом я сумел побороть себя и не вцепиться в горло избалованному засранцу, по нелепой случайности являющемуся правителем соседней страны.

«Обсудим этот вопрос завтра в полдень при помощи стали», — начертал я на дощечке и продемонстрировал надпись претцу, ощущая при этом почти радость, хотя и отмечая с досадой, что от гнева дрожат пальцы. С огромным удовольствием воспользуюсь возможностью хоть немного вправить мозги этому малолетнему ублюдку!

— Прекрасно, не имею ничего против подобной беседы. Это будет... любопытно, — самодовольно ухмыльнулся шах и наконец-то распрощался. Следом, вежливо кланяясь, выскользнули слуги. Интересно, в гареме он тоже без сопровождения не ходит, ставит слуг держать фирские огоньки?

Борясь со злостью, накатывающей волнами, я нервно сжимал и разжимал кулаки, стоя рядом с ложем, на котором устроил Тию. И пытался взять себя в руки, стараясь сосредоточиться на дыхании. Получалось... плохо получалось, потому что удар, нанесенный претцем, был очень точен.

Хуже было не оскорбление, а то, что Ламилимал озвучил мои собственные мысли, которые я сам боялся вытащить на свет.

Нет, Тия не такая. Она благородна, она честна, она не станет обманывать за спиной, не станет лгать. Вот только... Надолго ли? Может быть, сейчас она оглушена новыми для себя, непривычными ощущениями, эмоциями, может быть, даже влюблена. Так ли уж сложно влюбиться юной и неискушенной девочке! Но что будет, если она вдруг прозреет? Устанет

разглядывать изувеченную физиономию, устанет слышать тишину вместо ласковых слов, на которые так падки женщины...

Волевым усилием задушив новый приступ гнева и отогнав эти размышления, я, устав ждать, уже собрался приводить Тию в чувство, но своевременно вспомнил о причине ее обморока. Стоило для начала куда-нибудь перенести или хотя бы прикрыть останки неведомого претца. Решив на всякий случай не трогать подарочек, я отгородил стол парой кресел, благо спинки у тех были высокими, а стол, наоборот, низким.

Правда, в этот момент в комнату шагнул дан-целитель — тот же, который лечил нас после нападения ухров, — искоса бросил неодобрительный взгляд на «украшение» стола, недовольно качнул головой, но высказывать претензии не стал. Быстрым шагом подошел к лежащей Тии, повел над ней в воздухе рукой — и лицо целителя разгладилось, стало спокойным, безмятежным и даже довольным. Он присел рядом с женщиной и принялся что-то спокойно, размеренно чаровать, а я не стал отвлекать лекаря вопросами, удовлетворившись увиденным: никакая опасность жене явно не грозила и можно было расслабиться.

Вскоре на пороге появился и Даор. Окинул быстрым цепким взглядом комнату, потом подошел к столу и осмотрел уже его. Непонятно усмехнулся, глянув на голову, а потом подобрал мою дощечку для письма и нахмурился, однако сказать ничего не успел — в комнате стало на одно действующее лицо больше. Стремительным шагом влетел Гнудое Колесо, и я испытал в связи с этим огромное облегчение: у меня вновь появилась нормальная связь с внешним миром и я мог задать вопросы.

— М-да, а я-то думал, куда он делся, — вздохнул Виго, разглядывая голову. — До последнего надеялся, что все обойдется. Жалко, умный был человек. А в вазе, как я понимаю, остальные останки?

— Стало быть, мое предположение оказалось верным и ты действительно имеешь некоторое представление об... этом? — Даор красивым широким жестом обвел стол.

— Скорее, догадываюсь. При жизни это был один из визирей, который передавал нам информацию. Досадно, — повторил Гнудое Колесо и укоризненно качнул головой, хотя особенно раздосадованным потерей он не выглядел. — А с нашей сиятельной что?

«Обморок», — с готовностью ответил я.

— При виде вот этого? — удивленно выгнул брови Виго. — Неожиданно. На нее это не похоже.

«Она сегодня странно себя вела, без причины плакала и вообще очень

нервно на все реагировала. Обещала показаться целителю после этой встречи», — радуясь возможности хоть с кем-то поделиться информацией и беспокойством, сообщил я.

— Очень странно. Господин Сердце Земли, что с нашей правительницей? Откуда у нее могли взяться неадекватные реакции и подобные вот... падения?

— Ничего, стоящего подобного беспокойства, — отмахнулся целитель.

— Сиятельный господин с вами не согласен, — с легкой иронией заметил Даор, бросив на меня короткий насмешливый взгляд.

— Сиятельный господин сам от души поспособствовал подобному итогу, и я бы на его месте не спорил с целителем, — с откровенным ехидством ответил дан и поднялся со своего места.

— А все же что с ней такое? — мягко спросил Альый Хлыст, поглядывая то на меня, то на Сердце Земли. — Я не целитель и не провидец, но, боюсь, через пару минут я сумею диагностировать у вас несколько переломов. Давайте не доводить до подобного.

— С ней все в порядке, сейчас обморок перешел в здоровый сон и, подозреваю, скоро сиятельная госпожа очнется. Что до реакций, это просто вариант нормы, — размеренно заговорил целитель. То ли намеренно издевался, то ли манера у него такая... Однако, поймав мой очень тяжелый и недружелюбный взгляд, доктор прекратил тянуть кота за хвост и наконец объяснил все доступно: — Она беременна. Чрезмерная эмоциональная чувствительность, особенно в первое время, свойственна многим женщинам в подобном положении. В этом нет ничего страшного и опасного, это естественные проявления организма. Просто побольше положительных эмоций, поменьше подобных потрясений, — он кивнул на отрубленную голову, — и все будет хорошо. Она молодая, здоровая женщина, справится. Это не заразно, с ней можно находиться рядом, — целитель вновь не удержался от ехидной реплики, видя, как я в нерешительности стою в шаге от ложа и никак не могу определиться, что делать дальше. — Больше того, нужно. И вообще, не надо так паниковать! Это не болезнь, сиятельной госпоже не показан постельный режим, и заранее прошу: не нужно девочку искусственно ограничивать, повторяя ошибку, которую совершает большинство мужчин, — назидательно продолжил он. — Сиятельная госпожа Тия — деятельная натура. От внешних угроз ее, конечно, стоит защищать, но не нужно запираить под замок, это только усугубит ситуацию. Вы же хотите, чтобы она была спокойна и довольна, а не закатывала истерики по пятнадцать раз на дню? Вот и хорошо. И уж тем более не нужно, как делают некоторые варвары,

отселять ее в отдельную комнату, не прикасаясь к ней в ближайшую пару лет! У многих женщин в таком положении усиливается соответствующее влечение, — подытожил он короткую лекцию.

Интересно, он мысли читает или просто очень опытный целитель?

— Еще вопросы есть? Прекрасно. Если появятся, обращайтесь, пожалуйста, сразу ко мне, не пытайтесь самостоятельно делать выводы. А то я затрудняюсь вот так с ходу определить, кто меня больше поражает своими нездоровыми фантазиями — будущие матери или будущие отцы, — Сердце Земли философски хмыкнул и откланялся.

Опомнившись, я осторожно присел на край ложа рядом с Тией, чувствуя растерянность и смятение и пытаюсь осознать сказанное целителем. Как-то все очень быстро случилось. То есть это, конечно, хорошо с точки зрения Вираты и всеобщего будущего, но... Ржа меня побери, она сама еще почти ребенок! Да, умная, серьезная, но ребенок же!

Я костяшками пальцев бережно очертил овал лица лежащей женщины и вздрогнул от громкого выразительного покашливания на два голоса.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, сиятельный господин, но сейчас немного не до них, — ворчливо заметил Виго.

— Полагаю, мое присутствие здесь не является жизненно необходимым, вопрос проходит по вашему ведомству, дорогой друг, — сообщил Даор. — Но прежде чем оставить вас, я бы хотел получить ответ на небольшой вопрос. Вот эта эпистола была адресована богоравному Ламилималу Аха Авидиве? И он ее прочитал? — наблюдательный Алый Хлыст ладонью указал на лежащую на столе дощечку. Ответ он понял по моему лицу, устало смежил веки и помассировал двумя пальцами переносицу. — Вы меня разочаровываете, господин Стъэль, — вздохнул он негромко и проникновенно. — Рано я обрадовался, что Тия оказалась в руках серьезного, разумного человека.

— Я так понимаю, он согласился? — вставил Виго. — Ты, друг мой, в силу специфики своей работы не учиываешь менталитет, — наставительно обратился он к Алому Хлысту. — Я все же не верю, что наш сиятельный господин настолько вспыльчив и совершил подобный шаг совсем уж без причины или из обиды за вот этого бедолагу, — мужчина кивнул на по-прежнему лежащую на столе голову. — Честно говоря, я даже опасаюсь предполагать, что именно сделал наш претский сосед, если умудрился настолько вывести принца Стъэля из себя, что тот не просто дал в морду в порыве чувств, но написал вызов.

«Он оскорбил мою жену и меня. Целенаправленно», — ответил я и дословно передал слова шаха.

Сейчас, когда беспокойство за здоровье и жизнь Тии отступило и я мог спокойно оценить произошедшее, последнее утверждение стало очевидным. Ламилимал провоцировал меня совершенно сознательно и поставил в такое положение, что иначе поступить я не мог.

— Очень странно, — тихо, хмуро проговорил Виго. — Друг мой Даор, мне категорически не нравится происходящее. Ты несправедлив к господину Стъёлю, он действительно не мог бы поступить иначе. Шах не мог не понимать, что тем самым вынуждает собеседника вступить за свою честь и честь женщины. Даже со стороны претца это была бы адекватная реакция на подобные высказывания, ведь речь шла не о какой-то наложнице, а о законной жене. Что уж говорить об альмирце! А наш правитель все же мужчина и воин, стерпеть подобное оскорбление он бы совершенно точно не сумел. Да и не стоило этого делать. В общем, с этой... эпистолой, как ты говоришь, все более-менее ясно. Гораздо важнее мотивы поступка шаха, и вот они мне как раз не нравятся. Нам только что продемонстрировали пренебрежение на государственном уровне. Это пока еще не война, но отчетливое, резкое охлаждение отношений. Ламилимал может сколько угодно быть взбалмошным избалованным юнцом, но он отнюдь не дурак — и если он совершил подобный шаг, то большей частью осознает его последствия. Как ни тяжело это признавать, но я совершенно не понимаю, зачем Прете вот так обострять отношения с нами, очень многим такое невыгодно. Я неплохо знаю их политический расклад, и заинтересованных в прямом противостоянии сил в нем крайне немного. Нужно сегодня же поговорить с претским послом, он умный человек и тонкий политик, уж во всяком случае можно будет понять, насколько поступок шаха одобрен его окружением.

— А он не может быть тем самым слугой Хаоса? — Вполне бодрый голос Тии заставил всех нас вздрогнуть от неожиданности.

Женщина, до сих пор лежавшая так тихо, что про нее на какое-то время забыли, завозилась, садясь на ложе.

Я обернулся к ней, взглянул на нее с настороженностью и вновь легко, кончиками пальцев обвел скулу. Жена перехватила мою ладонь, на мгновение прижалась к ней щекой и улыбнулась. Судя по тому, что спрашивать о своем обмороке она не стала, — подслушивала давно.

— Что привело вас к такому выводу? — Старшее поколение переглянулось.

— Кхм. Мне просто подумалось, что он отлично подходит. О претской Золотой Библиотеке ходят легенды, сам Ламилимал очень увлекается стариной и наверняка завсегдатай этого места. Где-то же он находит те

замшелые традиции, которыми пугает ближайшее окружение! И вообще я уже уверена, что он не так прост, как кажется. То есть в основном он как будто действительно проводит время за увеселениями, но то же самое большинство обывателей может сказать и о Даоре. А по личному впечатлению шах весьма неглуп и разносторонне развит, и это плохо вяжется с образом избалованного лентяя. Еще он достаточно волевой человек и умеет быть дисциплинированным, а это совсем уж выпадает из общей характеристики.

— А этот вывод откуда? — вопросительно вскинул брови Виго.

Жена чуть смущенно покосилась на меня и пожала плечами.

— Я каждое утро наблюдаю, сколько времени тратит Стъэль на тренировки, я бы так не смогла, а шах, по его словам, — хороший боец. Значит, с самодисциплиной у него все в порядке. А если у него хватает силы воли на подобные занятия, то почему ее должно не хватать в других ситуациях?

— Прекрасно, сиятельная. — Даор склонил голову. — Весьма достойные рассуждения.

— Спасибо. Только мне теперь еще меньше нравится идея Стъэля с ним драться. Боюсь, он замыслил какую-то гадость.

— Он замыслил что-то независимо от собственной принадлежности к Хаосу, — улыбнулся Алый Хлыст. — А наш сиятельный господин, стало быть, не пренебрегал общением с оружием все годы своего затворничества? — проговорил он задумчиво, окидывая меня испытующим взглядом. — Отрадно слышать, что вы не просто очертя голову бросились грудью на голую сталь, а действительно способны потягаться с этим человеком.

«А что заставило вас в этом сомневаться?» — искренне удивился я, и Виго уже привычно перевел мои слова, на которые сам же и ответил:

— Широко известно, что при ранении у вас пострадала правая рука, кроме того, имелось несколько переломов. По отзывам очевидцев, в первые луны после ранения вы едва поднимались с постели и почти не владели рукой, а после — уехали в глушь, и с тех пор вас, в общем-то, никто не видел. Полагаю, Даор имел в виду именно эти сведения и, выговаривая за горячность, отталкивался именно от них. О том, насколько вы восстановились, доподлинно неизвестно никому, поэтому вполне вероятно, что Ламилимал попросту вас недооценил. А вы, получается, полностью восстановили навыки?

«В храме было довольно скучно, — пожав плечами, ответил я ему. — Мне только и оставалось, что разрабатывать руку и сидеть за книгами».

— Превосходно. А оценить вашу подготовку так же, как вы оценили его, шах способен?

«Сложно сказать. Чтобы по-настоящему оценить уровень бойца, нужно с ним сразиться или хотя бы понаблюдать за ним в драке, а вот так, в повседневной жизни... Нужно очень пристально и долго наблюдать, и в любом случае суждение будет весьма приблизительным. Уверенное владение собственным телом совсем не гарантирует уверенного владения оружием, но может о нем свидетельствовать».

— В общем, я понял, все очень смутно, — усмехнулся Виго. — Предлагаю для всеобщего успокоения поступить следующим образом. Вызовем для вас наставника, он как раз в последние дни страшно скучает в Верхнем дворце, и посмотрим, что он скажет. Если он высоко оценит вашу подготовку, лично я смогу пережить эту ночь спокойно и наблюдать за завтрашним действием, сохраняя при этом душевное равновесие. Я же в это время поговорю с послом, а вечером еще раз все обсудим.

— Мы не будем предпринимать какие-то ответные дипломатические шаги? — хмуро уточнила Тия.

— Предпочту выслушать ваше мнение по этому поводу, сиятельная. Кто из нас кесарь? — ухмыльнулся Виго.

— Проверяете? — вздохнула она. — Ну... и хотелось бы сделать ответную гадость, но выходит, что для нее повода не было. Оскорбление не прямое и нанесено фактически в частной беседе. То есть, с одной стороны, это явная демонстрация политической точки зрения правителя страны, но с другой — не дипломатический скандал, а спор двух частных лиц о личной чести. Так? Получается, мы можем ответить только частным образом, симметрично, а отношений между странами это вроде как и не касается.

— Вот вы и ответили на свой вопрос. А прежде чем изощренно хамить Ламилималу в ответ, я предлагаю выяснить истинную причину его поведения, — добавил Гнутое Колесо. — То ли это общий хитрый план, то ли хитрый план лично шаха, то ли заговор Хаоса, то ли же богоравный просто умом тронулся.

— А если я все-таки угадала?

— Не думаю, что он станет столь откровенно и без малейшего повода демонстрировать то, что прежде тщательнейшим образом скрывалось, — отмахнулся Виго. — Давайте не будем гонять волны по морю, а для начала соберем всю доступную информацию, время до завтра у нас есть. Пойдемте, Стъель, пристроим вас в надежные руки профессионала.

Я кивнул, собрался подняться, но замешкался, пытаюсь решить

возникшее противоречие. А потом все-таки плюнул на привычки и знакомые традиции и притянул к себе жену, чтобы поцеловать.

Глава 8

О ревности и мести

Стъэль Немой

Прета из всех стран интересовала Альмиру меньше всего. С Ладикой и Виратой мы граничили, острова рассматривались как возможный союзник против первых двоих или потенциальная добыча. Конечно, воевать через границу невозможно, но для получения в собственное распоряжение земель совсем не обязательно действовать оружием, дипломатия и интриги здесь порой куда эффективнее.

А Прета далеко, там совсем чужие и чуждые порядки, и взять с этой страны нечего. Конечно, далеко не вся ее территория представляла собой пустыню, но все равно смысла связываться с ней мы не видели, поэтому в нравах и обычаях тамошних уроженцев я разбирался заметно хуже, и теперь приходилось изучать тонкости на практике.

Может, я был предвзят и необъективен, но Ламилимал мне не нравился. Не понравился с первого взгляда, еще в тот момент, когда я и помыслить не мог, какое место займу в этой стране. Слишком пестрый, слишком яркий, слишком женственный, но при этомдвигающийся как опытный воин и глядящий слишком пристально и цепко для прожигателя жизни. Он очень напоминал в этом Даора Алого Хлыста, со скидкой на национальный колорит.

Я не сумел бы объяснить причину столь разного отношения к этим двум людям, но Даор вызывал уважение и восхищение, а Ламилимал — неприязнь до полного отвращения. Первый казался актером, играющим разные роли, а второй — подделкой, какой-то дрянью в яркой обертке. Кажется, так Искра реагировала на суть этих людей, ту, что пряталась под всеми масками.

В общем, предположение Тици упало на благодатную почву и укоренилось. Я понимал, что оно наложилось на необъективное личное отношение и поведение шаха в последнюю нашу встречу, но выбросить из головы не мог. Ламилимал действительно мог поддаться на посулы Хаоса — или чего-то, что мы называли этим именем. Он казался достаточно горячим, самоуверенным и неосторожным, чтобы рискнуть головой, неправильно оценив последствия.

Думал я, впрочем, не столько о шахе, сколько о его целях.

Любые действия правителя, направленные на соседнее государство, могут быть ориентированы только на одно: на получение выгоды для себя. Если, конечно, правитель не поставлен теми самыми соседями, но этот вариант рассматривать сейчас не стоило. Отношения Вираты с Претой были менее напряженными, чем с моей родиной, но это ничего не гарантировало и мирного благоденствия не обещало. До Пятилетней войны у них тоже случались столкновения, порой продолжительные и кровопролитные, а вот после той победы Вираты отношения стали тихими и ровными, и это вызывало определенные подозрения. Претцы хитры и самолюбивы, а еще они умеют ждать. Чего ждали теперь? Конечно, мысли про Хаос интересны сами по себе, но может статься, что он тут совершенно ни при чем и дело в обычной человеческой жадности.

Надо все же выяснить, какие именно чары наложила Идущая-с-Облаками. Простая сохранность жизней нескольких детей совсем не объясняет того удивительного покоя, в котором пребывала Вирата все это время. Да, Гнутое Колесо и остальные высокопоставленные лица на удивление преданы стране и кесарю, настолько, что в это с трудом верится. Но как это могло повлиять на соседей, которые в отсутствие верховной власти не попытались поживиться за счет ослабленной страны?

Положим, королю Фергру было не до новой завоевательной войны, он за время предыдущей очень многое упустил в своих землях, едва не доведя свой обнищавший, обескровленный народ до бунта, и теперь вынужден был лихорадочно наверстывать, наводя порядок внутри страны. Поскольку получалось это плохо, мечта разобраться с Виратой так и осталась мечтой.

Владыка Ладики — человек жесткий и волевой, но он очень не любит решать вопросы военным путем, основательно закрепился в существующих границах и не видит необходимости в захвате каких-то земель. Редкое качество — умение довольствоваться тем, что имеешь.

Но Прета? Казалось бы, самое время дожать соседа, ослабленного войной и смертью кесаря, — но нет же, не сунулись. Положим, во время войны и сразу после Прете тоже было не до внешних проблем: тогда как раз скоропостижно скончался прежний шах. В результате болезни или несчастного случая — я смутно помнил ту историю, был тогда слишком мал. Кроме того, кажется, примерно в это время я постигал мореходную науку на островах и совсем не думал о политике.

Если же продолжить размышления в этом направлении и отбросить нездоровые аппетиты Фергра с его мечтой о море, выходит, что та война больше всего выгоды принесла нейтральным соседям, как это обычно и

бывает с тяжелыми, затяжными войнами. И не стоит исключать намерений Преты со своей стороны вцепиться в Вирату, когда та всерьез ослабнет. Просто не успели: умер шах, и борьба за власть внутри страны нарушила стройный план. Нарушила — или отсрочила?

Для шаха и его двора наш брак с Тией — кость в горле. Дарка — неорганизованная сила, рассчитывать на нее бесполезно. Позиции Владыки в Ладике исключительно сильны, а политика его стабильна. А теперь еще и проверенный вариант, сравнить Вирату с Альмирой, не так-то просто повернуть: никто из братьев, займи он престол, не рискнет идти против меня. Не потому, что я слишком умен или опасен как противник, — просто в этом случае они не смогут положиться на некоторые очень сильные фигуры. В Альмире до сих пор хватает людей, которые предпочли бы видеть корону на моей голове, пусть и увечной, чем на чьей-то из их. Толковый политик мог бы изменить мнение этой части аристократии, переманить ее на свою сторону, но откуда этому «толковому политику» взяться? Это точно не про моих братьев.

С другой стороны, есть простой выход: убить меня. Что, собственно, и попытался проверить загадочный некто, отдавший приказ ухрам. И как после этого можно не подозревать шаха? Не исключено, что и на драку он спровоцировал меня в намерении убить под благовидным предлогом, и странная попытка рассорить меня с женой тоже наталкивает на определенные мысли. Да, разлад в семье кесаря — не то же самое, что смерть, но это возможность расшатать ситуацию внутри страны.

Как на мою гибель могут отреагировать в Альмире? Сложно сказать. Я отлично знаю страну, в которой родился, и то не взялся бы сделать прогноз. С равным успехом они могли выразить формальное сочувствие и тем ограничиться, обидеться на Прету и объявить войну Вирате. Слишком беспокойно сейчас и неопределенно все в самой Альмире: Фергр не встает с постели, и кто именно там правит — и боги не скажут наверняка.

Вообще, удивительно и даже почти страшно, насколько быстро я перестал считать себя альмирцем и задумываться о благе родной страны, не ощущая при этом ни малейшего раскаяния.

Но, с другой стороны, раскаиваться можно, когда ты совершил какую-то ошибку и ощущаешь за собой вину, а мне каяться не в чем. Из прошлой жизни меня вычеркнули при первой же возможности, ничего от меня не ждали и не хотели, буквально похоронили. А пять лет затворничества вполне можно было зачесть как очистительное пребывание на Железных облаках перед новой жизнью: в тишине и уединении, в мыслях о высоком и наедине с богами. Волю его величества Фергра я исполнил, когда умер для

родной страны, и довольно с него. Можно сказать, он сам освободил меня от всех долгов — сына, наследного принца, даже вассала и офицера.

Отношения в королевской семье Альмиры всегда были сложными. Фергр обладал тяжелым, крутым нравом, не терпел ни малейшего неповиновения, неидеальности, попыток пойти против его воли. Он отлично ладил только с военными: они понимали необходимость беспрекословного подчинения, а он проявлял на поле боя неожиданную стратегическую гибкость и прислушивался к мнению профессионалов. Фергр всегда был идеальным военачальником, но не лучшим королем и совсем уж отвратительным отцом и мужем. Но жену, как ни странно, по-своему любил.

Когда была жива королева Сарталь, правящая династия еще походила на семью, но она умерла вскоре после окончания Пятилетней войны, и Фергра это окончательно подкосило. Сначала поражение в войне, которая была для него смыслом жизни, потом смерть королевы... Мне кажется, он был обижен на нее за это предательство и мстил. Всем мстил: стране, которая не оправдала надежд, жене, которая оставила его в такой тяжелый момент, сыновьям, которыми он был недоволен. Он стал совершенно невыносимым: еще более злым, желчным и упрямым, чем раньше, и все как-то очень быстро окончательно развалилось.

Мать была стойкой и мужественной женщиной, она умудрялась выдерживать характер супруга, управляться с тремя сыновьями и по мере сил растить нас людьми, а не безвольными частями военной машины. Король считал, что нас это портило, но позволял ей это: едва ли не единственное проявление и подтверждение каких-то светлых чувств, которые Фергр питал к супруге. Да, своеобразное и неубедительное, но, если вдуматься, для столь авторитарного человека это был буквально подвиг.

А потом, когда Сарталь не стало, Фергр взялся за нас сам. Младшим было пять и четыре, они быстро забыли другую жизнь, а перевоспитывать пятнадцатилетнего лба оказалось поздно. Поэтому меня посчитали «совершенно испорченным», о чем не уставали напоминать. А ведь я еще и дан, то есть совсем не военный человек! Но до определенного момента король не предпринимал никаких шагов относительно меня — я более-менее оправдывал ожидания и не раздражал его всерьез. Лет пять.

Всю свою сознательную или по крайней мере более-менее взрослую жизнь я терзался одной мыслью: как талантливый, даже гениальный военный стратег и тактик в мирной жизни может проявлять такую узколобость и недалекость?

Сделать и, главное, принять подобный вывод было очень сложно, я потратил на это несколько лет. Я видел ошибочность, даже глупость поступков короля, но не верил самому себе и полагал, что просто чего-то не понимаю и не замечаю. Он приучил нас никогда и ни при каких обстоятельствах не перечить. Но когда в итоге прав оказывался я и время демонстрировало всю несостоятельность совершенных Фергром шагов, в один момент я не выдержал и возмутился. Тогда-то меня и сослали в самую глушь, на дальние гарнизоны, к тварям и голым, унылым горам. Под предлогом продолжения службы, которую мы действительно несли все трое, но обычно в более удобных местах, на границе с Виратой.

После этого наши отношения с отцом окончательно испортились. Несколько лет мы виделись только на официальных мероприятиях или по большой надобности, разговаривали равнодушно, как король и его вассал. А после моего ранения не виделись вовсе.

Если бы Фергр хотел, он вполне мог бы обойти закон и оставить наследником меня, но это была удобная возможность избавиться от неудобного сына. Так что с Альмирой меня больше ничто не связывало и не удерживало там, и я не видел смысла цепляться за обрывки прошлого. Тем более не такие уж приятные обрывки, особенно в сравнении с исключительно радушным и теплым приемом здесь. Мягко говоря, глупо страдать, ныть и жаловаться на прошлые обиды, когда настоящее куда радостнее воспоминаний.

С каждым днем я все яснее осознавал, что именно здесь вдруг оказался на своем месте. Да, невозможность нормально общаться с окружающими по-прежнему угнетала меня, но сейчас я, кажется, вполне готов был это терпеть. Нет, не просто терпеть; терпеть я мог и в Альмире, при королевском дворе. Сейчас я мог нормально жить с этим неудобством, испытывая привычное раздражение и злость лишь иногда, в ответственные моменты, когда рядом не оказывалось Дривы или хотя бы Виго. Пожалуй, по-настоящему тяжело было не иметь возможности говорить с собственной женой, тут переводчика уже не позовешь, но девочка искренне старалась решить эту проблему, все свободное время посвящая изучению языка немых.

Редкое ощущение, которого я давно не переживал, — чувствовать себя нужным. Не только быть, умом осознавать ответственность и важность собственного дела, а ощущать Искрой и сердцем потребность окружающих в собственной персоне.

Не незаменимым; я прекрасно понимал, что, не было бы меня, Тия выбрала кого-то другого, и не обязательно с этим, другим, все

складывалось бы хуже. Но здесь и сейчас у меня были дела, много важных и нужных дел, была женщина, которая радовалась встрече со мной, было будущее — не сказать, что безоблачное, но интересное. Были враги, и это тоже радовало: как сказал один из авторов древности, «если кто-то хочет, чтобы ты умер, — значит, ты живешь полной жизнью».

Вот о чем я старался не думать, так это о перспективе появления ребенка. Радость в связи с этим была всего одна: собственно факт рождения наследника очень важен с политической точки зрения, для народа и всей страны. А прочие эмоции были тревожными, я беспокоился за жизнь и здоровье Ти. Да, она сильная и здоровая молодая женщина, она будет под присмотром лучших целителей, вот только... Ее собственную мать это не спасло.

Со своим отношением к жене я пока еще толком не определился, но определенно не желал ее гибели. Она хорошая, светлая девочка, которая заслуживала долгой и спокойной жизни.

А если быть совсем честным, я не хотел ее терять. Не в балладно-лирическом смысле, не потому, что я не мыслил своей жизни без этой женщины. Просто с ней рядом мне было хорошо, по-настоящему хорошо. Не только в постели, но от одного ее присутствия в той же комнате на душе теплело. Боги и в самом деле расстарались, сводя нас: теперь, когда прошла обида на резкие перемены в жизни, я это признавал.

После всех неожиданностей тренировка, на которую меня отправил Виго, оказалась очень кстати. Она помогла мне успокоиться, разложить мысли по полочкам и настроиться на деловой лад. Я твердо пообещал себе, что завтрашний поединок проведу с холодной головой, не слушая, что будет говорить противник. В том, что выдержку мою станут проверять, я не сомневался, как не сомневался в собственной способности игнорировать эти провокации. Сегодня меня выбили из колеи обморок Ти и тревога за ее жизнь, а завтра кесарь будет под надежной охраной, и это лишит меня главного повода для беспокойства.

Боец, учивший детей кесаря обращаться с мечом, оказался настоящим мастером, разносторонне развитым и знающим массу интересных приемов, так что тренировка с ним была полезна и с практической точки зрения. Он настраивал и натаскивал меня на бой с двуруким противником — с подобной техникой мне доводилось встречаться исключительно редко, практика оказалась кстати. Да и в остальном нелишне было размяться с живым противником, а не с собственной тенью.

После этого, смыв пот и переодевшись в чистое, я направился к жене в кабинет в исключительно умиротворенном состоянии. Толкнул дверь,

шагнул через порог — и замер, будто налетел на стену. По ощущениям было похоже...

Тия сидела на столе и целовалась с мужчиной, стоящим перед ней, а спиной ко мне. Обнимала его обеими руками и ногами, платье было спущено с плеча и задрано почти до талии.

Это оказалось неожиданно. И очень больно. Будто знакомые когти, оставившие отметины на моем лице, не просто полоснули по плечу, а вошли в грудь, под ребра. Там, внутри, мучительно зануло, дыхание перехватило, и я стоял, не в силах сдвинуться с места, сделать хоть что-нибудь — то ли ударить, то ли развернуться и уйти. Стоял и смотрел, как этот... некто увлеченно ласкает мою жену.

Горло жгло огнем от привычной уже невозможности заговорить, в висках тяжело стучало.

Впрочем, разве есть в этом что-то удивительное? Все закономерно. Не бывает хорошо слишком долго, я сам прекрасно это понимал — и вот он, итог. Никто не умер, а значит, все не так страшно.

Жизнь ведь на этом не кончается, верно? Любое предательство, любой удар, который не убивает сразу, можно пережить, мне ли этого не знать. Свой долг перед богами и людьми я исполнил, кесарь понесла законного наследника, а дальше — кому какая разница. Так? Все остальное было моими домыслами, предположениями и допущениями.

Мечтами? Сном? Бредом? Не мог же я всерьез понадеяться на чудо и поверить, что юной девочке действительно нужен калека, который в два раза старше ее! Пусть даже на короткое время. А если поверил, то это исключительно моя собственная глупость.

— Стъэль, пожалуйста, — тихо простонала Тия.

От ее голоса я вздрогнул всем телом, стряхнув оцепенение. В первый момент не поверил, решил, что почудилось, — но она вновь позвала меня по имени.

— Сейчас, хорошая моя, — прошептал мужчина, не спеша разуверять любовницу.

Запоздало кольнуло подозрение, и я сделал наконец то, с чего следовало начать, — обратился к собственному дару. Разобраться, что за чары опутывали сознание женщины, я не сумел, но что они присутствовали, было очевидно даже мне. И в очередной раз я проклял собственную неспособность говорить.

А с другой стороны, мне ведь никто не мешает сразу действовать?

В два шага преодолев расстояние, отделявшее меня от стола, я рывком за плечо развернул к себе мужчину, отрывая его от своей жены. С

отстраненной злостью опознал в том Райда, ее помощника, но этот факт просто мелькнул в мыслях и растворился, оставив чистую, незамутненную злость, алым туманом застывшую глаза.

К счастью, в этот раз не было никакой нужды сдерживаться, и я от всей души врезал фиру по морде. Он явно не ожидал нападения, поэтому от первого удара даже не подумал защититься. Вскрикнув, отлетел в сторону, сделал несколько шагов, пытаясь сохранить равновесие, оперся ладонью о стену и не упал. Потом тряхнул головой и выпрямился, явно намереваясь если не ответить мне, то защититься, но я не собирался ждать, пока он придет в себя. Пара весомых ударов в живот и еще один — по лицу, опрокинувший дезориентированного противника на землю.

Скорее всего, дальше я бы без малейшей жалости забил этого вирана до смерти. Скорее всего, ногами, наплевав на вопросы воинской чести. На нем, в отличие от Ти, не было никаких следов чар, а значит, действовал он по собственному почину.

Но кесарь спасла жизнь своему помощнику весьма неожиданным поступком: вдруг прильнула ко мне сбоку, прижавшись всем телом, обхватила ладонью мое лицо, чтобы притянуть к себе для поцелуя.

— Стъель, пожалуйста! Я больше не могу, — жалобно всхлипнула она. — Хочу тебя!

Глаза у женщины были совершенно пустые, безумные, с жутковато расширенными зрачками. Она как будто не видела ничего вокруг — или смотрела сквозь предметы.

Я тут же забыл о Райде, неподвижно лежащем на полу, крепко обхватил жену одной рукой за плечи, второй начал мягко гладить по голове. Потерянно огляделся.

И что делать в такой ситуации? Оставлять Тию одну я точно не собирался. Позвать слуг? Спасибо, но мне не нужны слухи, а кабинет кесаря представлял сейчас прекрасный материал, из которого можно слепить нечто невообразимое. Для начала надо было оттащить в сторону тело, да вот хотя бы сбросить в один из сундуков, благо они большие, только сделать это мне не позволили.

Сначала я честно попытался отстранить жену и заняться делом, но она была слишком не в себе. Послушно позволяла немного себя оттеснить, но стоило отвернуться, как она вновь прижималась ко мне, норовила поцеловать, раздеть и залезть в штаны.

Единственный выход, который пришел мне в голову, — это последовательно связать обоих, надеясь, что Тия не начнет кричать. Сначала привязать к креслу жену, потом упаковать этого ублюдка, случайно

не добив его в процессе, и только потом звать на помощь. Положим, с женщиной мне должно было хватить собственного ремня, вряд ли она станет так уж сильно биться и дергаться, а парня... да хоть его одежду можно пустить на пути.

Но приступить к выполнению плана я успел лишь частично: вытащил из штанов ремень, радуясь, что они хоть как-то на мне держатся без него, и примерился с ним к жене.

— Ого! Вы бы хоть дверь запирали, — раздался от двери насмешливый голос Ярости Богов.

— Стъэль, пожалуйста... — всхлипнула Тия в этот же момент.

Я зло скрипнул зубами — как же меня бесит невозможность все объяснить простейшим способом! — и, обернувшись, жестом поманил Ива, указывая на лежащее без движения тело. Хорошо я, видать, приложил ублюдка. Интересно, он вообще живой или уже объясняется с богами на Железных облаках?

Последняя мысль была приятной.

— Да ладно, я все... ржа меня побери! — Фир, до этого момента явно намеревавшийся оставить меня наедине с женой, заметил наконец Райда, вошел и спешно закрыл дверь. — Что с ним? — тревожно спросил Ив, быстро подходя ближе. — Что у вас тут случилось? Тия, ты можешь немного отвлечься? — добавил он ехидно.

Я в ответ качнул головой, выразительно постучал по голове и указал на жену, после чего в очередной раз перехватил ее руку, воющую с пуговицами моих штанов, и услышал новый мучительный, почти болезненный стон, полоснувший меня по нервам.

Ярость Богов вроде бы понял, что происходит нечто совсем за гранью нормальности, и окончательно посерьезнел.

— Ты знаешь, что с ней случилось? — спросил он деловито.

Я в ответ неопределенно пожал плечами и несколько секунд пытался жестами объяснить слово «чары». То ли я что-то не то делал, то ли фир был плохим толкователем, но он, кажется, так ничего и не понял. Зато следующий вопрос задал правильный:

— Целителя позвать?

Я несколько раз отрывисто кивнул, Ярость Богов пристально посмотрел на лежащего парня, на кесаря, на мою руку и добавил себе под нос:

— И остальных. Хотя они скоро и так подтянутся...

На несколько минут мы вновь остались втроем. Я поудобнее перехватил руки жены, удерживая тонкие запястья одной ладонью, а второй

осторожно прижимая женщину к себе. Против последнего она явно не возражала, пыталась тереться о меня бедрами, а вот первое вызывало вялый, но упрямый протест.

Она шептала мольбы, говорила, что ей горячо и плохо, и я ощущал себя настоящим чудовищем. Неуместно, беспричинно, но чувство вины было исключительно сильным и усугублялось тем, что помочь жене и хоть как-то облегчить ее состояние я не мог.

Первым в кабинет вошел Виго. Я не удержался от облегченного вздоха и быстро, буквально в нескольких жестах объяснил Гнутому Колесу, что произошло. О собственных чувствах и мыслях, конечно, умолчал.

Виго почернел лицом, бросив тяжелый взгляд на лежащего парня, все еще находящегося без сознания, но ничего не сказал. Почти сразу за ним вернулся Ив в сопровождении уже знакомого дана-целителя, и дышать мне стало еще легче.

— Что-то не нравится мне регулярность моих визитов к госпоже кесарю, — проговорил он, подходя к нам. Трогать чары не стал, задумчиво поводил рукой у головы женщины, пожевал губами, чуть хмурясь. — М-да, какая мерзость... — пробормотал себе под нос. Но потом, видимо, правильно истолковав мой встревоженный взгляд, поспешил уточнить: — Нет-нет, не бойтесь, ничего опасного для жизни, просто... очень нехорошие чары. Они не должны были подействовать так сильно, но у нее это наложилось на особое состояние — беременность, которая и без того расшатала нервную систему. Снять можно, но я опасаюсь навредить — не столько ей самой, сколько будущему ребенку.

— И что с ней теперь делать? — мрачно спросил Ив.

— Чары временные, через пару часов пройдет само. А облегчить ее состояние можно, дав то, чего она так хочет, — он чуть пожал плечами и хмыкнул. — Неловко получается: второй раз за день я осматриваю сиятельную госпожу и второй раз рассказываю ее мужу о пользе исполнения супружеских обязанностей.

Виго хохотнул в ответ, Ив тоже криво ухмыльнулся, оценив шутку, а я только недовольно поморщился, не видя в происходящем ничего смешного. Мне до сих пор отчаянно хотелось свернуть шею малолетнему ублюдку, который посмел прикоснуться к моей жене.

Какая переменчивость. Несколько минут назад я думал, что готов смириться с подобным и уйти, а теперь вдруг проявляю кровожадность...

А впрочем, чему удивляться? Несколько минут назад я считал это ее осознанным выбором и решением, сейчас же выяснилось, что Тия ни в чем не виновата, и желание убить человека, посмеявшего ее обидеть, было

вполне понятным. Да и чувство вины неприятно зудело: получается, напрасно я заподозрил жену в недостойном. И поверил своим глазам слишком быстро и легко, ни на секунду не усомнившись. Получается, если бы она не позвала меня в бреду, у того, кто это сделал, были все шансы добиться желаемого?

— Когда Тия успокоится, оставьте ее отдыхать и приходите сюда, сиятельный, — предложил Виго. — Нам есть что обсудить. Не думаю, что следственные мероприятия закончатся быстро, так что мы в любом случае дождемся вас. Лаций, вы сможете передать следователям описание чар?

— Да, разумеется, — степенно кивнул тот.

Поскольку больше меня в этом месте ничто не задерживало, я подхватил жену на руки и двинулся к выходу. Стоявший ближе всего Ив выглянул, чтобы проверить, нет ли кого в коридоре, хмыкнул и широко распахнул дверь. В проеме я едва не столкнулся с Даором Алым Хлыстом, единым в трех лицах, то есть в компании с обоими будущими сменщиками. Эта троица была теперь почти неразлучна, и к новеньким уже начали привыкать. Нас новоприбывшие проводили удивленными и настороженными взглядами, но вопросы задавать не стали, чему я только порадовался.

Ив Ярость Богов

— Все-таки странно, что Стъель его не убил. Я бы на его месте, наверное, не сдержался, — пробормотал я, когда в кабинете не осталось посторонних. Случилось это почти через час после отбытия сиятельной четы: дознаватели осматривали помещение очень тщательно. — Какого ржавого гвоздя этот ублюдок полез к Тие?!

На душе было паскудно. Райда во дворец привел я, ручался за него я, а вот выходит, что ошибался...

— Не стоит пока спешить с выводами, — негромко подал голос Авус Красный Кот. Интересно, Даор себе замену по фамилии подбирал? — У нас слишком мало информации. Для начала было бы неплохо допросить этого юношу и выяснить, как ситуация выглядела с его точки зрения. Да, целитель не обнаружил никаких воздействий — ни чар, ни подозрительных веществ. Но учитывая, с каким врагом мы имеем дело, это еще ничего не значит. Гораздо интереснее сейчас три вопроса. Первый: тот ли самый дан поработал, который попадался нам уже пару раз за последнее время? Второй: кому наиболее выгодно сейчас рассорить сиятельную чету?

— Первым на ум приходит Ламилимал, уж очень кстати он именно

сегодня поднял эту тему в разговоре со Стъёлем, — задумчиво прокомментировал Виго. — Но он, конечно, далеко не единственный, этот союз многим не нравится.

— Вероятно. А третий, главный вопрос — в том, как этот некто мог проникнуть во дворец, более того, в кабинет правительницы, и наложить на нее чары, проигнорировав защиту. Насколько я понимаю, после недавнего покушения на супруга сиятельной госпожи меры безопасности были усилены. Я не располагаю всеми данными, но предполагаю, что именно поэтому был выбран вот такой способ: это воздействие можно толковать двояко, оно порой применяется в целительстве, поэтому защита на него не отреагировала. Но это значит, что тот, кто применял чары, неплохо знает тонкости системы охраны, внутренний распорядок и прочие мелочи.

— И снова мы упираемся в Райда, — мрачно заметил я. — Кое-чего он не знает, конечно, но жил здесь достаточно долго, причем жил как сын кесаря.

— Не кори себя, мой железный друг, — мягко сказал Даор. — Мне тоже тяжело думать, что Райд — предатель, и я не меньше тебя виноват, если это действительно так. Даже больше, потому что отслеживать подобных людей — мой прямой долг. Но Авус совершенно прав, не стоит горячиться и делать выводы, пока дознание еще не завершено. Совсем не обязательно имел место умысел, Райда могли обмануть или использовать втемную, так, что он и сам ничего не заметил. Скажем, амулет мог сработать самостоятельно при определенных внешних условиях — присутствии рядом Тии и отсутствии третьих лиц. Все прояснится, когда специалисты расшифруют данные, полученные от Лация Сердца Земли, а также оценят результаты осмотра самого Райда и кабинета. Но я почти уверен, что использовался амулет.

— Амулет — это хорошо, — заметил Авус. — Амулет можно отследить гораздо точнее, чем самого дана. Кроме того, меня беспокоит еще одна деталь. Сомневаюсь, что целью подобной провокации был собственно факт измены. Господин Стъель — здравомыслящий мужчина, да и сиятельная госпожа, насколько я успел ее изучить, весьма умна и мудра, тем более для особы столь юного возраста. Полагаю, если бы супруг не поймал жену «на горячем», они бы вполне мирно разобрались во всем, да и последствия серьезного воздействия на организм можно было найти даже после того, как оно кончилось. Единственный смысл подобного действия — скандал, а значит, должен был появиться некто, кто «застукал» бы сиятельную госпожу за подобным непотребством и разнес весть по всему городу. Выходит, он не знал о предстоящем разговоре, ради которого

мы все здесь собрались. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но тот юноша прекрасно знал, что с минуты на минуту появится либо господин Стъэль, либо кто-то из нас, и он не мог не понимать, что скандал мы устраивать не станем и для начала попытаемся во всем разобраться. Расчет был на визит посторонних.

— Значит, он не так хорошо осведомлен о планах кесаря, — медленно кивнул Даор, соглашаясь. — Или не так хорошо разбирается в ее характере и характере старшего альмирского принца. Что ж, это действительно говорит в пользу Райда. По обычному расписанию Тии сегодня приемный день, но в связи с последними событиями она решила перенести все разговоры на завтра.

Еще некоторое время мы обсуждали эту тему, строили предположения и прикидывали, какие меры можно предпринять и как вычислить это таинственное лицо. Было неприятно сознавать, что таинственный дан с такой наглостью протягивает свои щупальца даже в Нижний дворец, а мы даже примерно не предполагаем, кто он такой и какие цели преследует. Нет, понятное дело, цели его противоречат нашим, это враг. Но неясно, чего конкретно он пытается добиться и, главное, каковы его способности как дана. Уже ясно, что таланты эти связаны с воздействием на разум. Но какие именно?

К более серьезным и общим вопросам не переходили, ожидая возвращения Стъэля: не хотелось повторяться, да и альмирец, как ни крути, был едва ли не самым пострадавшим и оттого заинтересованным лицом. Чтобы время не проходило совсем уж впустую, решили пока поесть.

«Пострадавшее лицо» вернулось в общей сложности через два с половиной часа и выглядело действительно... пострадавшим. Хмурым, зеленовато-бледным и откровенно изможденным, как будто мужчина не спал добрую неделю. Нестерпимо захотелось съязвить на тему внешнего вида альмирца и выдвинуть пару циничных предположений, чем он занимался все это время, но я сдержался. Не самое подходящее время для шуточек, и повод, прямо скажем, невеселый. Да и... честно говоря, сомнительно, что до такого состояния его довела Тия за прошедшие два часа.

Судя по помрачневшим лицам, остальные присутствующие подумали о чем-то подобном.

— Что-то случилось? Что-то еще? — подал голос Виго, разглядывая принца. — Что-то с Тией?

Тот коротко кивнул в ответ на первый вопрос, но, как перевел Гнутое Колесо, заверил, что с кесарем все в порядке, женщина спит, а после

попросил несколько минут, чтобы собраться с мыслями и поесть. Судя по всему, очередное событие было если и плохим, то не ужасным и уж точно не требующим срочной реакции, поэтому решили потерпеть. К тому же, судя по его виду, Стъель как будто не только не спал неделю, но и не ел примерно столько же.

А ожидание нам скрасил Виго.

— Претский шах провернул все это в обход визирей, — торжественно заявил он и окинул нас выразительным взглядом, как будто после этих слов мы должны были проникнуться восхищением, благоговением и сразу все осознать.

— Друг мой, не мог бы ты пояснить? — спрятав улыбку в уголках губ, попросил Даор. — Я полагаю, дело в общей несамостоятельности Ламилимала, но мы, кажется, не понимаем масштабов проблемы. Ну и, конечно, хотелось бы знать, что именно он провернул.

— Ах да, я как-то забыл, что наш сиятельный с Претой почти незнаком, — слегка скис Виго. — Вот когда понимаешь, насколько хороший у нас кесарь! Кроме нее о внешней политике и поговорить-то не с кем, — добавил он с наигранным брюзжанием, но потом, заметив всеобщее недовольство, принялся за пояснения. — Я, с вашего позволения, тогда начну с самого начала. С той головы, которую преподнес Ламилимал нашему кесарю. Ты, Даор, стареешь; очень странно, что ты не узнал ее хозяина, ты же мне его в свое время и сосватал. С другой стороны, ты его, скорее всего, и не видел...

— Поясни, — нахмурился Альй Хлыст.

— Охотно. Вспомни, еще до войны тебе в руки попадался какой-то дан-перебежчик, купивший себе новую спокойную жизнь за грязное белье этого достойного господина, Бардраба Аха Амилимы.

— Вот как? — Даор чуть склонил голову набок, искоса глянул на меня. — Изумительно. К твоему сведению, Виго, тот перебежчик — ныне покойный почтенный отец нашего алмаза неграненого.

— Айрик? — вырвалось у меня.

— Он самый.

— То есть девочка оказалась здесь настолько неслучайно? — риторически спросил Гнутое Колесо, не слишком-то впечатленный таким совпадением.

— Кстати, раз уж зашла речь... Что там за компромат был такой страшный, если этот тип рисковал за него головой? Да еще столько лет? — любопытствовал я.

— Все просто. Бардраб был мужеложцем, причем, что особенно

важно, исполнял пассивную роль, да еще развлекался с рабом.

— И? — уточнил я. — То есть это, бесспорно, мерзость. Но за измену полагается казнь, да и предательство, как мне кажется, куда более позорный поступок.

— Тебе кажется, — вставил Виго. — Это по нашим представлениям мужеложство — всего лишь «мерзость», еще не самая страшная, а в Прете это чудовищное преступление. Причем если за активную роль просто подвергают кастрации, то за пассивную вырывают гениталии и сажают на кол. На мой вкус, казнь за измену через отрубание головы в этом свете выглядит гораздо приятней, я бы на месте Бардраба тоже предпочел ее. Тем более измена считается преступлением более тяжелым, и, если бы одновременно вскрылись оба проступка, все равно приговорили бы к смерти через отсечение головы. Так что он еще подстраховался за наш счет, — хохотнул советник. — Кстати, забавно: за мужеложство у них карают только свободных, на рабов в этом отношении всем плевать.

— А почему он так странно подарил этого шпиона, по частям? — спросил я. Вкратце о последних событиях мне уже рассказали, но хочется подробностей.

— Это старая и довольно глупая традиция, — пожал плечами Виго. — У них так поступали с предателями в седой древности, вот шах и решил блеснуть знаниями. На мой взгляд, это сущее расточительство — подобным образом распоряжаться шпионами.

— А как надо?

— Разумеется, использовать! — Он уставился на меня с укором. — Когда знаешь, кто тебе вредит, с ним гораздо проще бороться. Зачем Ламилимал это сделал... Либо в эйфории, что ему удалось поймать шпиона, и это нам на руку: значит, шах недалновиден. Либо он готовит нечто грандиозное, вроде войны, и потому решил срочно избавиться от лишних глаз и ушей. Но это тоже нам на руку, потому что информацию мы получали не от одного Бардраба, а вычислили, выходит, только его. Второй вариант более вероятен, потому что в немилость Аха Амилима попал уже с луну как, поздновато для эйфории.

— Откуда ты знаешь? — уточнил я.

— Все просто. Одна из дочерей Бардраба является шестой женой шаха, на настоящий момент младшей и до недавнего времени — любимой. А где-то с луну назад шах отослал ее в один из удаленных дворцов, якобы из-за беременности. Но прежде ни одну из своих женщин Ламилимал никуда не отправлял, да и такого трепетного отношения к беременным, как в Альмире, у них никогда не было. Наверное, из-за многоженства.

Насколько мне известно, упомянутая жена — тихая и послушная особа, почти идеальная с претской точки зрения женщина, поэтому вызвать опалу своим поведением она вряд ли могла. Ну и, кроме того, шах не взял после отсылки младшей новую жену, значит, и новое увлечение правителя не может быть причиной. Стало быть, личный мотив маловероятен, денежный тоже не имеет смысла поднимать, когда речь идет о шахе. Остается только политика, а стало быть — выражение немилости отцу через дочь. Очень может быть, что прежде у шаха имелись лишь косвенные подозрения, а теперь он откуда-то получил точную информацию. Что? — он вопросительно выгнул брови, глядя на меня с некоторой растерянностью.

— Не обращай внимания, — я тряхнул головой и сфокусировал взгляд на Гнудом Колесе. — Чувствую себя идиотом. На мой взгляд, все это совсем, совсем не просто... Ладно, извини, мы и так уже отклонились от темы. Продолжай.

— Да? А, ну да. А о чем я... — Виго обвел ищущим взглядом присутствующих, Стъэль что-то ответил жестами. — Да, точно. Голова и самостоятельность шаха. Как я уже говорил, это довольно опрометчивый поступок — вот так бездарно сливать вычисленного шпиона. Глупым был уже тот шаг с женой, а сейчас шах ради красивого жеста сбросил серьезную карту. Причем сделал это без обсуждения с визирями, а это... хм... Это бунт. Ламилимал не только Стъэлю нагрубил и рискнул испортить отношения с Виратой — он пошел на конфликт и со своими собственными советниками, а это куда серьезнее. Поскольку прежде ничего подобного шах себе не позволял и демонстрировал если не великий ум, то определенную хитрость и изворотливость, то я склонен подозревать, что бунтовать он начал отнюдь не на пустом месте. Проще говоря, Ламилимал знает за собой некую силу, настолько мощную, что она способна противостоять и внешним врагам, и внутренним, то есть способна покарать любого, на кого укажет его перст, причем безнаказанно. Повторюсь, шах совсем не дурак, он хитер и осторожен, и, если сейчас начал вести себя именно так, за ним стоит нечто по-настоящему могущественное. У меня есть только один вариант, — развел руками он.

— Подходит, — задумчиво кивнул Даор.

В этот момент Стъэль звонким щелчком пальцев привлек к себе внимание.

«Шах наверняка замешан в происходящем, но он в любом случае не единственный, хотя истоки явно стоит искать в Прете», — перевел его жестикуляцию Виго, а после спросил:

— Я полностью согласен с первым и вторым, даже готов согласиться с

последним, но вы уж больно уверены. Что заставляет вас так думать?

«Было очередное... видение», — сообщил альмирец, болезненно скривившись.

— Что-то не так? — предположил Гнудое Колесо, внимательно разглядывая принца.

«Во-первых, раньше мне не показывали прошлое, а во-вторых, раньше это было не больно», — криво усмехнувшись, ответил Стъэль.

— Может, все-таки пригласить целителя? Вы выглядите нехорошо, — подал голос второй помощник Даора.

Этот тип вообще отличался исключительной молчаливостью, за все время знакомства я слышал от него буквально несколько фраз. Складывалось впечатление, что мужчина задался целью полностью опровергнуть свою фамилию — Ветер-в-Голове. Интересно, он получил ее по наследству или за забавы юности?

«Уже все нормально, отдохну и к утру приду в норму, — заверил Стъэль. — Но пока есть дело поважнее. Видение было исключительно своевременным, и теперь я даже понимаю, что там имелось в виду».

Воспоминания, на которых божественный покровитель альмирца заострил внимание, относились к началу Пятилетней войны и касались нескольких случайных встреч юного наследника с неким даном. Как звали последнего, Стъэль не знал, а бог не сумел подсказать, но имя, по сути, мало что значило, его вполне можно было изменить.

Тогда десятилетний мальчик мало что понял и не придавал увиденному значения, а после впечатления вовсе вытеснились жизнью на корабле. Но сейчас, после божественного откровения, картинка сложилась интересная.

Полукровка с запоминающейся внешностью: смуглая кожа и темные глаза претца, медно-рыжие волосы островитянина. Он состоял в небольшой официальной делегации наших восточных соседей, прибывших в Альмиру «для культурного обмена». О каких-либо связях этих двух стран я прежде не слышал, но, судя по выражению лица Виго, для профессионала подобное открытием не стало.

Фергр возлагал тогда на старшего сына большие надежды, приобщал к королевским обязанностям сызмала и потому порой разрешал ему присутствовать на важных мероприятиях, куда обычного ребенка никто не допустил бы. Понятное дело, все детали обговаривались куда более усеченным составом и втайне, но на строгих званых вечерах и «рабочих» чаепитиях тоже было что послушать.

Конечно, обменивались они отнюдь не культурой. Претцы пришли не просто познакомиться и договориться «о дружбе» — но о разделе Вираты и

помощи в войне. И вот этот дан был то ли гарантом, то ли главным исполнителем. Он обладал сильной, яркой Искрой и даром лекаря душ, который умел использовать очень своеобразно: воздействовал на находящихся рядом людей, заставляя их забывать о встрече с ним сразу же после разговора. То есть номинально никакого вреда людям не причинял и Искрой не рисковал.

Стъэль также был почти уверен, что эти блоки на воспоминания можно было настроить так, чтобы иссякали они через строго определенный отрезок времени или по выполнении какого-то условия. А еще он склонен был полагать, что именно таланты этого загадочного претца помогли успешно воплотить в жизнь план короля Фергра и довести альмирскую армию до Тауры, где удача закончилась.

— Как-то странно все это выглядит, — задумчиво проговорил Виго. — Один-единственный дан стал гарантом такого сложного маневра? Насколько же он могущественный? Хотя, с другой стороны, вмешательство некой неучтенной силы объясняет столь грандиозный провал нашей разведки, до тех пор работавшей вполне уверенно. Слишком сложно незаметно перебросить целую армию, да так, что до нас даже слухи не дошли. Обычно в подобных случаях крупницы информации просачиваются, и проблема состоит в том, чтобы выбрать среди мусора лжи крохи истины. А про Тауру тогда, насколько я помню, не было ни слова.

— Закономерно, — уронил Даор, искоса глянув в мою сторону. — Один дан гарантировал, один... фир — нарушил планы. Значит, если Немой-с-Лирой решил показать именно этого дана, он намекает, что и сейчас нам противостоит именно он. Виго, как ты думаешь, удастся выяснить состав той делегации?

— Попробовать в любом случае стоит. У меня была кое-какая информация о подпольных переговорах претцев с Фергром, сейчас можно копнуть поглубже. Поскольку это дела давно минувших дней, а устаревшие секреты редко берегут тщательно, есть шанс все-таки выяснить подробности.

— Откуда у него столько сил? — спросил я. — То, что случилось со мной, было цепочкой случайностей. Вряд ли он прошел через подобное, тогда — как?

— Такие силы сложно скрывать, мой железный друг, — заметил Даор. — Все фиры и даны исключительного дара всегда находятся на виду, о них ползут слухи. Впрочем, учитывая специфику его дара... Если этот некто постоянно поддерживает вокруг себя своеобразную ауру забвения, тогда его действительно могли бы не запомнить. Но я даже не хочу

предполагать, как подобное могло повлиять на его психику. Боюсь, он еще более безумен, чем был Железный регент.

— Или черпает силы в каком-то другом источнике, — возразил я. — И мы опять упираемся в Хаос и его свойства, о которых ничего не знаем. Толку тогда от этих новостей?

— Не скажи, — возразил Виго. — Как минимум, мы теперь точно знаем, что ниточки тянутся в Прету, все наши подозреваемые связаны с ней или вообще родом оттуда. Неизвестный неуловимый дан, Ламилимал, даже Митий. Не исключено, что был связан с Хаосом и Фергр...

«Вряд ли, — возразил на это Стъель. — Он слишком горд и честен, чтобы связываться с чем-то подобным. Король — воин, он считает достойной победу, полученную оружием, в крайнем случае — военной хитростью или таким вот союзом, который планировался с Претой. Но даже ради своей мечты о море он не пошел бы на такое предательство и связь с такими силами. Впрочем, он мог и не вдаваться в подробности, откуда будут черпать силы добровольные помощники».

— Принимается, — кивнул Гнутое Колесо. — Это похоже на правду.

— И все же к слову о его силах. Мне вспоминаются слова Ива о подозрительной осведомленности Мития относительно биографии нашего железного друга, — задумчиво проговорил Даор. — Что получилось один раз, может произойти и второй. Так что я бы все же не исключал вероятность подобного... преобразования нашего врага.

— Это не слова, это необоснованные подозрения, — возразил я мрачно. — Кто на кого как посмотрел — сам понимаешь, не аргумент. А Митий вполне мог изобразить собственную осведомленность просто для того, чтобы потрепать мне нервы.

— Да ладно, вот вычислим его, поймаем и тогда уже посмотрим, насколько он силен, — отмахнулся Виго. — Но мне кажется, вы преувеличиваете: с Ивом он не справился уже дважды. Первый раз — когда напал по дороге, и второй — когда не сумел добраться до Рины. Кстати, объясни мне, как у тебя все же получается противостоять силе данов? Я раньше как-то не придавал значения этому факту, а сейчас вот задумался.

Я вместо ответа бросил вопросительный взгляд на Даора, ища поддержки. С одной стороны, Виго — человек надежный и проверенный, да и Стъель уже неоднократно доказал, что достоин доверия. А оставшаяся тихая парочка и вовсе скоро заменит Алого Хлыста. Но все равно я сомневался, стоит ли посвящать еще кого-то в подробности своего прошлого. А особенность, на которую обратил внимание Гнутое Колесо, была родом как раз оттуда.

— Если ты хочешь знать мое мнение, то я не вижу смысла дольше скрывать подобное от ближайшего окружения, — спокойно ответил Алый Хлыст. — В свете открывающихся подробностей и нависающих угроз твоя тайна, мой железный друг, выглядит уже совсем не страшной.

С этим было трудно спорить, и я, собравшись с мыслями, принялся за пересказ.

Глава 9

О сути вещей

Тия Дочь Неба

Очнувшись, я долго не могла сообразить, что происходит. Собственные покои я узнала, и это меня успокоило, но все остальное вызывало у меня тревогу и зыбкое ощущение потерянности, неуверенности. Я не помнила, как оказалась в постели, и никак не могла понять, какое из воспоминаний было последним. Кроме того, рядом спал муж, а за окнами уже давно рассвело, и это тоже было странно: обычно в это время Стъэль уже заканчивал свою утреннюю разминку.

Чувствовала я себя при этом нехорошо, но терпимо. В теле ныла, кажется, каждая мышца, кое-где неприятно саднило и тянуло, а голова была тяжелой и как будто чужой.

Полежав с минуту, я так и не вспомнила, что привело меня к такому итогу, но паниковать не спешила. Полагаю, будь все совсем плохо, очнулась бы я не в своей спальне под боком у мирно спящего мужа, а под присмотром пары целителей.

Вскоре тело напомнило о своих естественных потребностях, а еще я отчетливо поняла, что очень хочу в ванну. Набрать теплой, можно даже горячей воды, лечь в нее и не двигаться по меньшей мере час.

Я осторожно зашевелилась, отодвигаясь от мужа, к чьей спине до этого прижималась, и стараясь его при этом не разбудить, но тщетно: Стъэль проснулся. Рывком сел, обернулся ко мне, окинул напряженным внимательным взглядом и с явным облегчением улыбнулся.

«Как ты?» — спросил жестами.

— Странно, — ответила я невнятно, подивившись, насколько сипло звучит голос. — Не помню, что было вчера, только какие-то обрывки. Что-то случилось?

Он медленно кивнул, взгляд на мгновение стал колючим и недобрим. Муж явно сердился, причем не на меня.

— Что? — насторожилась я. — Опять Ламилимал?!

Стъэль тряхнул головой, огляделся и, поднявшись с места, отправился к сундуку, на котором была сложена его одежда, а рядом виднелась неизменная дощечка. Похоже, объяснить все простыми жестами,

знакомыми мне, мужчина не мог, и от мысли об этом стало страшно. Я попыталась успокоить себя, что в случае действительно серьезных, грандиозных проблем государственного масштаба, о которых подумалось в первую очередь, мой ответственный муж вряд ли позволил бы себе нежиться в постели. Мысль была разумная, но легче от нее почему-то не стало.

— Погоди, давай мы поговорим в ванной, хорошо? Подходи через две минутки, — смущенно попросила я и как могла поспешно отправилась в уборную. А могла плохо: ноги с трудом меня держали и подгибались, доставляло неудобство тянущее неприятное ощущение в промежности, да еще голова кружилась, так что меня вело в сторону. Но до цели я в итоге все же добралась.

Муж задержался дольше пары минут. Правда, начать беспокоиться об этом я не успела: в горячей воде меня окутало такое ленивое, сонное блаженство, что и без того вялые мысли шевелились едва заметно, как влипшие в мед мухи. Кажется, я вновь задремала и очнулась оттого, что воды стало гораздо больше и она качнулась, когда в ванну ко мне забрался мужчина.

— Мгм? — промычала я вопросительно, подползая к нему под бок и уютно устраивая свою голову у него на плече. Муж усмехнулся, погладил меня по голове одной рукой, а второй вручил табличку.

Система была уже отработана: в такой позе держать дощечку и писать Стъэль сам не мог, поэтому в роли подставки выступало его колено, я придерживала табличку, а обычный мел мы давно заменили на какую-то фирскую штучку, которая не боялась воды, так же легко стиралась с таблички и выглядела при этом как толстый карандаш.

Нега слетела с меня после первой же пары фраз, начертанных ровным почерком мужа. Я уже привыкла, что при подобном способе общения альмирец жертвовал — в угоду скорости и краткости — всеми теми мелочами, которыми мы неизменно пользуемся в речи: вежливостью, образностью, подробностями и тактом. Обычно это не доставляло неудобств, но сейчас я остро пожалела, что Стъэль не мог сообщить новости как-нибудь помягче.

— Я... с Райдом? — ошеломленно переспросила я, глядя сквозь дощечку и ощущая в голове звенящую пустоту. — Ой, ржа побери! — Я со стоном уткнулась лицом в шею мужа и зажмурилась. — Как хорошо, что ты догадался проверить, и что ты дан, и что заметил эти чары...

От мысли, как все могло повернуться, окажись Стъэль менее подозрительным, мне стало по-настоящему страшно. И холодно, несмотря

на горячую воду и тепло тела мужчины рядом. Я поежилась и прижалась к мужу теснее, глубоко вдохнула, впитывая ставший уже родным горько-хвойный запах его кожи. Тихо плеснула вода — Стъэль шевельнулся, явно собираясь написать что-то еще.

«Я догадался не сразу, только когда ты назвала мое имя. В первый момент поверил. Прости».

— Сложно не поверить собственным глазам, — тихо возразила я и вновь зажмурилась, чувствуя резь в глазах и ком в горле от подступающих слез. — Я бы тоже поверила. Даже твердо зная, что ты слишком благородный для такого, даже понимая, что ты не станешь обманывать. Почему-то хорошее всегда вызывает сомнения, а в плохое верится легко...

Жутко было поставить себя на место мужчины и даже мысленно стать свидетелем подобной сцены. В груди от одних только мыслей о подобном нестерпимо жгло — до острой боли, до стоны сквозь стиснутые зубы.

Мужчина забрал из моих судорожно сжатых пальцев дощечку, отложил на широкий бортик ванны, обхватил мою ладонь своей, коснулся ее губами и прижал к груди. Потом отпустил, но приподнял мое лицо за подбородок, легким поцелуем коснулся переносицы, сомкнутых век, щеки, спустился к губам. Целовал ласково, почти трепетно, а я дрожащими пальцами цеплялась за его плечи, будто мы не в ванне, а в открытом море — стоит разжать руки, и оба утонем. И чувствовала, что по щекам все-таки текут слезы — от счастья и облегчения, что все обошлось, и от мучительного страха потери, болезненно сжавшего горло.

Появилось острое, ослепительно-яркое ощущение-понимание, что чувства, доверие, отношения, человеческие жизни — все это тонко, как паутинки. Одно неосторожное движение — и ничего не станет. Ошибка, случайность — и сбудется самое жуткое проклятье: больше никогда не ощутить на губах вкус дыхания любимого мужчины, больше никогда не видеть теплой, чуть насмешливой улыбки и сильных уверенных рук, плетущих в воздухе диковинную вязь самого странного языка этого мира.

— Я люблю тебя, — едва слышно выдохнула я в губы мужа, не открывая глаз. — Пообещай, что не уйдешь, что не оставишь меня одну...

Он обещал; я чувствовала это в прикосновениях, в осторожных поцелуях, в дыхании и стуке сердца, в тепле его Искры. И меня совсем не волновало, что я никогда не услышу ответного признания. Плевать! Чтобы понять того, кто рядом, не обязательно нужны слова. Без них порой получается правильной, искренней, честнее.

Мы долго просто так сидели, обнявшись, обмениваясь легкими поцелуями и старательно не думая ни о чем постороннем. Во всяком

случае, я очень старалась, а Стъэль не пытался напомнить мне о делах и сам не стремился уйти. Было слишком хорошо, чтобы нарушать эту гармонию лишними движениями.

Странная закономерность: почему-то мгновения наивысшего единения у нас с мужем случаются в ванне. В постели мы либо спим, либо слишком энергично бодрствуем, в остальных местах всегда есть риск, что в неподходящий момент явится кто-то из советников с очередными новостями, вопросами или предложениями, а здесь — мы только вдвоем.

Может, именно поэтому в Вирате ванная комната — самое дальнее и потаенное помещение дома? Здесь человек совершенно наг, беззащитен и особенно чист. У нас говорят, что пресная вода очищает не только тело, но и душу...

Но потом это блаженство нарушила совесть. Вспомнилось всякое: и гора мелких рутинных дел, и грядущая встреча моего супруга с шахом, и длинный список вопросов, которые следовало бы задать тому же Стъэлю. Я сосредоточилась на личных переживаниях и страхах и даже не подумала о том, что за всеми этими беспокойствами стоит чей-то злой умысел, причем план явно состоял не из одного пункта «испортить кесарю личную жизнь».

Однако из ванны мы все равно выбрались без спешки, немного повозились и подурачились, вытирая друг друга. Стъэлю нравилось меня щекотать, потому что я боялась щекотки. А мне эта возня тоже доставляла несколько извращенное удовольствие: было здорово визжать, вырываться и хохотать до слез, до полного изнеможения.

Высказанное признание не только не добавило неловкости, но даже как будто сделало меня легче и свободнее. Будто я не несколько слов сказала, а сбросила тяжелый груз.

В гостевой части покоев нас — уже вполне одетых, совершенно успокоенных и чинно держащихся за руки — встретил остывающий завтрак (из-за распоряжений о котором, надо думать, Стъэль и присоединился ко мне с опозданием) и, внезапно, Хала.

И без того не красавец, сейчас Пустая Клетка выглядел совсем уж пугающе: он осунулся, от лица остались, кажется, только большой рот и выпуклые глаза, под которыми от усталости залегли тени. Нечесанные лохмы были небрежно собраны в хвост, простая белая туника заляпана чем-то, подозрительно похожим на кровь. При этом дан лучился самодовольством, и это, в сочетании с его общим видом, настораживало.

— Наконец-то вы! — вместо приветствия ворчливо сообщил он. — Когда вам уже надоест всякую свободную минуту тратить на подобные глупости?!

Мы со Стъёлем весело переглянулись, но комментировать это не стали и уместились напротив гостя на одном ложе: муж — сидя, я — забравшись с ногами и слегка прижавшись к его боку.

— Не ругайся, — попросила я, примериваясь к тарелкам. — Лучше расскажи, что вы придумали? Ты же не просто так выбрался из своей норы, да еще сияющий, как новенький золотой. Ладно, не новенький, но тщательно обслюнявленный и потертый об одежду.

— Придумали, да, — Хала изобразил свою излюбленную омерзительную ухмылку, а потом заявил, подцепив что-то со стола: — Только я вам ничего не скажу, пока остальные не придут.

— Разумно, — похвалила я, и некоторое время мы все сосредоточенно жевали.

Было хорошо и как-то особенно уютно, и тот факт, что мы с мужем не одни, совсем не умалял моего благодушия.

Сложно сказать, почему я так спокойно реагировала на демонстративную таинственность Халы. Кажется, должна была уже известись от любопытства, что же такого удивительного выяснила эта компания, и измучить дана расспросами, не давая ему спокойно поесть (не удивлюсь, если делал он это первый раз за прошедшие несколько дней). Но на меня снизошло потрясающее умиротворение и покой, непреодолимо-непробиваемая уверенность, что все будет хорошо, правильно, как надо, главное только не мешать вещам улечься в стройном порядке.

А только-то и стоило — признаться в любви мужу...

— Мне начинает казаться, что у нас других дел нет, кроме как собираться в гостях у кесаря и с умным видом обсуждать судьбы мира, — с порога заговорил мрачный и недовольный Виго, явившийся из всей компании самым первым. — Только большого кубка с вином не хватает. Доброго утра, сиятельная, я рад, что вы хорошо себя чувствуете.

— Спасибо, — степенно кивнула я. — А кто успел так сильно испортить вам настроение, да еще с утра пораньше?

— Ну кто? Конечно, претцы! — честно признался он. — Крайне утомительные существа. С ними можно общаться только в двух случаях: когда им от тебя что-то очень надо и ты знаешь, что именно, или когда они исключительно, до истерики напуганы. Во всех остальных — это трата огромного количества времени на полную чушь.

— Кстати, странно, Ламилимал к этому не склонен, — раздумчиво проговорила я. — Даже наоборот, порой убийственно прямолинеен.

— Молодой, горячий, — спокойно пояснил Гнутое Колесо. — Я-то с визирями разговариваю, а с ними ржа насквозь проест, пока они в своих

словесных кружевах доберутся до сути вопроса.

— А чего они сейчас-то хотели?

— Собственно, сейчас были не они, а он. Один из тех, кто в свое время посадил на Золотой Ковер Ламилимала. Но говорил от лица всех своих соратников. Если вкратце, он дал понять, что они и сами не знают, какой скорпион ужалил шаха в задницу, с чего его понесло драться с нашим правителем и что он вообще задумал. Однако польза от этого разговора все же была: он, кажется, догадался, какой дан меня интересовал, и намекнул, что сможет на него указать.

«Когда он это сделает и можно ли ему верить?» — спросил Стъэль.

— Точного времени не назвал, но волноваться на сей счет не стоит, они честно поделятся информацией и о нашем интересе ему не сообщат: этот дан явно не из числа их доверенных людей или хотя бы хороших знакомых. Может быть, спрашивай я не столь расплывчато и осторожно, он бы дал больше информации, но я решил не рисковать, и он тоже. Перед тем как говорить с нами, они непременно постараются выяснить, зачем нам нужен этот дан. Надеюсь, безуспешно. Они, разумеется, не встанут на его сторону, но, если узнают, что именно этот загадочный тип мутит воду, велик шанс, что нам преподнесут его голову примерно так, как это случилось с бедолагой Бардрабом. А это не лучший вариант, потому что тогда оборвутся многие ниточки и не удастся восстановить всю цепочку событий. Нет никакой гарантии, что он действовал один.

«Откуда такая уверенность?» — убедить альмирца было не так просто.

— Им совсем не хочется воевать, — пожал плечами Виго. — Половина из этой коалиции занимается торговлей, есть крупные землевладельцы, владельцы ювелирных мастерских... В общем, война принесет им только убытки, зато много. Вирата — основной торговый партнер Преты, портить с нами отношения невыгодно.

— А почему вы так уверены, что он именно из Преты? — растерялась я.

— Сиятельный господин не успел поделиться подробностями? — с легкой ехидцей уточнил Виго.

— Не успел, — невозмутимо подтвердила я. И в ожидании остальных Гнutoе Колесо принялся просвещать меня относительно пропущенных вчера событий.

Когда собрались все нужные люди, слово взял Авус Красный Кот. Конечно, всем было особенно интересно выслушать Халу, но Пустую Клетку после завтрака разморило, и он тихонько уснул в кресле. Дана решили пока не будить.

Как успели выяснить дознаватели, воздействие на меня действительно оказывал амулет, принесенный Райдом. Моего помощника толком допросить пока не получалось, у него оказалась сломана рука и челюсть в двух местах. На этом месте Авус уважительно покосился на моего мужа, и вопрос, как это получилось, отпал сам собой. Комментировать подобное я не стала: переломы зарастут, не убил — и ладно. Мне кажется, Стъель имел полное право на такую бурную реакцию.

Впрочем, Красный Кот по-прежнему склонялся к мысли, что Райда использовали втемную. Насколько следователь сумел выяснить при серьезной ограниченности раненого в способах общения, мужчина совершенно не помнил, что с ним случилось и при каких обстоятельствах он получил свои травмы, а когда Авус объяснил, как мой помощник оказался в камере, сначала долго не мог поверить, а потом впал в уныние. Откуда взялся амулет, он также не имел понятия, и вспомнить не помог даже читающий в душах. Необходимость находиться под стражей Райд также воспринял с пониманием и смирением и передавал нам со Стъелем извинения. В общем, совершенно не походил на преступника. Я в ответ заверила, что извинения приняты, и выразила надежду, что все прояснится как можно скорее.

Путь амулета удалось отследить до городской окраины, и там след потерялся на непримечательном пустыре. Очевидно, дан создавал заготовку в другом месте, а туда принес, зачаровал и, вероятно, передал Райду или какому-то другому сообщнику. Вещица, выполнив свою работу, распалась в пыль, что очень осложнило поиски. Дотошные бойцы седьмой милии собрали остатки амулета, и по их составу, количеству и расположению специалисты предположили, что это был перстень. Но вспомнить, когда украшение появилось на руке Райда, не смог не только сам мужчина, но и его окружение. Включая, к слову, и меня. Учитывая недолговечность чар данов, это должно было случиться не раньше вчерашнего вечера.

Что касается более давних неприятностей, с нападением на Рину, то утешительных новостей у седьмой милии не было. Да, на трупах нападавших нашли остатки каких-то амулетов, но чары Ива и фира-охранника сильно исказили следы, и установить происхождение и наполнение зачарованных вещиц не удалось, даже направление дара — фир или дан их делал — не поняли. По-прежнему оставалось неясным, как злодеи столь быстро выследили женщину, принявшую решение о поездке спонтанно и никому не сообщавшую о своих планах. Напрашивался вариант, что предупредил их все тот же Райд, но здесь возникала еще одна проблема: сделать это знакомыми нам методами так, чтобы не заметила

дана, он не мог. По словам все той же Рины, он вообще почти не замолкал всю дорогу, что было очень похоже на моего помощника, а значит — он однозначно не связывался с главарем преступников фирскими методами, для которых требовалось хотя бы несколько минут полной неподвижности и глубокой сосредоточенности.

Кто, как и для каких именно целей нанимал этих троих головорезов, что им сулил — тоже не узнали. Нет, где они обычно болтались и в каких местах искали себе дело, бойцы седьмой милии выяснили, даже поговорили с некоторыми компетентными людьми. Только те клялись и божились, что ничего не помнят и ничего не видели, и читающий в душах, присутствовавший при разговоре, был уверен: не врут. Впрочем, учитывая талант незнакомца влиять на умы окружающих, этому никто не удивился.

— Надо мне глянуть на Райда, — сообщил вдруг Хала вполне бодрым голосом и сразу стал центром общего внимания.

— С пробуждением, драгоценный, — за всех поздоровался Даор. — Неужели вы нашли способ отслеживать проявления... подобных сил?

— С некоторыми погрешностями, — ухмыльнулся дан и добавил с довольным видом: — Все оказалось до смешного просто.

— Что — все? — уточнила я.

— Вообще все, — с явным удовольствием отозвался он. — Мы знаем, что такое чернокровие, что такое Хаос... То есть как — знаем? Пока это теория, но теория очень крепкая и подтвержденная экспериментом.

— И-и?

— Спасибо Рине с ее подсказкой, именно она подтолкнула нас в нужном направлении, — Хала уважительно склонил голову в сторону даны, тихо-тихо сидевшей подле мужа. Зачем Ив привел ее, я не знала, но была рада видеть. — Чернокровие — это конфликт Искры и Железа в человеке.

— Кхм. Поясни, — выразительно кашлянув, попросил Виго.

— Известно, что в обычном состоянии в любом человеке есть и то и другое. В данах и фирах одного заметно больше, в обычных людях — примерно поровну. В норме два этих начала не взаимодействуют вовсе, существуют параллельно, как вода и камень в одном сосуде. А чернокровие возникает, когда эти силы начинают по неустановленной пока причине конфликтовать. Это... своего рода нарыв. Искра начинает воспринимать Железо в организме как инородную вредоносную силу или, наоборот, одна сила начинает отторгать другую, а в результате человек умирает, — резюмировал Хала и обвел присутствующих торжествующим взглядом. — И это прекрасно объясняет, почему сильные фиры и даны могут дольше

продержаться при помощи целителей, чем все прочие: одна из сил явственно берет верх, и некоторое время человек способен существовать в таком состоянии.

— Занятно, — протянул Даор. — Даже восхитительно. Но не мог бы ты пояснить практический смысл подобного изумительного открытия? Или до столь низменных вещей наши гениальные исследователи пока не снизились?

— Я тебя стукну, — хохотнул Хала. — Мы за несколько дней решили одну из самых необычных загадок человечества, а Алый Хлыст уже требует практических результатов. Работаем мы, работаем, не волнуйся. Я, знаешь ли, тоже привык к твоей физиономии и не согласен вот так просто с ней расставаться.

— Погодите, но это ведь не все? При чем тут Хаос? — спросила я.

— А это самое интересное. Хаос — мы для удобства именно так назвали ту силу, которую нашли в ухрах — это как раз смесь, если угодно — результат взаимодействия Железа, Искры и некоторых других сил, которые в знакомых нам живых организмах не содержатся. Эти сторонние силы своим присутствием останавливают конфликт и обеспечивают эффективное взаимодействие всех прочих. И это потрясающе! А самое потрясающее, что разгадка все время находилась у нас перед носом, а мы просто не знали, куда нужно смотреть.

— То есть?

— Я говорю о нашей железяке, — со смешком ответил Хала. — Во время ритуала при Тауре в нем произошло смешение и слияние Железа и Искры, отсюда все особые способности и потрясающее могущество. Почему все это проявляется именно так — Железо зрительно берет верх, Искра почти не проявляет себя, сам Ив последнюю не чувствует, но при этом все еще жив — я пока сказать не могу, но уверен, что именно Ив — ключ ко всему. И к лекарству от чернокровия, и к пониманию, почему использование Искры во зло приводит к ее гибели, и вообще к пониманию, почему наш мир устроен именно так. Я, собственно, прервал исследования исключительно для того, чтобы затащить к нам Ива и как следует его рассмотреть.

— Резать не дам, — мрачно буркнул «ключ».

— Тьфу на тебя, — миролюбиво откликнулся дан. — Можешь не волноваться, ты нам нужен живой и здоровый. Больше того, между этими двумя птицами действительно обнаружилась некая связь, которая очень похожа на ту, что существует между Ивом и его женой. Со скидкой и поправками, конечно, но все же. Помнишь, я говорил, что Рина для тебя —

тоже вроде как Голос? Так вот ни ржавого гвоздя, эта связь другая, такая же, как между этими двумя тварями. Конечно, нужно уточнить, для чего мне и нужна наша железяка, но это мелочи. А ухры, судя по всему, тоже не способны нормально существовать поодиночке, и мне все больше хочется взглянуть на мир за пределами небесного купола, хотя бы одним глазком. Это должно быть нечто совершенно особенное.

— Почему не способны? — уточнила я, чувствуя, что теряю мысль.

— Хм, ну как бы объяснить, на что это похоже... О! Все представляют себе известь и то, что происходит, когда ее бросают в воду? Прекрасно. Тогда дружно вспоминаем мои слова про камень в сосуде с водой и мысленно заменяем камень на кусок извести. Начинается бурная реакция, возникает поток тепла — и все это может громко бабахнуть. Примерно так выглядит чернокровие, но замедленно. Примерно такое происходило с Ивом, когда в нем смешались Железо и Искра. Не буквально, конечно, но суть явления похожа. А когда установилась его связь с Риной, получилось, что известь отделилась от воды и смешение происходит только по мере надобности. Грубо говоря, Ив — кусок известки, и, когда ему надо, он через соломинку утягивает у жены немного воды и использует получающееся тепло, чтобы применять чары. Эти ухры представляют собой тоже что-то вроде такой пары, стакан воды и кусочек извести, но взаимодействие дает им не возможность перекраивать мир по своему усмотрению, а только жить. Ну и летать тоже. Во всяком случае, мы пока представляем себе это примерно так. Хотя я чувствую, что нам остро не хватает знаний. Мы сейчас прикоснулись к чему-то огромному и великому, чего прежде не замечали, и это потрясающе!

— Звучит страшновато, — честно призналась я и попыталась вернуть увлекшегося Халу в конструктивное русло: — Погоди, так вы нашли способ отслеживать эту силу или нет?

— В большой концентрации — однозначно, — подтвердил Пустая Клетка. — А вот в малой надо пробовать, и для этого мне нужно взглянуть на Райда. А лучше всего передайте его нам.

— Исключено, — хором возразили Даор и Авус и весело переглянулись, после чего продолжил младший из них:

— Мы не можем так рисковать. Пока неизвестно, каковы границы и возможности этой силы, и вы, насколько я понимаю, еще не прояснили этот вопрос. Если я правильно понял и она родственна силе господина Ярости Богов, который исключительно могуществен, мы не можем рисковать и пускать во дворец человека, вероятно, до сих пор находящегося под ее влиянием.

— В Иве, напоминаю, живет сила двух отнюдь не слабых людей, — возразил Хала, но довольно кисло, без огонька. Кажется, и сам понимал справедливость возражений. — Ладно, взглянуть-то мне на него можно?

— Думаю, большой беды не случится, — кивнул Авус. — Можно даже сегодня, чтобы не затягивать.

— А можно спросить? — воспользовавшись паузой, подала голос Рина. — Мне кое-что непонятно. Не про чернокровие, а в общем. Например, в отношении чар, которыми Идущая-с-Облаками защитила Тию и остальных детей кесаря. Они распространялись только на несколько десятков детей или все-таки действовали сложнее? Сейчас вот выяснилось, что этот человек, который нам противостоит, пытался сделать гадость Вирате еще под Таурой и вообще как будто люто ненавидит нашу страну. Почему он остановился и ничего не предпринимал все эти годы? Если он хотел прервать род кесарей и ввергнуть тем самым мир в Хаос, непонятно, почему шел таким сложным и долгим путем, через помощь в войне. Располагая такими силами, наверное, было куда проще убить сразу отца Тии, тот же оставался единственным наследником. Но он почему-то так надолго затих, как будто потерял всякий интерес, и не пытался вредить все эти годы. А теперь вот опять начал. И кстати, смерть братьев кесаря Алиа не может быть делом его рук?

— Хорошие вопросы задает наш алмаз неграненый, — улыбнулся Даор, склонив голову. — Видите ли, драгоценная, боги не нашли нужным сообщить кому-то подробности. Алий обратился за помощью к своей покровительнице, он был готов на что угодно, лишь бы сохранить жизнь своего дитя и свою страну. Он был в отчаянии: жена умерла через несколько дней после родов, на руках новорожденная дочь, которую еще не известно, как примут в качестве правительницы, а ему самому осталось жить несколько лун. Вряд ли Идущая-с-Облаками помогла за просто так, но чем он с ней расплатился — я не знаю. Могу только поручиться, что не жизнью Тии — или, как ее назвали при рождении, Герике — и не будущим Вираты, потому что ради них он во все это и ввязался.

— А почему такое странное имя? — не удержалась Рина от вопроса и тут же бросила на меня виноватый взгляд.

— Странное, странное, — со смешком согласилась я. — Оно переводится как «осколок неба» и вообще-то среднего рода. Я так понимаю, специально выбрали, чтобы никто не мог по имени определить, какого пола наследник. Тия мне нравится гораздо больше.

О своих родителях я думала не так уж часто и не могу сказать, что сильно по ним скучала. Как можно скучать по тем, кого никогда в жизни не

видел?

Нет, до того, как узнала, кто я такая, я часто представляла себе, кем могут оказаться мои родные, мечтала, что они ждут меня и очень обрадуются — как, наверное, мечтали все дети кесаря. Потом луну или две длилось принятие реального положения вещей, я даже немного злилась на покойного кесаря. Но можно сказать, что с новой реальностью я смирилась быстро и достаточно безболезненно.

Конечно, я порой задумывалась, что было бы, окажись родители живы, но почему-то ничего хорошего не представлялось. Наверное, потому, что я была уже достаточно взрослой и разумной, чтобы понимать: у единственной наследницы не могло быть такого веселого и интересного детства в компании сверстников, какое было у меня. И за это я своих родителей неизменно благодарила. Как, разумеется, и за то, что вообще появилась на свет и дожила до своих лет. А вместе с ними — куда более реальных Ива, Даора и всех остальных.

— Что до братьев кесаря, — продолжал тем временем Даор, — подозрения, конечно, были тогда и больше окрепли сейчас, но это все же слишком похоже на случайность. Младший из них погиб на охоте, старший... Официально причиной гибели называют несчастный случай, но, между нами, молодой человек поплатился за собственную неразборчивость. Он посещал некую даму, у которой имелся очень ревнивый супруг, и однажды тот в неурочный час вернулся домой. Обманутый муж в припадке ярости убил изменщицу и ее любовника, потом сообразил, на кого поднял руку, и в ужасе покончил с собой. Или просто покончил с собой, от отчаянья — это нам не известно. Подстроить подобное сложно, но... мы ведь не знаем, кто именно и как это делал. Мы не знаем, на что способен Хаос.

— Кстати, мне кажется, на многие вопросы Рины может ответить все та же теория, — подал голос Хала. — Если мы правильно определили суть Хаоса как смеси тех сил, которые существуют в нашем мире отдельно друг от друга, то очевидно, что именно на этом разделении построен наш мир, а граница, получается, проходит по небесному куполу. Он выступает как этакое огромное сито. Дальше, божественные силы тоже, скорее всего, родственны Хаосу — ведь боги родились именно из него. Насколько мы можем судить, боги очень ограничены в своем вмешательстве в дела смертных и вообще в наш мир. Я склонен предположить, что ограничены они именно количественно, по сумме примененных сил, и в таком случае серьезное и масштабное воздействие, к которому прибегла Идущая-с-Облаками, не позволило долгое время вмешиваться в происходящее не

только богам, но и их противникам. Полагаю, потому, что чрезмерное применение сил Хаоса может привести к гибели всего мира. Ну вроде как оно разрушит сложившееся разделение и заставит все смешаться. И, кстати, если это правда, я бы не исключал возможности, что, во-первых, за эту передышку мы сейчас и расплачиваемся, столкнувшись с повышенной активностью Хаоса, и во-вторых, именно из-за повышенной активности Хаоса наблюдается такая эпидемия чернокровия.

— Может, и так, — задумчиво протянул Виго. — А может быть, и нет. Теория хороша и действительно многое объясняет, но увы, она только теория, подтвердить которую могут лишь боги. А еще, если она справедлива, становится совсем уж затруднительно вот так с ходу объяснить мотивы богов и, главное, самого Хаоса, который им противостоит. Ладно люди, с ними все более-менее просто и набор возможных мотивов невелик. Но слабо верится, что Хаос жаждет уничтожить наш мир просто из мести, ревности или жажды наживы... В общем, обсуждать это можно бесконечно, а по сути получится только пустая трата времени, — оборвал он самого себя. — Поэтому, Хала, спасибо за новости, продолжайте в том же духе, и Вирата останется вам благодарна. Но если по делу все, я предпочту вернуться к работе.

— Приземленные, примитивные существа, — философски вздохнул Пустая Клетка, но, кажется, и не подумал обижаться. — И как меня угораздило с вами связаться?

— Повезло? — ехидно предположил Гнущее Колесо, на что дан ответил веселой улыбкой.

— Еще одна деталь, — привлек всеобщее внимание Авус. — Касательно Мития Тени Камня. Нашелся тот «воспитатель», который занимался с его дочерью и готовил ее на роль любовницы для Железного регента. К слову, достаточно сильный дан.

— Дай угадаю: это был претец? — со вздохом предположил Виго.

— Разумеется, а кто еще! — развел руками Красный Кот. — Больше никто столь фундаментально не подходит к получению плотских удовольствий. С одной стороны, он только подтвердил слова Мития: поначалу Лиа действительно не возражала, так что формально Тени Камня предъявить нечего. Но с другой — он слишком давно к этому готовился, да и услуги специалиста обошлись отнюдь не дешево, поэтому мы имеем дополнительное доказательство наличия второго дна, о котором, очевидно, не знали ни женщина, ни этот претец. С учетом всех последних странностей и новостей, я бы в порядке перестраховки предложил господину Хале взглянуть еще и на эту особу, Лиа. Или объяснить кому-то

из моих людей, что и как нужно проверять. Поскольку женщина очевидно больна, я не считаю себя вправе настаивать на проверке лично вами — прекрасно знаю, сколь неприятно читающим в душах заглядывать в безумцев.

— Да ладно, после железяки мне уже ничего не страшно, — отмахнулся Хала. — Давайте тогда начнем с Райда, там подозрения более обоснованные, и, если я что-то найду, метод сработает, тогда можно будет глянуть и на Тень Камня. Предлагаю отправиться прямо сейчас, чтобы не тратить время зря, — ехидно добавил он, выразительно глянув на Виго.

— А как же событие дня? — со смешком полюбопытствовал Ив. — Неужели неинтересно?

— Какое событие? — удивился дан.

— Полагаю, Ив имеет в виду поединок Стъёля с Ламилималом, — пояснила я нехотя, бросив тревожный взгляд на мужа. — Мне кажется, если подозрения о причастности шаха и кого-то из претцев к последним событиям справедливы, твое присутствие могло бы быть кстати. На случай, если он вдруг попытается что-то предпринять...

— А сиятельному господину нужно мое присутствие? — с легкой иронией уточнил Хала. — Что-то мне подсказывает, он справится и без меня.

— Поясни, — нахмурилась я.

— А я не говорил, да? — кажется, вполне искренне удивился он. — Божественное покровительство ощущается очень похоже на проявления Хаоса. Иначе, но похоже. Собственно, я потому и предположил родственность этих двух сил.

— Может быть, упоминал, но не заострял внимания, — медленно кивнул Даор. — Полагаю, подобное совпадение может объяснить еще одну загадку: почему никто до сих пор не пытался подобным образом воздействовать непосредственно на сиятельную чету, хотя такой вариант напрашивается сам собой. Если Райда действительно использовали с помощью чар и он не виновен, то это объясняет, почему на Тию рискнули повлиять куда более традиционными способами, невзирая на их меньшую надежность. А вот остальные, кто не удостоился благословения...

— Нет, Даор, на присутствующих я ничего такого не ощущаю, — отмахнулся Хала. — Кстати, у меня есть еще одно предположение, почему этот злодей не столь активно пользуется своей силой, как мог бы. Полагаю, для наложения подобных чар нужно находиться рядом: даже боги не способны благословлять, не явившись к человеку лично. Райд постоянно мотается по дворцу и окрестностям, порой контактирует с сомнительными

личностями, к нему было не так сложно подобраться, чего нельзя сказать о сиятельной чете, да и остальных присутствующих. В общем, Авус, пойдем быстренько проверим этого мальчишку, и я вернусь к своим делам. С вами, конечно, хорошо, но там лучше.

— На тебя Ина не обидится за такое погружение в науку? — вздохнула я.

— Я извинюсь, — белозубо улыбнулся Хала.

На этом разговор посчитали законченным, и присутствующие засобирались по делам. Даже мой муж вознамерился сначала сделать кое-какие дела и условился встретиться со мной сразу в зале, где через два часа должен был состояться поединок. Только Рина попросила у меня разрешения задержаться и поговорить наедине, и меня это только порадовало.

О будущей встрече Стъёля с Ламилималом я старалась вспоминать как можно меньше. Я не сомневалась в талантах альмирца, но все равно меня буквально начинало трясти, стоило подумать о реальной опасности для него, так что выход оставался всего один — искать возможности отвлечься от опасных мыслей. Глупо лезть в сугубо мужские вопросы чести: Стъэль — опытный воин и вряд ли он, при всей своей терпеливости, станет слушать бабьи причитания. То есть из вежливости, наверное, выслушает, даже попытается утешить взбалмошную беременную жену, но всерьез не воспримет. А если воспримет, то мы еще, чего доброго, поругаемся. Этого мне отчаянно не хотелось, особенно после такого чудесного утра и перед самым боем.

В общем, для нас обоих было лучше, если я не задумывалась о ближайшем будущем, убеждая себя, что мой мужчина — лучше всех и он непременно со всем справится, а шах просто его недооценил. Да и вообще, ну что за паника на ровном месте? Вряд ли Ламилимал в самом деле настроен убить Стъёля, не дурак же он!

Когда мы остались вдвоем, Рина села рядом со мной на ложе, глядя на меня участливо и немного с тревогой.

— Ты как? — спросила она чуть смущенно. — А то мы с тобой почти не видимся последнее время, я все новости узнаю от Ива.

— А, то есть это он приставил тебя ко мне в качестве моральной поддержки? — я вымученно улыбнулась.

— Честно говоря, я сама вызвалась, — призналась дана. — Ив вообще-то предлагал приставить меня к тебе в роли постоянной свиты — мол, так ему будет спокойней за нас обеих и нас двоих вместе охранять проще, — но я отказалась. Твоя компания мне очень нравится, но не

хочется бездельничать целыми днями. Я же ничего пока толком не умею, помочь не смогу даже при большом старании, а с учебой такое не совместишь.

— Хорошо тебя понимаю, — хмыкнула в ответ. — Я бы тоже не согласилась на твоём месте, так что можешь не оправдываться. А если Ив вдруг поддастся своим инстинктам наседки и попытается настоять на своём, обращайся, вместе что-нибудь придумаем.

— Спасибо, — мягко улыбнулась она. — Но сейчас тебе в самом деле нельзя оставаться одной. А вообще я хотела поговорить не о моём муже — с ним, к счастью, все ясно. О твоём. Хочется от тебя, из первых уст, услышать, что у вас все хорошо. Понимаю, это глупо: я ведь прекрасно вижу, что вы оба счастливы. Но все равно мне тревожно и не верится.

— А что заставляет тебя сомневаться? — опешила я.

— Если честно, я этого альмирца с самого первого знакомства банально боюсь. Как зыркнет — душа в пятки, почти как Хала. Он на самом деле не такой страшный, как кажется на первый взгляд?

— И это мне говорит жена безумного Железного регента, — рассмеялась я. — Стъель хороший, правда. Он добрый, благородный, заботливый. Просто у альмирцев принято «держат лицо», и он на людях выглядит немного замороженным. Хотя, честно говоря, я до свадьбы тоже его побаивалась...

— Это называется «побаивалась»? — ехидно уточнила Рина, изумленно выгнув брови. — По-моему, тебя натурально трясло! Я почему и теряюсь от таких перемен и чужому мнению верю с трудом.

— Ой, ладно, скажешь тоже, — я смутилась. — Хотя... да, и в самом деле было. Даже страшно: всего несколько дней прошло, а все так изменилось.

— Может, он на тебя как-нибудь влияет? — проявила подозрительность дана. — Я думала, он читающий в душах, но сейчас вижу: нет. Хотя понять его дар все равно не могу.

— Да ну, не говори глупостей, — отмахнулась я. — Он вообще почти не умеет влиять на людей, он из тех, кто лечит землю — в самом широком смысле, вроде землетрясений и их последствий. Нет, дело совсем не в Искре, а в нём самом. Просто я его люблю, и это, кажется, взаимно, — ответила я честно. — А можно я тебе тоже неприличный личный вопрос задам? Ты, случайно, не беременная?

— Откуда такие предположения? — вытаращилась на меня дана.

— Это не предположения, это мечты, — созналась я. — Мне кажется, вдвоем было бы не так страшно...

Это оказалось очень приятно и своевременно — вот так поделиться личными переживаниями с кем-то понимающим, хорошо знакомым, надежным. Обсуждать собственные чувства и подобные вопросы с мужем я пока смущалась, да и словарного запаса не хватало, а больше было не с кем. Не с Ивом же или Халой, в самом деле! Может, луну назад я и задала бы им безо всякого стеснения вопросы интимного характера, но сейчас муж и отношения с ним значили для меня слишком много, чтобы вот так обсуждать их с другими мужчинами. А с женщиной почему-то было легко.

В общем, очень хорошо, что Рина сегодня составила мне компанию. Все рабочие планы на утро уже пошли прахом, после вчерашнего стоило отдохнуть и поберечься, а останься я в одиночестве — совершенно извелась бы и в итоге наверняка сбежала отсюда в рабочий кабинет в попытках отвлечься. С данной же мы бодро поболтали о своем, о женском, и, на удивление, после этого разговора ни о чем мне стало ощутимо легче, как будто жизнерадостная дана поделилась со мной теплом и энергией. Страхи отступили, я не волновалась так сильно о ближайшем будущем, была спокойна и верила в победу Стъёля — уже на самом деле, искренне, а не убеждала себя в этом.

Не исключено, что это все не было случайностью: Рина училась использовать свой дар и, кажется, делала в этом успехи. Но на подругу я не сердилась, сейчас все это было только кстати.

Стъэль Немой

Настрой перед боем у меня был, мягко говоря, неподходящий. Нет, претца я не боялся, хотя справедливо подозревал подвох. Проблема была в другом: с самого утра, с пробуждения и, главное, короткого разговора с женой я пребывал в глубокой задумчивости и растерянности, и сосредоточиться на происходящем вокруг получалось с трудом.

Слова никогда не значили для меня слишком много. Даже когда я потерял дар речи, я по-прежнему понимал, что это лишь удобный инструмент, которым можно добиться желаемого. Любые слова и любые признания произносятся всегда с какой-то целью, и чем громче сказанное, тем, как правило, меньше в нем искренности. Поэтому я никогда не видел особого смысла в избитой фразе «я тебя люблю»: чувства доказывают поступками. Что поделаться, рядом с наследником престола обычно находились женщины, чья искренность вызывала разумное сомнение и которые слишком легко бросались словами.

Мне хватало ума понимать, что не все таковы, но никогда не

доводилось близко встречаться с женщинами иного сорта. Поэтому откровенность и честность жены поначалу меня ставили в тупик, потом просто завораживали, а сейчас вызвали у меня это самое смятение и неуверенность.

Парадокс. Я знал, что она говорит правду, именно то, что думает и чувствует, но все равно не мог поверить. Слишком сложно, слишком странно, слишком неожиданно и слишком... много, если принимать это всерьез.

Мы провели вместе всего пол-луны. Да, нам обоим это нравилось, глупо спорить с очевидным. С Тией было легко и спокойно, хорошо и уютно, и лучшей жены нельзя было желать — некуда лучше. Но любовь? Слово из книжек и баллад, к которым я никогда не питал симпатии, мало связанное с реальной жизнью; при чем тут она?

А если не она, тогда как можно это назвать? То, что я чувствую к этой женщине.

Страх потерять и мучительная, болезненная ревность, вытекающая из этого страха, — я отлично помнил чувство, которое испытал, увидев жену в объятиях другого мужчины. Если подумать, ведь ни одна до нее не вызывала во мне таких эмоций.

Нежность, щемящая, до дрожи в пальцах. Такая, что иногда боязно лишний раз прикоснуться: слишком Тия маленькая, хрупкая. Когда она плакала, мне почему-то делалось больно.

Желание. Такое, что одно лишь воспоминание о прикосновениях необратимо туманит разум и хочется бросить все, отыскать ее и забыть о том, что остальной мир по-прежнему существует.

Я вдруг понял, что легко, без раздумий отдам за эту женщину жизнь. И, наверное, это будет подходящий сюжет для баллады...

Стоило бы остаться наедине с этими мыслями где-то в тихом месте, тщательно все обдумать и взвесить, а приходилось заниматься делами и готовиться к поединку. И получалось это, конечно, не лучшим образом.

Я запоздало сообразил, что понятия не имею, где именно произойдет это событие, больше того — до нынешнего момента ни разу не задумался, а как вообще все это будет организовано и будет ли, за что устроил себе мысленную выволочку. Я даже правила предстоящего поединка не сообразил оговорить! Отвыкнув от цивилизованного общества и принятых в нем обычаев, вспомнил альмирские традиции — и только теперь запоздало сообразил, что шах не альмирец и может иметь другой взгляд на вещи.

В Альмире вопрос боев чести решался просто, на любом пустыре, и

наблюдать за этим приходили только несколько человек: судья поединка, следящий за соблюдением правил, дан-целитель и еще пара доверенных лиц, которые должны были говорить от лица поединщиков в случае печального итога. Раньше такие состязания проходили до смерти, теперь — до победы, потому что одному из моих предков ужасно надоело хоронить после таких развлечений воинов, потерянных в, казалось бы, мирное время. Конечно, вряд ли претец мог столь легко и быстро согласиться на смертный бой, но... кто знает! С обычаями этой страны я был знаком весьма поверхностно.

На мое счастье, нашлись люди, которые взяли на себя решение организационных вопросов без распоряжений с моей стороны, и оставалось только полностью положиться на опыт и познания Виго. Хотя, когда я вслед за слугой явился на место, клятвенно пообещал себе больше никогда не пускать подобные вопросы на самотек, невзирая на любые сопутствующие проблемы и дела.

Вираны в своей излюбленной манере решили устроить из личного вопроса чести зрелище. Хорошо хоть не перенесли происходящее на территорию одного из городских театров! Однако разница была чисто номинальной: большой зал Совета со сводчатым потолком и расположенными амфитеатром креслами мало уступал им размерами, а желающих полюбоваться бесплатным развлечением набралось более чем достаточно. Набилось бы и больше, но сейчас в Верхнем дворце было не так много обитателей.

Одна радость: под прицелом стольких любопытных взглядов я очень быстро выкинул из головы сторонние мысли и нашел глазами Гнутое Колесо, стоявшего рядом с Тией чуть в стороне от освобожденного центра зала, у первого ряда сидений.

«Ржа тебя поberi, что это?!» — возмущенно спросил я советника.

— Не дергайтесь, сиятельный, — безмятежно улыбнулся он. — Все под контролем. Глупо не воспользоваться возможностью заработать дополнительный авторитет среди собственных подданных.

«Заработать этим?!»

— А что вас удивляет? — Виго насмешливо вскинул брови. — Мужчина, готовый и способный с оружием в руках отстаивать свою честь и честь своей женщины, заслуживает всяческого уважения. А по поводу зрителей... Где бы вы ни собрались драться, их все равно набралась бы масса, еще спекулировать бы на местах стали, оно вам надо? Стъэль, люди любят развлечения, особенно такие. Привыкайте извлекать выгоду для себя из любой ситуации.

«А если опасения оправданны и он что-то задумал?» — мрачно уточнил я.

— Даор заверял, что у них все под контролем. Что до правил, я брал за основу принятую в Альмире традицию: один на один, до признания одним бойцом победы второго или до тех пор, пока один не сможет сражаться. Я надеюсь, вы одержите верх? — он улыбнулся уголками губ, но ответа дожидаться не стал. — Прощу меня извинить, последние приготовления.

Я проводил советника тяжелым взглядом, потом обнаружил в стороне своего будущего противника. Ламилимал выглядел весьма уверенным в себе и своих силах, явно довольным таким вниманием к своей персоне и ничуть не смущался количества зрителей.

— Стъэль, — негромко окликнула меня Тия, коснулась локтя, привлекая внимание, и попросила, пристально глядя снизу вверх: — Береги себя, ладно?

В ее глубоких серых глазах было столько надежды и веры в меня, что я удивительно отчетливо понял: справлюсь, чего бы мне это ни стоило и какую цель ни преследовал Ламилимал, затевая все это. Потому что обмануть это доверие и заставить свою женщину плакать я не имею права.

Я ободряюще улыбнулся, погладил Тию по щеке. Кесарь на мгновение прикрыла глаза, прижалась к моей ладони, а потом вновь подняла взгляд и проговорила тихо:

— Поцелуй меня? Я понимаю, что при посторонних ты не любишь и вообще у вас не положено, но... На удачу, — она неуверенно улыбнулась.

Я окинул взглядом собравшихся зрителей, многие из которых поглядывали в нашу сторону, и мысленно признал, что да, целоваться при таком количестве народа — дикость.

А впрочем... Решать вопросы чести публично — дикость не меньшая, так в чем, собственно, проблема? Я же теперь тоже часть этой дикой страны, надо привыкать. Да и удача мне пригодится!

Понимая, что начинаю искать оправдание своему желанию поцеловать жену прямо сейчас, я усмехнулся. Лево́й рукой обнял женщину за талию, рывком привлек ее ближе, прижимая к себе, так что она от неожиданности негромко охнула и уперлась ладошками мне в грудь. А в следующее мгновение, придерживая свободной рукой ее голову за затылок, впился в губы жадным, собственническим поцелуем, после которого самое то было забросить женщину на плечо и уволочь, по островному обычаю, к себе на корабль.

Все-таки есть в этих диких нравах и обычаях что-то... этакое. Нечто столь ценное Вечным Дитя, неизменно приятное и завораживающе

простое, честное и прямолинейное. Такое привлекательное, что привычная шелуха долга и правил слезает сама собой — легко, безболезненно и очень быстро.

Все просто. Есть моя женщина, моя земля и мои люди, и плевать, сколько дней я здесь прожил. Я согласился взять на себя ответственность за это все и уже не просто должен — хочу за это бороться. Неважно, с кем и где. И, пожалуй, это лучшее, что могло случиться со мной в жизни.

Когда я ослабил хватку и чуть отстранился, то встретился с довольным, сияющим взглядом жены, обеими руками цеплявшейся за мою одежду на груди. С удовольствием провел кончиками пальцев по залитой румянцем нежной щеке, мазнул по чуть припухшим от поцелуя губам и с иронией понял, что вот сейчас настрой перед боем у меня, пожалуй, идеальный. Спокойная решимость и веселая злость — что может быть надежней?

Готовясь к встрече с двуруким, я не стал ограничиваться одним мечом, прихватил в левую руку длинный кинжал, и это оказалось верным решением.

Ламилимал действительно показал себя отличным, подготовленным бойцом. Он грамотно пользовался своими преимуществами: одинаково уверенным владением обеими руками и наличием у меня слепой зоны, в которой претец неизменно стремился оказаться. Однако самодовольная улыбочка с его губ сползла очень быстро: я с мстительным удовольствием понял, что шах действительно недооценивал меня и надеялся на легкую победу.

Вскоре стало ясно, что как бойцы мы примерно равны. Да, противником Ламилимал оказался неудобным, низким и вертким, и лет семь назад шах вполне мог одолеть меня достаточно быстро. Но многолетние тренировки при храме сделали меня куда ловчее, чем я был до ранения. А еще я был заметно сильнее противника, а прямой клинок моего меча — на пару ладоней длиннее его сабель, поэтому у меня тоже имелись преимущества.

Явного превосходства не мог достичь никто. Нас обоих уже украшали неглубокие досадные порезы, но в горячке боя мы не обращали на них внимания.

Столкновение, град ударов, пауза затишья. Постоянная проверка защиты, постоянная готовность подловить — это было скорее соревнование выдержки, чем умения. И это было мне на руку куда больше, чем противнику: я видел, что вспыльчивый, горячий претец начинает злиться. Пока это не сказывалось на технике и внимательности, но именно

что пока.

— Скажите, принц, неужели оно того стоит? — по-альмирски (к слову, почти без акцента) заговорил шах, и я едва сдержался от ухмылки: началось! — Женщины ветрены, переменчивы и имеют привычку изменять тем, кого считают уже полностью своим...

Серия ударов, которую претец со сбитым после монолога дыханием едва успел парировать, совершенно не вправила ему мозги, только, кажется, еще больше рассердила.

— ...Женщина суть средоточие порока, они недостойны чувств...

— ...А вы допускаете до своей женщины посторонних мужчин...

— ...И один достойный доверия человек видел, что эта женщина вам изменяет! — торжественно заключил запыхавшийся уже Ламилимал. Кажется, выражение изумления на моем лице он истолковал неправильно, поэтому поспешил развить успех, радостно блестя глазами: — И он подтвердит перед лицом читающих в душах!

Шах окончательно сбился и отвлекся от боя, заранее торжествуя победу, и я, разумеется, не мог этим не воспользоваться. Быстрая атака на пределе возможностей, своеобразный последний рывок перед финишем — и вот сабли претца одна за одной отлетели в стороны, а мой клинок замер, царапнув кончиком кадык противника и обозначив тем самым смертельный удар.

Без особенной досады Ламилимал поднял руки в жесте поражения и проговорил, удовлетворенно улыбаясь:

— Вы отличный воин, Стъэль. Но принесет ли вам эта победа радость?

И снова хорошо, что я не мог ответить. Непременно съехидничал бы и все испортил, заставив претца подозревать подвох, а так я лишь вежливо склонил голову, благодаря противника за бой и внутренне недоумевая: откуда такая неосведомленность? Вряд ли Тия вчера успела вляпаться еще во что-то, ей было банально некогда. Получается, Ламилимал в курсе плана, но не знает, что тот провалился?

Сомневаюсь, что некто, планировавшийся на роль свидетеля, не нашел возможности почти за сутки доложить шаху о возникших проблемах. Выходит, Ламилимал — не организатор? И даже не настолько ценен, чтобы держать его в курсе происходящего. Может, он вообще не в курсе происходящего и каких-либо деталей, а случайно или не полностью выяснил какую-то информацию и распорядился ей в меру своего разумения?

В этот момент нас обоих отвлек невнятный шум и возбужденные голоса, донесшиеся чуть сбоку, со стороны претской делегации.

Обернувшись, я обнаружил, что люди в форме седьмой милии выводят из зала какого-то мужчину в традиционных одеждах соседней страны.

— Что происходит?! — возмущился шах. — По какому праву эти люди уводят моего помощника?

— Вы, должно быть, обознались, богоравный, — вкрадчиво предположил незаметно возникший рядом с нами Виго, согнувшись в вежливом поклоне. — Этот мужчина не является членом официальной делегации Преты и, кроме того, он обвиняется в нескольких попытках покушения — на сиятельную чету и приближенных к кесарю людей.

— Действительно, обознался, — сквозь зубы процедил Ламилимал, проводив группу людей напряженным злым взглядом.

А я, пользуясь присутствием переводчика, не замедлил задать еще один провокационный вопрос.

— Сиятельный господин желает уточнить, — перевел Виго, поглядывая на меня чуть растерянно, — действительно ли ваш человек согласен свидетельствовать о сказанном, да еще в присутствии читающего в душах? И кто этот человек?

— Я... пошутил, — зубы претца отчетливо скрипнули.

— Сиятельный предупреждает, что таких шуток он не понимает и следующий поединок будет до смерти, — вновь перевел Виго, глядя на меня уже откровенно настороженно.

— Приношу свои извинения. Я не учел разницы в традициях и обычаях наших стран, — беря себя в руки, сообщил шах, чуть наклонив голову, потом резко развернулся на месте и направился к выходу. Оружие его поспешил подобрать один из слуг.

— Что у вас еще случилось? — недовольно спросил Гнutoе Колесо, провожая невысокую фигуру претца взглядом.

«А у вас?» — любопытно спросил я.

Но ответить советник не успел, даже если планировал сделать это прямо сейчас: подошла Тия и отвлекла меня от разговора. На мгновение торопливо прильнула к моему боку, прижавшись, и я не отказал себе в удовольствии одной рукой обнять жену в ответ — вольность, вполне допустимая даже альмирской моралью.

А впрочем, я же совсем недавно принял решение выкинуть последнюю из головы и научиться жить по здешним правилам, разве нет?

— Спасибо, — негромко проговорила жена и со вздохом пояснила в ответ на мой удивленный взгляд: — Ты победил, но главное, обошлось без каких-то серьезных последствий.

Я ответил смешком и пожал плечами, а потом вновь перевел

вопросительный взгляд на Виго.

— Да ничего нового не случилось, — отмахнулся он. — Нам указали того дана, о котором мы говорили утром, и люди Даора его сейчас забрали. Или люди Авуса, я пока не разобрался в их разделении обязанностей. А вот о чем вы успели поругаться с Ламилималом — это уже вопрос. Я наблюдал, как он что-то говорил, но, конечно, не слышал.

Не видя смысла что-то скрывать, я вкратце пересказал не только слова шаха, но и свои выводы, с которыми Виго согласился.

— Интересно получается... Надеюсь, они поторопятся с допросом.

— Ты думаешь, он что-нибудь скажет? — хмуро спросила Тия.

— Не уверен. Но на самом деле у меня просто нехорошее предчувствие, — поделился Гнутое Колесо. — Как-то все слишком просто получилось с захватом этого типа. Либо он окажется не один, либо уже подготовил подлянку. Либо это вообще не он. Ай, ладно, время покажет, что сейчас гадать!

Глава 10

О страхах

Рина Ярость Богов

Вечером после насыщенного дня я вернулась в покои уставшей, но довольной: окончательно успокоилась насчет благополучия своей, пожалуй, единственной подруги, да и учеба принесла удовлетворение — я наконец-то освоила одно из полезных умений, которые пыталась привить мне Ина. Желания у меня сейчас было два: плотно поесть и устроиться под боком у любимого мужа — если он, конечно, уже вернулся.

Но в покоях обнаружился сюрприз, причем сюрприз приятный: философски задумчивый Ив сидел в кресле, беззвучно поглаживая струны лиры — хорошо знакомой, той, что оставил мне отец, — и бездумно глядел в пространство перед собой.

— Надо же, а я уже с ней простилась, — заметила я, подходя к мужу.

Тот задумчиво хмыкнул, перехватил меня за талию и притянул ближе к себе, устраивая на правом колене — левое занимал инструмент.

— Откуда такое недоверие к своему бывшему эскорту? Нет, все вещи доставили в целостности и сохранности, я просто забывал забрать, — поделился он после короткого поцелуя, тоже какого-то задумчивого.

— Что-то случилось? — спросила я, правда, без особенного опасения: если бы произошло что-то плохое, он вел бы себя совсем иначе.

— Не то чтобы... — протянул Ив, потом тряхнул головой, провел пятерней по волосам, убирая их назад, и вручил мне лиру. — Не бери в голову.

— Какая изощренная жестокость, — захихикала я, дотягиваясь и устраивая инструмент на соседнем кресле, благо оно стояло недалеко, после чего заняла колени мужа уже единолично и с большим комфортом. — Сначала заинтриговал женщину, а потом — не бери в голову. Нет уж, рассказывай, почему ты сидишь тут с таким загадочным видом.

— Молодость вспомнил, — спокойно пожал плечами фир. — Я же любил музыку, даже играть умел. Правда, дар использовал совсем не так, как твой отец, это было... просто для удовольствия. Да и девушкам нравилось, — усмехнулся он. — Подумал вот: научиться, что ли, заново?

— Ну, насчет игры не знаю, а петь ты наверняка должен

изумительно, — мечтательно вздохнула я, разглаживая складки туники на широкой груди мужа. — Я еще в первое знакомство с тобой подумала, что это расточительство — использовать такой голос не по назначению.

— «Не по назначению» — это как? — рассмеялся Ив.

— Не петь, — не смутилась я.

— Ясно, твое мнение я понял, — со смешком сообщил он. — Если окончательно надоеет столица и дворец, отправимся с тобой странствовать и зарабатывать на жизнь бардовским ремеслом.

— Это обязательно? — спросила я со смущением.

— Ты против? — Ив, кажется, искренне удивился.

— Честно говоря, мне кажется, что странствия — это не совсем мое, — осторожно созналась я, а мужчина в ответ снова рассмеялся.

— А как же «выучусь на барда, зачем мне остальные предметы?» — передразнил он.

— Ну ведь совсем не обязательно после этого странствовать, я вот прекрасно жила в Далене, — обиженно пробормотала в ответ. — Я странствовала в детстве с отцом, и совсем не потому, что мне это нравилось.

— Не дуйся, — муж легко коснулся губами моих губ. — Я же шучу.

— Ив, а каким ты был ребенком? — тихо спросила я, меняя тему.

Как-то так получилось, что до сих пор у нас не было возможности поговорить по душам. То одно, то другое, то находились более интересные темы, то я забывала, то оказывалось не до того. Да и расспрашивать мужа о прошлом я опасалась, не желая его расстраивать. Сейчас же он, кажется, вполне успокоился, и я решила рискнуть.

— Беспокойным и безалаберным, — усмехнулся он. — Постоянно пытался где-то убиться и куда-нибудь влезть: исследовал пещеры недалеко от дома, отправлялся в путешествие к краю мира на плоту и воплощал уйму других настолько же гениальных мальчишеских идей. Правда, все это продолжалось до тех пор, пока я не начал интересоваться девочками. После этого я ввязывался исключительно в драки, так что уроки брата пришлись тогда очень кстати.

— И этот человек называет себя трусом, — вздохнула я, но возразить ему не дала и спросила: — А как все-таки переводится имя Ивар?

— Сокол. Наши имена не только созвучны, но похожи смыслом, — сказал мужчина и вдруг прижался губами к моему виску, крепче сжав меня в объятьях. — Спасибо.

— За что? — озадачилась я.

— За это самое, — Ив шумно вздохнул. — Что я могу вспоминать об

этом, говорить об этом и не испытываю желания разнести ближайшую стену — силой или собственной головой. За то, что прошлое — это просто прошлое. Мне неприлично повезло с тобой. Давно надо было это сказать, а я все как-то...

Он осекся, подбирая слова, а потом и продолжать не стал. Некоторое время мы вот так молча сидели, наслаждаясь ощущением покоя и безмятежности. Пусть временного, пусть ненадолго, но такого желанного и уютного.

— Интересно, когда-нибудь настанет момент, когда не надо будет никуда бежать, спасать мир и всю страну, а можно будет просто жить? — тихо проговорила я. — Учиться, работать и не ждать, когда небо рухнет нам на головы.

— Надеюсь, когда Хала разберется с Хаосом, станет полегче, — со смешком ответил Ив. — Он явно на верном пути.

— Выяснилось что-то еще? — спросила я, запоздало вспомнив, что Пустая Клетка желал ставить над моим мужем какие-то эксперименты. Впрочем, к своеобразной внешности и странностям Халы я уже привыкла и об Иве не забеспокоилась ни на минуту: точно знала, что чудаковатый дан никому не причинит вреда.

— Сложно сказать, — задумчиво протянул мужчина. — Скорее, пока они подтвердили предыдущие догадки. Тот ритуал, который провел Рив, действительно загадочным образом объединил во мне то, что было в нас обоих — в тебе и мне. То есть моя сила по сути близка к Хаосу, и Хала предположил, что именно это привело к безумию: человеческий разум не способен вместить эти силы, не способен ими пользоваться в той степени, в какой мы используем Железо или Искру отдельно. Собственно, именно поэтому у меня от прежних способностей осталась только стойкость к некоторым воздействиям данов. Кроме того, они обнаружили следы продолжительного воздействия Хаоса на Лиа Тени Камня, и ее разум помутился во многом именно из-за этого, а не только от действий... учителя.

— А как же тот дан, который вроде бы во всем виноват? — спросила я растерянно. — Он же пользуется этой силой, причем, судя по всему, довольно давно, и с ума не сходит!

— Во-первых, он совсем не обязательно умственно здоров, а во-вторых... мы же пока ничего толком не знаем — этот ли дан виноват, он ли один.

— Как не знаем? Его же вроде бы поймали! Неужели так ничего и не узнали? — опешила я. — Уж по крайней мере определить, безумен человек

или нет, могли и без его согласия!

— Не его поймали, — скривился Ив. — Хитрый, зараза. До него как-то дошла информация о нашем повышенном интересе — может, от претцев, может, нет. В общем, вместо себя он подсунил какого-то слугу и тому типу, который на него указал, промыл мозги. Собственно, теперь он точно знает, что его ищут, а мы точно знаем, что нам нужен именно он. Хотя легче от этого не стало, мы так и не выяснили, кто он на самом деле: увы, визирь, с которым договаривался Виго, не сумел ответить на эти вопросы. Да он вообще ничего по существу не знал: нужный нам тип общался только с шахом, а в разговоре с Гнутым Колесом визирь просто надувал щеки. Претцы это любят.

— Получается, Ламилимал все-таки замешан? — я грустно вздохнула и сжалась у мужчины на коленях. — Неужели это все из-за того, что претскому шаху хочется новых земель?!

— Все войны происходят из-за этого, а это еще даже не война, — пожал плечами муж, обнимая меня крепче и задумчиво глядя по плечу. — Просто интриги, о которых подавляющее большинство жителей страны даже не догадывается. Кроме того, претскому шаху, конечно, может хотеться чего угодно, но интересующий нас тип преследует какие-то совсем другие цели. Он явно не отчитывается перед Ламилималом.

— Мне не нравится это «еще». Значит, война будет?

— Непременно, — мрачно хмыкнул он, но тут же поспешил меня успокоить: — Только вряд ли в ближайшем будущем, никто из соседей к ней не готов. Даже если Ламилимал лелеет мечту напасть на Вирату, его на родине никто не поддержит. Нет, сейчас все решится тихо и незаметно. Не обязательно легко, но тихо, так что никто лишней и не узнает об угрозе. Ну, или настанет конец света, а на Железных облаках подобные мелочи уже никого не будут беспокоить. Подозреваю, ждать развязки осталось недолго.

— А вы не думаете, что он может просто сбежать и дожидаться, пока все успокоится?

— Не думаю. Ладно я, но остальные тоже уверены, что он не станет так поступать, он почему-то спешит. Мы, правда, пока не знаем, почему в происходящем сейчас так важен фактор времени, но никто в этом не сомневается. Да ладно, тоже выясним. Со временем, — Ив усмехнулся.

— Может, он тоже болен? Может, у него тоже чернокровие? — с надеждой предположила я.

— Почему нет, вариант не хуже прочих, — спокойно заметил муж. — Ты что-то совсем скисла, — Ив тихо усмехнулся, провел ладонью по моей щеке, чуть крепче прижимая мою голову к своему плечу. — Все наладится.

Идущая-с-Облаками считает, что у нас вышел лучший расклад из возможных, и это наверняка что-то значит. Мы справимся.

Я в ответ только глубоко вздохнула: хорошо бы.

Еще некоторое время повисела тишина. На душе было неприятно и тошно, терзало нехорошее предчувствие, неопределенное и оттого еще более муторное. Знакомое состояние, со мной и прежде такое бывало, когда казалось, что непременно вот-вот произойдет нечто ужасное — а оно неизменно не случалось. Не предупреждение о грядущей опасности, а пустое беспокойство. Наверное, стоило пойти и лечь спать, чтобы самым простым и надежным способом избавиться от тревожных мыслей, но было слишком уютно вот так сидеть, чтобы найти в себе силы сдвинуться с места.

— Ив, а как ты думаешь, что все-таки находится там, за небесным куполом? — двигаться действительно не хотелось, но молчать я сумела недолго. — Тьма и пустота? Как выглядит Хаос? И Хаос ли это, или просто что-то... другое? Не плохое и не хорошее. Ой! Что ты делаешь? — охнула я, цепляясь за его плечи, когда мужчина резко поднялся с кресла, держа меня на руках, и двинулся в спальню.

— Да вот я подумал, что ситуация сложилась странная. Сижу с женой на коленях, никто над душой не стоит, бежать никуда не надо, вся ночь впереди. А я вместо того, чтобы заниматься чем-то приятным, обсуждаю непонятную ерунду, — весело сообщил он, спокойно сгрузил меня на кровать и начал неторопливо раздевать.

Я на мгновение растерялась, не зная, как на это реагировать: обидеться на «ерунду» или нет? Но потом решила поступить мудро, а именно — расслабиться и позволить Иву сделать то, что он собирался. Сама же переживала, что никак не могу избавиться от навязчивых мрачных мыслей, а это, по-моему, лучший рецепт: несколько поцелуев, объятья любимого мужчины — и через пару минут уже не думается ни о чем, кроме собственных ощущений.

Тия Дочь Неба

Кажется, присутствующие говорили все сразу. Сосредоточенные и деловитые, говорили уверенно, негромко, твердо. Для меня все это сливалось в какой-то однородный неприятный гул, из которого лишь иногда выпадали отдельные фразы и слова.

Я сидела в кресле подле стоящего мужа, жалась к его бедру и чувствовала, что меня мелко трясет. Понимала, что надо вникнуть в

происходящее, разобраться, взять себя в руки и тоже вступить в разговор, но ничего не могла с собой поделать. Мне было очень страшно, хотелось по-детски закрыть глаза, спрятать голову под подушку и сделать вид, что ничего не случилось. Все это казалось просто страшным сном. Вот еще немного — и я проснусь и с удивлением вспомню, какие странные картины показывает мне воображение.

Нас подняли вскоре после полуночи, совещание собралось за полчаса и длилось вот уже почти два часа, а я все никак не могла осмыслить новость: на страну напали, причем напали оттуда, откуда никто не ждал, — с севера, с гор.

В гостевую часть моих покоев, стихийно превратившуюся в штаб, постоянно вбегали взмыленные гонцы, принося свежие донесения. Точного описания нападающих пока не имелось, но ясно было одно: это не люди. А вот кто или что...

На столе была разложена большая карта. Пятый милор — Таний Черная Рука — уверенно водил по ней пальцем и коротко, сухо что-то рапортовал, порой сверяясь со слегка засаленным листком бумаги в руке. Ему внимали Ив и еще несколько офицеров-фигов — я смутно помнила, что они являлись глазами и ушами первых четырех милоров в столице. Стъель стоял, опираясь обеими руками о стол, и, хмурясь, слушал одновременно всех, порой вставляя короткие реплики. Виго говорил даже за двоих, он успевал не только слушать окружающих и высказывать свое мнение, но наблюдать за моим мужем и переводить его слова. Даор с Авусом стояли напротив и переговаривались больше между собой. Голос Золота и Ветер-в-Голове, наоборот, были сосредоточены на противоположном конце страны, то есть карты. Даже Рина стояла рядом с Ивом, внимательно прислушивалась к мужчинам, нервно кусая губы, и явно понимала, что именно обсуждают все эти люди.

А я все никак не могла очнуться.

Из оцепенения меня вывел голос Виго, причем я не сразу поняла, почему именно он и именно сейчас.

— ...Действительно лучший вариант. В сопровождение лучше взять кого-то из монахов: сейчас явно не та ситуация, когда можно привередничать, а женщине там точно не место.

— Переводчика проще найти на месте, а со Стъелем поеду я, — коротко добавил Ив. — Во-первых, если попадет гроза, мы сможем здорово сократить путь, а во-вторых, от меня всяко будет больше пользы там, чем здесь.

— Разумно, — коротко кивнул Гнutoе Колесо. — Ты освоил дальнюю

связь? Вдвойне хорошо! Большой отряд брать не имеет смысла: столько воинов, чтобы они могли принести пользу на севере, быстро перебросить не получится, а вам вдвоем будет быстрее и проще. Основной удар на себя приняла третья милия, туда маршем уже выдвинулись отряды Палицы, поисками переводчика можно озадачить его, ты прав. Альмира рядом, больше шансов найти последователей культа Затворившего Уста. Самому Кмеру здоровье уже не позволяет летать в седле, но за несколько дней он должен добраться до места, как раз там и встретитесь.

— Вы собираетесь ехать... туда? — услышала я свой негромкий, срывающийся голос. Стъель обернулся, осторожно погладил меня по щеке, ласково улыбнувшись. — Но вы же сами сказали, там Кмер...

— Тия, армию должен возглавлять кесарь, — твердо проговорил Виго, глядя на меня тяжело и пристально. — Ты сама понимаешь, что беременная женщина на роль полководца никак не годится, да и... при всем моем уважении, стратег из тебя не лучший.

Я закусила изнутри губу, пытаюсь сдержать слезы. Да, Гнудое Колесо был прав, в том числе в своей грубой прямолинейности, но...

Почувствовав, как ладонь мужа ободряюще сжала мое плечо, я вновь вскинула на него взгляд. Теплая улыбка, короткое ласковое прикосновение к щеке — и он вновь вернулся к обсуждению деталей.

А я продолжила судорожно цепляться за штанину альмирца, и все мои силы уходили на то, чтобы не разреветься при посторонних. Сейчас это было особенно сложно. От понимания, что вот сейчас, прямо сейчас муж уедет и, может быть, никогда не вернется, в груди стало холодно и пусто, а в горле встал колючий комок.

Как так? Почему? Мы луны не провели вместе! Боги, ну зачем было сводить нас, дарить это чувство, от которого сейчас сердце сводит, будто оно вот-вот остановится, — а через несколько дней отнимать его?!

— Тия, можно тебя на пару слов? — раздался рядом негромкий голос.

От неожиданности этого обращения и, главное, прикосновения я дернулась. Рядом со мной стояла Рина и осторожно тянула меня за локоть, вынуждая подняться с кресла. Я окинула быстрым взглядом мужчин; они не обращали на нас особого внимания, занятые серьезными делами. Поскольку проку от меня здесь и сейчас не было, я подчинилась дане и встала, после чего на деревянных ногах двинулась за ней вглубь покоев.

— Что случилось? — спросила я почти ровно, когда за нами закрылась дверь спальни.

— Что-что, успокоиться тебе надо, вот что, — вздохнула она, наливая из чеканного кувшина воду в небольшой кубок. — Садись. Держи.

— Как ты можешь быть такой спокойной? — судорожно вздохнула я, обеими руками вцепилась в посуду и попыталась поднести ее ко рту. Но руки затряслись, и я бессильно уронила их на колени, потом попыталась еще раз, уже удачней: Рина одной рукой аккуратно взяла меня за плечо, второй помогла удержать пляшущий кубок. Я сделала несколько нервных, захлебывающихся глотков, и от этого действительно стало легче.

Дана присела рядом.

— Мне тоже страшно и тревожно, — со вздохом возразила она и, слегка улыбнувшись, добавила: — Просто тебе в твоём положении сложнее рассуждать здраво. Успокойся, — дана участливо погладила меня по плечу. — Никто не умер, и совсем не обязательно их поездка закончится трагично. Они взрослые мужчины, воины, Ив — сильнейший из живущих фиров, при этом он неуязвим к силе данов и даже Хаосу может кое-что противопоставить. Он больше не повторит ту ошибку и, в случае чего, обязательно прикроет Стъёля.

Я зажмурилась, глубоко вдохнула, медленно выдохнула.

— Это очень эгоистично, но как раз за Ива я совсем не боюсь, — пробормотала я.

— За Ива очень боюсь я. Это нормально, — тихо хмыкнула Рина, обняла меня за плечи. — Стъэль — твой муж и отец твоего ребенка; мне кажется, нет ничего плохого в том, что ты беспокоишься за него гораздо больше, чем за всех прочих.

Вновь глубоко вздохнув, я проговорила:

— Спасибо. Не представляю, что бы я без тебя делала.

— Да ладно, справилась бы. Ну, может, заплакала бы немного, — улыбнулась дана. — Честно говоря, не будь тебя, еще неизвестно, как бы себя вела я: когда рядом есть человек, которому нужна твоя помощь, это заставляет собраться. Во всяком случае, меня заставляет. Ну как, тебе легче? Пойдем? А то не хочется пропустить что-нибудь важное.

— Пойдем, — согласилась я, заставляя себя подняться, и вместе с даной решительно вышла обратно в гостевую часть покоев. Мужчины опять тактично сделали вид, что ничего не произошло, только Стъэль пристально, внимательно взгляделся в мое лицо. Хмурая складка между бровей на мгновение разгладилась, губы тронула улыбка, и мужчина вернулся к делу.

Минута передышки, которую подарила мне Рина, оказалась не просто кстати — стала решающей. Наверное, все дело в ее даре и чутье: дана поняла, что еще немного — и я сорвусь, и нашла очень удачный способ этого избежать, за что я была ей исключительно благодарна.

Уже через несколько минут после возвращения во временный штаб я сумела сосредоточиться на происходящем, отодвинуть подальше неуместные эмоции, внимательно прислушаться к разговорам и вскоре даже включилась в слаженную работу. И одобрение в глазах что Даора, что Виго мне точно не почудилось.

Что ни говори, а все они правы. Кесарь для людей — это в первую очередь военачальник, так сложилось исторически, еще в годы образования Вираты, и до сих пор традиция не нарушалась. Да, он может не быть гениальным стратегом, но он должен показать людям, что он — с войском, продемонстрировать поддержку и веру в людей. В первую очередь показать это самому войску.

Да, мой отец далеко не всю Пятилетнюю войну провел на переднем крае, наоборот, он в основном находился в столице. Но регулярно смотреть своими глазами на происходящее — святой долг кесаря. Был тогда и тем более остается теперь, когда враг — не люди, пусть опасные, но понятные, а неведомые жуткие твари. В такой ситуации до паники рукой подать, и мне впору радоваться, что обязанность поддержать тех, кто защищает всех нас, своевременно сумел взять на себя мой муж. Даже не потому, что я морально не готова видеть кровь и смерть в таких количествах: если бы не было другого выхода, заставила бы себя. Проблема опять же в моем поле и возрасте. Никогда войско не признает командиром семнадцатилетнюю девчонку, которая первый раз в жизни покинула дворец. А Стъэль... Да, он альмирец, но зато он мужчина и знает, за какой конец нужно держать меч. И он в любом случае куда лучше подходит на роль символа верховной власти, особенно в этой ситуации.

А что у меня сердце заходится от боли при мысли, что он сейчас уедет и мы не увидимся по меньшей мере луну... Кого это волнует, в самом деле?

Да и Рина сказала чистую правду. Они взрослые, сильные, опытные мужчины, почему с ними вдруг должно что-то случиться? Может быть, они вообще не столкнутся с реальной опасностью!

В общем, решение мужчин отправиться в путь как можно скорее я встретила уже достойно и без истерики.

Отдали распоряжение готовить лошадей, Ив ушел к себе, чтобы собраться в дорогу. Стъэль через несколько минут последовал его примеру, а я скользнула вслед за мужем в спальню и тихо села на край кровати, наблюдая за спокойными уверенными движениями альмирца.

Много времени сборы не заняли: планировали отбывать налегке, поэтому весь багаж ограничился парой смен одежды и дорожным плащом. Ну и, конечно, оружием, куда без него. Меч, нож за сапог, небольшой

арбалет... Мужчина на мгновение замер, хмурясь и, очевидно, раздумывая, не забыл ли что-нибудь, а потом подошел ко мне. Прежде чем я сообразила встать, опустил на колени, так что наши глаза оказались почти вровень. Осторожно взял мои ладони в свои, поцеловал поочередно, внимательно и пристально глядя мне в лицо. Я слабо улыбнулась.

— Как же мне не хочется тебя отпускать!

Муж в ответ усмехнулся, ласково погладил меня по щеке. На несколько мгновений мы оба замерли, как будто пытаюсь наглядеться впрок, на всю предстоящую разлуку.

— Стъэль, а можно я сейчас сделаю очень наивную и даже, наверное, глупую вещь? — медленно проговорила я, вдруг вспомнив небольшую старую традицию.

Альмирец в ответ вопросительно приподнял брови, а я свободной рукой провела по его волосам.

— Раньше считали, что сила и жизнь человека в его волосах. Ерунда, конечно, но... отправляя любимого на войну, женщина оставляла себе срезанную у него прядь волос и вплетала ее в свои. Считалось, что так она будет держать его крепче. В любой... ситуации, — под конец голос дрогнул, но я не позволила своим страхам поднять голову выше.

Стъэль в ответ задумчиво улыбнулся, смерил меня непонятым взглядом и, пожав плечами, потянулся к своему хвосту, чтобы распустить его. Видимо, решил, что большой беды от такого не будет, а мне станет спокойней. Правильно, в общем-то, решил. Не могу сказать, что я всерьез в это верила, но мне хотелось, чтобы рядом со мной всегда было что-то настоящее, хранящее на себе отпечаток его души: так проще верить и помнить, что этот странный мужчина мне не приснился, а действительно существует.

Много времени все это не заняло, и у моего левого виска появилась тонкая двухцветная косичка, перевитая узкой белой ленточкой. Стъэль, наблюдавший за моими действиями все с той же улыбкой в уголках губ, пробежал по ней кончиками пальцев, осторожно потянул за ленточку, вынуждая меня склониться ближе, и легко, коротко поцеловал в губы. Потом вдруг окинул меня хитрым, заговорщицким взглядом и взялся за ножницы.

Я в первый момент растерялась, не зная, что он задумал, а когда муж вдруг потянулся ко мне, отстриг с моей головы небольшую прядку и красноречиво протянул ее, подставляя свою голову, просто не поверила своим глазам. Ну не мог же этот взрослый серьезный мужчина поверить и проникнуться женскими суевериями, верно?!

Или, может быть, ему и самому было приятно взять с собой такое вот напоминание обо мне?

От этого простого, в сущности, поступка, от того, что он вообще подумал о подобном, меня затопило такой волной нежности и тепла, что в первое мгновение я только, закусив губу, смотрела на золотистую пружинку своих волос в пальцах мужчины и боролась с подступившими слезами. Ржа меня побери, да этот человек безо всяких слов способен сказать куда больше, чем иные — долгими речами!

Сохраните его боги, пусть вернется скорее...

Проводить мужчин собралась небольшая делегация: устраивать яркое зрелище не было времени, но это не помешало придать происходящему толику торжественности. Получилось тоже по-своему красиво, хотя и совсем не весело: первые лучи рассветного солнца, прядущие ушами скакуны, собранные и серьезные вооруженные мужчины и бледные, напряженные женщины.

Очень хотелось снова обнять Стъёля, прижаться к нему, ощутить запах его кожи и тепло тела, но я держалась: понимала, что не сдержу в этом случае слез, а они были неуместны. Муж смотрел на меня тепло и задумчиво, чуть хмурясь в ответ каким-то своим мыслям. Опять взял мои ладони в свои, вновь поднес к губам, согревая дыханием — только сейчас я почувствовала, что отчего-то озябла. Потом он вовсе перехватил мои руки одной своей, крепко сжав мои пальцы и притянув к груди, а второй — подцепил мой подбородок, большим пальцем погладил губы.

На мгновение почудилось, что мужчина сейчас плюнет на все и поцелует меня, он даже как будто склонился ближе, но потом усмехнулся и сообщил, отстранившись: «Поцелую, когда вернусь».

Я неуверенно улыбнулась в ответ, а потом — так же, жестами, — спросила: «Поцелую, и все?»

Стъэль рассмеялся, еще раз коснулся губами моих пальцев и разжал руку, оставив вопрос без ответа. То есть как без ответа? Обжег таким взглядом, что щекам стало горячо, а телу — томно.

Потом легко взлетел в седло и, больше не оборачиваясь, направил коня прочь. Следом двинулся Ив, их лошади поравнялись, а через несколько секунд всадники скрылись из глаз.

Больше меня здесь ничто не держало, и вместе с остальными я двинулась обратно во дворец. Странно, но на душе сделалось гораздо спокойней, чем было ночью. Сейчас мне стало откровенно стыдно за собственное тогдашнее поведение, но я разумно решила простить себе эту слабость. Главное, теперь я собралась и вновь готова трезво мыслить и

выполнять свой долг.

Это не получалось списать на усталость и моральное отупение, мне было не все равно, а действительно значительно легче. Кажется, я наконец-то сумела принять и пережить ночные события и по-настоящему осознать, что это совсем не конец, а просто временные трудности. И хотя мысленно я продолжала взывать к богам и просить их сделать так, чтобы Стъэль вернулся быстрее, живым, невредимым и с победой, но меня уже не трясло от ужаса и слабости.

Когда мы вернулись в покои кесаря, кто-то из мужчин запоздало сообразил, что место для штаба выбрали не самое удачное, и предложил перебраться хотя бы в кабинет, но я уже могла здраво рассуждать, а потому решительно воспротивилась. Глупо отказываться от возможности быть в курсе всех изменений и среди первых узнавать новости. Сейчас они перенесут штаб, а завтра решат, что кесарь — беременная женщина и не стоит ее лишней раз тревожить.

Если вдуматься, картина нападения была хоть и неприятной, но совсем не безнадежной, и обошлось без паники. Фиры вполне могли противостоять пришельцам, да и простые люди с мощными дальнобойными арбалетами оказывались надежной преградой. Главная проблема состояла в том, что твари не являлись организованным войском и нападали часто поодиночке, а выставить по бойцу через каждый метр никто, конечно, не мог. А с другой стороны, северные горы имели слишком сложный и изрезанный рельеф, который заставлял даже этих странных зверей осторожнее выбирать дорогу, и это позволяло держать хоть в малой степени организованную оборону.

Военачальников, да и меня вслед за ними, поведение противника ставило в тупик. С одной стороны, они явно не были разумными существами и это нельзя было считать полноценным, спланированным нападением, но с другой — они вели себя ненормально и для животных. Как будто что-то гнало их вперед против воли, вызывая злость и ярость, заставляя бросаться на все живое на пути. И возникал вопрос: а не приближается ли это «что-то» к нам, ступая следом? Или, напротив, оно уже здесь и тянет их к центру нашего мира?

Офицеры были больше сосредоточены на насущных проблемах — организации обороны на местах, переброске и перегруппировке армий, организации снабжения. Таний Черная Рука уверенно взял на себя общее руководство, и я не стала с этим спорить. Прислушивалась, конечно, чтобы быть в курсе, но не лезла: милору виднее. Во всяком случае, никакие его распоряжения не вызывали у меня возражений и не казались мне

неоправданными.

Не лезли в это и Даор с Авусом, и мы втроем сидели чуть в стороне, чтобы не мешаться под ногами, а вот Ветер-в-Голове, напротив, участвовал в беседе куда более живо, чем обычно: своему немногословию он не изменял, но выражал явную заинтересованность и порой высказывал замечания. И Таний с каждым сказанным словом косился на преподавателя Университета-на-Горе со все возрастающим уважением.

Компанию нам — кажется, неожиданно для себя самой — составила и Рина, причем выглядела дана подавленной и донельзя рассеянной. Судя по всему, мы с ней поменялись ролями: я успокоилась, а она в отсутствие рядом своего Голоса чувствовала себя потерянной.

— Получается, что там, в Хаосе, живут вот эти существа, а разумных нет? — предположила я, откладывая очередное донесение из тех, с которыми остальные ознакомились гораздо раньше.

Это был рапорт фира, работавшего на руднике в Северных горах: укрепленных крепостей и как таковой границы там не было, оттуда никто не ожидал нападения. Поэтому первыми удар на себя приняли совсем не подготовленные к такому люди. Но держались они достойно: суровый горный климат и частые обвалы приучили тамошних жителей быть настороже.

— Совершенно не обязательно, — возразил Авус. — Вполне возможно, что они просто не спешат сами сюда соваться. И нельзя исключать варианта, что все это — просто отвлекающий маневр. Вопрос — отвлекающий от чего? Боюсь, как бы его целью не было выманить отсюда господина Стъёля, или Ива, или их обоих.

— Признаться, драгоценные мои, все больше сомнений вызывает у меня личность главного виновника происходящих событий и его мотивы, — заметил Даор. — Мне даже без теорий Халы уже очень сложно верить, что за всем этим стоит некий абстрактный и априори жестокий Хаос, жаждущий уничтожить мир как нечто противное его природе. Скорее, пресловутый Хаос — слепая сила, которая сейчас служит кому-то оружием, вроде тех же Железа и Искры. Мне вообще уже очень сложно думать о каких-то запредельных, мировых масштабах, попытках разрушить небо и стереть человечество с лица земли. Увы, больше всего происходящее похоже на попытку банального дележа власти, а предполагаемый конец света скорее напоминает побочный эффект, не учтенный главным заговорщиком. Пока не вполне ясно, кто и на каком основании какой кусок пытается отхватить, но суть явно в этом. И покушения на сиятельную чету, полагаю, были предприняты в тех же

целях. Единственное, что плохо вписывается в эту схему, — это попытки нападения на Рину.

— И пара вопросов, — добавил Авус. — К чему такая спешка, и при чем тут вообще боги?

— Так, может, они связаны, вопросы эти? — предположила я. — Уже ясно, что вмешательство богов в нашу жизнь очень ограничено. Может, дело в этом — скоро они вновь получают такую возможность и смогут все это остановить? А с другой стороны, если это действительно так, почему они не решили проблему сразу? Тот загадочный дан идет к своей цели явно уже очень давно: двадцать лет с войны прошло, а он ведь уже тогда отметился! Почему, например, Немой-с-Лирой не создал Знающего раньше, еще до войны?

— Они могли не иметь такой возможности, — пожал плечами Авус. — Мы ведь не знаем, на что способны боги!

— А может, все просто и между богами банально нет согласия, как поступить с людьми? — торопливо проговорила я, озаренная догадкой. — Может, они по-разному видят наше будущее и будущее мира, и не всем он нравится, не всем он нужен в таком виде? Идущая-с-Облаками говорила, что воля людей превышает волю богов. Так, может, не всех богов это устраивает и есть среди них такие, которые предпочитают обходиться без нас?!

— Странно говорить и думать подобное, но, пожалуй, я склонен согласиться с вами, сиятельная, — Даор медленно склонил голову. — Это действительно многое объясняет. Например, параллельное существование двух совершенно разных версий мироустройства: официальной и... неофициальной.

— И если судить по тем богам, кто нам помогает — а это Немой-с-Лирой и Идущая-с-Облаками, — подхватила я, — получается, что противником их является Обжигающий Глину.

— Выходит, так, — согласился Альй Хлыст. Потом улыбнулся уголками губ и уважительно склонил голову в сторону Рины. — Ваша интуиция, алмаз неграненый, воистину достойна восхищения. Помнится мне, вы уже выражали сомнения в адрес этого божества.

— Да я ничего такого не имела в виду, — смутилась дана.

На этом наш разговор прервался, потому что в дверь без стука почти вбежал слегка взмыленный гонец — молодой парень из седьмой милии.

Фир, ответственный за связь с северной границей, разместился сейчас в одном из подвалов дворца: для работы этих чар было желательно находиться под землей, так передача требовала куда меньше сил, а прием

получался гораздо более точным. Вот и приходилось ему гонять туда-сюда молодых помощников.

— Сиятельная госпожа, срочное донесение, — сообщил он с глубоким поклоном. Падать на колени не стал: военное время упрощало ритуалы вежливости.

— Докладывайте, — велела я, старательно отгоняя необоснованные тревожные мысли о муже: вряд ли за прошедшие пару часов он мог вляпаться в какие-то неприятности.

Новости для разнообразия пришли из Альмиры, и были они весьма неоднозначными. Выяснилось, что проблемы на границах начались не только у нас, беспокойный сосед тоже подвергся аналогичному нападению и теперь стягивал силы к диким областям на северо-западе. С одной стороны, как ни цинично звучит, это был для нас плюс: можно было не опасаться внезапного нападения соседей тогда, когда граница ослаблена. А с другой — мы окончательно перестали понимать цели противника.

Вскоре первое напряжение спало. Люди втянулись в работу, определились главные цели, могучий организм армии пришел в движение — пусть достаточно медленное, но организованное и осознанное. А я заставила себя отвлечься от дел войны и сосредоточиться на других, пусть менее срочных, но не менее важных вопросах: страна продолжала жить, и обычные обязанности с меня никто не снимал. Впору было вновь порадоваться, что мой кабинет оставался свободным.

Рина Ярость Богов

Честно говоря, понятия не имею, почему я не присоединилась к Ти и мы не закатили там на пару истерику. Наверное, потому что кесарь успела потерять самообладание первой, а я, почувствовав Искрой, насколько ей сейчас плохо, как-то сама собой собралась и в первую очередь постаралась привести подругу в чувство, а потом рыдать было уже поздно.

Муж собирался недолго, но к назначенному времени отъезда мы все равно едва не опоздали: ласковый прощальный поцелуй стал искрой, от которой мы оба вспыхнули, словно сухая солома, и на какое-то время просто забыли о том, что мир за пределами спальни существует и требует нашего внимания. Времени на то, чтобы привести себя в порядок, у нас уже не осталось, поэтому заметно взъерошенного Ива провожала не менее встрепанная я.

Некоторое время после отъезда мужчин я еще посидела в покоях Ти, прислушиваясь к разговорам и явственно ощущая себя лишней здесь и

сейчас, потерянной, одинокой и никому не нужной. Потом кесарь отправилась в кабинет, чтобы заняться рутинными вопросами, а я попыталась встряхнуться и заставить себя последовать ее примеру: учеба оставалась тем единственным, что могло отвлечь меня от переживаний.

Вот только заходить в свои покои, чтобы привести себя в порядок, оказалось не лучшей идеей. Одного взгляда на разворошенную постель, еще хранящую наше с мужем общее тепло и запах, хватило, чтобы ржа побрала все мое шаткое спокойствие. Полчаса я захлеб рыдала от острого, пронзительного чувства одиночества, еще столько же успокаивала себя и почти привычно уже уговаривала потерпеть.

Испокон веков так было: мужчины уходили на войну, а женщинам надлежало хранить очаг и дом, ожидая возвращения любимых. Века проходят, и ничего не меняется. Да и не изменится, наверное, никогда. Остается только терпеть, ждать и верить, что Ив выживет и вернется.

Тревога усугублялась тем, что бояться приходилось не только за мужчину, но и за себя. Конечно, Ив окутал меня какими-то чарами, уверяя, что они продержатся не меньше луны, а там, глядишь, и сам Ярость Богов вернется, а ситуация разрешится.

Но меня это не успокаивало. В голове прочно засели слова Авуса о том, что все это может быть попыткой выманить из дворца единственного фира, способного что-то противопоставить человеку, владеющему загадочными силами Хаоса. Успешная попытка, да, враг прекрасно просчитал ситуацию и поставил нас всех в безвыходное положение. Позиции нового кесаря слишком шатки, и она вместе со своим окружением не имела права на промахи и трусость в глазах виранов. Поэтому должен был ехать Стъель, поэтому Ярость Богов — герой Тауры, фактически переломивший ход Пятилетней войны, — также должен был находиться рядом с бойцами. Его боялись в мирное время, а вот сейчас на него надеялись.

Все это мне объяснили почти сразу, и я даже поняла, но... легче от понимания происходящего не становилось.

Выплакавшись, я почувствовала себя лучше. Во всяком случае, нашла в себе силы все-таки собраться в Верхний дворец на занятия с Иной. Не знаю, сколько от меня будет толку сейчас, но попробовать стоило. Пытаться что-то делать всяко лучше, чем сидеть на месте и вдохновенно жалеть себя. Вон, с ТиИ надо брать пример: встряхнулась и отправилась исполнять свои обязанности, а ей тяжелее.

Обстоятельно позавтракав, я уже вознамерилась покинуть комнату, когда в дверь постучали, а после моего разрешения вошли слуга и какой-то

молодой мужчина в форме седьмой милии. Я насторожилась, но поднимать панику на ровном месте не стала: не стоит в каждом встречном подозревать злодея.

— Госпожа Ярость Богов? — спросил гость, явно не доверяя провожатому.

— Да. Что-то случилось? — спросила я, кивком отпуская слугу и жестом предлагая гостю сесть в кресло.

— Ничего страшного, — поспешил заверить меня мужчина, послушно усаживаясь. — Дело касается вашего дома, произошла небольшая неприятность. Поскольку обо всех событиях там велено докладывать господину Ярости Богов, а его нет, то, получается, в известность стоит поставить вас...

— Что там могло случиться? — растерялась я, не сразу сообразив, о чем вообще идет речь.

К стыду своему, я так и не набралась смелости, чтобы еще раз посетить дом, бывший когда-то родным. Слишком сильными оказались первые впечатления, а потом и вовсе стало не до того, и я предпочла просто забыть о его существовании. Да и что там делать, если подумать? Дом этот — мертвая коробка с воспоминаниями, причиняющими боль.

Не удивлюсь, если Ив и сам забыл о нем, а приказ докладывать Ярости Богов обо всех происшествиях был отдан еще до того, как мы... выяснили отношения. На случай, если я вдруг ослушаюсь и решу отправиться туда в одиночестве.

Как бы то ни было, постоянного присмотра за домом не было. Лишь изредка приходила женщина, чьей обязанностью являлось поддержание там порядка. Собственно, она и позвала стражу, обнаружив погром.

В дом кто-то влез и явно искал там тайник, причем искал планомерно и основательно — впору было повторно вызывать команду для восстановления дома. Раскурочили немногочисленную оставшуюся мебель, отделку стен и пола и, судя по всему, так ничего не нашли, потому что пустого тайника седьмая милия в доме не обнаружила.

— И что они могли там искать? — изумилась я.

— Не знаю, — растерялся в ответ мужчина. — Признаться, мы надеялись, что вы подадите идею: зная, зачем лезли, легче предположить, кто это сделал. Вряд ли это обычная кража, красть там нечего, а воры вот так наобум не действуют. Причем, судя по тому, в какие щели заглянул преступник, предмет искали небольшой. Возможно, какие-то документы.

— Я подумаю и, если что-то вспомню, непременно вам передам, — наконец пообещала я. Сообщить что-то полезное гостю я не могла, так

какой смысл его задерживать?

Мужчина запоздало представился, записал для меня, как можно найти его самого или его начальника, и откланялся, отказавшись от сопровождения. И я осталась в комнате в глубокой задумчивости: тщетно силилась вспомнить или хотя бы предположить, что такое ценное, необходимое вору, могло храниться дома у моих родителей. Причем понадобилось оно именно сейчас — а ведь дом пустовал больше десяти лет!

Так и не придя ни к какому выводу, я, еще подумав, решила посоветоваться с кем-то умным вроде Алого Хлыста или его помощника. Некоторое время потратила на сомнения: очень не хотелось беспокоить занятого человека такими пустяками. Но потом мне в голову закралась мысль, что все это может быть связано с предыдущим нападением на меня, и я заставила переступить через смущение.

Заполненный фирскими чарами амулет, позволявший найти нужного человека на территории Нижнего дворца, — такими пользовались разнообразные служащие, — потянул меня в сторону рабочего кабинета Даора, и я подумала, что это хороший знак.

— Здравствуй снова, алмаз неграненый, — поприветствовал меня Алый Хлыст, чуть склонив голову. Вторая удача: он был один и вроде бы не настолько занят, чтобы выставить меня без разговоров и уточнения подробностей. — Что-то стряслось?

— Я не уверена, что это важно, но решила на всякий случай рассказать. Если вам, конечно, еще не сообщили, — замаялась я и, повинувшись красивому жесту мужчины, села в кресло.

Болезнь совсем не сказалась на внешности и поведении седьмого милора. Глядя на него, я каждый раз пыталась примерить на себя такую роль — роль приговоренной к смерти, день которой уже назначен, — и каждый раз поражалась выдержке и воле этого мужчины. Он просто продолжал работать, как будто ничего не случилось, и рядом с ним неизменно становилось стыдно за свою слабость, за пораженческие мысли и за все страхи скопом. Вот и сейчас я внутренне подобралась и, может быть, даже покраснела от смущения, вспоминая, как час назад истерически рыдала в ванной. Ну, уехал муж по делам службы, и что? Я ведь верю в него и знаю, что он вернется!

— Занятно, — задумчиво протянул Даор, когда я пересказала слова служащего седьмой милии.

На мгновение меня посетило почти детское чувство восторга — удалось сообщить этому человеку что-то, чего он не знал! Но я тут же

устыдилась, поспешила отвлечься от этих эмоций и сосредоточиться на насущном.

— Весьма занятно, — продолжил Алый Хлыст, внимательно разглядывая меня. — Вы очень правильно поступили, когда решили поделиться новостью. Любопытная задачка. Признаться, наталкивает на определенные мысли.

— Какие именно? — не удержалась я от любопытства.

— До сих пор мы полагали, что вы интересуете нашего противника как человек, близкий к Ярости Богов и через него — к кесарю. Не самая твердая версия, но другой не было. А вот если предположить, что его интересует лично вы, это многое меняет. Учитывая вашу биографию, не думаю, что вы имели удовольствие когда-то пересечься с этим человеком и вызвать его интерес лично — чего, однако, нельзя сказать о вашем покойном отце. А если еще прибавить к этому столь грубый и поспешный обыск старого дома... Попробуйте все-таки вспомнить, драгоценная, может быть, было нечто такое, что имело для вашего отца исключительное значение? Какая-то вещь, с которой он никогда не расставался?

— Ну... разве что лира, — с сомнением предположила я. — Но для барда, мне кажется, это очень естественно — беречь инструмент.

— Лира, говорите? — мужчина на мгновение вопросительно выгнул брови, а потом улыбнулся своей обычной ускользающей улыбкой. — Пожалуй, это может быть очень интересно. Давайте попробуем ее осмотреть.

— Вы что, действительно думаете, что в ней может быть что-то ценное? — недоверчиво спросила я, когда Алый Хлыст — с моих слов — отдал инструкции подоспевшему на зов слуге и отправил того за инструментом.

— Ничто не мешает нам взглянуть на нее именно с этой стороны, — сообщил он. — Учитывая ремесло, которым ваш покойный отец имел неосторожность заниматься до того, как стать бардом, теоретически к нему в руки могла попасть некая вещь, представляющая ценность, и именно ее искал таинственный вор. Вероятно, бумаги или некий необычный амулет. Есть несколько возможных путей развития событий. Во-первых, Айрик Пыль Дорог мог на самом деле ничего не брать — и подозрения в его адрес беспочвенны. Во-вторых, он мог взять предмет, но не иметь представления о его ценности, и я больше склоняюсь именно к этому варианту: ваш отец явно сделал выводы из ситуации, в которую угодил, и вряд ли стал бы рисковать, храня при себе вещь, которая могла бы принести большие проблемы не только ему, но и его семье. И в-третьих, он мог взять вещь

осознанно, по какой-то причине все же пойдя на риск, и тогда лира — весьма остроумный тайник для этой ценности. Ну и, конечно, для полноты картины стоит учесть и возможность того, что нынешнее происшествие не связано с нападением у храма и вообще не имеет отношения к происходящему сейчас. Скажем, вор просто ошибся домом или поверил какому-нибудь бредовому слуху о спрятанном кладе. Да, порой случаются удивительные совпадения, но лично мне совсем не верится в подобный вариант.

— А в случайность эпидемии чернокровия верится? — вырвалось у меня. — Извините...

— Подловили, — иронично улыбнулся Даор.

— Простите, я совсем не то... — от стыда за свой болтливый язык мне хотелось провалиться на месте. Вот кто меня за него тянул? Зачем очередной раз напоминать человеку о его болезни?!

— Не стоит извиняться, — он пренебрежительно повел рукой. — Тем более замечание ваше вполне справедливо. Понимаете ли, драгоценная, чрезвычайно непросто взглянуть отвлеченно на ситуацию, внутри которой ты находишься, не имея при этом возможности отойти в сторону и внимательно рассмотреть картину. И еще труднее не спутать реальный шанс с нелепой попыткой ухватиться за волосок. Впрочем, теперь, после открытий Халы, я уже вполне уверен, что все это не случайно. Надеюсь, нам удастся получить ответы, пусть и не все сразу. И я, конечно, эгоистично надеюсь дожить до этих самых ответов.

Слуга положил принесенный объемный чехол на стол перед хозяином кабинета и удалился, а Даор окинул потертую кожу задумчивым взглядом. Огладил обеими ладонями — ласково, заботливо, как иные касаются женщин. Губы мужчины сложились в улыбку, будто прикосновение получило желанный отклик, и пальцы проворно отомкнули крепления, извлекая на свет старый потертый инструмент. Заглянув внутрь чехла, Алый Хлыст отложил его в сторону — кажется временно — и устроил лиру на коленях. Мягко и почти беззвучно огладил струны.

— Вы умеете играть? — не удержалась я.

— Разумеется, дитя, — легко отозвался он. — Все благородные юноши в свое время получают этот навык. Хороший инструмент, старый. Полагаю, ему не меньше века, никто давно уже не использует черепаховые панцири. Как ваш отец получил его?

— Честно говоря, не знаю, — нахмурилась я, продолжая рассеянно наблюдать, как ухоженные ладони Алого Хлыста аккуратно и слепо ощупывают лиру — глядел седьмой милор на меня, совершая свои

действия словно бы в рассеянности. — Мне не приходило в голову спросить, а сам он ничего про нее не рассказывал, просто берег и говорил, что инструмент — это жизнь барда. Инструмент, голос и руки.

— То есть вы не помните какого-то особого отношения? — уточнил Даор.

— Н-нет, — неуверенно протянула я, потерла ладонью лоб. — Отец берег ее, осторожничал, но не могу сказать, что так уж трясся над ней или испытывал к ней какие-то особенные чувства. Ну, как бывает с вещами, имеющими историю и связанными с важными событиями.

— Вот как. Досадно, — посетовал Алый Хлыст, качнув головой, и в ответ на мой озадаченный взгляд пояснил с легкой улыбкой: — Было бы интересно, окажись здесь какая-нибудь страшная, грандиозная тайна.

— Это обычная лира, никаких потерянных и проклятых душ, — расплылась я в ответной улыбке, вспомнив всяческие истории, бродившие между людьми. Например, о лире, которая хранила дух и Искру погибшего от любви барда. Или, наоборот, о певце, который странствует по дорогам, и, если его песню слышат хорошие люди — она приносит им счастье, а если злые и корыстные — смерть.

Алый Хлыст бросил на меня насмешливый взгляд, отложил лиру и взял в руки чехол — нечто вроде корзины, обтянутой кожей. Внимательно осмотрел и ощупал его.

— Что здесь? — спросил, открывая вшитый внутри карман.

— Песни, — пожала плечами я. — Отец многое записывал. Он сам очень плохо складывал стихи, поэтому старался хранить все песни, попадавшие в его руки.

— Интересно, — проговорил Даор, доставая стопку листов. Некоторые из них были прошиты тонкой бечевкой, чтобы не рассыпались, некоторые лежали отдельно; старые, иные даже ветхие, часто засаленные — многому я училась как раз по этим записям, отец не успел передать все, что знал.

В кабинете повисла тишина. Алый Хлыст внимательно изучал бумаги, кажется вчитываясь в каждую строчку. Я первое время напряженно следила за ним, ожидая откровения, но потом заскучала. Сначала просто начала глазеть по сторонам, но ничего интересного, кроме кип документов и каких-то книг, не углядела. Хозяин кабинета как будто забыл о моем существовании, и, помаявшись еще немного, я взяла со стола лиру. Чем просто так скучать, лучше разбавить ожидание музыкой.

Первые звуки были робкими и неуверенными, но Даор даже не глянул в мою сторону, и я осмелела, хотя петь не стала. Наигрывала разные мелодии, мысленно извиняясь перед лирой за то, что давно не брала ее в

руки и вообще не вспоминала о ней, пока она в одиночестве добиралась до дворца.

— Какое занятное... сказание, — проговорил Альый Хлыст, когда стопка просмотренных листов перевалила за половину.

— Которое? — я, заинтригованная, отложила лиру, чтобы подняться и заглянуть в бумагу, которую Даор держал в руках. Неужели там действительно есть нечто удивительное, ради чего некто был готов рискнуть жизнью? Однако выбор Алого Хлыста меня разочаровал: — Обыкновенная песня, и сюжет банальный... Или здесь неправильный перевод и на самом деле текст о чем-то другом?

— Нет, в целом перевод верный, — возразил мужчина, кончиками пальцев проходя по вязи претских символов — именно на этом языке была записана песня, к которой прилагался сделанный рукой отца перевод. — Дело не в содержании, в форме. Судя по изяществу вязи, писал это весьма грамотный человек, прекрасно владеющий языком и имеющий большой опыт письма; скажем, у меня столь аккуратно не получится даже при большом старании, потому что претский я знаю довольно посредственно. Но для вязи такой изумительной красоты здесь слишком много ошибок, причем очень грубых.

— И о чем это говорит?

— Полагаю, о преднамеренности всех этих ошибок. Да и построение текста, и ритм... Я, с вашего позволения, позаимствую это сочинение и покажу специалистам.

— Конечно, — растерянно согласилась я.

Отложив бумагу в сторону, Альый Хлыст продолжил чтение, однако больше ничего интересного в записях не нашел.

Странно: неужели столько проблем возникло из-за посредственной баллады о несчастной любви бедного юноши и шахской дочери?

Глава 11

О конце света

Тия Дочь Неба

В отсутствие Райда, по-прежнему находящегося под стражей, передо мной встала проблема поиска нового помощника, которая до сих пор никак не могла решиться, а вот сегодня я вдруг нашла подходящего человека: Дриву Сорную Траву, которая с отъездом Стъёля временно освободилась. Моя глупая ревность уже прошла, и теперь я могла оценить таланты этой женщины по достоинству. Виго действительно расстарался, отыскав для моего мужа такого вот переводчика.

Втянувшись в рутинные, скучные и понятные дела, я окончательно достигла умиротворения. Они помогли мне на какое-то время забыть о грандиозных проблемах мирового масштаба и поверить, что в окружающем мире все хорошо, все неизменно и пребывает в равновесии.

Правда, мир явно был против моего спокойствия. Где-то за час до заката ко мне заглянула озадаченная Дрива и сообщила:

— Госпожа кесарь, вашей аудиенции просит богоравный Ламилимал Аха Авидива.

Я с тоской покосилась на смиренные, тихие, приятные в общении бумаги и велела, мысленно готовясь к трудному, очень трудному вечеру:

— Пригласите его.

Однако неожиданности начались прямо с порога: шах вошел в кабинет один, без своего неизменного сопровождения. Больше того, Ламилимал вежливо склонил голову и негромко, глухо проговорил:

— Приветствую, сиятельная госпожа.

Я поднялась на ноги в первую очередь от удивления и только потом уже из ответной вежливости. После секундной заминки все же справилась с эмоциями и коротко поклонилась в ответ:

— Приветствую, богоравный.

Жестом предложила ему присесть; в ответ Ламилимал кивнул, осторожно опустил в кресло и затих, опустив взгляд и рассматривая мой стол. Сидел, заметно напряженный, положив руки на подлокотники кресла и почти вцепившись в них; не хамил, не ругался, не глядел свысока и напоминал сейчас не самолюбивого правителя, а потерявшегося

мальчишку.

Такой шах меня пугал.

— Что-то случилось? — наконец не выдержала я. По правилам вежливости сначала следовало завести разговор на отвлеченные темы, поинтересоваться, хорошо ли гость отдыхает и все ли его устраивает, но сейчас явно было не до того, и в первую очередь именно гостю.

— Д-да, — с запинкой ответил он. — На мою родину пришла беда, с востока идут странные дикие твари, уничтожающие все на своем пути. Я должен в такой момент быть с моим народом, поэтому вынужден прервать визит. Сиятельная, я хотел бы просить вас об одолжении, — наконец решился шах, чем еще больше меня озадачил. — А именно — выделить мне охрану из числа ваших филов.

— Но вы же вроде бы прибыли с большим отрядом, разве нет? — я опешила.

— Да, конечно, только сейчас я, увы, не могу им доверять.

— А иностранцам, потенциальным врагам и шпионам, — можете? — не поверила я.

Ламилимал наконец поднял на меня взгляд — затравленный, больной — и негромко заметил:

— Если волк защитит от гибели все стадо, не жалко пожертвовать одной овцой. А господин Ярость Богов, пожалуй, единственный, кто может меня спасти.

— Боюсь вас расстроить, но Ярость Богов отбыл на север, к границе, — нахмурилась я, разглядывая шаха.

— И вы его отпустили? — буквально вытаращился он.

Я пару секунд помолчала, а потом решительно потребовала:

— Знаете что, Ламилимал, расскажите уже все как есть, хватит этих экивоков! Что за ржа вас побила? Вы вообще понимаете, как это выглядит с моей стороны? Вчера вы откровенно провоцировали конфликт, угрожали, оскорбляли меня и пытались рассорить с супругом, а теперь вдруг заявляетесь с просьбой о помощи. И при этом утверждаете, что моим людям вы доверяете больше, чем собственным!

По-хорошему, не стоило высказывать все это напрямую собеседнику, полезней для отношений с Претой было бы придумать какой-нибудь хитрый маневр и воспользоваться безвыходным положением соседа на благо Вираты, но я была слишком шокирована ситуацией для продумывания сложного плана. И что-то мне подсказывало, что сказать прямо — сейчас далеко не худший вариант и подобным образом можно добиться от собеседника очень многого.

— Я... понимаю, — шах говорил тяжело, как будто выталкивать слова ему приходилось через нешуточное сопротивление. — И признаю, что ошибся.

— В чем? — не удовлетворилась я таким ответом.

Ламилимал бросил на меня нечитаемый взгляд. Кажется, ситуация его злила, но претец отдавал себе отчет в том, что именно он пришел сюда с просьбами и я, мягко говоря, ничем ему не обязана. Он, конечно, горячий и несдержанный, но все-таки не дурак.

— Это старая история. И долгая, — уклончиво проговорил он.

— При всем уважении, сомневаюсь, что вы намеревались отправиться на родину в ночь. А до утра вполне достаточно времени даже на очень долгую историю. Только, с вашего позволения, я приглашу для участия в этом разговоре еще одного человека. А пока, может быть, вина?

— Нет, благодарю, — пробурчал он, однако возражать против компании не стал.

Вскоре явился Гнудое Колесо, приглашенный Дривой по моей просьбе, и Ламилимал нехотя принялся за рассказ. Здорово же его припекло, если так разоткровенничался и даже не попытался настоять на своем!

Действительно, здорово; где-то через час я точно знала насколько.

История началась в самом деле давно. Дана, которого мы безуспешно пытались поймать, на самом деле звали Нарамаран Ата Авидива, о чем сейчас помнили немногие, и был он сыном покойного старого шаха от наложницы-островитянки, что было ясно уже из его имени: «Ата» перед названием рода как раз и соответствовало статусу незаконнорожденного, но признанного сына.

Ламилимал не мог сказать, какими были отношения покойного отца со старшим сыном, молодой шах вообще до недавнего времени не знал о существовании такого родственника. При жизни отца он был слишком мал для участия в каких-то государственных делах, а дети наложниц хоть и получали достойное образование, но могли считаться принцами только по личному распоряжению шаха и с законными сыновьями общались исключительно редко. Например, я помнила случай из истории, когда один из правителей Преты влюбился в какую-то исключительно красивую девушку из очень бедной семьи, которую взял наложницей: жениться шах может только на женщине достойного происхождения. И вот ее ребенка в знак своих высоких чувств он как раз признал принцем, законным наследником с артиклем «Аха». По-моему, как раз этот наследник в конечном итоге и получил Золотой Посох, но тут я уже не могла поручиться.

Однако по всему выходило, что покойный шах в значительной мере доверял сыну островитянки и использовал того в качестве особого порученца. Например, в той ситуации, которую вспомнил Стъель: в Альмире во время Пятилетней войны.

После смерти отца Нарамаран покинул далекую западную страну и много лет с тех пор не объявлялся. Внятно ответить на вопрос, где пропал блудный родственник, Ламилимал не сумел: от вопросов тот уклонялся, а своих способов найти ответ у куклы на Золотом Ковре не было. Шах не имел личных, особо доверенных помощников, делиться же известием о появлении неучтенного брата с визирями он не стал.

Когда мы попросили объяснить мотив этого поступка, претец долго мялся, но в конце концов сознался: Нарамаран обещал помочь ему с получением власти над страной во всей ее полноте, без посредничества визирей, и Ламилимал с радостью согласился.

Судя по тому, с какой неохотой отвечал мужчина на эти вопросы и как отводил глаза, сейчас он сам понимал всю глупость подобного шага и тяготился своим поступком. Впрочем, читать ему нотации все равно никто не собирався: не тот человек, не те обстоятельства. Хотя по мере рассказа меня все настойчивей посещало желание не столько отчитать его, сколько как следует выпороть.

Нарамаран явился к брату уже здесь, в Вирате, и шах поверил ему сразу: собственной слабой Искры Ламилимала хватило, чтобы определить родство, а больше окрыленный перспективами правитель Преты ничем не интересовался. Не исключено, что поверить заставила сила пришлого дана: не мог претец поверить в добрые намерения единокровного брата, способного посягнуть на Золотой Ковер! Он с молоком матери впитал мысль о том, что за место под солнцем придется бороться с собственными родственниками, и если сам Ламилимал не оборвал ничьей жизни в борьбе за Посох, то только по причине малолетства.

— А почему тот дан не заставил вас забыть его? — полюбопытствовала я. — Ведь подобное он умел, насколько мы знаем, прекрасно.

— За это следует поблагодарить божественную мудрость покойного шаха Матиритама Аха Авидивы, да будет его пребывание на Железных облаках благополучным, — сообщил Ламилимал, почтительно склонив голову в знак уважения к отцу.

Оказалось, что предусмотрительный родитель, прежде чем доверять что-то важное человеку, который вполне мог попытаться уместить свою... персону на Золотом Ковре — а Нарамаран являлся хоть и незаконным, но

старшим сыном шаха, — требовал с того какую-то очень заковыристую клятву, запрещающую причинять вред родной крови и лгать шаху.

Окрыленный таким известием, а также тем, что лично ему самому ничего делать не требовалось, Ламилимал уцепился за предложение дана обеими руками, так что мысль о воздействии на шаха со стороны главного виновника наших неприятностей пришлось отбросить. Никаких чар и Хаоса, претца подвели собственная жадность и самонадеянность, желание счистить ржу чужими руками.

Как понимал теперь шах, единственной целью этого человека была возможность беспрепятственно проникнуть во дворец и перемещаться по нему и за его пределами по собственной надобности. Так ему удалось обмануть защиту дворца: для Нижнего Нарамаран являлся частью претской делегации, пусть официально он в списки не входил.

Обойти охрану другим путем он не мог. Всех входящих во дворец встречала стража, а при попытке обмануть ее с помощью любых, даже самых безобидных чар или пробраться, скажем, через окна за подозрительного пришельца бралась уже собственно защита дворца, те чары, которые из поколения в поколение укрепляли мои предки и к которым обитающая здесь полумразумная сущность, опекавшая лично кесаря, имела весьма опосредованное отношение.

Для чего Нарамарану все это было нужно на самом деле, зачем ему было нападать на моего супруга, на Рину и влиять на меня — претец уже не знал. На провокацию его тоже подбил старший родственник, утверждая, что большой беды не будет, если немного подразнить альмирца. И тогда, когда он это говорил, все казалось шаху логичным, убедительным и забавным. И на то, что кесарь своему мужу изменяет, тоже намекнул Нарамаран, заверив, что назавтра у него будут доказательства, вот богоравный и не удержался.

Мальчишка. Задиристый, горячий и дурной. Вот уж кого точно надо было пороть в детстве!

После драки со Стъёлем Ламилимал вдруг обнаружил, что добровольный помощник компенсирует свою неспособность лгать большим талантом недоговаривать и на деле не слишком ограничен в поступках. А сегодня у него вообще состоялся сложный разговор с парой визирей, и шах осознал всю ошибочность своих поступков.

Я при этих словах испытала мелочное злорадство. Ага, все-таки мудрые старые претцы вправили своему горе-правителю мозги! Не удивлюсь, если именно они вложили в его горячую голову идею извиниться. Вряд ли бы он сам догадался.

Интересно, где же они были все годы до этого?

— Но что заставляет вас так бояться сейчас, богоравный? — с сомнением разглядывая шаха, спросил Виго. — Вы храбрый и решительный человек, откуда такое беспокойство? Я пока не вижу в том, что вы рассказали, весомых причин для столь нервной реакции. Да, Нарамаран вас обманул, но это просто повод больше не доверять ему столь слепо и не бросаться в подобные авантюры. Есть ведь что-то еще, о чем вы до сих пор не рассказали?

— Я подозреваю, что он нашел себе сообщников среди моих людей, — нехотя сознался Ламилимал. — Среди самых близких, имеющих доступ к телу. С помощью своих чар или чего-то еще, не знаю.

— И? — подбодрила я его.

— Ему зачем-то понадобилась моя кровь. И он ее получил, — проговорил шах мрачно. — Пропала та рубашка, в которой я был вчера, слуги не успели ее сжечь. На ней было немного, но все же. И... сабля тоже пропала, сразу после боя. А потом нашлась, тщательно протертая.

Я пару мгновений смотрела на него непонимающе, а потом охнула:

— Ржа побери! Он что, пробрался сюда только для того, чтобы получить кровь представителей королевских родов?!

— Сомневаюсь, что только для этого, — покривился Виго. — Но если ему действительно нужна была кровь всех правящих родов, это было весьма изящное решение, и другой такой возможности у Нарамарана не было. Во всяком случае, чтобы сделать это быстро и одновременно. Судя по всему, запастись ей заранее он по каким-то причинам не мог: или старая кровь не подходила, или способ ее использования открылся ему совсем недавно. Богоравный, у вас есть хоть какие-то предположения, что именно он задумал? Может быть, он о чем-то таком обмолвился, пусть парой слов, случайно? И что вы можете рассказать о его силе? На что он способен? И почему, в конце концов, в качестве сопровождения вы желали видеть именно Ива Ярость Богов?!

Похоже, шах окончательно смирился с тем, что быстро и без ответов отсюда не уйдет. Больше того, по мере повествования он явно все больше входил во вкус. В черных претских глазах блестели азарт и любопытство, Ламилимал уже не цедил слова нехотя, сквозь зубы, а бойко рассказывал, искренне и охотно делился наблюдениями и предположениями. Кажется, ждал он от нас не делового разговора и вопросов по существу, а очередных нотаций и даже издевок. Не получив же их, заметно расслабился и оживился.

Наблюдая за мужчиной, я все отчетливее приходила к выводу, что

знаю, откуда взялись все его проблемы: подобный буйный и эгоистичный нрав, эти его упоенное самолюбование и чрезмерная самоуверенность, странная для человека его положения доверчивость и чрезмерная горячность. Шах в свои двадцать пять оставался все тем же, каким сел на Золотой Ковер: избалованным и пугающе, запредельно одиноким ребенком. У него было все, что он мог пожелать, кроме одного — реальной власти. И, привыкший получать все, что хотелось, он с радостью ухватился за взрослого мужчину, который пришел и пообещал подарить ему желанную игрушку. А на самом деле Ламилималу не хватало не власти, а того, что не способны принести деньги: близких людей. Кого-то, с кем можно посоветоваться, поделиться переживаниями, да просто поговорить по душам. Не плести сложное кружево беседы по всем правилам путаного претского этикета, а просто говорить, не задумываясь о форме.

Мальчиков в Прете забирают у матерей в три года: с этого возраста и до женитьбы они больше не ступают на женскую половину дома. Восточные соседи считают, что излишнее общение с матерью испортит сыновей, не позволит мальчикам расти воинами и настоящими мужчинами, поэтому дальнейшим воспитанием ребенка занимается исключительно отец, который, в свою очередь, почти не видит своих дочерей. В обеспеченных семьях для этого нанимают специального человека, чаще всего отставного воина. А шахских сыновей, кроме того, с детства готовят к тому, что для них понятия «родная кровь» не существует, что в случае смерти отца они должны будут бороться за собственную жизнь и Золотой Посох — или умереть.

Да и потом, когда его называли шахом, вряд ли кто-то из визирей и ближайшего окружения испытывал к юному правителю хоть какие-то теплые чувства. Ламилимал был удобен и больше ничем никого из них не интересовал.

Пожалуй, больше стоило бы удивляться, окажись молодой претец самодостаточным мудрым человеком. Сложно обрести человеческое лицо, когда все окружение относится к тебе как к золотой кукле — дорогой, нужной, важной, но напрочь лишенной человеческих черт.

Шаха стало остро, до слез жалко, однако с эмоциями я справилась и все эти мысли благоразумно придержала при себе. Во-первых, не время и не место, а во-вторых, очень сомневаюсь, что Ламилимал сумеет правильно меня понять. Женские бредни и попытка унижить мужчину и воина — вот как будет выглядеть мое сочувствие и желание помочь.

Надо привыкать, что вокруг есть не только близкие существа, которых я знаю с детства, и подданные, в чьи проблемы стоит вникать по велению

долга, но и люди, до личных переживаний которых мне не должно быть никакого дела.

И вообще, гораздо важнее сейчас загадочный зловредный дан, наконец-то обретший лицо и реальное имя, его мотивы и возможности. И последние, к нашему удивлению, оказались весьма ограниченны и очень уступали нашим предположениям, которые были сделаны на основе воспоминаний Стъёля.

Может, Нарамарану тогда в самом деле помогал кто-то из богов? И в этом случае защита для меня и остальных детей кесаря выглядит просто ответным шагом наших покровителей. А сейчас, получается, обе стороны выжидают и наблюдают за действиями смертных, не имея возможности всерьез вмешаться.

Выглядит вполне логично, вопрос: насколько все это близко к правде? И главное, чего хотят добиться боги?!

Как бы то ни было, сейчас Нарамаран своими возможностями соответствовал довольно сильному, но не исключительному дану. То есть значительно уступал яркостью Искры не только Хале, но и Рине, и даже немного моему мужу.

Что до «особой» силы, которую мы по-прежнему называли для ясности Хаосом, а претец не называл никак, внятно оценить ее Ламилимал не мог. Брат отвечал на вопросы об этом односложно, чаще расплывчато, а анализировать оговорки шах не умел. Единственное, что шах понял, — так это странную ограниченность воздействий. С одной стороны, Нарамаран мог очень многое: обмануть чужие чары, пробить даже очень сильный щит, замутить разум. Но с другой — эта сила порой упиралась в неожиданные ограничения. Например, для каких-то воздействий на людей требовалось добровольное согласие жертвы. Та не обязательно должна была понимать во всех деталях, на что именно соглашается, но откровенная ложь и любые способы принуждения не действовали.

Интересно, как и на чем он подловил Райда?

С ответом на вопрос, почему Ламилимал возжелал получить в качестве охраны Ярость Богов, все оказалось просто. По собственному признанию Нарамарана, сила могущественного фира защищала не только от Железа, но заодно от Искры и того самого Хаоса. А еще сводный брат шаха по непонятной причине опасался... Нижнего дворца. Ламилимал упомянул этот факт со смешком, но лично мне было не до веселья. Я-то знала, кого именно он может здесь бояться: разумную сущность дворца, обладающую весьма своеобразными талантами. Может, Нарамаран вообще не способен толком пользоваться здесь Хаосом? Или дворец защищает только меня, и

потому для воздействия дану пришлось прибегнуть к более традиционным силам?

Получалось, что общая картина с подачи шаха немного прояснилась, определилась фигура противника — главного или нет, тут мы уже не могли сказать точно. Только, увы, мотивы его оставались непонятны. Если ему в самом деле нужна кровь, это могло объяснить вполне успешную попытку сравить Стъёля с Ламилималом, с большой натяжкой — то, что произошло между мной и Райдом. Но в это не укладывались ни претензии к Рине, ни нападение ухров на моего мужа. Выходило, что мотивов у него два — или действуют все же разные люди, хотя в последнее мне не верилось.

Не знаю, почему я так ухватилась за мысль о крови и была так уверена в правильности этой догадки. Наверное, потому, что слишком хорошо помнила слова покойной жрицы: «На человеческой крови держится небесный купол». А еще помнила о видении своего мужа, в котором купол этот рушился. Сложно было не связать все воедино, хотя и непонятно было, как это можно проверить.

Суеверие о том, что через кровь можно навредить человеку, было удивительно живучим, но до сих пор оставалось именно суеверием. Ни даны, ни фиры на самом деле никак не могли ее использовать. Но выходит, в этом есть зерно истины и кровь действительно имеет какое-то значение, несет в себе некую силу? Или, скорее, несет отпечаток сущности своего хозяина.

Сейчас с уверенностью можно было сказать только, что у Нарамарана имелась кровь правителей Преты и Альмиры, но я почти не сомневалась, что он сумел достать и кровь остальных. Мою, например, тогда, когда я была не в себе. Да, воздействовал на меня Райд с помощью амулета, но что мешало Нарамарану оказаться рядом? Мне кажется, мы оба в тот момент были не в себе и вряд ли заметили бы стороннее присутствие, а на предмет случайных царапин меня никто не осматривал.

Драм и Гроттерия ван Хам... увы, постоянной связи с островами не имелось и спросить напрямую мы не могли, оставалось только опросить слуг из посольства.

Однако всерьез обдумать полученную информацию и обсудить что-то с Виго я не успела. По телу вдруг прокатилась волна пронзительной, резкой боли, как будто меня махом окунули в крутой кипяток; от ног вверх, к голове, где и замерла в конце концов, подобная клинку стилета, воткнутому в точку между бровей.

Я на вдохе поперхнулась стоном, попыталась подняться, но неловко оперлась о подлокотник и в итоге завалилась на пол вместе с креслом.

— Тия, что?! — встревоженно окликнул меня Виго, в следующую секунду оказываясь рядом, и рывкнул уже куда-то в сторону, очевидно успев вызвать слугу: — Целителя! Тия!

— Голова... — простонала я. Страшно слезились глаза, к горлу подкатывала тошнота; не знаю, каким чудом я все еще оставалась в сознании. А в следующее мгновение через пелену боли вспышкой пробилось озарение: — Дворец! Что-то происходит с Нижним!

К счастью, через пару мгновений приступ пошел на спад, я сумела нормально вдохнуть и сфокусировать взгляд на лице взволнованного Виго. Мужчина усадил меня прямо на полу, но останавливаться на этом я не стала.

— Помоги мне подняться. Нужно попасть в тронный зал, быстрее!

— Без этого никак? — обреченно вздохнул Гнutoе Колесо, явно сомневавшийся в разумности моего поведения, но все же помог встать на нетвердые ноги.

— Никак. В старый тронный зал, быстрее! — резко выдохнула я, опираясь на острое костистое плечо советника.

По телу растекалась такая слабость, что трудно было даже держать открытыми глаза. Но это все же было лучше пронзительной, выворачивающей наизнанку боли, которая, единожды ударив меня, отступила, оставив только ноющее чувство во лбу и легкую ломоту в теле.

— Я могу чем-нибудь помочь? — неожиданно подал голос шах, о котором мы благополучно забыли.

— Постарайтесь не погибнуть, — посоветовала я, удержав рвущуюся с языка грубость.

В дверях кабинета мы едва не столкнулись с Сердцем Земли — целитель спешил на зов.

— Сиятельная госпожа! — он аж задохнулся от возмущения, но я не позволила договорить:

— В трофейную комнату, старый тронный зал. Быстро!

В следующую секунду сонную тишину Нижнего дворца разорвал пронзительный женский визг, он прокатился по коридору и оборвался на высокой ноте. Этот звук как будто сорвал лавину, тихий дворец вдруг взбурлил и вскипел — криками, грохотом, непонятным лязгом.

Опешивший целитель закрыл рот, громко клацнув челюстью, когда я свободной рукой за край туники втащила его внутрь кабинета — и вновь открыла дверь, уже в другое место. Сейчас, я чувствовала, было не до старых родовых тайн: минута промедления, и смысл потеряют не только они.

Меня вел не оформленный в слова, но ясный и отчаянный призыв дворца. Эта боль была его болью, терзавший душу страх — его страхом. Я плохо понимала, что происходит вокруг, но сейчас верила ему безоговорочно.

Дворец — вернее, его своевольный страж или дух, не знаю, как правильно это называть, — всегда напоминал мне ребенка. Непоседливого, непослушного, любопытного и немного избалованного, но незлого. Он любил иногда подшутить над нерадивыми обитателями, особенно доставалось перебравшим и разгулявшимся, порой мстил тем, кто не берег его обстановку и стены. И сейчас этот ребенок рыдал от страха и боли и звал на помощь хоть кого-то. И услышать его могла только я.

Довольно просторное помещение с единственной дверью и световым колодцем в крыше, куда мы попали, было сердцем дворца. За века существования Нижний не раз перестраивали, и старый тронный зал со временем превратился из самого важного и торжественного помещения в нечто вроде музея. Сейчас он назывался трофейной комнатой, но хранились здесь не чучела убитых животных, а ценная добыча, взятая моими воинственными предками в боях: оружие, символы власти не существующих уже крошечных городов-государств, давно ставших частью Вираты, еще какие-то ценности.

Хранились, раньше.

Сейчас зал выглядел разрушенным, странно искореженным, как будто кто-то сделал рисунок, в порыве злости смял его, но потом передумал и небрежно расправил. При взгляде на прихотливо изломанные или даже изогнутые стены кружилась голова, а когда я через мгновение сообразила, что складки движутся и стены словно дышат, к горлу подкатила тошнота, а по спине, от лопаток вниз, прошла холодная дрожь.

Я настолько растерялась от этого зрелища, что не сразу сообразила: в зале мы не одни. И едва не поплатилась за это жизнью. Вскрикнула, когда сбоку что-то мелькнуло и негромко свистнуло, рассекая воздух, отшатнулась — и в шоке уставилась на шаха с обнаженными саблями. Один клинок завяз в туше зверя, похожего на крупного волка или небольшого медведя, и мужчина уперся ногой в тушу, чтобы освободить оружие.

Неправдоподобное, странное зрелище, не менее дикое, чем вид идущих волнами стен. Миниатюрный, изящный, даже женоподобный Ламилимал, затянутый в расшитые золотом шелка, — над поверженным серым хищником. Лицо сосредоточенное, неожиданно спокойное, взгляд — пронзительный и цепкий, а низкий сапожок из мягчайшей кожи,

заляпанный кровью, небрежно попирает массивную тушу.

Я помнила слова Стъяля о том, что претец — хороший воин. Видела, как они дрались тогда, и понимала, что шах двигается очень уверенно. Но все равно не принимала его всерьез. Как оказалось, напрасно...

— Тия! — окликнул Виго, оттолкнув меня с линии прыжка еще одной твари, неотличимой от первой. Негромко охнул и схватился за плечо; голубая туника быстро темнела от крови.

Это заставило меня очнуться и сосредоточиться. ЛамилимаЛ крутанулся волчком, отбиваясь от следующей твари, а четвертая уже напоролась на мой купол.

— И зачем нас сюда принесло? — мрачно спросил сидящий на полу Виго, плечом которого сразу занялся Сердце Земли: в трофейную комнату мы прошли вчетвером.

Я молча кивнула в центр зала, где клубилось едва различимое марево. В этот момент, будто по команде, оно качнулось в сторону и схлынуло прибоем, оставляя после себя еще одного зверя. Тот рычал и скалился, припадал брюхом к земле и выглядел скорее напуганным, чем разъяренным. Но за считанные секунды с тварью произошли метаморфозы, за которыми мы наблюдали, совершенно замороженные: пришелец неподвижно замер, взгляд его остекленел, а еще через мгновение тварь уверенно выпрямилась на лапах и двинулась в нашу сторону.

— Можно считать доказанным, что приходят сюда они не по собственной воле, — резюмировал Виго. — И что теперь?

— Попробую это прекратить, — неуверенно ответила я, опускаясь на колени и впечатывая ладони в пол.

Сердце Нижнего дворца билось торопливо, загнанно, с перебоями, спотыкаясь и замирая, как будто раздумывая, стоит продолжать эту агонию дальше или проще остановиться прямо сейчас. И с каждым ударом засевавшая в нем заноза впивалась глубже, ширилась та дыра, через которую в мир проникали существа Хаоса. И дворец ничего не мог с этим сделать.

Твари шли с границ мира давно, едва не с самого сотворения мира. Там имелись небольшие прорехи в прочном стекле небесного свода, проницаемые снаружи, о которых люди до недавнего времени не задумывались, просто привыкнув жить так, как жили, и воспринимая странных пришельцев как явление природы. Да их прежде было немного и особенных хлопот они не доставляли.

Сейчас же нечто подобное происходило здесь, и я чувствовала, что процесс этот неестественный и уж точно не безвредный. Это не защита дворца, это весь мир трещал по швам, и, если не остановить происходящее

прямо сейчас, потом будет поздно. Перед моим внутренним взором упрямо стоял образ стекла, по которому бегут трещины от крошечного камня, брошенного сильной рукой. Мгновение, легкое усилие — и оно разлетится на осколки.

Но через несколько минут бесплодных попыток стало ясно, что я не способна ничего изменить. Мои силы вместе с запасом, накопленным защитой дворца за годы существования, одним общим потоком утекали в эту дыру — независимо от того, какие именно чары я составляла и что пыталась сделать. Разрыв благодаря этому пока не ширился, но я все отчетливей понимала: это конец.

А самое страшное, что я даже примерно не представляла, кто и что может сделать. Фиры — бессильны.

Даны... Хала, Ина — они сильные, опытные, даже очень опытные, но здесь они еще более бесполезны, чем я.

Ив?.. Неужели он — единственный? И теперь из-за того, что мы поддались давлению обстоятельств и долга, рухнет мир?

Виго и Лаций пытались дозваться меня, что-то говорили, увещевали — они, кажется, не понимали, что именно сейчас и здесь решается наша общая судьба. А я сидела, бессмысленно вливая собственные силы в эту бездонную пропасть, и не могла заставить себя остановиться, не могла сдвинуться с места. Что изменится, если я сбегу? Агония растянется на несколько лишних дней, только и всего.

Неужели именно так все закончится?

Было горько, больно и пусто. По щекам текли слезы, застилали пеленой дрожащий и хрупкий окружающий мир, а силы продолжали литься водой в песок.

В какой-то момент с тихим, едва ощутимым хлопком лопнула моя защита. Не знаю почему; наверное, у меня просто не осталось сил ее держать. А заставить себя переступить через бессилие не хватало воли. Я была готова умереть и не видела смысла бороться. Да, трусость, но так было даже проще: сбежать на Железные облака, чтобы не видеть, как весь мир канет в бездну.

А в следующее мгновение мне на плечи легли тяжелые мужские ладони. Грубые оружейные мозоли царапнули кожу, сильные пальцы бережно сжали, мягко потянули назад. Сил сопротивляться не было, я покорно обмякла, ощутив спиной твердую мужскую грудь. Мне не нужно было оглядываться и приходить в себя, чтобы узнать эти объятия.

От истощения, морального и магического, сознание плыло, я никак не могла сосредоточиться на происходящем. Мелькнула тревожная,

растерянная мысль: откуда здесь взялся Стъэль, который находился на пути на север? — но тут же растаяла. Плевать. Даже если это смерть, лучшей встречи с Держащим-за-Руку и желать нельзя. Забыться в кольце родных рук, раствориться в резком, но почему-то все равно приятном горьковато-хвойном запахе с новыми незнакомыми нотами, и ржа побери весь этот проклятый мир.

Стъэль Немой

Коней было жалко: мы их все же загнали. Благородные животные, хрипя и роняя клочья пены, донесли нас до самого Вира. Первым пал жеребец Ива; кажется, умер он прямо на ходу, потому что на очередном темпе тяжелого, усталого галопа просто рухнул, ткнувшись в брусчатку плечом и мордой, едва не подмяв под себя всадника.

По инерции я промчался чуть дальше, осадил скакуна, чтобы убедиться, что с фиром все в порядке, — и это, видимо, была моя ошибка. Мой конь присел на задние ноги, а потом начал заваливаться набок. Животное хрипело и мелко дрожало, по мокрой шкуре пробегали судороги, и все, что мне оставалось, — прервать агонию, подарив ему легкую смерть.

Я вытирал клинок от крови, мысленно прося прощения у честно исполнившего свой долг жеребца, когда меня нагнал Ив. Судя по всему, при падении фир не пострадал.

— Нормально? — спросил он, окидывая меня внимательным взглядом. Я кивнул, возвращая кинжал в ножны, и, оправив одежду, коротко дернул головой, предлагая двигаться дальше.

Возле дворца появилось странное ощущение, какого я никогда прежде не испытывал. Словно на шее моей — петля поводка и кто-то настойчиво тянет за эту веревку, указывая дорогу. Не грубо, рискуя удавить, но достаточно настойчиво, чтобы не возникло даже мысли свернуть в сторону. Ярость Богов бежал следом, не пытаясь возражать и не задавая вопросов. Он, кажется, тоже понимал: у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на попытки объясниться. Да и дощечка моя осталась в вещах на труп коня.

Я воспользовался ей единственный раз, когда новое озарение — ясная, короткая и очень конкретная команда от Немого-с-Лирой — пронзило болью мою голову от виска до виска. Дурная тенденция; прежде откровения бога не сопровождалась подобными ощущениями.

Собственно, переждав их, я написал Иву, что «Немой требует срочно возвращаться, зачем — не знаю», фир кивнул, и мы повернули коней. А

дальше была только бешеная скачка наперегонки со временем. Тоже странное чувство: я ощущал, как секунды утекают сквозь пальцы, и подгонял лошадь, но смысла этой спешки не понимал.

Ровно до того момента, когда мы прибыли на место и увидели обессиленную Тию.

Ив, не церемонясь и не тратя времени на тонкие методы, сломал ее щит прямым грубым ударом, а я рухнул на колени позади жены, чтобы отвлечь ее, нарушить концентрацию. Женщина была бледная, с совершенно ледяными руками, но — живая. Все-таки успели.

Ярость Богов сразу подменил ее, щедро делаясь силой, и, когда я огляделся, чтобы оценить обстановку, нас всех уже укрывал новый защитный полог. Когда же я прислушался к миру и сообразил, что именно происходит... мог бы — грязно выругался.

Мой дар всегда казался мне насмешкой богов: яркая Искра, много силы, но единственная выраженная грань была в моем случае совершенно бесполезна. Да, унимать землетрясения и успокаивать вулканы — очень редкий, ценный, удивительный талант. Но в Альмире нет последних и почти не бывает первых, а поехать в ту же Ладику, где дана с подобным даром приняли бы с распростертыми объятьями, наследник престола, конечно, не мог.

Потом, после ранения, я всерьез рассматривал этот вариант. Но тогда я был слишком зол и подавлен и предпочел бегство от мира попыткам найти себе в нем новое место. Когда успокоился — уже привык, прижился и не хотел сниматься с места. Да и вспоминал я про этот дар исключительно редко. Гораздо проще было жить, считая себя не даном вовсе, а обычным человеком.

Сейчас же я слушал мир, наблюдал за тем, что с ним происходит, — и мысленно материл богов. Эти хитрые, расчетливые, предусмотрительные сволочи уже давно все подготовили и разыграли, расставив фигуры так, как им было нужно.

Свобода выбора? Воля человека? Чушь это все! Иллюзия, утешение для слишком горячих и не слишком умных голов!

Сейчас я готов был поклясться, что в моей жизни, начиная с самого рождения, не было ни единой случайности, ни одного собственного решения. Жизнь ставила меня в ситуации, из которых имелось два выхода: нужный богам — и смерть. Или бесчестье. Или унижение. Действительно, как сложно выбрать, как трудно решиться!

Дар, конфликт с отцом, ранение, храм Немого-с-Лирой, роль Знающего, встреча с Тией и все те чувства, которые я питал к молодой

жене, — все это было спланировано и с безукоризненной аккуратностью воплощено в жизнь.

Если кто-то мог идти против их воли и ломать планы, то точно не я. Даже сейчас, грязно ругаясь и посылая Железным облакам проклятья, я делал то, чего от меня хотели боги, то, для чего меня сделали таким и поставили на это самое место. Делал в точности и очень старательно.

Мы все просто играли свои роли. Тия, которая сумела удержать этот разрыв до нашего появления. Ив, который держал его сейчас, не позволяя разойтись краям и не пускал созданий Хаоса, которых настырно тянула сюда чужая воля. Ия — дан редкого дара, чья Искра способна исцелять землю, латать раны мира.

Ржа меня побери, ну как я умудрился не подумать о таком исходе с самого начала? О столь буквальном толковании видения и столь прозаическом применении моих способностей? Вот же он, рушащийся купол неба! Мир, чьи обломки Ярость Богов своей силой держит на местах, не давая разрыву увеличиваться, и который я должен уговорить выздороветь.

В какой-то момент я вдруг понял, что не справляюсь. Слишком сложная задача, каких не решал в этом мире еще ни один смертный. Да к тому же продолжала действовать сторонняя сила, которая создала этот разрыв, и, кажется, мне банально не хватало Искры с ней тягаться. От этой мысли сделалось... тоскливо.

Все как-то нескладно, глупо, неловко и сумбурно. Выходит, все было напрасно? И снова жизнь, едва обретя смысл, рушится, только теперь — навсегда?

Не будет не только меня, но и этой земли, которая приняла меня так радушно. Не будет этих людей, за считанные дни успевших стать мне близкими.

Не будет этой мудрой молодой женщины с ясными детскими глазами и удивительно искренним сердцем, которую я сейчас сжимал в объятьях. И нашего ребенка, к мысли о котором я так и не успел привыкнуть, тоже не будет. И уже не случится той нормальной, правильной жизни, на которую я давно не смел надеяться и в возможность которой только теперь, рядом с Тией, начал верить.

А следом за горечью на языке и комом в горле вдруг пришла сила. Теплой волной поднялась от сердца, дохнула свежим потоком воздуха на Искру, заставив ту пылать нестерпимо ярко, почти до боли.

Все закончилось вдруг, разом и будто само собой. Только что реальность крошилась под пальцами — а на следующем вдохе я обнаружил

себя сидящим на коленях почти посередине небольшой залы с увешенными оружием и гербами стенами, по которым змеились трещины. Какие-то предметы попадали на пол, разлетелись стеклянные витрины. Воздух наполняла звенящая, неправдоподобно плотная тишина: замершие на своих местах люди как будто боялись даже дышать.

— Кхм. Все, что ли? — крикнув, проговорил Виго немного сварливым голосом и разрушил охватившее всех нас оцепенение. — Может, теперь мне хоть кто-нибудь объяснит, что это было?

— Нам бы еще кто-нибудь это объяснил, — нервно хохотнул Ив и опустился рядом с нами на корточки. Окинул напряженным, встревоженным взглядом Тию. — Как она?

Я неопределенно пожал плечами: моих способностей хватало только на то, чтобы понять, что женщина жива и что, кажется, ее жизни больше ничто не угрожает.

— Позвольте, — с другой стороны опустился на колени Сердце Земли и потянулся к кесарю, чтобы оценить ее состояние. Хотя целителю, кажется, и самому требовалась помощь: он выглядел осунувшимся и бледным до синевы, словно собирался вот-вот рухнуть в обморок. — Истощение, но ничего опасного для жизни. Здоровый сон и нормальное питание, и все придет в норму, — облегченно выдохнул он, закончив осмотр. Кажется, с ним одновременно выдохнули и все остальные, кто был в комнате. — М-да, староват я уже для таких потрясений.

Целитель с кряхтением поднялся на ноги, встал Ив, и я тоже последовал их примеру, держа на руках и бережно прижимая к себе жену. На мгновение у меня потемнело в глазах, и я замер, пережидая дурноту. Похоже, я как-то незаметно для себя выложился больше, чем полностью, да и прошедший день сказывался: бессонная ночь, потом сумасшедшая скачка. По-хорошему, мне тоже было нелишним отдохнуть, но мысль об этом я отогнал сразу. Не до того.

Кажется, старею. Или, может быть, просто отвык за время жизни при храме, среди жрецов и умиротворенной тишины, от бессонных ночей и постоянного напряжения.

Что сделали мы с Ивом, я примерно представлял, а вот что послужило причиной случившегося катаклизма — еще только предстояло выяснить. Да, нынешний бой мы выиграли. Да, тяжелый и, наверное, решающий бой, но расслабляться рано: мы до сих пор не знаем в точности, кто нам противостоит и какие цели он преследует. Вот когда голова этого уроды прокатится по плахе, тогда можно будет праздновать победу. Если еще что-нибудь не случится.

Разбежавшихся по дворцу тварей отловили быстро: Тия почти сразу отреагировала на нападение, поэтому прорваться успели немногие, а стража действовала решительно и слаженно. В итоге насчитали всего дюжину пришельцев в плюс к тем, что остались в трофейной комнате, и шестерых пострадавших, у одного из которых оставался шанс выжить.

Все стражники и свидетели единодушно отмечали странность поведения тварей. Они, совершенно дезориентированные и как будто потерянные, бесцельно бродили по коридорам, иногда вдруг бросались на двери, независимо от того, был ли за этими дверями живой человек или комната пустовала. По службе на границе я такого не помнил: там эти существа вели себя как злые и голодные волки, которым человек кажется слабой добычей, и показывали себя гораздо умнее.

А когда мы добрались до покоев кесаря, по-прежнему служивших главным военным штабом, нас там встретило еще одно неожиданное известие: о том, что среди дня Митий Тень Камня умудрился исчезнуть из собственного поместья, легко уйдя от наблюдения, и где он сейчас находился, оставалось только гадать.

Гадали, впрочем, недолго. Когда Виго рассказал все, что они с Тией успели выяснить в разговоре с Ламилималом, а потом еще мы с Ивом добавили немного от себя, Авус (Даор где-то пропал по очень важным делам, его помощник был не в курсе) проверил появившуюся догадку. Выяснилось, что этот человек посещал Нижний дворец за пару часов до нападения, а вскоре после его начала — покинул. Конечно, для прямого обвинения такого совпадения было недостаточно, но подозрения только укрепились.

Дальше Авус и Виго развили бурную деятельность — при моей молчаливой поддержке. Нужно было осмотреть трофейную комнату в поисках зацепок, отследить перемещения по дворцу Тени Камня, добавить пару вопросов к списку тех, которые стоило задать Райду, разобраться с обитателями Нижнего дворца и по возможности временно еще сократить их количество, подготовиться к отъезду претской делегации, для чего все же стоило еще раз поговорить с Ламилималом. И, неожиданно, поблагодарить того за помощь: Виго уже рассказал, что хорошая реакция шаха спасла их всех, когда Тия без предупреждения и охраны сунулась в гущу событий.

К моей просьбе высказать женщине утром все, что я думаю о ней с ее сумасбродной решимостью, Гнutoе Колесо отнесся с веселой иронией и большим пониманием. Кажется, у него и самого чесался язык отчитать госпожу кесаря. Нет, я понимаю, что она сделала большое и важное дело и

даже, наверное, спасла нас всех. Но можно было прихватить с собой пару стражей?!

Впрочем, нотации ждали до завтра, а сегодня были документы, вести с севера, снова документы, неожиданно конструктивный и нормальный разговор с Ламилималом... Кажется, сегодняшняя встряска пошла шаху на пользу, потому что он был собран, очень задумчив и даже принес извинения за свои необдуманные слова, сказанные и на поединке, и до этого. И на этот раз извинялся он вполне искренне.

Потом снова были документы. Фураж и прочее довольствие для войска, размещение пока еще довольно немногочисленных (надеюсь, так и останется впредь) беженцев с севера. Оперативные отчеты от седьмой милии: Нарамарана Ата Авидиву и Мития Тень Камня искал весь Вир, а кроме этого столичные следователи, как пчелы нектар, собирали по крупице информацию по всем предыдущим делам, и эти крохи постепенно собирались в целостную картину. Пока медленно, пока неясную, но упорство и терпение всегда вознаграждаются. Хотя у меня постепенно складывалось впечатление, что этот город вообще никогда не спит.

Всю ночь я постоянно был чем-то занят, но к утру не смог бы внятно и однозначно ответить на вопрос, что именно я делал. То есть это было что-то важное, нужное, но — целый вал невесть откуда взявшихся мелочей. А торжественно исполнив обязанности хозяина и проводив претцев, я вернулся в покои и вдруг обнаружил, что дела временно иссякли. В мое (и Виго в качестве переводчика) отсутствие штаб опустел, только дремал в углу на кресле молоденький офицер, один из порученцев Тания Черной Руки.

Мы с Гнутым Колесом переглянулись, синхронно пожали плечами и решили, что отдых и впрямь будет кстати.

И только присев на край кровати, чтобы разуться, я вдруг отчетливо осознал всю степень собственной усталости. Голова начала клониться к подушке сама собой, а вялая мысль, что надо хотя бы помыться с дороги, так и растаяла, толком не успев родиться.

Разуться я в конце концов точно сумел, а вот за остальное — не поручусь.

Глава 12

Об истоках

Тия Дочь Неба

Запах был... странный. Вроде бы знакомый, а вроде и нет. С одной стороны, неприятный — слишком сильный, резкий, а с другой — он почему-то совсем не раздражал. Я несколько мгновений балансировала на грани между сном и явью, вяло пытаюсь сообразить, что же это такое. Потом проснулась и сообразила, что лежу на плече мужа, и пахнет как раз от него — конским и человеческим потом.

Приподнявшись на локте, я в изумлении уставилась на Стъёля, пытаюсь сообразить, откуда такая радость с утра пораньше, если мой супруг уехал на север. А в следующее мгновение накатили воспоминания о вчерашнем. По телу как-то вдруг растеклась слабость — отголоски вчерашнего.

Получается, мне не привиделось, Стъэль действительно вернулся? Получается, они с Ивом все-таки сумели что-то сделать и остановить катастрофу?

Очень хотелось растормошить и расспросить мужа, но я подавила это желание: потерплю немного, пусть выспится. Если он не проснулся во время моей возни — наверное, очень сильно вымотался.

Окинув же мужчину более внимательным взглядом, я тихонько засмеялась, испытав сокрушительный прилив нежности и умиления: мой бедный муж, оказывается, устал настолько, что даже не сумел раздеться до конца. Рубашка висела на одном рукаве с застегнутой манжетой, а штаны он даже и не начинал снимать.

— Бедненький, — шепнула я себе под нос, легонько, чтобы не разбудить, поцеловала мужчину в висок и аккуратно сползла с постели, пробуя встать на неверные подрагивающие ноги.

Все оказалось не так уж плохо. То есть я ощущала себя слабой и очень хотела присесть, но с этим вполне можно было жить. Еще раз окинув взглядом неподвижно лежащего навзничь мужчину, я решила, что не дело это, и принялась его раздевать.

Это оказалось гораздо сложнее, чем виделось со стороны, и если с рубашкой проблем не возникло — достаточно было докопаться до

пуговиц, — то стащить штаны с неподвижно лежащего тела получилось далеко не сразу. Взмокнув от усердия, вымотавшись до черных мушек перед глазами, я все же справилась с задачей, сделав попутно два вывода: во-первых, у меня очень тяжелый муж, а во-вторых, он умаялся вчера настолько, что мне стало уже не смешно, а тревожно. Дыхание вроде было глубоким, пульс ровным, но во время этой возни мужчина так и не проснулся.

Некоторое время я посидела на краю кровати, отдыхая, наблюдая за альмирцем и раздумывая, стоит позвать целителя или нет. Но потом Стъэль шевельнулся, поворачиваясь набок и обнимая одной рукой подушку, и я успокоилась: все с ним хорошо, пусть спит спокойно.

Я хотела выйти в гостевую часть покоев и распорядиться о завтраке, но вовремя сообразила, что там легко могут оказаться посторонние, поэтому пришлось отложить завтрак до лучших времен.

После мытья, одетая в чистое, причесанная, я почувствовала себя гораздо лучше, как будто вода смыла часть усталости, поэтому в гостевую — или сейчас уже, скорее, штабную — часть покоев выходила в прекрасном настроении. Даже сама удивлялась подобному спокойствию и благодушию: вчера невесть что происходило, едва ли не конец света, я понятия не имею, чем все закончилось, и — никакого беспокойства!

Но с другой стороны, какой смысл нервничать? Если бы исход оказался печальный, вряд ли я сегодня вообще проснулась бы, а на Железные облака в моем представлении окружающее не походило.

В гостевой части оказалось неожиданно тихо, хотя в остальном со вчерашнего дня мало что изменилось. Принесенные откуда-то столы, сдвинутые в центре, были все так же завалены картами и бумагами. Кресла и ложа теснились к стенам, освобождая пространство, и их явно осталось меньше, чем было до перестановки. А вот человек здесь был всего один — молодой дежурный офицер, скучавший в углу на кресле. При моем появлении он сначала замер, потом торопливо подскочил с места и поклонился.

— Здравствуйте, сиятельная госпожа кесарь.

— Доброе утро, — ответила я, жестом разрешила ему выпрямиться и спросила, обведя пустую комнату выразительным взглядом: — Все спокойно?

— Да, без изменений. Есть несколько донесений, но ничего срочного. Милор Черная Рука велел будить его, если вдруг что-то случится: они только пару часов назад разошлись, когда сиятельный господин Стъэль отправился провожать претцев.

— Пару часов? Он что, только лег? — опешила я. — А чем они всю ночь занимались?! Что-то случилось?

— Н-нет, ничего такого, — замялся порученец, явно не зная, что мне отвечать.

Распорядившись о завтраке — на всякий случай сразу для нескольких человек, а то знаю я этих советников, — я надела на офицера плотнее. Он бледнел, юлил, пытался уклоняться от ответов, но прямо послать меня, конечно, не мог: все-таки я кесарь.

В итоге выяснилось, что мой несчастный ответственный муж и давно страдающий бессонницей Виго умудрились поставить на уши всю седьмую милию во главе с не успевшим вовремя удрать Красным Котом и командный состав остальных милей, и из-за них чуть не полгорода осталось без нормального ночного сна. Потом Черная Рука, человек уже немолодой и не так чтобы очень здоровый, вспылал и сообщил, что он, в отличие от некоторых, не железный, а если он сляжет от усталости, много пользы Вирате этим не принесет, и ушел спать. Полезному примеру тут же последовали остальные, включая Авуса.

Вспомнив своего «железного», беспробудно дрыхнувшего сейчас в соседней комнате, я едва удержалась от смеха. Ох уж мне эти мужчины! Проще упасть где стоял, чем здраво оценить собственные силы и признать, что тебе нужен отдых. Считай, вторую ночь без сна, весь день в седле, и все это отнюдь не в спокойной обстановке — свалишься тут!

Нет, я вполне верила, что при необходимости и Стъэль, и остальные могли бы выдержать подобный режим, причем не один день. Но я не была уверена, что такая необходимость существовала. Да, вчерашней ночью нужно было действовать как можно быстрее, но основные распоряжения уже отданы, а перегруппировка войск — это дело не часов, а дней и десятков дней. Что до поиска преступников здесь... Конечно, переиграть их необходимо, для этого нужно торопиться, но вряд ли загнанные и измученные ищейки сумеют принести пользу, тут я была полностью согласна с Черной Рукой.

Определенно, мужчины вчера погорячились.

Вскоре, вместе с завтраком, ко мне пришел Даор, как всегда округлый, ухоженный и невозмутимый, и вид Алого Хлыста отчего-то еще больше поднял мне настроение. Наверное, потому что седьмой милор выглядел довольным. Я не могла точно сказать, в чем это выражалось, мужчина даже не улыбался, но готова была поклясться: советник пребывает в прекрасном расположении духа. А если Даор так доволен, значит, случилось что-то хорошее.

— Доброго утра, сиятельная, — он изящно склонил голову. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Взаимно, — улыбнулась я. — Составите мне компанию за завтраком? И вы тоже, Авгий, не стесняйтесь. Будет неловко, если мы тут станем есть, а вы сидеть в углу с грустным видом. Чем порадуете? — с любопытством уставилась я на Алого Хлыста, когда порученец Черной Руки поборол смущение и все присутствующие потихоньку приступили к еде.

— С вашего позволения, сиятельная, я все же отложу рассказ до появления остальных заинтересованных лиц. Было бы невежливо хвастаться успехами Халы в его отсутствие, да и другие новости хотелось бы обсудить... расширенным составом. Поэтому пока предлагаю отдать должное таланту дворцовых поваров и неспешной беседе.

Я бросила на советника растерянный взгляд. Я, конечно, ничего не имею против неспешной беседы с Даором, с этим человеком интересно говорить о чем угодно, но как-то неожиданно. Что, у нас кончились неприятности и можно позволить себе пустую болтовню?

Но высказываться я, конечно, не стала, не мне читать нотации Алому Хлысту. Поэтому хоть я и испытывала глубокое недоумение, но послушно приняла правила игры. Интересно, это все сделано с каким-то умыслом, или Даору в самом деле просто хочется поболтать? Что ж у него за новости такие?!

А впрочем, речь об «успехах Халы» наталкивала на определенные мысли. Боязно было поверить, но... если читающий в душах вместе со своими помощниками нашел способ победить чернокровие, пожалуй, желание Алого Хлыста сейчас насладиться жизнью, заново обретенной, становилось понятным.

Даор вдохновенно восхищался каким-то молодым поэтом, декламировал стихи — хорошие, но отдать им должное я, не будучи ценителем, не могла — и хвалил вчерашнюю премьеру в главном театре Вира, носящем бесхитростное название «Большой». Я слушала и дивилась: когда он вообще все успевает?! И завидовала, конечно; я со своими прямыми-то обязанностями едва справляюсь, не то что интересоваться светскими новостями. И это еще хорошо, что обязанности главного дворцового распорядителя согласилась взять на себя Айга Черная Звезда — я сумела совершенно выкинуть этот вопрос из головы, потому что этой женщине доверяла даже больше, чем себе.

В итоге к делу мы перешли где-то через час и уже не в моих покоях, окончательно отданных под штаб, а в кабинете. Компания подобралась

знатная и очень приятная: Ив с Риной, Хала с Иной, Виго и Даор, на этот раз без своих помощников, ставших уже привычными. Учитывая, что почти все присутствующие находились в приподнятом настроении, атмосфера в кабинете сложилась исключительно уютная. Мне впервые с момента окончания беззаботной жизни в Верхнем дворце было так хорошо и спокойно за пределами супружеской спальни; неожиданное ощущение. Вот только Стъёля рядом не доставало для полного счастья, все-таки я очень привыкла к его молчаливому присутствию.

— Ну что, Даор? Все собрались, вам хватит такой публики или все-таки соберем большой зал Совета? — ехидно предложил Виго.

— Пожалуй, достаточно. Единственное, я так и не понял, почему к нашей компании не присоединился сиятельный господин Стъель. — Собственное удивление Альй Хлыст выразил изящно приподнятыми бровями и вопросительным взглядом в мою сторону.

— Пусть выспится, не железный же он, в самом деле, — поморщилась я. — А вам, Виго, должно быть стыдно; что вы такое устроили ночью? Что за суета, и какая была надобность лишать моего мужа законного отдыха? А вместе с ним — и добрую половину Вира.

— При всем моем уважении, сиятельная, ваш супруг не пятилетний мальчик, чтобы я пекся о его режиме против его воли, — весело ухмыльнулся Гнутое Колесо. — Кстати, он, в свою очередь, просил вас передать, что крайне недоволен вашим поведением. И я с ним полностью согласен.

— Что? — опешила я и несолидно вытаращилась на Виго. — Он — моим? Это еще что за новости?!

— Полагаю, он имеет в виду твой вчерашний демарш, — неожиданно поддержал извечного оппонента Ив с усмешкой в уголках губ. Хотя какой уж тут оппонент... с момента выздоровления Ярости Богов эти двое почти перестали пикироваться. А жалко: до официального представления я очень редко имела возможность наблюдать за их соревнованием в остроумии и теперь уже не наверстаю.

— Какой еще демарш?

— Честно говоря, я бы сам тебя с удовольствием перегнул через колено и выдрал хорошенько. Останавливает только то, что твой муж подобного не оценит, — хмыкнул фир и наконец разъяснил мне суть претензий: — Какая ржа разъела твои мозги вчера, что ты сунулась в пасть к тварям Хаоса, не озаботившись даже малейшей охраной? А если бы Ламилмал оказался не так ловок? Или вообще не пошел за тобой? Ты, конечно, предоставила ему возможность показать себя с лучшей стороны,

только это был поступок, граничащий с откровенным идиотизмом.

— Не кипятись, мой железный друг, — мягко оборвал его Даор, с легкой насмешкой глядя на меня. — Насколько я могу видеть, госпожа кесарь уже осознала все неблагоприятное и недальновидное в этом поступке.

— Ну да, сглупила, — смущенно пробормотала я и виновато вздохнула. — Я в тот момент как-то вообще ни о чем не думала, не только об охране. Согласна, не самый умный мой поступок. Надеюсь, больше не повторится.

— Ладно, раз показательной порки не будет, предлагаю все-таки перейти к самому важному.

— Хала! — с укором протянула Ина, сидевшая рядом с даном, и от души ткнула его кулаком под ребра.

— А что, думаешь, все-таки будет? Ладно, ладно, не бей меня, я же шучу! А то некому будет рассказать, какие мы молодцы.

— Об этом обычно как раз на прощальном пиру и рассказывают, — непримиримо фыркнула дана, но унялась, позволила мужчине ее обнять и спокойно вернуться к разговору.

— В общем, сообщаю: мы молодцы.

— За наградой дело не станет, но хотелось бы подробностей, — подбодрила я Пустую Клетку, обводившего присутствующих горделивым взглядом.

Пожалуй, с расспросами можно было не спешить: если Хала вот так дурачится и светится от счастья, значит, все очень, просто до неприличия хорошо и отдых заслужили все. Но любопытство не давало молчать. Сколько можно, и так с утра в ожидании!

— Ну, по поводу мироустройства я еще в прошлый раз рассказал, и пока теория только подтверждается. Разве что теперь мы готовы предположить, что Хаос — это просто прихотливое смешение разных начал, из которых состоит все сущее. По нашей теории, кроме Железа и Искры, существует множество других сил, вроде тех же молний, которыми управляет Идущая-с-Облаками. Конечно, все это еще не до конца проработано, но пока ясно, что пропорциональное смешение... Кхм. Ладно, это вам не интересно.

— Нам интересно, — возразила я. — Но ты же сам говоришь, что вы еще не до конца с этим всем определились.

— Да, кстати. Ив упоминал, что вы собираетесь в Верхнем дворце какую-то школу открывать? Так вот, может, вы не все здание займете? Мы просто так хорошо освоили одно крыло...

— А зачем нам, собственно, нужен еще один Университет? — подал голос Даор, с задумчивым интересом разглядывая дана. — Мне кажется, Хала предложил интереснейшую идею...

— В каком смысле? — растерялась я.

— С желающими обучаться прекрасно справляется Университет-на-Горе и остальные. Так почему бы не оставить учеников им, а здесь разместить вот таких энтузиастов, вроде нашего Халы? Алхимиков, философов, которые занимались бы решением различных вопросов, не отвлекаясь на преподавание.

— Как-то это странно, — задумчиво хмыкнул Ив.

— Отнюдь, — возразил Даор. — Вот вам наглядный пример: появилось нечто необычное, вот эти ухры. Сколько времени было потрачено на поиск нужных людей, разбросанных по городу! Или исследование чернокровия. Во времена Алия этим занимался десяток целителей, и кое-каких интересных выводов они сделать не смогли. Просто потому, что они целители, а выводы — уже сейчас, с легкой руки Халы — делал человек, привыкший искать именно закономерности, любые. Да, он больше занят в работе седьмой милии, но и здесь показал себя с лучшей стороны. А так получится, что все люди, нужные для решения некой задачи, находятся в одном месте.

— Ну разобрались они с ухром, а чем они дальше будут заниматься? — скептически хмыкнул Ярость Богов.

— А мне нравится эта идея... — протянула я, ощущая непонятное предвкушение. — С ухром они разобрались не до конца, это во-первых. А во-вторых... Ив, неужели тебе не интересно, например, как они летали? Ведь грозы в тот момент не было, и им это не мешало. А вдруг можно открыть этот секрет — и использовать его?

— Изумительно, сиятельная! — удовлетворенно улыбнулся Даор и склонил голову. — Вы схватываете на лету.

— Нет, мне положительно нравится эта идея! — совершенно оживилась я. — А мое предложение к тебе, Ив, все еще в силе, ты не думай.

— Погоди, вот сейчас я совсем не понял. При чем тут я теперь?

— Будешь за ними приглядывать, чтобы совсем не увлекались, — хмыкнула я.

— Ладно, размахнулись! — оборвал меня Виго. — Может, мы все-таки вернемся к делу? Что там Даор говорил про чернокровие? Что вы выяснили?

Оказалось, что Хала с остальными соратниками предварительно

подтвердил, что это заболевание является реакцией мира на применение чар Хаоса. Этаким нарыв. В свободном виде эта сила существовать здесь не могла, поэтому находила воплощение вот в такой форме. А для того, чтобы избавить человека от недуга, нужно было принудительно восстановить в нем границу между Железом и Искрой — наподобие маленького небесного свода. До полного излечения недуга исследователи пока не дошли, зато придумали способ в разы замедлить процесс, что, например, в случае Даора дарило не луну, а по меньшей мере несколько лет жизни.

Кроме того, оказалось, что колоссальная работа, проделанная целителями семнадцать лет назад во время болезни моего отца, не пропала даром и оказалась отличным подспорьем не в поиске лекарства, но в установлении причины. В то время были собраны из разных источников все доступные сведения о болезни, перечислены все случаи и личности заболевших, о которых удалось узнать хоть что-то.

И вот сейчас, когда все это отдали для изучения специалистам от следствия, а не целителям, был сделан неожиданный вывод: почти все, за редким исключением, известные случаи чернокровия в прежние времена, до событий последних дней, были так или иначе связаны с островами.

— Погодите, так ведь наложница, мать Нарамарана, кажется, оттуда родом! — вырвалось у меня.

— А кто такой Нарамаран? — растерялся Хала.

— Один из тех, кто стоит за нашими неприятностями, — пояснил Виго. — Сегодня мне как раз должны найти доступную информацию по его прошлому, уж пара слов о матери должна быть. Не вовремя Драм решил жениться, ну да ладно, мало ли островитян в Вире, найдем, у кого узнать и про нее, и про чернокровие. Даор, ты же дашь мне подробный отчет своих... специалистов от следствия?

— Разумеется. Когда закончим, прогуляемся до моего кабинета, — с легкой улыбкой склонил голову тот.

— А разве в Прете женщин не отстраняют от воспитания мальчиков? — подала голос Рина.

— Так-то оно так, — с сомнением протянул Гнutoе Колесо. — Но тот, кто очень желает, всегда найдет способ, а островитянка вряд ли так легко приняла бы разлучение с собственным ребенком. К тому же она была наложницей, а не женой, поэтому вряд ли кто-то столь уж пристально за этим следил. Мне вообще не нравится эта история с наложницей-островитянкой, — заметил он. — Это очень гордый народ, и такая роль для нее более чем унижительна. Если я хоть что-то понимаю в женщинах, на подобное она могла согласиться по какой-то сокрушительной огромной

любви, но что-то я не припомню баллад подобного содержания о покойном Матиритае. Вероятнее, ее желания никто не спрашивал. Но мы отвлеклись. Хала, еще что-то важное есть?

— Ну, думаю, вам, приземленным, интереснее всего будет узнать, что даны и фиры вполне способны противиться той силе, которую мы называем Хаосом. Да и управлять ей, судя по всему, могут только достаточно одаренные люди. Понятно, что установить возможности Хаоса, не прибегая к нему, довольно трудно, но у нас сложилось общее впечатление, что он мало отличается от прочих сил. Это... просто более мощный источник, эффективность управления которым зависит от личных способностей. Ну и, конечно, пределов выносливости, потому что безнаказанно черпать эту силу может только Ив в единстве со своей супругой. Больше того, сила эта настолько специфичная, редкая и чуждая, что есть хорошие шансы научиться отслеживать ее всплески, причем на расстоянии.

— А откуда тогда взялось условие добровольности? — полюбопытствовала я.

— Какое условие? — изумился Хала.

— Так Ламилимал... — начала я, а потом осеклась, сообразив, что едва выползший из своей норы дан не в курсе и этого, и многих других деталей. И о произошедшем вчера он, кстати, наверняка не знает, да и я сама бы не отказалась выяснить подробности.

Сбор всей картины происходящего воедино занял без малого два часа, почти каждому нашлось чем поделиться с остальными.

— Что-то не сходится, — резюмировала я, когда высказались все желающие и все насущные вопросы о недавнем прошлом были заданы. Слегка хмурящийся Даор задумчиво кивнул, видимо, поддерживая мое высказывание. — Во-первых, я по-прежнему не понимаю, откуда могло взяться это условие добровольного согласия, если Хала утверждает, что Хаос — просто одна из сил, отличающаяся от прочих лишь мощью. Или Ламилимал что-то не так понял, или мы что-то упускаем. А во-вторых, при чем тут вообще Митий?! Мне трудно поверить, что чары такой сложности — а я сомневаюсь, что для пробоя небесного купола можно было обойтись малым, — возможно запихнуть в амулет, а Митий не дан и не фир. Да боги с ним, даже если можно. Я не могу поверить, что Тень Камня станет сбегать от слезки, чтобы самолично пробраться во дворец и воплотить чужие чары. Нет, я согласна, что он наверняка в чем-то замешан, и об Иве знает подозрительно много, и о Хаосе слышан. Но чтобы он сам делал грязную работу, вот так грубо рисковал своей свободой и благополучием?!

Даже если бы он был полностью уверен в успехе, все равно подстраховался бы. Да он даже с Лиа обставил все так, что кругом не виноват! Мы знаем, что он сволочь, но он не нарушил никаких законов, был аккуратен и даже изящен в своих замыслах. Единственно — не слишком точно просчитал нашу железяку, но это немудрено. А тут вдруг так прямо, грубо подставился не то что под попытку убийства — под измену!

— Замечательно сказано, сиятельная, — склонил голову Даор. — Разделяю ваше удивление. Кроме того, при всем моем неуважении к Тени Камня, я крайне сомневаюсь, что столь осторожное и умное существо поддалось бы влиянию Нарамарана или какого-то другого поклонника Хаоса, это не вспыльчивый юный претец. Мне представляется куда более правдоподобным вариант, что его подставили, поскольку неясно, зачем нужно было для визита сюда, где его знает масса народу, демонстративно уходить от наблюдения. Митий прекрасно знает, что защита во дворце очень серьезная, и не стал бы в попытке ее обмануть попусту рисковать и полагаться даже на запредельно огромные собственные силы, буде таковые имелись. Получается, либо Тень Камня приезжал во дворец с совсем другой целью, и его визитом просто воспользовались, незаметно для самого Тени Камня скрыв его от наблюдения. Либо во дворец явился вовсе не он, каким-то образом обманув охрану. Впрочем, мы все догадываемся, каким именно. Последний вариант больше похож на правду, потому что самого Мития здесь никто не видел. И куда он делся теперь? Тень Камня — подался в бега? Звучит не просто сомнительно, а откровенно безумно! Полагаю, у нас очень немного шансов еще раз увидеть его живым. Не могу сказать, что я буду всерьез горевать о подобной потере, но мне неприятно, что некто позволяет себе распоряжаться на землях Вираты жизнями виранов с такой легкостью.

— И почему тогда подставили именно его? — возмутилась я. — И кто? Нарамаран с помощью чар Хаоса? Но тогда выходит, что он с Митием знаком, причем знаком очень хорошо. И вообще мы вроде бы уже выяснили, что дворец для Нарамарана опасен и, скорее всего, способен противостоять этим чарам!

— Может, тут все от конкретных чар зависит, — вмешался Хала. — Вчерашний конец света дворец остановить не сумел, если кто забыл. И мне до сих пор неясно, при чем тут кровь и действительно ли она была необходима. А если была, то, может, с помощью крови он может повернуть что-то еще? Например, вот так обмануть защиту.

— А Мития выбрал просто потому, что имел возможность добыть его кровь? Тогда да, Тень Камня, скорее всего, уже мертв, — согласилась я.

— Ну и, кроме того, кстати, возникает еще куча вопросов, — оживился Хала. — Например, почему именно здесь все это устроили и именно сейчас? Почему именно посреди дворца?

— Если верить истории, Нижний начался с этой залы, — задумчиво проговорила я и потерла лоб, будто это могло помочь собраться с мыслями. — Вчера я ощущала, что там буквально находится сердце дворца. Ну, той сущности, которая в нем живет.

— Ладно, допустим. Но какое отношение эта во всех отношениях необычная сущность имеет к разрушению небесного купола? — со смешком спросил Пустая Клетка, прекрасно понимая, что на этот вопрос ему никто не ответит. — И почему, собственно, все это надо было творить именно в Вире?

— Может быть, потому, что это был единственный шанс собрать всю кровь правящих родов в одном месте? — мягко улыбнулся Даор.

— Может быть, — легко согласился Хала. — Но купол — он все-таки большой. Хотя... — он запнулся, пожевал губами и ухмыльнулся. — А у меня есть одна идея. Знаете, недавно жил такой естествоиспытатель... а впрочем, это несущественно. В общем, существует теория «слабой точки». Что у любого сколь угодно прочного и твердого предмета есть некий участок поверхности, удар в который неминуемо приведет к разрушению, тогда как лупить вокруг можно бесконечно. Положим, в каменной толще вроде скалы или куска металла я бы поостерегся такую искать, но избирательную разбиваемость глиняных тарелок теория объясняет. А небесный купол, по легенде, сделан из стекла, и для него она тоже подходит. Может, тут и находится эта слабая точка? А сущность во дворце ее охраняет. И кстати, Тия, ты не спрашивала у своего супруга, в столице Альмиры никаких одушевленных дворцов нет? А то, может, каждому роду полагается по такому «домашнему любимцу».

— Ну, если что-то такое и есть, то Фергр их не знакомил, — пожал плечами я. — Стъэль удивился, когда я ему рассказывала о дворце, и сказал, что ничего подобного прежде не встречал.

— Хала, драгоценный наш, у меня есть к тебе еще один важный вопрос. Честно говоря, мне не дает покоя такое непостоянство и неоднозначность сил нашего неприятеля. То он способен приманить орду тварей со всех границ, а то вдруг вынужден договариваться с шахом и сложными путями добиваться простых, в сущности, вещей. Я пока вижу только один вариант, который может это объяснить. Ответ вот на что: насколько все же Хаос отличается от силы богов? — проговорил он, чуть склоняя голову набок и сквозь легкий прищур испытующе глядя на дана. —

Ты мог бы перепутать одно с другим, скажем, при осмотре Лиа Тени Камня? Мы ведь знаем, что именно там имело место воздействие силы при добровольном согласии.

— Кхм, — негромко откашлялся Пустая Клетка, оторопело глядя на седьмого милора. — Я, пожалуй, понимаю, к чему ты клонишь, нахожу это очень остроумным, но... Знаешь, одно дело — умозрительно предполагать, что боги могут спорить между собой и вредить людям, но выдвигать по этому поводу конкретные подозрения кажется совершенной дикостью.

— Друг мой, я с удовольствием подискутирую с тобой о возвышенном, о жизни, смерти и сути вещей, но нельзя ли для начала ответить на мой прямой вопрос? — со своей обычной мягкой иронией попросил Даор.

— Да, — уронил Хала, хмуро глядя на него. — Да, это может быть божественная сила. Отличается только сложность, конечный узор. Божественное благословение, которое я наблюдаю, например, у Ти, гораздо... изящней, тоньше, совершенней. И, ржа тебя побери, божественная сила как раз объясняет необходимость добровольного согласия. На этом сходятся все жрецы: боги могут поставить в безвыходное положение, но не способны заставить что-то сделать.

— Погодите, вы хотите сказать, что этот тип не с Хаосом связался, ему помогает кто-то из богов? — переводя взгляд с одного на другого, спросила я. — Постойте, но как в этом случае быть со жрицей? Она ведь говорила про семена Хаоса, и вообще...

— Если эти две силы немудрено перепутать и они идут из одного источника, а по сути едины, то ее слова вполне справедливы, — протянул Алый Хлыст. — Кроме того, как мы уже могли наблюдать, боги по какой-то причине не способны говорить прямо, им приходится довольствоваться намеками. Если не считать общения Немого-с-Лирой со Знающими, но этот бог, кажется, служит исключением из правил.

— М-да. Мне изначально-то не нравилось происходящее, а сейчас окончательно перестало, — проворчал Виго.

— То есть вчерашний конец света, на твой взгляд, был еще ничего? — ехидно уточнил Ив.

— Кстати, о конце света! — опомнился Хала. — А расскажите мне все-таки в подробностях, как у вас получилось остановить гибель небосвода? Я примерно представляю, как это могло выглядеть, и, при всем уважении, очень сомневаюсь, что вам могло хватить навыков и силы. Или кто-то помог?

— Не знаю, — Ярость Богов пожал плечами. — Мне кажется, если кто и сможет ответить на твои вопросы, то только Стъель, именно он сделал

основное. Понимаешь, эта штукавина вообще очень странно выглядела, я мало что понял и уж точно не смогу толком объяснить. И дело даже не в том, что фир из меня довольно ржавый, общую-то теорию я знаю. Я вообще не уверен, что эта дыра имела отношение к небесному куполу, мы же не на небе находились!

— Большой тонкий кувшин из сырой глины. Дырявый, — медленно проговорила я и пояснила в ответ на озадаченные взгляды: — Ну Хала любит наглядные аналогии. Когда вода медленно выходит через небольшое отверстие и заодно размывает его края, унося по песчинке. Но когда я вливала силу в эту дыру, сосуд прекращал разрушаться. Как я понимаю, Ив делал то же самое, а дыру залатал уже Стъель. Как именно у него это все получилось — не представляю. Но меня больше беспокоит, что будет дальше. Не ждать ли нам вскоре повторения? Нарамаран действует один или с кем-то? И как его искать?

— Не думаю, что повторение возможно, — убежденно отмахнулся Хала. — Во-первых, это наверняка не так просто повернуть, а во-вторых, я почти уверен, что произошедшее изменило ситуацию. Пользуясь твоей аналогией, если хорошо залатать дыру, в том же месте проткнуть стену будет гораздо сложнее.

— А Нарамаран если и не один, то сообщников у него немного, — спокойно продолжил Даор. — Судя по тому, что он в стольких местах наследил лично, ресурсы у него очень ограниченные. И это, кстати, удивляет меня с самого начала: почему? Впрочем, этот вопрос нужно будет задать Нарамарану, когда мы его поймем. А мы его поймем, потому что бежать ему некуда и времени почти не осталось.

— Откуда ты знаешь? — послышалось сразу несколько изумленных голосов.

— А вот за это вновь стоит поблагодарить алмаз неграненый, — мягко улыбнулся он, склонив голову в сторону Рины.

— Ой, там в самом деле было что-то важное? — поразилась дана.

— Безусловно. Это исключительно ценная бумага! Для начала, с вашего позволения, короткая предыстория. Все, полагаю, в курсе, что пару веков назад при одном славном предке Ламилимала Аха Авидивы — я, признаться, запомнил его имя, да оно и неважно, — в Прете произошло недоразумение религиозного характера...

— Извини, что перебиваю, но «недоразумением религиозного характера» ты называешь Кровавый Рассвет? — язвительно спросил Виго.

Прочие присутствующие поддержали его озадаченными взглядами, адресованными Даору.

Один из шахов Преты в свое время решил, что не все боги одинаково достойны поклонения. Так повелось, что на востоке всегда наибольшим почтением пользовался Обжигающий Глину — примерно так, как у нас Идущая-с-Облаками, — но прежде это никому не приносило вреда. А при Тарадарате Аха Авидиве, вошедшем в историю с прозвищем Кровавый, прочие культы некоторое время подвергались жестоким гонениям. Конечно, все произошло не в одно мгновение, началось постепенно, с закрытия отдельных храмов прочих богов, потом продолжилось выносом статуй и алтарей других богов из общих храмов. А потом наступил, собственно, Кровавый Рассвет — когда накопившееся недовольство вылилось в протест. Исторически народные протесты в Прете — большая редкость, и для того, чтобы спровоцировать людей на подобное, нужно очень постараться.

Как бы то ни было, люди вышли на улицы, чтобы просить у шаха объяснения действий жрецов Обжигающего Глину, а столкнулись с ярким нежеланием правителя их слышать. Очень агрессивным нежеланием: протест был подавлен оружием и силами фиров, счет погибших в столице в тот день шел на тысячи, да и после работы палачам было много. Остальные боги и культы были объявлены вне закона под страхом смерти.

Однако сын Тарадарата, взявший Золотой Посох из рук отца, не продолжил его деятельность. Он оказался большим поклонником естественных наук, к религии относился очень прохладно и был одинаково равнодушен ко всем богам, так что в дальнейшем, начиная с его правления, перекокс сгладился.

— Да называйте его как угодно, — отмахнулся невозмутимый Даор. — Главное, что бумага эта была составлена, очевидно, в те времена. Вероятнее всего, писал это еще один Знающий, никаких больше сведений о котором не осталось. Учитывая политические обстоятельства, я склонен предположить, что он являлся... кем-то вроде подпольщика, потому что послание все же сохранил, хотя и в таком вот зашифрованном виде. Не имею представления, как эта бумага попала в руки Пыли Дорог, но он явно не догадывался о смысле послания: ему подобная информация была без надобности. И совсем не ясно, зачем подобное могло понадобиться Нарамарану. Оно, конечно, интересно само по себе, но особенного значения не имеет.

— Может, ты уже ознакомишь нас с содержанием? Важно, неважно — определись уже! — одернул его Виго. — А то ты, получив у смерти отсрочку, стал чрезмерно велеречивым. Я понимаю и разделяю твою радость, но давай все-таки к делу.

— Виго, ты циник и язва, — хмыкнул Хала.

— Что, однако, не отменяет справедливости сказанных им слов, — склонив голову, признал Алый Хлыст. — Собственно, шифр оказался достаточно простым, там были указаны строки некой книги, и сложнее всего было определить, о какой книге идет речь. Впрочем, автор благородно оставил подсказки, поэтому мои люди управились достаточно быстро. Послание сводилось к тому, что в конце две тысячи сорок восьмого года от сотворения мира определится судьба всего сущего: боги пошлют людям некие испытания, и исход зависит от того, сумеют ли люди с честью их выдержать.

— Так ведь это сейчас?! — сообразила я.

— Верно, сиятельная, — вновь кивнул Даор. — Через несколько дней, если быть точным. Подозреваю, именно в этом причина спешки нашего противника, а он явно спешит, иначе, мне кажется, действовал бы тоньше. Возвращаясь к откровению, оно вновь подтверждает уже знакомую нам мысль о том, что нынешний мир — не первая попытка богов, а установленный срок — нечто вроде испытательного.

— Интересно, почему такая цифра, — растерянно пробормотала Рина себе под нос. Заметив же, что ее замечание услышали и заинтересовались им, смущенно пояснила: — Ну, не круглая. Почему не две тысячи ровно, например?

— Это уже вопрос к богам, — с улыбкой пожал плечами Алый Хлыст. — Собственно, если человечество выдержит испытания — мир останется существовать именно в таком виде, каким мы его знаем. Если нет — боги предпримут новую попытку. Это что касается нашего ближайшего будущего и представляет практический интерес. Но самая большая часть записей содержит еще одну легенду о сотворении мира. Согласно ей, давным-давно, до появления Хаоса, мир уже существовал. Искра тогда являлась разрушительным началом, и именно она привела прежнюю цивилизацию к гибели, причем смерть эта описана очень поэтично, хотя и расплывчато: «Из воды и Искры родилось разрушительное пламя, испепеляющим валом прокатилось из конца в конец, сжигая все и погружая мир во тьму и хаос».

Создавая мир заново, боги решили обойтись без такой опасной стихии, однако долгое время у них ничего не получалось. Тогда вмешался Немой-с-Лирой, отстраненный до этого от акта творения, и заявил, что Искра — это просто сила, способная и разрушать, и созидать в зависимости от того, в чьих руках находится, и при этом она — часть мира, без которой при всем желании не удастся обойтись. Он поспорил с Обжигающим Глину, что

сумеет сделать так, что его сила никому не будет причинять вред, а, напротив, станет началом исключительно созидающим. Поскольку сам Немой-с-Лирой, в отличие от Искры, являлся не безликой стихией, не имеющей воли, а вполне сложившейся личностью, и личностью именно разрушительной, он принял на себя несколько обетов, чтобы ненароком не подтолкнуть мир к гибели. Собственно, в этой интерпретации глас Немого-с-Лирой, который прозвучит в день перемены года, будет означать не окончание мира, а окончательное его становление.

— Это... познавательно, — нарушила я повисшую после окончания рассказа тишину. — Получается, видя, что проигрывает спор, Обжигающий Глину решил переломить ситуацию в свою сторону нечестным приемчиком? Используя для этого, что характерно, именно человека Искры. Но почему одного?

— И что, вот ради этой истории тот дан на меня напал? — изумилась Рина. — Но зачем?! Вы ведь и так догадались, что он почему-то спешит! Неужели из-за одной только даты?

— Я уже выразил свое недоумение по этому поводу, драгоценная. Увы, пока мы не поймем Нарамарана, мы ничего не узнаем доподлинно. Собственно, именно на основе...

На этом моменте Алого Хлыста прервала внезапно открывшаяся после короткого стука дверь. Присутствующие подобрались, ожидая дурных вестей, но все оказалось куда спокойней: на пороге стоял мой муж. Хмурый, бледный и явно не выспавшийся, с влажными после мытья волосами. Я уже даже не удивилась накатившей на меня при виде него волне умиления и нежности, только радостно воскликнула:

— Стъэль! — Но потом опомнилась и нахмурилась: — Ты бы отдохнул толком, ведь ничего страшного не случилось...

Он кривовато усмехнулся и ответил, что на Железных облаках выпится. Я набрала в грудь воздуха для праведного возмущения, но тут же сдулась, сообразив, что прилюдно читать мужу нотации совсем не уместно. Тем более почти сразу после прихода альмирца явился вызванный одним из советников слуга и отбыл за еще одним креслом. И я даже обрадовалась, что вокруг стола больше не нашлось свободных мест, потому что сумела воплотить свою давнюю идею: усадить мужа рядом и радостно вцепиться в его ладонь. Конечно, куда приятней было бы устроиться у него на коленях, но надо знать меру.

Стъэль тепло улыбнулся мне, переплел наши пальцы, на мгновение крепко сжал.

А я вдруг с тоской подумала, что он ведь так и не добрался до

северной границы и долг его перед людьми никто не отменял. Получается, скоро ему вновь придется уехать? Наверное, даже очень скоро...

Альмирец, видимо, прочитал что-то такое по моему лицу, потому что нахмурился и состроил вопросительную гримасу. Я нервно мотнула головой, пытаясь сморгнуть подступившие слезы, но от объяснений меня спас Хала.

— Какая прелесть! — с заметно переигранным умилением в голосе сообщил дан, отчего-то пристально разглядывая моего мужа. — Изумительно!

— О чем ты? — поспешила уточнить я, чтобы никто уже с гарантией не успел пошутить на тему наших с мужем нежных чувств и переглядываний.

— Мы дружно удивлялись не далее как час назад, как у Стъёля получилось столь ловко и быстро предотвратить конец света? Так вот я сейчас понимаю, как он умудрился.

— И? — первым не выдержал театральной паузы Ив.

— Наш немой принц обрел Голос. С чем я его и поздравляю, — пожал плечами Пустая Клетка. — Да не в буквальном смысле, что вы на меня так уставились? Не голос, а Голос, — выделил интонацией и кивнул на Рину. — Вот примерно как эта парочка. Нет, но с вами я начинаю ощущать себя ущербным, — заметил он, недовольно насупившись. — Это что же получается, я неискренний и бесчувственный, так, что ли?

— Просто ты и без этого слишком сильный, а если станешь еще сильнее, это будет уже неприлично, — весело хмыкнула Ина, утешающе погладив своего мужчину по локтю, и с любопытством уставилась на нас.

Стъэль же на такое заявление дана отреагировал странно: сначала едва заметно вздрогнул, потом на мгновение очень крепко сжал мою ладонь, а потом отчего-то нахмурился, глядя не на присутствующих, а как будто сквозь них. При этом мужчина стискивал зубы и... злился?

Я встревоженно подергала его за руку, привлекая внимание, и, когда муж обернулся, вопросительно вскинула брови, выжидательно глядя на него. Стъэль поморщился, на мгновение прикрыл глаз, будто собирался с мыслями, а потом слегка тряхнул головой — мол, все нормально.

Хала продолжал развлекаться, строя из себя несчастного, обиженного миром, и рассуждая о легендах, которые вдруг становятся обыденностью, поэтому я позволила себе полностью сосредоточиться на муже и каких-то его непонятных мрачных мыслях. Поскольку дощечку свою он благополучно где-то забыл, я стянула со стола лист бумаги, отыскала среди кип документов карандаш и сунула все это в руку альмирца.

Муж одарил меня чуть насмешливым взглядом, кажется, не сердясь на подобную настойчивость, и действительно нацарапал несколько слов.

«Я по-прежнему не считаю нормальным обсуждать настолько личные вещи при посторонних. Даже если это друзья».

Я прочитала и растерянно уставилась на мужчину, не совсем понимая, что он имеет в виду. Стъэль усмехнулся уже вполне явственно и погладил мою ладонь, жестом попросив: «Не обращай внимания».

Хмурясь, я погрузилась в воспоминания, пытаюсь сообразить, что же такого личного про моего мужа сообщил только что Пустая Клетка, а через мгновение вспомнила. Мы же обсуждали эту новость, когда Ив вылечился и Хала рассказывал про Голос дана! Про чувства, которые заставляют Искру сиять гораздо ярче, чем обычно, про то, как возникают подобные узы. Сообразила, наконец, что так задело моего скрытного мужа, и почувствовала, как щекам становится горячо от прилившей краски, а сердцу легко и безумно радостно.

Да, я видела по поступкам мужчины, что он ко мне равнодушен. Чувствовала его нежность, страсть, заботу, искреннее беспокойство за меня. Ощущала сердцем и понимала разумом, что, наверное, он тоже любит, но сомнения все равно нет-нет да и покусывали изнутри. А вдруг нет? Вдруг мне кажется и все это — просто проявление его доброты и благородства? Сейчас же...

Стъэль чуть улыбнулся, разглядывая мое сияющее лицо. Больше всего мне хотелось сейчас дотянуться до его губ, поцеловать, еще раз рассказать ему, как рада, что он рядом, как благодарна богам за нашу встречу. Но в первый момент этот порыв остановил подлокотник кресла, через который я не могла так легко дотянуться до мужа, а потом уже очнулся разум, и я поняла, насколько неуместным будет все это здесь и сейчас.

Ладно, не отправится же он на север прямо сейчас! Расскажу вечером. Тем более, помнится, кто-то обещал мне поцелуй по возвращении...

— Господа, я предлагаю все-таки вернуться к делу, — заговорила я, обрывая увлеченное обсуждение устройства небесного купола и его устойчивости. — Как мы будем ловить этого дана? Насколько понимаю, решить эту проблему нам нужно до перемены года, иначе он непременно воспользуется шумом праздника, чтобы устроить еще какую-нибудь неприятность, а мне хочется обойтись без жертв.

— У меня есть одно предложение, — заговорил Даор. — Однако я не уверен, что его поддержат. Если честно, то я не уверен даже, что мне дадут его озвучить, — усмехнулся он, бросив взгляд на Ива.

— Если ты намекаешь... — раздраженно начал тот.

— Я согласна, — оборвала мужа Рина. — Вы ведь хотите ловить его на меня, да?

— Редкая прозорливость, драгоценная, — склонил голову Алый Хлыст.

— Зато я не согласен! — непримиримо рявкнул Ярость Богов. — Придумай что-нибудь другое! Можно подумать, других вариантов нет?

— Есть, конечно, и мы непременно воспользуемся и ими тоже, — мягко возразил Даор. — Но...

Надо ли говорить, что седьмой милор вскоре все же отстоял свою идею и вынудил Ива смириться, взяв пару дней на проработку всех деталей.

Я бы, наверное, могла поддержать фира и встать на его сторону, могла даже запретить эту аферу, и Алый Хлыст послушался бы: он сам понимал риск и вряд ли хотел угробить Рину. Просто в Даоре соображения государственной и тактической необходимости всегда перевешивали личные жертвы, и, если сама женщина выразила готовность рискнуть, с его точки зрения, было глупо не воспользоваться шансом.

Но я не стала лезть в дела Алого Хлыста, потому что на месте подруги поступила бы так же, да и сам Ив, полагаю, тоже. Только я могла провести эту аналогию, а Ярость Богов — нет. Рисковать собственной жизнью куда легче, чем жизнями родных и любимых людей.

Глава 13

О жертвах

Тия Дочь Неба

Настроение было ленивым и крайне благодушным. Хотелось нести людям свет и добро, но только так, чтобы при этом не приходилось шевелиться и напрягать разум. Сначала я честно пыталась выполнять свои обязанности, но вот уже с четверть часа сидела, черкая карандашом лист и делая легкие наброски — большее, на что меня сейчас хватало. К счастью, сегодня был неприятный день, поэтому застукать меня за столь несолидным занятием никто не мог.

И стоило об этом подумать, как в дверь коротко постучали. Торопливо прикрыв безобразные ползными документами, я разрешила посетителю войти.

С возвращением мужа вернулась и досадная неприятность — у меня снова не было помощника. Дриву пришлось вернуть, поскольку вопрос с переводчиком для Стъёля никто не отменял, Даор обещал сегодня прислать кого-нибудь из своих проверенных людей, но пока не было видно ни этих людей, ни самого Даора.

Хотя, конечно, тому, что муж снова рядом, я очень искренне радовалась и ехидничала на тему народной приметы: косичка-то сработала, вон как быстро вернула! Причиной такой передышки стали вести с севера: нападение как внезапно началось, так внезапно и прекратилось, вот с поездкой Стъёля и решили повременить. Милоры, конечно, ругались, и злились на такие непонятные вести, и не спешили верить неожиданному затишью, но в целом настроения были оптимистичными.

На место привратника возле моих дверей в итоге временно посадили молодого офицера-фира, который заметно смущался такой должности и потому вел себя исключительно правильно.

— Сиятельная госпожа, разрешите доложить! — гаркнул он, сначала поклонившись, потом вытянувшись как в строю.

Вот о чем и речь...

— Докладывайте, Видий, — разрешила я, стараясь не допустить в голос усталого раздражения.

— Виго Гнутое Колесо и Авус Красный Кот явились с докладом. Без

вызова. Что прикажете предпринять?

— Пригласите их, пожалуйста, — велела ровно.

Виго вошел, косясь на стража со смесью веселья и сочувствия, коротко поклонился мне, продолжая поглядывать на него с таким видом, будто спрашивал разрешения и уточнял, правильно ли поступает. Отчего бедный привратник еще больше терялся и еще сильнее пытался выпрямить спину.

— Доброго дня, сиятельная госпожа.

Красный Кот проследовал за ним молча, так же молча поклонился.

— Здравствуйте, Виго, Авус. Видий, можете идти, спасибо.

Когда дверь закрылась, облегченно выдохнули все: и Гнутое Колесо, и его спутник, и я, и, подозреваю, сам страж.

— Какой бравый, — хохотнул советник, преспокойно устраиваясь в кресле. — С таким пообщаешься — глядишь, сама вспомнишь о субординации и начнешь изъясняться как старый офицер.

— Кхе-кхе, — демонстративно по-старчески покашляла я, недовольно кривясь. — Вы по делу или просто в гости?

— По делу, конечно. Мы вот решили вас развлечь интересными новостями, хотите? — весело предложил Гнутое Колесо.

— Спрашиваете! — оживилась я. — Конечно. А какими?

— Масса приятных мелочей, — хмыкнул Виго и кивнул спутнику: — Начинай! У тебя там вроде было что-то срочное.

Авус покосился на него с легкой насмешкой, но заговорил:

— Во-первых, нашелся Тень Камня. Живой, здоровый, в собственном доме. Он слыхом не слыхивал, что, оказывается, успел уйти от слежки и отметиться во дворце в то время, когда здесь происходило нечто важное и опасное. Эти новости определенно его рассердили, и у него явно есть некоторые соображения, которыми он, однако, желал поделиться лично с вами.

— Вот как? — искренне растерялась я.

— Собственно, ради этого он просил вашей аудиенции.

— То есть после всего, в чем мы подозревали этого человека, он еще и торговаться будет? — возмутилась я.

— Скорее, это я неверно выразился, — с легким смущением кашлянул Авус. — Признаться, никак не привыкну к этим эквивокам. Если дословно, он говорил, что желает лично сообщить кесарю нечто важное, чем надеется искупить свою вину и что не может доверить никому больше.

— Ладно, я поняла, — вздохнула я. — Сейчас вызовем его, посмотрим, что там за секреты. Честно говоря, мне до смерти надоела эта ситуация, хочется его уже или казнить, или помиловать. Как думаете, Виго,

пора?

— Ну, он у нас уже почти луну в изгнании, можно и дать шанс оправдаться, — хмыкнул Гнутое Колесо. — Тем более он так деятельно на это настроен. Справедливости ради, с момента отставки он действительно ведет себя исключительно смирно.

— Кстати, его осмотрели на предмет применения чар Хаоса, — вновь подал голос Авус, — и нашли только давние отголоски чего-то неопределенного. Так что если он и имел дело с подобными силами, то достаточно давно.

— Тем более, — решила я, вызывая помощника.

Выдача распоряжений много времени не заняла, и оставалось только надеяться, что меня поняли правильно и Тень Камня не доставят сюда связанным, под конвоем. Поскольку на сегодня у меня еще были важные дела, встречу с Митием пришлось назначить на вечер.

— Но это, разумеется, не все новости, — продолжил Красный Кот. — Мы окончательно разобрались в роли этого юноши, Райда. Он поплатился за собственную безалаберность. Ваш помощник имел неосторожность периодически посещать довольно сомнительную особу, обитающую в городе. В один из таких визитов его и подловили, наложив чары. Впрочем, сама женщина, насколько мы можем судить, ни в чем не виновата, на ней тоже обнаружены следы чар.

— Ну ничего себе... — протянула я. — У Райда, оказывается, там великая любовь припрятана?!

— Если вас интересует мое мнение, то назвать это любовью я бы не рискнул, — Авус пожал плечами. — Скорее, способ реализации естественных потребностей.

— Как грубо, — хмыкнула я. — Что он, не мог себе поближе способ найти?! Или тоже переключился, когда здешний бордель разогнали? Кхм. Авус, там что, нечто... совсем экзотическое? — пробормотала я неуверенно, озаренная внезапной догадкой. Не думаю, что он каким-то образом перенял нездоровые пристрастия своего дядюшки, но...

— Я бы не сказал, — рассмеялся Красный Кот, видимо, сообразив, на что я намекаю. — Вероятно, он просто считал, что так будет удобнее: эта женщина не знала, что он входит в ближний круг кесаря, и, подозреваю, Райд устроил все именно так намеренно. Он, впрочем, вообще отказался обсуждать этот вопрос, сославшись на правила приличия. Цитирую: «Какая бы ни была, она все-таки женщина». Собственно, насколько мы можем судить, в визиты к ней он подвергался некоему влиянию, на него накладывали новые чары. Господин Пустая Клетка предположил, что с

помощью этих чар их хозяин мог какое-то время наблюдать за Райдом. Как именно — увы, пока неизвестно, по остаточным следам установить не удалось.

— Ладно, все с ним ясно, — вздохнула я. — Спасибо. Знать, что он просто жертва обстоятельств, пусть и несколько безалаберная, гораздо приятней, чем считать его предателем.

— Пожалуй, — согласился Авус. — Однако из-под стражи его пока не отпустили, чтобы не вызывать дополнительных подозрений у нашего злодея. Собственно, тот факт, что и на Райда влияли за пределами резиденции кесаря, косвенно подтверждает прежнее утверждение: по каким-то причинам на территории Нижнего дворца невозможно использовать силы Хаоса. Правда, Пустая Клетка еще не добрался до проверки этого предположения.

— Бойтся, что Нижний настучит ему по голове за такие развлечения? — хмыкнула я. — Справедливо. А как именно наш злодей вообще пытался уничтожить небесный купол, Хала тоже пока не знает?

— Пока нет. Они все же склоняются к мысли, что некоторые действия совершал не Нарамаран, а лично его... покровитель. Например, вот это разрушение купола или нападение на наши границы. Но тут подробности еще предстоит выяснить. Если, конечно, у нас появится такая возможность. Собственно, у меня, пожалуй, все. Виго?

— О, у меня масса прекрасных новостей, не имеющих никакого практического смысла. Значит, во-первых. Оказывается, мы дикари, а самые просвещенные люди нашего мира обитают на островах.

— Это был сарказм? — любопытствовала я, обменявшись с Авусом непонимающими взглядами.

— Отнюдь, — усмехнулся он. — Собственно, вы же в курсе специфического отношения этих людей с богами?

Мы синхронно кивнули.

Островитяне действительно всегда по-особому относились к богам, совсем не так, как жители прочих земель: гораздо спокойней, без малейшего пиетета. Вольнолюбивые, норовистые, они не признавали над собой даже божественной власти и считали небожителей не владыками всего сущего, а просто сторонней силой, такой же как Ладика, Прета или Вирата. И отношение к богам было соответствующее, исключительно практичное: никакой слепой веры, только взаимовыгодное сотрудничество.

— И что из этого следует?

— Честно говоря, не знаю, — обезоруживающе улыбнулся Гнutoе Колесо. — Но общая картина складывается преинтересная. Пока мы здесь

гадаем о природе вещей и явлений, оказывается, некоторые древние роды островитян хранят множество преинтересных знаний. Например, они в курсе существования Хаоса как такового, считают его особым божественным источником силы. Божественным не в том смысле, что они перед ним благоговейно, а в том, что источник этот составляет основу способностей богов. Больше того, они не просто предполагают, а точно знают, что люди при определенной сноровке тоже могут черпать эту силу. И вроде как хранят и передают из уст в уста способ подобного. И даже, похоже, изредка применяют ее, но только по серьезной надобности. Мы тут прикинули хрен к носу... простите, сиятельная! В общем, посчитали мы и в конце концов пришли к выводу, что в прошлом случаи заболевания чернокожием подозрительным образом совпадали с разнообразными неприятностями на островах, а точнее — с их окончанием. Конечно, почтенный капитан, который согласился просветить северных дикарей — нас в смысле, — ни в чем таком не сознался, но совпадение более чем красноречивое. То у них вдруг засуха прекращается, то вдруг эпидемия отступает. В общем, можно с уверенностью утверждать, что островитяне вполне владеют Хаосом все те годы, которые мы даже не задумывались о его существовании, а чернокожие — это в самом деле побочный эффект их деятельности.

— Да уж. А мы считали их отношение к Железу и Искре глупостью. Выходит, не глупость это, а предусмотрительность? — хмыкнула я.

Дело в том, что суровые жители островов вообще не слишком жаловали данов и фигов. Нет, они не называли их злом и не уничтожали, но считали все это баловством, полагая, что настоящий человек способен добиться всего, что ему нужно, своим естеством, силой и мужеством. Разве что целителей они благоразумно почитают добром во всех смыслах.

— Выходит, так, — легко согласился Виго.

— Дайте угадаю: мать Нарамарана принадлежала как раз к такому роду? Ну, из тех, что хранят знания о Хаосе?

— Именно, — подтвердил Гнутое Колесо. — И, как я предполагал, добровольно она на роль наложницы не соглашалась, шах взял ее силой, а между тем по островным меркам она была без малого принцессой, дочерью правителя одного из крупнейших островов. Для нее ее положение было более чем унижительным, но своими силами она, очевидно, ничего не могла изменить, а спасать ее никто не рвался. Островитяне, конечно, гордый народ, но не дураки и ради одной девицы с Претой связываться не стали, преспокойно получили за нее хорошую виру и забыли о существовании такой особы. Она, полагаю, прекрасно знала, что надеяться не на что, и

решила мстить. Я просто не вижу другой причины, по которой эта женщина все же родила ребенка от насильника и даже воспитала его: очевидно, он должен был стать ее орудием мести.

— Если все так, то это весьма печально, — вздохнула я и пояснила в ответ на вопросительные взгляды мужчин: — Один высокопоставленный мерзавец привык получать все, что хочет, и не пожелал принять отказ, а из-за этого в итоге едва не рухнул мир, потому что женщина оказалась гордой и не согласилась смириться со своей участью. Волей-неволей задумаешься о последствиях, казалось бы, незначительного выбора, который мы совершаем ежедневно. Привычка повелевать натолкнулась на гордость — и вот такой чудовищный результат... А от чего, кстати, умер прежний шах?

— Большой вопрос, — хмыкнул Виго. — Претцы тогда заверяли, что причиной его смерти стала болезнь. Какая, впрочем, не уточнялось, это очень тщательно скрыли. Но я бы поставил на чернокровие. Если бы было что-то иное, вряд ли они стали бы так секретничать: они считают чернокровие божественной карой. И если боги покарали шаха, значит, недовольны не только им, но и всем народом. Это отчасти объясняет, почему они отказались в итоге от помощи Альмире в разборках с нами: Матиритам вступил в сговор с Фергром — и умер.

— То есть, вероятно, убила его эта островитянка? И, значит, они действительно умеют насылать чернокровие на конкретного человека? А почему она тогда столько ждала?

— Не исключено. Я бы предположил, что она просто училась. Она же знала только теорию, как именно применять Хаос, но вряд ли овладевала этим навыком дома.

— Так долго?

— А это, судя по всему, дело небыстрое, гораздо сложнее и дольше, чем обучение данов и филов. Предваряя ваш следующий вопрос — нет, островитяне этой информацией не поделились. Но зато удалось установить, что наш приятель, Нарамаран, провел там лет пятнадцать и покинул их меньше года назад, причем еще часть наследия предков украл. Собственно, почему со мной и начали вообще разговаривать: очень просили по возможности вернуть ценности. И если преступник будет нам не нужен, отдать заодно и его. Он же не просто увел, он еще и учился без дозволения, и вообще они его вспоминали очень нехорошими словами.

— Виго, а этот островитянин тебе не объяснил, почему они такие особенные-то? — любопытствовал Авус.

— Да что они там помнят, — отмахнулся он. — Это же менталитет, он у них давно сложился. Они утверждают, что были созданы первыми, но

получились слишком своенравными, не хотели почитать богов, и тогда пришлось создавать новых людей, уже более покладистых.

— Занятно, — хмыкнул Красный Кот.

— Авус, а ответьте мне вот на какой вопрос. Как Даор все же разделил между вами обязанности? Теперь он, к нашей общей радости, передумал умирать, но не собрался же он тихо уйти на покой и растить розы?

— Ржа меня побери! Сиятельная, вы поосторожнее с предположениями! — попросил Виго, поперхнувшись воздухом. — Даор — и на покой?

— Нет, разумеется, — улыбнулся Авус. — Он быстро заскучает с розами. Алый Хлыст просто разделил с нами некоторую часть своих обязанностей, освободив какое-то время на собственные развлечения. Мне кажется, он, одной ногой ступив на Железные облака, понял, что жить только службой не дело. В принципе, нас это тоже устраивает: и интересно, и прежние дела полностью бросать не обязательно.

— Ну, он это более чем заслужил, — кивнула я.

Рина Ярость Богов

— Это не то, что я подумала, да? — голос прозвучал ровно, почти спокойно. Я стояла на пороге спальни и разглядывала картину, достойную пера какого-нибудь барда или даже сцены любого из столичных театров, ни один из которых я так и не сумела до сих пор посетить.

Кива удивленно охнула, поспешно прикрываясь одеялом, а Ив резко сел, завозился, пытаясь подняться, но нелепо запутался ногами в покрывале. Выругался, рванул ткань, которая в его руках рассыпалась пылью, соскочил с постели и торопливо набросил на себя тунику.

За всем этим я наблюдала с прежней отстраненностью, краем сознания равнодушно отмечая, что из них получилась очень красивая пара. Все-таки бывшая дочь кесаря была исключительно, потрясающе хороша. Как и мой муж...

— Рина, я... — заговорил он, шагнув в мою сторону.

— Не подходи ко мне! — воскликнула я. — И не надо мне ничего объяснять, я прекрасно все вижу! Или скажешь, что тебя обманули и зачаровали? Что-то не очень вы оба похожи на жертвы чужого злого умысла! — под конец монолога голос начал истерично звенеть и срывать. Звучало жалко и глупо, но я ничего не могла с собой поделать.

— Рина!

— Молчи и не заставляй меня проверять, способны ли даны на

убийство! — прошипела я. Привлеченная робким шорохом за спиной, я резко обернулась на месте и обнаружила смущенно переминающегося на пороге слугу с подносом. — Отлично. Поставьте это здесь, им надо будет подкрепить силы. А пока — соберите, пожалуйста, мои вещи, я не желаю переступить порог этой спальни, — добавила я вновь дрогнувшим голосом, ощущая горечь и сухость во рту, ком в горле и влагу в глазах. Отступила, освобождая дорогу.

— Вон отсюда! — рявкнул Ив.

После такого слуга, конечно, не рискнул двинуться дальше: приказ Железного регента определенно значил для него куда больше, чем распоряжение какой-то непонятной девицы. Уже потому, что Ярость Богов по-прежнему боялись, и я могла орать, требовать чего угодно, но спорить с ним не рискнул бы никто. Однако и уйти он не посмел. Или не захотел упускать детали пикантной сцены?

— Да, идите. И пригласите, пожалуйста, сиятельную госпожу кесаря, — зло процедила я.

— Рина, успокойся, и давай поговорим. Мы прекрасно можем разобраться сами, без Тии, не нужно отвлекать ее по таким пустякам, — увещавательно начал Ив, но слуга уже воспользовался поводом удрать без потерь. Надо надеяться, действительно отправился за кесарем. Конечно, супружеская измена — не того масштаба проблема, чтобы беспокоить правительницу, но... мы же вроде бы подруги.

— О нет, без Тии мы, увы, не разберемся. Напомни мне, провинциальной дурочке, при каких обстоятельствах у нас разрешено расторгать брак? Или я ошибаюсь, и воля кесаря среди них не значит?

— Рина, прекрати истерику. Ты ведь не собираешься...

— А вот как раз наоборот! — оборвала его. — Собираюсь, и прямо сейчас. Как думаешь, Тия меня поймет? Как женщина женщину?

— Рина!

Он медленно и настойчиво двигался в мою сторону, понимая, что я никогда не обращу Искру против живого человека, а все мои угрозы — просто истерика. Я так же медленно отступала, не желая подпускать его ближе. Потому что, если он подойдет, если позволить ему прикоснуться, обнять меня, хоть что-то сказать... Я боялась, что моя решимость лопнет. Даже сейчас. Я, кажется, была готова простить этому человеку что угодно, и чувствовала себя поэтому отвратительно.

— Я с рождения Рина! Ржа тебя побери, Ив, за что? Что я тебе сделала? Почему... почему ты не удосужился развлекаться хотя бы не в той постели, в которой спал со мной?!

— Рина, это случайность, мы...

— Случайность?! Случайность — это когда камень с неба на голову падает! Как можно случайно изменить? — чувствуя, как мелко дрожат губы, я осеклась и обвела доступное пространство шальным диким взглядом, ощущая острую потребность чем-то ударить мужчину.

— Рина...

— Заткнись! — я все-таки не выдержала и швырнула в него попавшимся под руку кубком. Конечно, не попала, но мужчина по крайней мере замер, прекратив наступать. — Я же тебе верила...

— Что тут у вас за бедлам? — раздался настороженный голос Тиы.

Слуга явно бежал бегом, а кесарь предсказуемо воспользовалась для перехода особыми возможностями дворца.

— Тия, успокой ее, пожалуйста, — ровно попросил Ив, но в этот момент, портя все впечатление от его спокойствия, за спиной мужчины появилась Кива. Женщина не нашла нужным одеться и куталась в покрывало.

— Я не ее успокою, я тебе сейчас еще от себя добавлю! — возмущенно ахнула кесарь. — Ив, ты же...

— Тия, вот только ты не начинай! — огрызнулся он.

— Тия, не надо, — в унисон с Яростью Богов попросила я, ухватив женщину за локоть. — Просто пусть он позволит слуге собрать мои вещи. Я не хочу здесь больше оставаться.

— Это плохая идея, — нахмурилась кесарь, но вновь вызвала слугу. На пороге тот появился мгновенно — видимо, подслушивал под дверью.

В этот раз Ив противиться не стал, послушно освободил дверной проем.

— Рина, давай ты займешь покои здесь же, во дворце? — мягко попыталась уговорить меня Тия. Подошла ближе, осторожно обняла за плечи.

— Извини, но нет, хватит с меня этого места, — я затрясла головой, все-таки чувствуя влагу на щеках. — Я хочу все забыть. Как можно скорее. Сделать вид, что всего этого не было, что я просто приехала в столицу и пошла учиться.

— Рина, это может быть опасно, — все-таки подал голос Ив, так и стоявший в паре метров от нас. Смотреть в его сторону я избегала, боялась встретиться с ним взглядом и прочесть что-то по глазам.

— Раньше надо было об этом думать! Перед тем как тащить в постель эту... эту, — осеклась я, не давая сорваться с губ ругательству. Несмотря ни на что, не стоит опускаться до откровенных гадостей.

— Рина, это глупо. Ты делаешь хуже только себе, — проговорила Тия. — Ив не подойдет к тебе даже здесь, обещаю, — добавила она, бросив на Ярость Богов колючий взгляд.

— А мне плевать, — выдохнула я. — Убьют и убьют. Значит, судьба такая. Сразу надо было понять, что девочке из маленького северного городка не место рядом с сильными мира сего. У меня есть дом, вот им и ограничусь.

— Рина, туда уже один раз влезли, — кесарь вновь попыталась достучаться до моего здравого смысла, но потом обреченно вздохнула: — Можно я хотя бы отправлю с тобой охрану?

— Да, я понимаю. Если Ярость Богов сейчас вновь потеряет разум, это будет очень неудобно с государственной точки зрения, — ядовито протянула я.

— Сложно потерять то, чего нет, — холодно отозвалась Тия. — Дело не в нем, а в тебе. У меня не так много друзей, чтобы позволять им расставаться с жизнью по их собственной глупости.

— Прости, — тут же одернула я себя. — Я не хотела тебя обидеть. Просто...

— Пойдем, — решила она. — Нечего здесь стоять и служить всеобщим развлечением. Подождешь у меня в комнате, пока решатся вопросы с охраной и прочими мелочами. У тебя есть какие-нибудь пожелания?

— Нет, — выдохнула я, качнув головой, а потом бросила в сердцах: — А вообще, знаешь, есть. Пусть мой охранник будет молодой, красивый и неженатый!

— Тия! — устало окликнул ее Ив, отчаявшись дозваться меня.

— Лучше молчи, ты уже сделал все что мог, — одернула его кесарь.

Уходила я не оборачиваясь, на негнущихся ногах и с таким ощущением, будто сорвалась и лечу в пропасть.

В покоях кесаря обнаружился ее вечно хмурый черно-белый муж. Я ощутила неловкость, но хотя бы страха больше не было: кажется, я начала к нему привыкать. Да и сложно было продолжать бояться после того памятного разговора по душам с Тией. Не только сложно — стыдно. Я же видела, как трещит его маска равнодушного спокойствия при взгляде на жену, ощущала тепло чужой Искры и понимала умом, что он действительно хороший человек. И, кажется, самоубеждение начало приносить плоды.

Стъэль встретил возвращение жены вопросительным напряженным взглядом, она ответила ему каким-то коротким жестом. Некоторое время

после этого Тия была занята распоряжениями, а потом я отметила, как стены комнаты затягивает едва заметная радужная пленка защиты, и подруга села в соседнее кресло, подтащив его поближе к моему.

— Рина, ты как? — участливо спросила она, погладила меня по плечу. — Выглядишь так, словно он тебе в самом деле изменил. Никогда не подозревала в тебе таких актерских талантов! Немного наигранно получилось, и те, кто вас знают, вряд ли поверили бы, но для посторонних получилось прекрасно.

— Я и сама не подозревала, — нервно хмыкнула я и поежилась. — Мне очень стыдно перед Ивом, пока он самый пострадавший из нас всех: и отругали его прилюдно, и оправдываться заставили. Мне, наверное, никогда так стыдно не было. Думала, прямо там брошусь к нему на шею с заверениями, что передумала, и очень боялась, что мне не хватит решимости.

— Но?

— Странное чувство, как будто все это было взаправду, — я глубоко, прерывисто вздохнула. — Донельзя глупо, но мне было больно по-настоящему.

— Зато как приятно потом будет мириться, — со смешком подбодрила меня Тия и, бросив заговорщицкий взгляд на мужа, заметила, обращаясь не то ко мне, не то к нему: — Любящая женщина всегда найдет, как утешить своего мужчину.

Я в ответ глубоко вздохнула и кивнула, выдавив кривую усмешку.

Кесарь, конечно, была права: все это несущественные мелочи, мы со всем разберемся потом. Главное только, чтобы все прошло хорошо и Даоровы «котики» со всем справились.

Увидев своего охранника, я на несколько мгновений оцепенела. Брошенную в порыве фразу про «молодого и красивого» явно донесли до ушей Алого Хлыста, а тот... видимо, решил подразнить старого друга и по совместительству моего мужа. Потому что фир был не просто хорош собой — он скорее напоминал произведение искусства, чем живого человека. Совершенные черты лица, собранные в низкий хвост светло-золотистые волосы, безупречный разворот плеч, безукоризненно пропорциональное сложение...

Несколько секунд я потрясенно таращилась на него, пока Тия, кусающая губы в попытке сдержать смех, не ткнула меня под ребра, заставляя очнуться.

— Добрый вечер, госпожа Рина, — у него даже голос, и тот оказался приятный — глубокий, чувственный. — Лючий Серебряная Стрела, я буду

охранять ваш покой. Позвольте? — он предложил руку, чтобы помочь мне забраться на высокий борт колесницы.

Я бросила потерянный взгляд на веселящуюся кесаря и послушно ухватилась за крепкую ладонь мужчины. Сама ведь попросила красивого фира, никто за язык не тянул!

Только, боюсь, извиняться перед Ивом, которого я своей самоотверженностью втянула во все это, мне придется очень долго и очень старательно. Если мой муж сейчас отсутствовал на площади, это совсем не значит, что он не мог наблюдать за происходящим откуда-нибудь из окна...

Запряженной в колесницу гневной парой фир правил уверенно и спокойно. Я так и не решилась ухватиться за мужчину, поэтому оставалось только держаться за предназначенные для этого ручки и надеяться, что весь дальнейший путь мы проделаем тем же неспешным аллюром. Лючий молчал, и это было очень кстати: рядом с этим человеком я чувствовала себя до крайности неловко и неуверенно.

Первое время я дергалась и откровенно паниковала, прикидывая, что делать, но потом взяла себя в руки и разогнала эти глупые мысли. Ну в самом деле, нашла из-за чего волноваться. Ну красивый он, и что? Он от этого перестает быть человеком и превращается в непредсказуемое чудовище?

Правда, успокоилась ненадолго. Я вдруг запоздало сообразила, что еду в совсем пустой дом, в котором в лучшем случае успели немного прибраться после погрома. И дело даже не в грядущей опасности, тут я вполне доверяла Даору. Но... Что я там буду делать? А если этот тип не явится сегодня? Там ведь даже спать негде!

Почему-то за обсуждением деталей этот вопрос не поднял никто, даже решительно возражавший и искавший аргументы против предложенного плана Ив. Оставалось надеяться, что Алый Хлыст не изменит себе и как обычно умудрится неведомым образом предусмотреть решительно все. Неудобства потерпеть можно, но несколько дней спать на голых камнях — не лучшая идея...

— Лючий, скажите, а мы ведь поедем через город, не в объезд? — спросила я, тронув фира за локоть, чтобы привлечь его внимание.

— Как скажете, — он пожал плечами. — Здесь по времени примерно одинаково, да и в смысле безопасности разница невелика. А что?

— Я думала, может быть, зайти в лавку, купить хоть что-то из утвари и еды.

— Это не лучшая идея, — после пары секунд раздумий ответил мой страж. — Будет гораздо проще попросить привезти все нужное.

Я открыла рот, чтобы возразить, но осеклась, обнаружив еще одну проблему: я понятия не имела, насколько Серебряная Стрела осведомлен. Он в курсе, что это театральное представление для одного зрителя, или просто исполняет приказ сопровождать и охранять некую особу, без пояснений зачем и почему? Угадать, какой вариант предпочел Даор, я даже не пыталась. С него стало бы вообще найти третий. В итоге решила делать вид, что все взаправду, а коль так...

— Но я не хочу никого обременять еще больше, — пробормотала я. — Я сама справлюсь!

— Рина, если кесарь решила, что вы достаточно дороги ей, и обеспечила постоянную охрану, то подобные мелочи ее вряд ли обременят, — хмыкнул он.

Я проггла затылок мужчины неприязненным взглядом, но спорить и что-то объяснять не стала. Интересно, он в самом деле не понимает, почему мне не нравится подобная идея, или лично ко мне отнесся с пренебрежением и решил, будто я так кокетничаю? А с другой стороны, даже хорошо, что он вот так себя ведет, мне стало с ним гораздо спокойней: оказывается, идеальная у него только наружность, за которой прячется обычный человек. Даже, кажется, довольно неприятный человек.

И можно считать, что я получила ответ на предыдущий вопрос: похоже, спутник мой пребывает в счастливом неведении и просто охраняет «подругу кесаря».

Хоть бы тот дан-интриган в самом деле поверил и поскорее явился меня убивать! Если поначалу я думала, что самым страшным во всем происходящем будет сам момент нападения, то теперь возникли сомнения. Куда тяжелее, чем я предполагала, оказалось разыграть ту ссору с Ивом, а нынешнее ожидание, боюсь, окажется еще тяжелее и мучительней.

Остаток пути мы проделали в молчании, и это тоже было к лучшему. Похоже, шансов легко подружиться и сойтись характерами у нас нет, а смысла прилагать усилия к нахождению общего языка я не видела. День, другой — и больше мы с этим фиром не увидимся.

Когда мы прибыли на место, стало ясно, что беспокоилась я зря, умные люди все предусмотрели. Не совсем, и долго с комфортом здесь жить не получилось бы, но на несколько дней — или на первое время — вполне достаточно. Кое-что из посуды, ведро для воды, колотые дрова, походная постель на деревянном настиле — для теплых летних ночей вполне достаточно. Даже странно, о многих вещах я бы и сама не задумалась, а тут предусмотрели решительно все. Разве что спальное место было одно, но я постеснялась спрашивать, где будет ночевать мой

охранник. Еще подумает, что я ему на что-то намекаю!

Как бы ни относился Лючий ко мне и происходящему, но, надо отдать ему должное, вел себя сдержанно и вежливо. Наверное, дураки и хамы, не умеющие вести себя, у Алого Хлыста в подручных не задерживаются.

Мужчина молча взял мои пожитки, отнес в указанную комнату — раньше она была гостевой — и вместе со мной обошел дом, окутывая его защитными чарами. Потом, наказав мне сидеть в доме, принес ведро воды из колодца (водопровода тут не было) и отправился возиться с лошадьми.

Чтобы занять руки и убить время, я развела огонь, благо здесь имелось все необходимое для этого, и поставила кипятиться воду. В восстановленном после недавней попытки ограбления — или попросту новом? — сундуке нашелся не только травяной сбор на чай, но даже кое-что из продуктов. Сухари, сыр в воценой бумаге, вяленое мясо, лепешка, даже кое-что из овощей. Я вдруг поняла, что за всеми тревожными событиями сегодняшнего дня так толком и не поела, поэтому запасы оказались очень кстати.

Вскоре вернулся страж, сел на скамью с краю, боком к столу — видимо, так, чтобы в случае неприятностей иметь возможность быстро отреагировать. Я ощущала на себе его задумчивый, внимательный взгляд, пока возилась у очага.

Кружек оказалось две, и я решила проявить гостеприимство: все-таки хозяйка здесь я, несмотря на то что дом приводили в порядок совсем чужие и незнакомые люди.

Я поставила на стол кружки, нехитрую снедь, парящий чайник, чуть мятый и закопченный, но вполне пригодный к использованию. Может, он остался здесь еще с прежних времен? И вот эта потемневшая от времени кружка с небольшим сколом на краешке...

Странно, но меня совсем не беспокоили воспоминания о прошлом. Чувства перегорели, пролились слезами, и этот дом перестал производить столь давящее впечатление. Просто старые стены, пропахшие запустением. Они не вызывали той тоски, не причиняли боли, не давили и не кололи воспоминаниями об ушедшем.

Может быть, потому что с того визита изменилось очень многое? И я вдруг поняла, что дом для меня — не стены и крыша; очень сложно было назвать домом огромный и гулкий Нижний дворец. Меньше чем за луну гораздо важнее стало не «где», а «с кем». Мой дом теперь был там, где Ив, а здесь и сейчас — это просто каменная коробка.

Усевшись на скамейку через стол от фира, я обвела взглядом внутренний дворик, в котором мы разместились. Тусклый свет двух

фирских огоньков — один у очага, второй над столом — почти не мешал разглядывать крупные звезды в проеме светового окна.

Некоторое время мы сидели, молча потягивая чай. Ощущение неловкости крепло, и я принялась лихорадочно искать тему для разговора. И наконец полюбопытствовала:

— Скажите, а вы местный? То есть родились в Вире? А город хорошо знаете?

— Местный, — кивнул он, кажется, всерьез озадаченный подобными вопросами. — А знать город — одна из моих обязанностей. Что именно вас интересует?

— Хотела узнать, нет ли поблизости школы, где обучают данов.

— Зачем вам? — он удивленно выгнул брови.

Я неопределенно пожала плечами, пытаюсь подыскать ответ. Не сознаваться же, что я просто не знаю, о чем с ним говорить, а молчать не могу.

— Ну, я ведь еще не доучилась, — проговорила рассеянно.

— Здесь поблизости как раз есть одна, пять минут пешком в сторону центра города, — ответил мужчина с нечитаемым выражением лица.

— Почему вы так на меня смотрите? С ней что-то не так? — нахмурилась я. Пристальный и непонятный взгляд фира мне решительно не нравился.

— Нет, почему, обычная школа.

— Тогда в чем дело? — я совершенно растерялась. — Что случилось?

— Нет, ничего, — он качнул головой, как-то странно усмехнулся. — Просто собственные мысли, не придавайте значения. Мы ведь совсем не знакомы, и я могу ошибаться. Тем более они вам, скорее всего, не понравятся.

— Да уж давайте начистоту, вам ведь явно хочется высказаться. Иначе не стали бы пускаться в пояснения, — хмыкнула я в ответ.

Не понравится и не понравится, и пусть его. Я уже определилась со своим отношением к этому человеку и догадывалась, что именно он может сказать.

— Мне не верится, что вы в самом деле решили вот так уйти.

— То есть? — нахмурилась я.

— По доброй воле из-за какой-то ерунды поменять дворец на вот эту халупу? — мужчина чуть усмехнулся. — Просто сразу простить гордость не позволяет. Поломаетесь и вернетесь.

— А судите вы по себе? — ядовито поинтересовалась я. Конечно, чего-то подобного я и ожидала, но одно дело — предполагать, а совсем

иное — слышать. Нравиться мне фир перестал окончательно. — Вы всегда ломаетесь, но прощаете, когда речь идет о больших деньгах?

Мужчина ответил на мою отповедь ошарашенным взглядом и поперхнулся чаем, а я воспользовалась этой возможностью, чтобы сбежать: извинилась, сослалась на усталость и ушла спать. Настаивать на продолжении разговора, спорить и требовать извинений страж не стал.

Может, я к нему несправедлива и не такой уж он вредный? Его тоже можно понять: вместо настоящей работы приставили сторожить непонятную девицу, которая гордо ушла от мужа, хлопнув дверью, после семейного скандала. Он ведь не знает, кто я, почему ушла и для чего мне нужна охрана. На его месте я бы тоже, наверное, подумала про придворную бездельницу, которая просто вертит хвостом. А Алый Хлыст почему-то идет у меня на поводу, тоже ведь неспроста...

Да уж, об этой проблеме я даже не подумала: о том, как это будет выглядеть со стороны. Не только сейчас, но и после, когда все закончится. Выходит, что я действительно прощу мужу измену ради жизни во дворце.

ТЬфу! Нашла, о чем думать. Какая разница, что подумают посторонние? Главное, я-то знаю, что все это игра, что Ив меня любит, и помню, с каким трудом он на все это согласился. А на шепотки плевать, все равно я никого из этих людей не знаю.

Последняя мысль была разумной, правильной, но все равно не успокоила меня. Я долго ворочалась на постели, мысленно споря с фиром и с самой собой. Было то слишком жестко, то слишком душно, то хотелось пить, то подушка казалась жутко неудобной. Только после полуночи я забылась зыбким тревожным сном, из которого вынырнула, кажется, в следующее мгновение.

Сначала подумалось, что это продолжение бессонницы и такая вот прерывистая дрема, но почти сразу я поняла: нет, дело не в этом. В комнате кто-то был. Как раз в тот момент, когда я осознала его присутствие, он бесшумно прикрывал за собой дверь.

Умом я понимала, что дело в тщательно смазанных петлях, но почему-то от этой тишины накатил цепенящий, оглушающий ужас. Как будто по мою душу явился не хитрый смертный преступник, а сам Держащий-за-Руку.

Напрочь забыв о том, что я не одна, что где-то рядом есть не только красивый страж Серебряная Стрела, но другие, более подготовленные люди, я лежала, не в силах даже моргнуть, и по-детски отчаянно и глупо молилась, чтобы ночной гость меня не заметил.

Боги, да чтобы я по доброй воле еще во что-то такое ввязалась?!

— Где они? — голос прозвучал спокойно, буднично, но я все равно дернулась от неожиданности и еще сильнее сжалась на своем месте. Даже если бы хотела, не сумела бы ответить: паника схватила за горло ледяной ладонью, и я едва могла дышать. — Я знаю, что ты не спишь. Скажи, где они, и никто не пострадает.

— Кто? — сипло, почти беззвучно выдохнула я, но пришелец услышал.

— Бумаги твоего отца. В доме их нет, в гостевом доме в Далене тоже. Значит, они где-то у тебя, — невозмутимо пояснил он.

— У него не было никаких бумаг, только песни, — наконец с трудом справившись с голосом и немного уняв страх, проговорила я.

— Песни? — переспросил мой невидимый в темноте собеседник, и в его тоне мне послышалась растерянность. — И где эти... песни?

— В чехле с лирой. Там, в углу, — добавила я и махнула рукой в нужную сторону.

Не знаю, увидел ли мужчина в кромешной темноте этот жест и как он вообще ориентировался, но больше пришелец вопросов не задавал, а через мгновение напряженный слух уловил тихие необъяснимые звуки, кажется, из того самого угла.

Поведение и невозмутимость ночного гостя неожиданно благотворно повлияли на меня, панический ужас отступил, оставив после себя только настороженность и опасение. И я рискнула спросить:

— А что там должно быть? Какие такие бумаги?

В ответ пришелец невнятно хмыкнул; кажется, удовлетворять мое любопытство он не собирался.

— Что случилось со стражем? — продолжила спрашивать я, не особенно надеясь на ответ. Просто сидеть в темноте и тишине, ощущая, что буквально на расстоянии вытянутой руки находится убийца, было выше моих сил, а собственный голос успокаивал хоть немного.

Да что происходит?! Где вообще обещанная охрана, где те люди, которым не страшны чары Хаоса и не опасен этот тип?!

— Сторожит, — со смешком ответил мужчина, а в следующее мгновение по глазам больно резанул свет вспыхнувших фирских огней.

Я вскрикнула от неожиданности, заслоняясь локтем, ночной гость сдавленно ругнулся, кажется, по-претски.

— Советую не прибегать к чарам. Любим, — спокойно посоветовал Лючий.

— Да, конечно, — неестественно спокойный голос претца вдруг прозвучал совсем не там, где мужчина шуршал мгновение назад.

Послышался невнятный шелест или хрип, и ночной гость задумчиво заметил: — Хотел ведь обойтись без жертв...

Я, щурясь, открыла глаза — только для того, чтобы увидеть, как мой охранник оседает на пол. Вскинула взгляд на претца, но толком не сумела его рассмотреть, контур лица словно расплывался перед глазами. Какие-то специальные чары?

Мужчина стоял боком, а потом, почему-то очень-очень медленно, как завязший в смоле, начал поворачиваться в мою сторону.

Будто со стороны, извне, пришло осознание, что его взгляд станет последним, что я увижу в жизни. Тело и разум сковало острое ощущение бессилия, обреченности: я знала, что не могу ничего изменить. Хала честно пытался объяснить мне суть тех защитных чар, которые они придумали, но... У меня было слишком мало времени, чтобы научиться пользоваться своей Искрой по-настоящему. Не инстинктивно, а осознанно. Да, кое-что я освоила, но этого явно было недостаточно. Так что защитить себя самостоятельно я не могла, а охрана... Единственный охранник лежал на полу у двери.

Мгновение тянулось нестерпимо медленно, мне уже даже почти хотелось, чтобы все закончилось. А потом вдруг, так и не завершив движения, претец медленно осел на пол рядом с телом Лючия.

Поверить своим глазам и осознать произошедшее я не успела: бесконечный миг беззвучия и неподвижности, кажется, всего мира наконец оборвался. Комната наполнилась людьми. Топот ног, голоса — тревожные, недовольные, радостные — все это сливалось в сплошной монотонный гул. Красно-синие туники, зеленая туника, светлые лица и волосы — мешанина цветов, в которых я скорее угадывала конкретные образы, чем действительно видела.

Очнулась я вдруг, в одну секунду, от тревожного возгласа «Рина!» и ощущения сильных мужских ладоней на плечах. Судорожно вдохнула, только теперь сообразив, что в какой-то момент задержала дыхание.

— Никакого больше геройства! — прорычал Ив, крепко стискивая меня в объятьях. Я зажмурилась, уткнувшись носом ему в основание шеи, вцепилась обеими руками в одежду. — Будешь сидеть дома и учиться. Поняла меня?

Я мелко закивала, насколько позволяла поза.

— Рина, с вами все в порядке? — послышался невозмутимый голос Авуса. Пришлось чуть отстраниться, чтобы взглянуть на мужчину.

— Да, он... не собирался никого убивать, — пробормотала я невнятно, но потом опомнилась и возмутилась: — Почему вы так долго? А вдруг он

решил бы сначала ударить?!

— На этот случай у вас была защита, не стоит так нервничать, — чуть улыбнулся Красный Кот.

— Какая защита? — опешила я.

— Точно такая, как у него, — мужчина кивнул на моего стража, которого, сидящего на полу, осматривал дан-целитель. — Незаметная.

— А почему нельзя было меня предупредить?! — ахнула я возмущенно. — Чтобы я не умирала тут от страха?!

— Сохраняй вы спокойствие, он бы непременно заподозрил неладное, — хмыкнул Авус. — А так все прошло идеально.

Я с шумом набрала в грудь воздуха для отповеди — и молча выдохнула, вновь прижавшись лбом к шее мужа. Какой смысл ругаться теперь? Тем более как ни обидно мне было и какими ни были страшными последние мгновения, но правоты Красного Кота это не отменяло. Буду успокаивать себя тем, что уж теперь-то точно все закончилось!

— Мы здесь не нужны? — спросил Ив.

— Нет, дальше мы уже сами, можете идти. Спасибо вам, Рина, — Красный Кот вежливо склонил голову, я неопределенно кивнула в ответ и принялась выпутываться из тонкого одеяла.

Помня, зачем сюда явилась, я ложилась спать в тунике, так что хотя бы этой мелкой неприятности — пытаться одеться при посторонних — удалось избежать. Оставалось только обуться и завязать пояс. Да, одежда оказалась мятой, но сейчас это было меньшее, что меня беспокоило.

— А вещи? — запоздало сообразила я, когда муж взял меня за руку и потянул к выходу.

— Лиру я возьму, а остальное ведь для тебя не так важно? Ну и отлично. Или заберем позже, или ржа побери все это барахло.

С последним я была не согласна, а вот против возвращения когда-нибудь позже ничего не имела, поэтому настаивать не стала.

Ив прибыл верхом, но в этот раз совместная поездка на одной лошади меня уже не смущала. Муж легко вскочил в седло, потом втянул следом меня вместе с лирой — легко, словно пушинку. Тронулись мы неторопливо, в молчании.

Я пристроила голову на плече мужчины, закрыла глаза — и в этот момент отчетливо ощутила, что меня отпустило. Недавний страх, напряжение последних часов в ожидании развязки и даже, наверное, беспокойство всех дней с самого представления нового кесаря народу — все это таяло, оставляя ощущение легкости и безмятежности. Казалось, что уж теперь-то все будет прекрасно, самое худшее позади.

Конечно, совсем без неприятностей не обойдется, но во мне зрела твердая уверенность, что переломный, самый неприятный и опасный момент уже миновал — сейчас ли или раньше, когда Тия, Ив и Стъэль спасли весь наш мир, не знаю, но осознала я все это только теперь.

Осознание это оказалось неожиданно легким и спокойным. Мне не хотелось смеяться или плакать от облегчения, не хотелось мечтать о будущем. Было единственное желание: вот так сидеть, прижавшись к любимому мужчине, наслаждаться покоем и уютом и... Пожалуй, все.

Кажется, в этот момент я вдруг поняла, что совершенно, абсолютно счастлива.

— Рина, ты точно в порядке? — негромко спросил Ив, нарушая молчание.

— Да, более чем, — отозвалась я и щекой потерлась о его плечо. — А почему ты спрашиваешь?

— Притихла, не ругаешься, не делишься впечатлениями, — хмыкнул он. — Я все жду, пока у тебя начнется эмоциональный откат.

— Не начнется, — уверенно ответила ему. — Я сейчас чувствую громадное, ни с чем не сравнимое облегчение. Мне очень хорошо. Знаешь, муж, я все-таки очень, очень тебя люблю...

Ив молча поцеловал меня в макушку, на мгновение крепче сжав в объятьях, а потом со смешком заметил:

— Не надейся, что я забуду тебе «молодого, красивого и холостого охранника».

Я в ответ захихикала, а потом попросила негромко:

— Не ревнуй. Я же не ревную тебя к лошадям! Ну, почти...

— При чем тут лошади? — предсказуемо опешил Ив.

— Они тоже красивые, — пожав плечами, ответила я.

Пару мгновений муж молчал, соображая, а потом легко рассмеялся — и к теме посторонних неженатых фиров мы больше не возвращались.

Глава 14

О воле богов

Тия Дочь Неба

О том, чтобы поучаствовать в ловле преступника или хотя бы удовлетворить свое любопытство, взглянув на него сразу, я благоразумно даже не заикнулась. А то не знала, что выскажут мне все, начиная с законного мужа! Стъэль, конечно, способен выразить негодование только в письменной форме, но здесь, полагаю, хватит одного укоризненного взгляда, чтобы я почувствовала себя маленьким глупым ребенком.

Да я и сама понимала, что нечего путаться под ногами у серьезных профессионалов. Вот и оставалось ждать, молча беспокоиться и надеяться, что с Риной ничего не случится. Хотя, к стыду своему, тревожилась за подругу я гораздо меньше, чем могла бы: слишком крепко верила в Алого Хлыста и его «котиков».

Гораздо сильнее меня сейчас заботила грядущая встреча с Митием, хотя, казалось бы, повода для волнений не было. Нет, мы не прониклись вдруг доверием к Тени Камня, но, даже невзирая на все его провинности, не верилось, что мужчина вдруг решит на меня напасть. Да даже если бы попытался, ничего не вышло бы, меня окутали плотным коконом защиты решительно ото всего: и от Железа, и от Искры, и от Хаоса. Но все равно сердце было не на месте.

Видя это, Стъэль предлагал составить мне компанию, и отказаться от его молчаливой поддержки оказалось очень трудно. Но я, не раз перебрав в голове все кандидатуры возможных помощников и советчиков, неожиданно даже для самой себя рассердилась и решила, что не хочу ни за кем прятаться. Какой из меня кесарь, если я не могу даже один на один поговорить с собственным опальным советником?

Когда Тень Камня все-таки привезли и он вслед за моим временным помощником прошел в кабинет, я с легкой иронией поняла: если бы его не назвали, я бы и не вспомнила, кто это. Столько разговоров о нем, столько вопросов, а лицо оказалось почти незнакомым. Немудрено: слишком неприметная у него наружность и слишком редко я его видела, только на официальных приемах в Нижнем еще в бытность мою одной из дочерей кесаря.

— Сиятельная госпожа, — хамить и говорить гадости с ходу Митий не стал, согнулся в учтивом поклоне, и мне почему-то ощутило полегчало. Хотя, скорее, следовало бы удивляться, начни он вести себя как перепивший моряк: не той величины фигура, чтобы позволять себе мелочное нахальство.

— Здравствуйте, Тень Камня. Садитесь.

— В присутствии кесаря, да еще женщины? — он вопросительно изогнул брови. В голосе отчетливо скользнула ирония. — Благодарю покорно, но это слишком.

— Да. Но это было не предложение, — возразила я ему.

Перехвалила. Хамить он начал, причем как раз по мелочи. Не удержался, все-таки обижен.

Но на дальнейший конфликт из-за пустяка Митий не пошел, склонил голову и устроился в кресле.

Некоторое время мы оба молчали и разглядывали друг друга. Тень Камня, правда, изучал не только меня, но и кабинет, и что-либо прочитать по его лицу было невозможно.

— Вы хотели о чем-то рассказать. Говорите, — наконец нарушила я тишину.

— Кхм. Прошу прощения, но позвольте для начала один вопрос? — с легкой усмешкой в уголках губ проговорил он. Дождавшись моего кивка, продолжил: — А где Алый Хлыст? Я в самом деле его не вижу.

— Хотите поискать под столом? — все-таки вырвалось у меня ехидное замечание. Но я тут же мысленно отвесила себе подзатыльник и поспешила продолжить, не давая собеседнику возможности ответить: — Вы ведь хотели разговаривать с кесарем. Говорите. Или вы уже передумали и желаете отчитаться перед седьмой милией?

— Пожалуй, нет. Особенно в таком разрезе, — он вновь слегка улыбнулся, но взгляд оставался таким же спокойным и пристальным.

Впрочем, нет, одно изменение я все же сумела уловить: пропал налет легкой иронии. И я мысленно похвалила себя за смелость и решительность. Похоже, мне удалось удивить Мития, ожидавшего разговора с кем-то из советников, и заставить его обратить внимание на меня. Не знаю, хорошо это или плохо, но...

— Думаю, не стоит ходить вокруг да около, — решил он. — Красный Кот рассказал, в чем и почему меня обвиняют, и я посчитал необходимым объясниться лично. Понимаю, что верить мне на слово вы не обязаны, но я даю слово, что к последним событиям не имею никакого отношения. Ни к непонятному появлению хищников во дворце, ни к нападению на принца

Стъёля...

— Но? — подбодрила я, потому что мужчина замолчал, будто задумавшись.

— Но предполагаю, кто и почему это сделал, — завершил он, встряхнувшись. — А главное, я могу объяснить, как этот человек сумел обмануть дворцовые чары. Хотя поверить в это объяснение вам, боюсь, будет труднее, чем принять мои слова на веру безо всяких аргументов.

— Рассказывайте, а там посмотрим, — велела я.

— Дело в том, что несколько лет назад со мной заговорил... некто. И предложил силу, способную перевернуть мир. Первый раз я подумал, что это просто глупый сон, но гость был настойчив и убедителен и в конечном итоге пробудил во мне любопытство. Разумеется, соглашаться сразу невесть на что я не стал, даже во сне, и очень быстро понял, что это был правильный выбор. Он предлагал... разные варианты демонстрации, но исключительно однообразные. Кого-то убить, кого-то запутать. Может быть, я и согласился бы, но настораживало одно ограничение: он не мог влиять на виранов, вернее, только с их согласия. Пожалуй, невесть какая сложность — добиться чьего-то формального согласия, но такое ограничение мне совершенно не понравилось. Единственная сила, обычно требующая согласия и доброй воли, — это боги. А, как повторяла одна мудрая женщина, для смертного нет участи хуже, чем стать разменной монетой в руках богов.

— Это которая? — не удержалась я от проявления любопытства.

— Вы не могли ее знать, — чуть улыбнулся Митий. — Моя мать умерла за много лет до вашего рождения.

— Странная тема для разговора матери и сына, — растерянно хмыкнула я.

— Она была островитянкой, а у них странные представления о странном, — спокойно ответил он, а я еще больше насторожилась.

Снова островитяне? Сомневаюсь, что это совпадение.

— Простите, я вас перебила. Продолжайте.

— В общем, именно тогда я заподозрил, что имею дело с кем-то из богов. Не зная, что предпринять, я некоторое время не давал окончательного ответа, но потом... Вода точит камень, и в итоге я все же поддался на уговоры и совершил досадную глупость. Которой недавно изящно воспользовался ваш советник. Впрочем, это было закономерно...

— Под досадной глупостью вы подразумеваете то, что совершили со своей дочерью? — осведомилась я.

Тень Камня смерил меня тяжелым взглядом, потом усмехнулся и

качнул головой.

— Не своей. Это, видите ли, был тот ключ, который подобрал ко мне ночной гость. Недостойно говорить об этом, но... впрочем, какая теперь разница. Дело в том, что около семи лет назад я внезапно прозрел и выяснил, что супруга была мне неверна, причем давно и... разнообразно. Лиа не моя дочь. Но это все мелочи, главное, что сын и наследник тоже мог оказаться не моим. Она так утверждала и предполагала, что отцом мог быть покойный кесарь. Время зачатия сына совпадало с большим праздником здесь, в Нижнем дворце, и это вполне могло оказаться правдой. Проверять было уже поздно, я добровольно отдал тогда своего сына Алию. Тогда мне это казалось разумным: сын вырастет с будущим кесарем, сумеет получить достойное место... Собственно, к моменту встречи с ночным гостем я и сам почти убедил себя, что подозрения верны и почва была подготовлена заблаговременно. В итоге я согласился на демонстрацию, отдав ему Лиа. Это было не самое умное решение, но мне было любопытно. Впрочем, главную ошибку я все-таки не совершил: пообещал дать окончательный ответ только после разговора с сыном. И после этого гость потерял ко мне всякий интерес. Теперь я понимаю, что он просто знал: подозрения беспочвенны. Если жена и изменяла мне с кесарем, то к сыну это не имеет никакого отношения.

У меня был повод гордиться собой: очень хотелось высказаться на тему беспринципности и мерзости некоторых типов, но я сдержалась. Как-то поздновато читать нотации мужчине, который в три раза меня старше и на порядок опытнее. Да, мне странно видеть такое отношение на основе только кровного родства, но это его дело.

— Вы всерьез думаете, что я поверю, будто на подобное вы пошли только из любопытства? Безо всякой выгоды для себя рискнули пусть не родной дочерью, но... ценным ресурсом, в который были вложены большие средства?

Митий вновь усмехнулся — мне показалось, одобрительно — и ответил:

— Нет, отчего же? Лиа должна была устранить Железного регента. На этом настаивал мой ночной гость, и сам я ничего не имел против подобного результата. На том мы и сговорились.

— Чем вам-то Ив не угодил? — я удивленно приподняла брови. — Неужели только тем, что он стал первым регентом?

— А вы полагаете, этого мало? — усмехнулся Тень Камня. — Выскочка, юнец, бесконечно далекий от политики и ни на что толком не годный. Беспольный, разве что очень сильный. Я не питаю симпатии к

тому же Алому Хлысту, но понял бы его назначение. Его, кого-то еще, но этот... — он качнул головой.

— Это была воля Идущей-с-Облаками, — заметила я. — Она назвала Ива.

— Вот как? Любопытно, — равнодушно кивнул он. — Но это в любом случае уже не имеет смысла. Он больше не регент и, насколько я могу судить, ничего уже толком не решает. Впрочем, он и раньше-то немного решал.

— Вы поэтому начали копаться в его прошлом? Из личной неприязни?

— Не личной, а политической, — с усмешкой ответил Митий. — Лично мне этот человек безразличен.

— И что же натолкнуло вас на мысли о подлинном происхождении Ярости Богов? — полюбопытствовала я.

— Эта версия занимала меня давно, но ответ в конечном итоге дал все тот же ночной гость, — не видя смысла что-то скрывать, сообщил он. — Неявно, конечно, но из его посулов про запредельные силы, про то, что власть над стихиями может получить не только дан или фир, но и обычный человек, я постепенно сделал вывод, что подобное превращение возможно. А этот вопрос был единственным, который не позволял окончательно остановиться на данном варианте.

— Не боитесь сознаваться в покушении на убийство? — полюбопытствовала я.

— В намерении, — с нажимом поправил Митий. — До покушения дело не дошло, так что, увы, преступление совершено не было.

Да, действительно. Глупо было надеяться его подловить; вряд ли Тень Камня так откровенничал бы, всерьез рискуй он хоть чем-то. Впрочем, даже без учета риска такое его поведение настораживало, но задаваться этим вопросом было пока некогда.

— Ладно, это дела минувших дней. Мне сейчас куда интересней Нарамаран. Откуда вы его знаете?

— Он некоторое время назад явился ко мне, очевидно, рассчитывая на помощь. Но я не стал особенно откровенничать с таким странным гостем, который ссылался на «нашего общего покровителя». Однако ссориться с ним тоже было не с руки, поэтому несколько раз мы поговорили и тем ограничились.

— Как же он в таком случае сумел прикрыться вами для проникновения во дворец?

— Дело в крови, — проговорил Митий — раздумчиво, веско, явно делаясь собственными выводами, а не пересказывая за кем-то. — Поначалу

мне это казалось странным, но тот, кто являлся во снах, с определенным пиететом относился к этому веществу. Для него она имела большое значение, созвучное тому, какое упоминается в сказках. Кровь — дверь для его силы, и, имея эту самую кровь, он способен на многое. Мне кажется, с ней он на многое способен и без согласия жертвы, хотя и не на все. Скажем так, заставить таким образом человека что-то сделать нельзя, а вот причинить ему вред — вполне.

— Значит, к нему попала ваша кровь?

— Увы. Нелепая случайность. Я имел неосторожность порезаться в его присутствии.

— Но почему именно вы? Нельзя было выбрать кого-то проще и неприметнее? — продолжила настаивать я.

— Ответить на этот вопрос однозначно я, увы, не могу. Но предполагаю, что, во-первых, он точно знал, что во дворец я сам не поеду, и не рисковал со мной пересечься. Я, например, не знаю, как отнесется защита Нижнего дворца к появлению двух одинаковых людей, и он, надо думать, тоже мог лишь гадать. А во-вторых, это могла быть или мелочная месть за мое бездействие, или результат неправильной оценки меня этим претцем.

— В чем именно неправильной? — уточнила я, мысленно поставив себе зарубку разобраться с защитными чарами дворца и выяснить: а как они в самом деле отнесутся к появлению двух копий одного и того же человека? Боюсь, опасения Нарамарана были беспочвенными и Нижний вполне мог попросту не обратить внимания на такую деталь...

— У него сложилось ошибочное впечатление, что я любой ценой желаю поквитаться с людьми, находящимися сейчас у власти. С Алым Хлыстом, Яростью Богов. Вами.

— А это не так? — спросила я, впрочем, не надеясь на честный ответ.

— Ключевое слово здесь «любой ценой», — усмехнулся он. — Да, может быть, я хочу изменить существующий расклад. Но стремление к власти плохо сочетается с тем, чтобы подарить часть этой власти соседям. Я не люблю старину Даора, но все же он куда лучше претских визирей и тем более родственников вашего супруга.

— И чем я обязана такой откровенности? — поинтересовалась я хмуро.

Тень Камня несколько секунд разглядывал меня в задумчивости, будто прикидывал, насколько я достойна ответа.

— Я изначально поставил не на ту колесницу, — наконец произнес он, едва заметно пожав плечами. — Глупо с этим спорить и пытаться отрицать.

Но один проигрыш — это не конец игры и не конец жизни, а просто повод сделать другую ставку. С учетом предыдущих ошибок. А чем обязаны... Вы, сиятельная, еще ребенок. Но ребенок весьма перспективный и достойный. Через двадцать, тридцать лет из вас может получиться весьма достойная правительница. Возможно, куда лучшая, чем был Алий. Сейчас я это вижу, и увиденное мне нравится. Будь я вашим отцом, я бы гордился такой дочерью.

И вновь у меня был повод похвалить себя: я опять удержалась от неуместных замечаний. О том, что дети — это плоды труда родителей, а свою собственную дочь — отнюдь не глупую и, наверное, совсем не плохую — он собственной волей обрек на безумие и явно не сделал из этой ситуации верных выводов.

Зачем попусту сотрясать воздух? Циничный, расчетливый, давно уже не молодой мужчина с твердым характером и холодными глазами. Разве может он прислушаться к... ребенку? Пусть даже перспективному и достойному.

— Стало быть, вы предлагаете мне... дружить? — ровно спросила я, запнувшись перед последним словом в попытке найти более подходящее слово.

— Можно сказать и так, — со смешком согласился он.

Несколько мгновений мы играли в гляделки, а потом я медленно кивнула.

— Я вас услышала. Мне надо подумать над ответом.

— Проконсультироваться с учителями? — Митий насмешливо поднял брови.

— Не без этого, — не стала я спорить. — Но ведь сомнение перспективного ребенка не должно затмевать здравый смысл, разве нет?

Может быть, получилось излишне резко, но Тень Камня, кажется, не обратил на это внимания. Без дополнительных намеков понял, что аудиенция окончена, и откланялся.

Я же наконец откинулась на спинку кресла, чувствуя ломоту в шее и пояснице, и устало прикрыла глаза. Только теперь поняла, как сильно была напряжена во время этого короткого разговора. Боялась сказать что-то не то, боялась провалить очередной жизненный экзамен.

Однако в итоге я его, кажется, выдержала. Может быть, не на отлично, но точно неплохо.

Кажется, я так и задремала в кресле, потому что вдруг очнулась от осторожного прикосновения к щеке. Вздрыгнула, вскинула голову — и совсем не удивилась, обнаружив рядом мужа. Он сидел на корточках у

моего кресла, одной рукой цепляясь за подлокотник, и глядел на меня со смесью нежности и легкой тревоги. Я перехватила его ладонь, чувствуя, что губы сами собой расплзаются в улыбке.

— Привет. Я, кажется, немного задремала.

Стъэль состроил вопросительную гримасу, и дополнительных уточнений не потребовалось.

— Кажется, все прошло хорошо, — ответила я ему. — Мы как минимум договорились о перемирии. Кажется, он изначально был настроен вполне благосклонно и даже не пытался сделать что-то нехорошее. А что выяснилось по существу...

Я вкратце пересказала содержание беседы. Конечно, стоило передать все это и Виго, и Даору, но сейчас мне не хотелось куда-то идти и кого-то звать. Хорошо было просто сидеть, рассматривать лицо мужа, держать обеими руками его ладонь и ощущать молчаливую поддержку. Выслушав, он задумчиво качнул головой, притянул меня к себе ближе, чтобы поцеловать в губы, и улыбнулся. Кажется, полностью одобрял все мои действия.

После этого Стъэль поднялся и потянул меня за руку, вынуждая встать.

— Что? Куда? — растерялась я.

«Пора спать».

— Погоди, но ведь надо рассказать Даору, да и остальным, — возразила неуверенно и тем не менее безропотно позволила мужчине вывести меня из кабинета.

«Они все заняты. Поймали преступника», — сообщил он.

— Нарамарана? — ахнула я. — А как Рина?!

«Все хорошо», — заверил Стъэль, бросив на меня чуть насмешливый взгляд. На этом я приняла мудрое решение прекратить споры. Помнится, и целитель говорил, что надо больше отдыхать, а разговор с Митием меня здорово вымотал.

Утро началось хоть и рано, но обещало чудесный день. Просто потому, что будил меня муж и делал это долго, вдохновенно и безо всякой спешки. Целовал, ласкал; сначала — легко и очень осторожно, потом — настойчивей и уверенней. Потом мы занимались любовью — столь же неторопливо, нежно, наслаждаясь каждым мгновением близости. Лицом к лицу, ладонь к ладони, и сердце затапливала щемящая, пронзительная нежность. Как я вообще могла бояться этого человека? Считать его холодным, жестким, равнодушным?

Все же ради такой награды стоило пережить эти приключения и рискнуть жизнью...

После этого мы вполне уютно, даже несмотря на компанию уже знакомого порученца, позавтракали и отправились заниматься своими делами. Конечно, меня терзало любопытство и хотелось поскорее выяснить, как дела с пойманным преступником, но пришлось тренировать выдержку. Сегодня мне предстоял приемный день, а значит — множество разговоров, чужих проблем и очень мало свободного времени.

Привычная тесная компания собралась в моем кабинете лишь поздно вечером, когда мне, честно говоря, не хотелось уже совершенно ничего, только лечь и уснуть. Но, конечно, поддаваться этому желанию я не стала.

Собрались все, даже Райд угрюмо нахохлился на стуле подальше от меня — осунувшийся, хмурый, выцветший настолько, что больно было смотреть. От симпатичного весельчака и балагура с отлично подвешенным языком осталась одна бледная тень. Вспомнился наш с ним шуточный разговор о том, что любовь сделает его унылым и молчаливым, и стало совсем грустно. Лучше бы это действительно была любовь, а не... вот такое.

На моего мужа Райд поначалу поглядывал с опаской, но Стъэль реагировал на его присутствие совершенно спокойно, и бывший сын кесаря вскоре успокоился.

— Прошу прощения, что заставил высокое собрание ждать, — Даор вплыл в комнату последним и изящно склонил голову в знак извинения. — Вынужден был...

— А можно без прелюдий? — оборвал его Виго, тоже, очевидно, терзаемый любопытством. — Он заговорил?

— Поначалу не хотел, — Алый Хлыст слегка улыбнулся и, пожав плечами, опустил на свободное кресло. — Но когда ознакомился с расшифровкой того послания, которое оказалось в руках у Пыли Дорог, и понял, что это не фальшивка, сначала долго и весьма истерически смеялся. А уж потом, когда ему сообщили, что пообщаться с ним желают островитяне, и если он не принесет нам пользы, то мы отдадим его им, не то что заговорил — запел! Наши друзья с юга очень не любят воров, особенно тех, которые покушаются на реликвии, и Нарамаран предпочел мирную беседу с нашим следователем и перспективу гуманной казни разговору с тамошними палачами.

— Какие мы все-таки человеколюбивые, — хохотнул Гнутое Колесо. — Бардраба от страшной казни спасли, теперь вот этого.

— Предлагаете пустить слух среди преступного сообщества, что в Вирате казнят не больно? — со смешком отозвался Авус.

— Да ну вас с вашими шуточками, — не выдержала я. — Даор,

рассказывайте уже! Что ему все-таки понадобилось от Рины и всех нас?

— Оказывается, причиной охоты за нашим алмазом неграненым стала обыкновенная недостоверность информации.

— То есть? — хором спросили несколько голосов.

— Все до смешного просто, друзья мои. Пыль Дорог получил этот документ случайно, еще в дни своей шпионской деятельности, забрав у своего тогдашнего хозяина. Тот человек увлекался загадками прошлого, особенно смутным периодом истории Преты, многое знал о подполье тех времен, разговаривал с кое-какими очевидцами. То есть теоретически он имел возможность владеть некими уникальными, по-настоящему ценными артефактами и документами того времени. И Нарамаран был уверен, что Айрик, ударившись в бега, прихватил определенную ценность. Там действительно была мутная история с пропажей документов, но сейчас найти концы уже невозможно, ведь бывшего хозяина Айрика давно казнили за измену. Наш злодей считал этой ценностью откровения бога, в которых содержался ключ к божественной же силе.

— И зачем ему все это? Власти над миром захотелось? — мрачно спросила я.

— Зачем над миром? Нет, всего лишь над Претой. Виго определил правильно, источником такого настроения Нарамарана и уверенности в том, что у него есть права на Золотой Ковер, являлась его мать. Оскорбленная женщина пыталась сделать из сына оружие, которое могло бы отомстить за ее сломанную жизнь. Она не учла только одного: Нарамаран все-таки рос в Прете, не в той среде, к которой привыкла островитянка, а полностью исключить влияние окружения она, конечно, не могла. В результате он не очень-то рвался мстить за нее: считал, что отец хоть проявил излишнюю грубость и мог решить дело мягче, но был в своем праве, когда взял понравившуюся женщину наложницей. Но островитянка убедила сына в его исключительности, и вместо мести он начал искать власти.

— Мне почудилось, или ты вправду восхищен ей? — растерянно вскинул брови Гнудое Колесо.

— В какой-то мере, — спокойно пожал плечами Даор. — Вряд ли эта несчастная знала, чем обернется ее ненависть, но она достойна уважения за упорство, хитрость и методичность в достижении цели. Полагаю, это была женщина исключительной воли и характера. Досадно, что ее жизнь окончилась так глупо. Да и сын у нее получился неплохой, упорный и сообразительный. Его даже можно назвать умным человеком, только ум его, увы, не соответствовал целям: отличный толковый исполнитель, но

весьма посредственный политический стратег. Он решил действовать миром и довольно быстро сумел привлечь внимание отца, а после заслужить его интерес и даже определенное доверие. Не исключено, что Матиритам действительно был не прочь видеть своим наследником именно этого внебрачного сына, но этого мы уже никогда не узнаем. Стройный план Нарамарана разрушила его мать: видя, что первоначальная идея не принесла плодов, она предпочла вспомнить то, чему училась на родной земле.

Предположения Виго полностью оправдались. Секрет островитян, собственно, состоял из двух частей. С одной стороны, они действительно знали о Хаосе и знали, как можно научиться им пользоваться. Но почти никогда к этому не прибегали: никаких серьезных, важных вопросов так решить было нельзя, а с мелочами они предпочитали бороться своими силами.

А с другой стороны, они умели отводить большие беды. Для этого требовалась кровь — и жертвы для договора с богом. И именно к этому способу прибегла в итоге мать Нарамарана. Судя по всему, женщина все же привязалась к своему сыну, а потому решила помочь ему. Правда, метод выбрала не совсем подходящий: обменяла покровительство и помощь бога в войне, апогей которой пришелся на битву при Тауре, на жизнь своего обидчика и свою жизнь.

После смерти отца Нарамаран бросил все дела и помчался в Прету, где со злостью обнаружил, что основные фавориты давно уже определились и без его участия, а про молодого амбициозного дана никто из сильных мира сего не вспоминал. Больше того, нашел послание от матери, тоже к тому моменту умершей, что именно ее стоит благодарить за подобный исход.

Махать кулаками после драки и ругаться было уже не на кого. Он запоздало сделал вывод, что в одиночку власть не получишь и уж тем более не удержишь, но зато мать в своих признаниях подсказала новый способ решения проблемы: вмешательство бога. Однако для этого нужно было научиться пользоваться силой, а значит, пришлось отправиться на острова. И он разобрался, выучился, обрел покровителя — того самого, который приходил к Митию.

Только Нарамаран оказался гораздо менее осторожным и предусмотрительным человеком, нежели Тень Камня, а потому обещал богу помощь в обмен на место на Золотом Ковре. Попался глупо: не оговорил ни срок собственной службы, ни срок получения Золотого Посоха.

Ошибку свою он в итоге осознал, даже пытался исправить и найти

способ избавиться от обязательств. Перелопатив массу легенд и мифов островитян, он пришел к выводу, что на их призывы всегда откликается одно и то же божество. Обжигающий Глину. Правда, открытие это ему ничем не помогло: все источники утверждали, что договор нерасторжим.

В Далене, в гостевом доме «Большая крыша» претец оказался случайно. После бегства с островов, когда его едва не поймали на месте преступления, — а изучение Хаоса теми, кому это не разрешалось старшими, каралось смертью, — он бездумно скитался по миру, изучая украденные записи и продолжая осваивать силу Хаоса. В тот момент как раз получил приказ от своего божественного покровителя отправляться в Вир, и волей случая путь его пролег той же дорогой, что у Ярости Богов.

В прежние годы он неплохо знал Айрика Пыль Дорог, тогда еще претца с совсем другим именем. Дочь его он узнал по приметной и необычной старой лире, а после, понаблюдав за ней, пришел к выводу и о явном внешнем сходстве.

Он, конечно, сразу вспомнил историю с пропавшими документами, сам себя убедил в правильности подозрений. Больше того, он решил, что Ив прихватил с собой девушку по той же самой причине. Нарамарану слишком хотелось верить, что из ситуации, в которую он сам себя загнал, имеется выход. Обрести силу независимо от покровителя и избавиться от него — призрачный, но все же шанс.

Пожалуй, самой интересной новостью, которую мы узнали от пойманного дана, было объяснение сути защиты, которую дала Вирате Идущая-с-Облаками до совершеннолетия будущего кесаря. Собственно, именно из-за этой защиты его покровитель не мог толком связаться с местными обитателями и всерьез на них повлиять, способный добраться на этой земле только до некоторых островитян или их потомков вроде Мития.

Оказалось, что дети кесаря — отлученные от родителей младенцы, лишенные своих имен и прошлого, — являлись жертвой, которую покойный кесарь принес богам за годы спокойствия и защиты для страны. С точки зрения богов, таким образом эти дети буквально лишились своих жизней — тех, что были предназначены им Следящим-за-Дорогами. А что взамен они получили новые, это уже не играло роли.

Такой защитой боги, кажется, компенсировали вред, нанесенный Обжигающим Глину. Хотя как именно они подсчитывали масштабы вмешательства, было неясно.

Попав же в Вир, Нарамаран отправился напрямую к новому шаху, и здесь его собственные устремления полностью совпадали с желаниями божественного покровителя, велевшего проникнуть в Нижний дворец.

— Так я не понял: он собирался сесть на Золотой Ковер или уже нет? — полюбопытствовал Виго. — Зачем он вновь связался с шахом, если сам же сделал вывод о необходимости искать поддержку в других местах?

— Он уверяет, что планировал начать все сначала, что это был только первый шаг, — пожал плечами Даор. — Что хотел, пока ищет способ избавиться от божества, присмотреться к нынешнему шаху, втереться к нему в доверие и поискать подходящих людей в его ближайшем окружении. Но мне кажется, дело в другом. Бывают люди, которые совершенно не приспособлены к власти, такие вечные помощники. Они могут очень увлеченно к ней рваться, но если вдруг достигают — ничего хорошего из этого не получается. Нет, они не начинают пользоваться служебным положением для личных нужд или активно воровать. Напротив, они просто не способны самостоятельно распорядиться этой властью и такой высокой должностью. Поэтому обычно все заканчивается обретением покровителя: или более высокого начальника, способного приказать, перед которым несчастный готов расстилаться ковром, или достаточно волевого и решительного друга или родственника, который начинает принимать решения за него. И совсем не обязательно подобный тип является слабым и бесхарактерным существом, он просто не создан повелевать. Например, я знаю одного неплохого человека подобного сорта, он занимает высокий пост в седьмой милии. Сильный фир, большой умница и талантливый следователь, он, однако, не способен в своей роли принять ни одного важного решения, не посоветовавшись со старшим писарем.

— И вы его терпите? — опешила я.

— Хм. Его старший писарь по совместительству является его супругой, женщиной очень мудрой, хозяйственной и предусмотрительной, — привычно пряча в уголках губ улыбку, пояснил Алый Хлыст. — Поставить ее на место мужа я не могу, а вот так, вдвоем, они прекрасно справляются с обязанностями. Так зачем что-то менять?

— Значит, по-твоему, Нарамаран — как раз такой вот ведомый человек? — спросил Ив.

— Да, пожалуй. Более убедительного объяснения у меня нет, он ведь в самом деле весьма неглуп. Горяч, как многие претцы, плохой стратег, но все же не дурак.

— Ладно, положим, понятно, зачем он напал на Рину, — протянула я. — Но почему он сунулся к ней вот так нахрапом, возле храма? И что там с Райдом, этот дан действительно следил через него?

— С Риной все просто. Защита, созданная нашей железякой, выглядит как щит обычного фира, — со смешком пояснил Хала. — Вот он и решил,

что на расстоянии Ив не способен ему противиться. С Райдом... действительно интересные чары. Тоже что-то основанное на крови, но мы так толком и не разобрались, как оно работало. Кажется, чары позволяли отслеживать перемещения объекта и узнавать, кто находится рядом, но не более. Все остальное Нарамаран мог выяснить у нашего невольного шпиона только при личных встречах, которые случались в его визиты к любовнице.

Дан бросил насмешливый взгляд на и без того понурого Райда. Фир не ответил и взглядом; тогда Ина слегка ткнула Пустую Клетку под ребра и состроила укоризненную гримасу, явно таким образом выговаривая за шуточки в адрес несчастного парня.

— Собственно, так он и отследил выход Рины за пределы Нижнего дворца. Шанса достать девушку Нарамаран ждал долго, держал наготове этих наемников — скорее для отвода глаз, чем всерьез на них надеясь. К слову, мы правильно полагали, Нижний дворец действительно не дает применять чары Хаоса. А те, что Нарамаран использовал для разрушения купола, относились к числу божественных. Собственно, разница тонкая, но она есть: просто чары Хаоса плетет сам человек, а при ритуале на крови он призывает бога, и силу прикладывает уже тот. Тягаться же с богом здешняя защита все-таки не способна.

— Рина ему была нужна ради свободы, Тия и прочие провокации — для получения крови. А зачем нужно было покушаться на Стъёля и тебя? — полюбопытствовал Виго.

— Тут есть варианты. Либо личная инициатива Нарамарана, решившего пойти проторенным путем и спровоцировать конфликт Вираты с Альмирой, либо приказ шаха. То есть наш пойманный на месте преступления злодей, конечно, утверждает, что он только выполнял волю Ламилимала, но доказательств у него нет. Слово против слова. Я, впрочем, склонен верить: ему подобное было без надобности. Разве что получить таким образом кровь Стъёля, но это как-то слишком сложно. Скорее, он просто пытался заслужить доверие шаха. Что касается попытки избавиться от меня, я не уверен, что это не было совпадением. А даже если кто-то приложил руку, доказать все равно не получится. Например, с тем же успехом Митий мог шепнуть чужаку что-то на мой счет. Но доказать мы все равно ничего не сумеем.

— Значит, все-таки кровь. Как-то все это... нелепо. Неужели нельзя было поступить проще?

— Нелепо — может быть, но ведь сработало, — с иронией улыбнулся Даор. — С Драмом все получилось просто, он не дурак подрасться. С

Гроттерией нашему злодею повезло, у лакки часто бывают носовые кровотечения. Шаха и Стъёля Нарамаран удачно стравил и возможность добыть кровь Тии тоже получил. Не забывайте, он был очень ограничен в воздействиях здесь, во дворце.

— А нападение тварей на границе? Тоже его рук дело? — спросила я.

— Он отрицает, — ответил Алый Хлыст. — И тут я уже верю без доказательств: сомневаюсь, что ему это было по силам.

— Хала, а ты-то что скажешь? Или ты его не смотрел?

— Не могу я его посмотреть, — буркнул Пустая Клетка. — Привыкли, что Хала добрый и все может, а Хала тоже человек!

— Ты чего? — опешила я.

— Наш друг чрезвычайно удручен неудачей, — перевел Даор. — Когда сотрудник седьмой милии, тоже читающий в душах, расписался в собственном бессилии заглянуть в этого человека, Пустая Клетка изволил выразить сомнения в профессионализме коллеги.

— Ясно. Значит, довыпендривался, — рассмеялся Ив, в ответ на что обиженный дан скорчил рожу.

— Полагаю, это все — побочный эффект его экспериментов с Хаосом, — продолжил невозмутимый седьмой милор. — Безумия каким-то чудом — или, может быть, вмешательством бога — удалось избежать, однако разум все равно претерпел изменения.

— Печально все это, — со вздохом резюмировала я. — Даже где-то жалко этого Нарамарана. Столько сил и времени потратил, чтобы в итоге получить пшик.

— То есть подписывать ему смертный приговор сиятельная не желает? — выгнул брови Даор.

— Не желает, — согласилась я. — Но подпишет.

Засиделись мы в конечном итоге глубоко за полночь. Хотелось узнать детали и подробности, и Даор по мере возможности нас просвещал. Хотя на самый важный вопрос — а что будет теперь и неужели все закончилось? — только отшутился, что закончилось, к счастью, не все и жизнь продолжается. А после подробностей, конечно, хотелось поделиться впечатлениями, обсудить новости, посетовать на мировую несправедливость.

Было очень обидно, что расплата настигнет только единственного исполнителя. Даже попортившему нам много крови Ламилималу было нечего предъявить, кроме голословных обвинений его сводного брата! Основные же проблемы принес бог, а сделать с ним что-то мы не могли при всем желании. Даже запретить его культ не могли, потому что это могло

привести к внутренним проблемам. Да, Даор предложил потихоньку уменьшить его значение, сделать так, чтобы люди и сами забыли о таком небесном покровителе, но все это было делом не года и даже не поколения.

И гарантировать, что вот в этот самый момент где-то там, за небесным куполом, не готовится к нападению еще одна орда неразумных, но очень опасных хищников, тоже никто не мог. Поэтому при всем недовольстве ситуацией у нас не оставалось другого выхода, кроме названного Даором: жить и надеяться, что за грядущими нашими проблемами будут стоять только люди.

* * *

Праздничный день — день перемены года — обещал быть действительно праздничным. Тревожных вестей с окраин мира не поступало, поэтому штаб в гостевой части моих покоев благополучно свернули, а Кмер Палица вместе со своими людьми выдвинулся обратно, в места постоянной дислокации первой милии. Однако на севере по-прежнему действовали усиленные патрули.

Катать меня на колеснице Стъель наотрез отказался, чему я только порадовалась, поэтому праздник должен был проходить прямо на площади перед Нижним дворцом. Поскольку большинство виранов предпочитали проводить день перемены года дома, с семьей, желающих полюбоваться моей физиономией, да еще в такую жару, вряд ли наберется много: только те, кому это действительно надо.

Кроме того, советники долго совещались, но пришли к выводу, что о моей беременности все-таки стоит сообщить пораньше, чтобы народ порадовался, а сегодняшний праздник для этого подходил как нельзя лучше. Хорошо еще, мне не пришлось самостоятельно искать для этих новостей слова, речь мне выдали уже готовую.

Рядом был муж, настроение было прекрасным, и перед выходом на люди я не волновалась совершенно. Это было даже немного странно: все-таки первое мое связанное и достаточно осознанное явление народу. На венчании я больше тряслась и молча улыбалась, потом, когда демонстрировала людям своего супруга, тоже. Сейчас же мне предстояло говорить и слушать, но чувствовала я себя гораздо увереннее.

Все шло ровно так, как задумывалось. Празднично настроенные люди были благодушны и безо всяких усилий со стороны седьмой милии встретили меня ощутимо теплее, чем на представлении. Наверное,

привыкли, да и рядом с суровым альмирцем моя юность уже не так бросалась в глаза. А новость о грядущем появлении наследника тем более приняли с радостью. Не за меня, конечно; за себя и будущее страны, потому что прямой наследник рода кесаря означал покой и стабильность. А то, что боги так вознаградили наш брак буквально сразу, тем более посчитали хорошим знаком.

Неладное я почуяла, уже заканчивая недлинную речь. В воздухе повисло странное давящее ощущение — неоформленная тревога, маетное предчувствие чего-то грандиозного. Нечто большое, важное, непонятное буквально дышало мне в затылок.

Я ощутила, как вздрогнула и напряглась лежащая на моей талии ладонь Стъёля — он стоял рядом и чуть сзади, легко и почти незаметно приобнимая меня одной рукой. Большого труда мне стоило не начать настороженно озираться и спокойно окончить речь.

А после того как я поздравила виранов с праздником, почти над моей головой зазвучал странный, чуждый голос, пробирающий до дрожи одним своим звучанием. Холодный, безликий, одновременно похожий на скрежет металла и глухой перестук камней. И я все-таки не выдержала, отшатнулась, резко оборачиваясь, — и едва не вскрикнула.

— Период эксперимента истек. Результат признан удовлетворительным. Жизнеспособность объекта соответствует заявленным требованиям. Отклонение образца от расчетной модели находится в пределах статистической погрешности. Процесс рекомбинации базовых энергетических источников основной реальности на основе промакетированных соотношений признан целесообразным, — без выражения, сухим бесстрастным голосом говорил мой муж.

Нет, не муж. Кто-то, кто говорил его устами. Чужой, подавляющий своей силой, одним своим присутствием. Знакомые черты лица и контур тела расплывались, как будто мужчину отделяла от окружающих колеблющаяся толща мутной воды. Вглядываясь сквозь нее, я уже вполне различала кого-то совсем другого — тоньше, выше ростом, одетого в простую белую тунику, с широкой белой лентой, закрывающей глаза.

Божество. Немой-с-Лирой.

— Биологические образцы признаны соответствующими архивным данным по всем ключевым параметрам. Базовая задача реконструкции биосферы признана реализуемой в полной мере на основе образца семнадцать сорок шесть три бис. Оценочное время реализации проекта составляет три года сто сорок два дня без учета основных поправок. Доступ сторонних процессов к системе ограничен. Ответственность за

реализацию проекта оставляю за собой.

Холодный лязгающий голос затих, и над площадью на несколько мгновений воцарилась неестественная, неподвижная, мертвая тишина. Единственным звуком, который я слышала, был грохот пульса в ушах.

А потом альмирец крупно вздрогнул всем телом и начал медленно оседать на мрамор. Сначала рухнул на колени, потом стал заваливаться вперед, но тут я уже очнулась, бросилась к нему, подхватила, тормоша и пытаюсь привести в чувство. Перед глазами стоял облик жрицы Идущей-с-Облаками — того, во что превратилась полная сил молодая женщина, приняв на себя отпечаток божественной воли, — и я похолодела от ужаса, понимая, что то же самое вполне может ждать моего мужа.

— Стъэль! Очнись!

Мой возглас разорвал тишину и заставил очнуться, кажется, всех, кто был на площади. И все будто заговорили разом, толпа взбурлила растерянным смятенным гулом, к нам тут же подскочил один из целителей: несколько данов дежурили на площади на всякий случай. Незнакомый мужчина одной рукой подхватил Стъэля за плечо, отмахнулся от меня как от назойливой мухи и провел ладонью по макушке альмирца.

Мужчина снова вздрогнул и пришел в себя, обвел окружающий мир осоловелым взглядом. У меня вырвался шумный вздох облегчения, а целитель тем временем помог Стъэлю подняться на ноги.

Гул на площади между тем усиливался, звучал общим тревожным вопросом: «Что это было?» Я для собственного успокоения спешно вцепилась в локоть мужа, понимая, что необходимо как-то успокоить людей, явно немногое понявших из сказанного богом. Вот только я и сама немногое поняла...

— Теперь я понимаю, почему он все больше помалкивает, — ехидно заметил Хала, находившийся здесь же, среди нашей свиты, в компании Даора, Виго и остальных. — Но зато вот заговорил — а конца света не случилось, тоже радость.

Звонкий голос дана прокатился над площадью — явно не обошлось без чар — и легко, непринужденно разрядил накалившуюся атмосферу. Послышались смешки, даже ехидные возгласы, и я тоже сумела перевести дух. А потом и себя заставила подать голос:

— Честно говоря, я тоже поняла не все, но... Кажется, нас всех только что благословил еще один бог и пообещал свое покровительство.

Собственно, стоило убедиться, что все кончилось и с мужем все в порядке, и ко мне вернулось самообладание. Даже подумалось, что, произойди все это не столь неожиданно, и я бы, может, и вовсе не

испугалась. Было неясно, почему альмирец перенес соприкосновение с личностью бога легче, чем старшая жрица Идущей-с-Облаками, — из-за краткости, из-за привычки к его компании или и то и другое вместе, — но без подробностей и объяснений этого явления я вполне могла обойтись.

Постепенно напряжение спало, народ окончательно успокоился и вспомнил, зачем вообще пришел. Кого-то непонятные высказывания бога напугали, но большинство все-таки отнеслось спокойно, философски, удовлетворившись моим невнятным объяснением. Кесарь все понял и остался спокоен — значит, и стране бояться нечего. А что бог вдруг заговорил устами немого альмирского принца — так всем известно, что Немой-с-Лирой подобным людям покровительствует.

Подозреваю, в ближайшем будущем нам стоит ждать всплеска симпатии к культу бога — покровителя данов, причем в форме, предложенной Драйдром Затворившим Уста...

И праздник двинулся дальше своим путем.

Это вечером мы будем уже привычной компанией обсуждать такое странное явление Немого-с-Лирой, и Даор непременно предположит, что сейчас мы имели удовольствие наблюдать подтверждение теории о том, что наш мир — действительно не первая попытка богов что-то создать и что Немой-с-Лирой в такой странной форме назвал эту попытку удачной. И предположит, что нам не стоит больше опасаться проблем со стороны богов.

А что половину слов не понял даже Алый Хлыст — так на то боги и есть боги, и спасибо еще говорил он по большей части на виранском, так что можно было понять хотя бы часть сказанного.

Главное, жизнь продолжается, конца света не будет — по крайней мере прямо сейчас — и можно спокойно заниматься насущными вопросами. Осваивать до конца язык немых, решать проблемы виранов и изо всех сил стараться разрешать конфликты между странами дипломатическим путем. Чтобы любимому мужу не пришлось опять бросать все и мчаться на границу, загоняя коней и самого себя.

Эпилог

Праздник перемены года в этот раз получился насыщенный, и жители Вира обсуждали его события очень долго. И будущего наследника, и явление бога, и так быстро кончившуюся, что как будто и не начинавшуюся, войну на севере — а были ли в самом деле какие-то странные хищные твари, или так, слухи?

Обсуждали с оптимизмом. Кто желал поворчать, конечно, находил повод и для этого, но в общем настроение у всех было приподнятым. И женщина-кесарь вроде оказалась не так плоха, и свой женский долг старательно выполняет, и альмирец вроде бы уже привычный, даже почти свой. А покровительство бога тем более никогда лишним не бывает.

Обсуждали до самой весны, да и дольше бы, может, вспоминали, но весна принесла не только радостное известие о рождении здорового, крепкого наследника, будущего кесаря, но и другие вести. Непонятные, странные, загадочные. О том, что за горами на севере вдруг нашлись новые земли, а небесный купол не то подрос и отодвинулся, не то исчез вовсе. Да и из соседних стран приходили подобные же слухи. Снаряжались отряды на разведку, но пока они там что принесут и расскажут, да еще неизвестно, что о том скажут простым людям!

Гораздо интересней было обсуждать все это сейчас, за кружкой вина, и вдохновенно ужасаться большим переменам, предчувствуя перемены еще большие. Самые памятьливые связывали это и с летними слухами о войне, и с явлением вдруг заговорившего Немого-с-Лирой, да только мало кто их слушал: объяснить толком они обычно не могли, а на одном чутье далеко не уедешь.

Но поговорили — и разошлись. В конце концов, какая кому разница, что там, на краю мира, если здесь — семья, дети, дом, и зима не за горами, а жена все пилит, что крыша худая. Да и есть ли он, этот край? Кто его вообще видел?

ГЛОССАРИЙ

Агонии — вестницы Держащего-за-Руку, младшие сестры Хозяина Пашни. Кровь, Голод, Страх, Боль, Поветрие, Прах, Забвение — семь сестер, которых представляют в виде прекрасных нагих дев с острыми клыками и длинными когтями на пальцах. Иногда Агоний изображают с птичьими ногами и крыльями.

Алый хлыст — змея, обитающая в прибрежных лесах. Осторожна и чрезвычайно ядовита, человек умирает за считанные секунды после укуса, при этом яда, который змея выпускает за один укус, может хватить на сотню человек. Однако яд опасен только при попадании в кровь. Излюбленное претское средство для смазывания стрел, дротиков и других метательных снарядов.

Альмира — самое крупное из государств, северо-западный сосед Вираты, история взаимоотношений с которым полна больших и маленьких войн.

«Бешеные псы» — элитный отряд в альмирских войсках. Воины, умеющие впадать в боевую ярость, на которых в это время не действует сила фиров и данов. Способ достижения последней хранится в строжайшем секрете.

Вечное Дитя — бог природы и любви. Представляется как обнаженный бесполой подросток лет тринадцати с мудрыми глазами старика.

Вир — столица Вираты, большой и шумный приморский город.

Вирата — страна, в которой происходят события. Небольшое, но богатое государство, обладающее и выходом к морю, и плодородными равнинами, и щедрыми на ценную руду горами. Жители страны — вираны.

Голос дана. Сила фиров стабильна и всегда ограничена ступенью, тогда как сила данов иногда может заметно колебаться: увеличиваться в моменты эмоционального напряжения — как положительного, так и негативного, или, напротив, уменьшаться в момент полной расслабленности, эмоциональной подавленности и усталости. Самым значимым фактором считается так называемый голос — человек, который выступает резонатором, усиливает способности дана многократно, свыше всех ступеней. Название такое появилось благодаря легенде, многие и сейчас полагают существование Голоса мифом. Считается, что покровитель данов, Немой, изначально был сильнейшим из богов, при этом бесконечно

далеким от вдумчивого созидания. Он творил легко, походя, но совсем о своих творениях не заботился и часто разрушал творения других. Согласно самой распространенной из версий легенды, тогда его звали Рассыпающим Камни. Однажды другие боги устали от этого и обманом лишили сородича части его сил. Так получилось, что при этом бог лишился и голоса. Точного ответа на вопрос, как это повлияло на бога, не существует, но судя по тому, что он после помогал сородичам наделять людей силами и данная им сила исключительно созидательная, Немой все осознал. Более того, считается, что именно эти отнятые у него силы и получили люди в качестве Искр.

Дален — город на севере, в Горной провинции, расположенный на Дальнем тракте.

Дальный тракт — дорога, проходящая по северным землям Вираты. Она соединяет два соседних государства, Альмиру и Прету, и позволяет Вирате контролировать торговлю между этими странами и неплохо на том зарабатывать. Во время и после Пятилетней войны торговля с Альмирой была прекращена, но за прошедшие годы восстановилась.

Даны — люди Искры.

Дар Смотрящего — образ из поучительной притчи, мифа о некоем жадном человеке. Он был очень богат, но постоянно просил еще и страшно боялся, что его золото украдут. Он так утомил бога судьбы своими причитаниями и мольбами, что Смотрящий-за-Дорогами выполнил желания человека, причем буквально: кожа скупердя покрылась крупной чешуей из чистого золота, на спине вырос золотой горб, голову покрыли золотые же пластины и гребни. Разумеется, носить на себе такую тяжесть человек не смог и скоро умер в собственной постели, задохнувшись. В некоторых вариантах легенды, правда, умер он не сам, а задушенный слугами или родственниками. Хоронили его тайно, тело после смерти было сильно обезображено, а в коллекциях некоторых богачей можно поныне обнаружить крупные золотые чешуйки — якобы те самые. А даром Смотрящего называют либо непосильную ношу, которая способна убить, либо кару, постигшую человека за его жадность.

Дарка — островное государство, отделенное от Вираты широким проливом. Собственно государству меньше века, раньше островитяне представляли собой десяток племен, разбросанных по нескольким островам разной величины. Раньше дарки жили только набегами и войной, потом их собрал под своей рукой единый правитель и изыскал другие источники доходов, вроде ловли жемчуга, рыбной ловли и разведения овец. Впрочем, оставлять традиционный промысел — пиратство и разбой — дарки не стремятся, хотя официально подобное порицается.

Деката — воинское подразделение, около двух сотен солдат.

Декатор — офицерское звание, командир декаты, часто начальник небольшого гарнизона какого-то малозначимого города или небольшой пограничной крепости.

Держащий-за-Руку — бог смерти. Представляется стариком со смешливыми добрыми глазами, босым и облаченным в длинное бесформенное одеяние.

Железные облака — в местных религиозных представлениях загробный мир, где каждый получает по заслугам Кто-то — блаженство, кто-то — кару, а кто-то в свой срок вновь отправляется на землю, чтобы прожить новую жизнь.

Жертвой Вечному Дитя часто называют кровь, которую проливает девушка, становясь женщиной. Поскольку боги не требуют от своей паствы воздержания, к невинности с чрезмерным трепетом не относятся даже в патриархальной Альмире, где она считается девичьей добродетелью; если девушка не сохраняет ее до свадьбы, из этого не делают большой трагедии. В Прете вовсе уверены, что жена должна уметь доставить удовольствие мужчине, поэтому при храмах Вечного Дитя юных девушек обучают искусству любви, и невинные девы ценятся здесь значительно меньше умелых и послушных молодых женщин. В Вирате же полагают наиболее правильным приносить жертву Вечному Дитя по любви, лучше всего взаимной, поскольку бог покровительствует этому чувству: это гарантирует опеку и благословение божества. Но совершенно не обязательно делать это именно в браке. В Дарке институт брака вообще не очень развит, и только жители Ладики отличаются в этом отношении от соседей. В стране господствует культ Вечного Дитя, однако образ его отличается от принятого повсеместно. Бога здесь считают гораздо более сдержанным, и такой культ совсем не мешает строгой местной морали, обязующей беречь невинность до брака, причем и юношей, и девушек. В стране, впрочем, имеется институт разводов, и к браку отношение гораздо проще, чем у соседей.

Идущая-с-Облаками — богиня жизни. Представляется молодой женщиной в расцвете сил, одетой в короткую тунику, с мечом у бедра и охотничьим соколом на руке.

Ладика — западный сосед Вираты. Жители Ладики — лакки.

Милия — крупное войсковое образование в Вирате, фактически армия со всеми закрепленными за ней объектами военного и гражданского назначения. Четыре первых милии расположены вдоль границ государства, пятая рассредоточена и располагается в центре страны, фактически выполняя роль внутренних войск и при необходимости — резерва. Шестой

милией называется флот, седьмую составляет городская стража всех крупных населенных пунктов Вираты. Подразделения седьмой милии также выполняют функции шпионажа и контрразведки, что, конечно, не афишируется. Восьмой милией граждане в шутку называют чиновников всех мастей за их многочисленность.

Милор — командующий милией, непосредственно подчиняется кесарю.

Немой-с-Лирой — бог — покровитель искусств. Представляется высоким статным мужчиной в красивых одеждах с закрытыми повязкой глазами. Он не слеп; напротив, взор его способен проникнуть в самую суть вещей. Именно потому он, лишившись голоса, добровольно закрыл глаза: когда всемогущество у него отобрали, посчитал, что слишком тяжело знать все, но не иметь возможности изменить.

Обжигающий Глину — создатель всего сущего, верховный бог пантеона. Благодаря ему горшечники и вообще люди, работающие с землей и глиной, пользуются особым уважением. Представляется мощным рослым мужчиной, на котором чаще всего из одежды есть только грубый кожаный фартук, но иногда бога все же облачают в штаны.

Облачные девы — спутницы Идущей-с-Облаками, возвышенные небесные создания, дочери облаков и ветра. Считается, что именно они приносят творцам вдохновение. По популярной версии являются дочерьми Идущей и Немого-с-Лирой, но жрецы обоих отрицают подобное.

Прета — восточный сосед Вираты, жаркая приморская страна, славящаяся вином, рыбой, серебряными украшениями и мореходами.

Пятилетняя война началась двадцать четыре года назад, в 1523 году с Сотворения мира, с того, что Альмира без объявления войны вторглась на территорию Вираты, своей меньшей соседки, надеясь установить контроль над богатыми золотом, серебром и железом горами северных провинций, а в идеале — полностью захватить соседку, пробившись таким образом к морю. Несмотря на изначальную расстановку сил, победу в войне одержала как раз Вирата в 1528 году.

Разделение времени — в незапамятные времена установившаяся традиция, по которой за каждым из богов закрепляется определенное время суток. Считается, что в это время конкретный бог сильнее всего и у людей больше шансов до него достучаться.

Сады Вечного — дома удовольствий, которые повсеместно содержатся при храмах Вечного Дитя, где жрицы и жрецы этого своеобразного божества за определенное пожертвование ублажают посетителей.

Смотрящий-за-Дорогами — бог судьбы. Представляется худощавым невысоким, чаще всего молодым мужчиной с рыжими волосами и хитрым взглядом.

Сольчаки — порода лошадей, выведенная в Соляной провинции Вираты для нужд кавалерии. Крупные, сильные, выносливые и неприхотливые, эти лошади очень распространены повсеместно.

Ступень — условный класс силы людей Искры и Железа, всего их девять для каждого направления силы. Схематически они изображаются как единая шкала с нулем в центре (люди без дара), от которой влево вверх по дуге уходят ступени Железа, вправо вниз — Искры.

Таната — войсковое формирование Вираты, часть милии. Обычно милия состоит из пяти-восьми танат, но седьмая милия, как самая рассредоточенная, состоит из шестнадцати танат, разделенных не по численности личного состава, а по территориальному признаку. К первой танате седьмой милии относится стража города Вира, а также большинство особых подразделений, задействованных во внутренней и внешней разведке и шпионаже.

Танатор — командующий танаты.

Таура, битва при Тауре. Одно из самых знаменитых сражений Пятилетней войны произошло весной 1526 года близ небольшой крепости, расположенной у места впадения одноименной реки в Дрогу, самую широкую и полноводную реку Вираты. Крепость перекрывала доступ к переправе, поэтому обходить ее альмирские войска не стали, надеясь взять с ходу. Но сражение длилось несколько дней и ознаменовало перелом в ходе войны. Войска агрессора потерпели первое серьезное поражение и отступили, а после этого вираны начали уверенно теснить врага.

Трока — украшение (и женское, и мужское), состоящее из подвески, спускающейся на лоб на цепочках, нитках бус или лентах, концами закрепленных в волосах на затылке. Изначально постоянно носилась только жрецами, имела обрядовое значение; простые смертные надевали троку в редких важных случаях, вроде обрядов бракосочетания или погребения. Тогда она состояла из железного или серебряного кружка, на который наносился рисунок многолучевой звезды или вставлялся прозрачный камень, хрусталь или бриллиант, позже — стекло. Трока символизировала человеческую душу, единство Железа и Искры, и служила для зрительного представления «взгляда души» (именно так слово переводится со старого языка) — единственного органа чувств, позволяющего постичь божественное. В традиционном воплощении она сохраняет свой смысл и поныне, но теперь этим словом называются все

украшения подобного рода.

Университет-на-Горе — одно из высших учебных заведений Вираты, самое старое и самое уважаемое из них. Состоит из обширного комплекса зданий, расположенных на достаточно невысокой горе в предместьях Вира. Символично, что гора эта носит название Туг, в переводе с божественного — «голова».

Фиры — люди Железа.

Хозяин Пашни — бог войны. Представляется молодым сильным мужчиной, половина лица и тела которого обезображены. Чаще всего его изображают одноруким.

Черная звезда — крупный ядовитый паук, обитающий в пустынях Преты.

Чернокровие — неизлечимое заболевание, иногда поражающее фиоров и — реже — данов. В период скрытого течения, который длится около луны, болезнь поначалу никак себя не проявляет, потом появляются слабость и ломота в суставах, которые порой сопровождаются легким жаром. Упадок сил касается и применения дара, больной быстро слабеет. Переход к последней стадии происходит скачкообразно, буквально за несколько минут. Больной погружается в глубокий сон, похожий на летаргический. Кровь его постепенно чернеет (что дало название болезни). По неизвестной людям причине Железо, дающее жизнь, необратимо изменяется, и вскоре наступает смерть (фактически эта болезнь является прямым воплощением проклятья «чтоб ты заржавел»: железо, содержащееся в организме, окисляется, прекращается нормальное кровоснабжение, наступает тяжелая гипоксия, которая в конечном итоге и приводит к смерти. — Авт.). Лекарства от болезни не существует, но при раннем обнаружении опытные даны-целители способны на пару лун оттянуть наступление последней фазы.

Шипы-и-Пряжа — официальное название венца кесаря. Достоверно неизвестно, какой смысл вкладывался в него при создании и почему он имеет такой странный вид, действительно напоминающий рыхлую пряжу с запутавшимися в ней длинными острыми шипами. По одной версии это символ объединения остроты оружия и мягких нитей дипломатических интриг. По другой — форма венца напоминает об опасности высокого титула для самого его обладателя и ответственности за чужие судьбы, которые кесарь создает, как пряжа творит свои нити. По третьей — первый кесарь (о котором, к слову, достоверных сведений не сохранилось вовсе) вообще создал его своими руками из первого попавшегося материала: грязного мотка пряжи, полного совсем даже не шипов, а просто овсяной

шелухи.